

**ВЕСТНИК КЕМЕРОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ**

**ЖУРНАЛ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ
И ПРИКЛАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

Журнал издается с 2006 года
Выходит 4 раза в год

№ 50/2020

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-40132 от 11.06.2010
Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

Учредитель, издатель

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования (ФГБОУ ВО) «Кемеровский государственный институт культуры»

Адрес учредителя, издателя
Кемеровская область, 650056, г. Кемерово,
ул. Ворошилова, 17.
Тел.: (3842)73-30-64. Факс: (3842)73-28-08
E-mail: priemnaya@kemguki.ru

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

А. В. Шунков, доктор филологических наук,
доцент

Ответственный секретарь

Л. Ю. Егле, кандидат культурологии, доцент

Технический редактор

О. В. Устимова

Редакторы: *Н. Ю. Мальцева,*
В. А. Шамарданов

Перевод *А. А. Щербинин*,
член Союза переводчиков России

Компьютерная верстка *М. Б. Сорокиной*
Дизайн *А. В. Сергеев*

Адрес редакции:
Кемеровская область, 650056, г. Кемерово,
ул. Ворошилова, 17.

Журнал «Вестник КемГУКИ»
Тел.: (3842)73-30-64. Факс: (3842)73-28-08
E-mail: vestnikkemguki@yandex.ru

Электронная версия журнала:
<http://vestnik.kemgik.ru>

ISSN 2078-1768

© ФГБОУ ВО «Кемеровский
государственный институт
культуры», 2020

**BULLETIN OF KEMEROVO STATE
UNIVERSITY
OF CULTURE AND ARTS**

**JOURNAL OF THEORETICAL
AND APPLIED RESEARCH**

Journal is published since 2006
Published quarterly

№ 50/2020

The Mass Media Registration Certificate
ПИ No. ФС77-40132 of 11.06.2010 by the Federal
Service for Supervision of Communications,
Information Technologies and Mass Media

Founder, publisher

Federal State-Funded Educational Institution
of Higher Education
(FSFEI HE) "Kemerovo State University
of Culture"

The address of the founder, Publisher
Kemerovo region, 650056, Kemerovo,
Voroshilov Str., 17.
Phone: (3842)73-30-64. Fax: (3842)73-28-08
E-mail: priemnaya@kemguki.ru

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

A.V. Shunkov, Dr of Philological Sciences,
Associate Professor

Administrative Secretary

L.Y. Egle, PhD in Culturology, Associate Professor

Technical editor

O.V. Ustimova

Editors *N.Y. Maltseva,*
V. A. Shamardanov

Translation *A.A. Sherbinin*,
member of the Union of Translators of Russia

Computer layout *M.B. Sorokina*
Design *A.V. Sergeyev*

Address of the Publisher:
Kemerovo region, 650056, Kemerovo,
Voroshilov Str., 17.
Journal "Bulletin of KemGUKI"
Phone: (3842)73-30-64. Fax: (3842)73-28-08
E-mail: vestnikkemguki@yandex.ru

Web Journal link:
<http://vestnik.kemgik.ru>

ISSN 2078-1768

© FSFEI HE "Kemerovo State
University of Culture", 2020

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА ЖУРНАЛА

Председатель совета:

Колин Константин Константинович, доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, действительный член Международной академии наук (Австрия), Российской академии естественных наук и Международной академии наук высшей школы, главный научный сотрудник Института проблем информатики Российской академии наук (г. Москва, РФ).

Члены совета:

Антипов Александр Геннадьевич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры литературы и русского языка, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ).

Астафьева Ольга Николаевна, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры ЮНЕСКО Института государственной службы и управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, директор Научно-образовательного центра «Гражданское общество и социальные коммуникации», член Российского философского общества, член Научно-образовательного культурологического общества, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (г. Москва, РФ).

Белозёрова Марина Витальевна, доктор исторических наук, доцент, главный научный сотрудник лаборатории этносоциальных проблем, Сочинский научно-исследовательский центр Российской академии наук (г. Сочи, РФ).

Быховская Ирина Марковна, доктор философских наук, профессор, профессор Института естествознания и спортивных технологий, Московский городской педагогический университет (г. Москва, РФ).

Влодарчик Эдвард, доктор исторических наук, профессор, ректор Щецинского университета (г. Щецин, Польша).

Гавров Сергей Назипович, доктор философских наук, профессор Российского нового университета, доцент Департамента политологии и массовых коммуникаций, Финансовый университет при правительстве Российской Федерации (г. Москва, РФ).

EDITORIAL COUNCIL OF THE JOURNAL

Department of the Editorial Council:

Kolin Konstantin Konstantinovich, Dr of Technical Sciences, Professor, Honorary Worker of Science of the Russian Federation, Acting Member of the International Academy of Sciences (Austria), Russian Academy of Natural Sciences and International Higher Education Academy of Sciences, Senior Research Fellow of the Institute of Informatics Problems of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation).

Members of the Editorial Council:

Antipov Aleksandr Gennadyevich, Dr of Philological Sciences, Professor, Professor of Department of Literature and the Russian Language, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation).

Astafyeva Olga Nikolaevna, Dr of Philosophical Sciences, Professor, Professor of the UNESCO Department of Institute of Public Administration and Civil Service, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Director of the Center "Civic Society and Social Communications," Member of the Russian Philosophic Society, and Scientific Education Culturologic Society, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation).

Belozerova Marina Vitalyevna, Dr of Historical Sciences, Associate Professor, Sr Researcher of Laboratory of Ethno-social Problems, Sochi Scientific Research Center of the Russian Academy of Sciences (Sochi, Russian Federation).

Bykhovskaya Irina Markovna, Dr of Philosophical Sciences, Professor, Professor of Institute of Natural Sciences and Sports Technologies, Moscow City University (Moscow, Russian Federation).

Wlodarczyk Edward, Dr of Historical Sciences, Professor, Rector of the Szczecin University (Szczecin, Poland).

Gavrov Sergey Nazipovich, Dr of Philosophical Sciences, Professor of Russian New University, Associate Professor of the Department of Political Science and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation).

Донских Олег Альбертович, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии, Новосибирский государственный университет экономики и управления (г. Новосибирск, РФ).

Игумнова Наталия Петровна, доктор педагогических наук, главный научный сотрудник Российской государственной библиотеки, член Российской Академии Естествознания, действительный член и член Президиума Отделения библиотекосведения Международной академии информатизации, заслуженный работник культуры Российской Федерации (г. Москва, РФ).

Иконникова Светлана Николаевна, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теории и истории культуры, Санкт-Петербургский государственный институт культуры, заслуженный деятель науки Российской Федерации, академик Российской академии естественных наук, Международной академии информатизации, Международной академии наук высшей школы (г. Санкт-Петербург, РФ).

Кинелев Владимир Георгиевич, доктор технических наук, профессор, заведующий кафедрой ЮНЕСКО, Российский новый университет, академик Российской академии образования, действительный член Российской инженерной академии, академик Академии естественных наук Российской Федерации, почетный академик Международной академии науки, образования и технологий (Германия), академик Российской академии наук (г. Москва, РФ).

Литерска Барбара, доктор гуманитарных наук в области искусствосведения, профессор института музыки факультета искусств, Зеленогурский университет (г. Зелена Гура, Польша).

Луков Валерий Андреевич, доктор философских наук, профессор, директор Центра социального проектирования и тезаурусных концепций Института фундаментальных и прикладных исследований, Московский гуманитарный университет, академик-секретарь Отделения гуманитарных наук Русской секции Международной академии наук, вице-президент Русского отделения Международной академии наук, вице-президент Международной академии наук (Австрия), академик Международной академии наук педагогического образования, почетный работник высшего профессионального образования, заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Москва, РФ).

Donskikh Oleg Albertovich, Dr of Philosophical Sciences, Professor, Department Chair of Philosophy, Novosibirsk State University of Economics and Management (Novosibirsk, Russian Federation).

Igumnova Nataliya Petrovna, Dr of Pedagogical Sciences, Senior Resercher of the Russian State Library, Member of the Russian Academy of Natural History, Acting Member and Member of Presidium of the Library Science Department International Informatization Academy, Honorary Worker of Culture of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation).

Ikonnikova Svetlana Nikolaevna, Dr of Philosophical Sciences, Professor, Professor of the Department of Theory and History of Culture, St. Petersburg State University of Culture, Honorary Worker of Science of the Russian Federation, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, International Informatization Academy, International Higher Education Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation).

Kinelev Vladimir Georgievich, Dr of Technical Sciences, Professor, Department Chair of UNESCO, Russian New University, Academician of the Russian Academy of Education, Acting Member of the Russian Academy of Engineering, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Honorary Academician of International Academy of Science, Education and Technologies (Germany), Academician of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation).

Literska Barbara, Dr of Humanitarian Sciences in Art History, Professor of the Institute of Music of the Faculty of Arts, University of Zielona Góra (Zielona Góra, Poland).

Lukov Valeriy Andreevich, Dr of Philosophical Sciences, Professor, Director of the Center for Social Design and Thesaurus Concepts of the Institute of Fundamental and Applied Research of Moscow University for the Humanities, Academician-secretary of Humanitary Sciences Section of Russian Department of the International Academy of Sciences, Vice-president of Russian Department of the International Academy of Sciences, Vice-president of the International Academy of Sciences (Austria), Academician of International Teacher's Training Academy of Science, Honorary Worker of Higher Professional Education, Honorary Worker of Science of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation).

Мазур Петр, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой педагогики, Высшая государственная профессиональная школа в Хелме (г. Хелм, Польша).

Малыгина Ирина Викторовна, доктор философских наук, заведующий кафедрой мировой культуры, Московский государственный лингвистический институт (г. Москва, РФ).

Разлогов Кирилл Эмильевич, доктор искусствоведения, профессор, Всероссийский государственный университет кинематографии имени С. А. Герасимова, заслуженный деятель искусств Российской Федерации, почетный член Бразильской академии философии, член Научного совета Российской академии наук по комплексной проблеме «История мировой культуры», руководитель комиссии Научного совета Российской академии наук по изучению и охране культурного и природного наследия, академик Российской академии естественных наук, академик-секретарь Национальной академии кинематографических искусств и наук России (г. Москва, РФ).

Садовой Александр Николаевич, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, заведующий лабораторией этносоциальных проблем, Сочинский научно-исследовательский центр Российской академии наук (г. Сочи, РФ).

Смолянинова Ольга Георгиевна, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой информационных технологий обучения и непрерывного образования, директор Института педагогики, психологии и социологии, Сибирский федеральный университет, член-корреспондент Российской академии образования (г. Красноярск, РФ).

Сунь Юйхуа, доктор педагогических наук, профессор, ректор Даляньского университета иностранных языков (г. Далянь, КНР).

Тер-Минасова Светлана Григорьевна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории преподавания иностранных языков, президент факультета иностранных языков и регионоведения, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (г. Москва, РФ), лауреат премий Фулбрайта и имени М. В. Ломоносова, почетный доктор Бирмингемского университета (Великобритания) и Нью-Йоркского университета (США).

Mazur Pyotr, Dr of Pedagogical Sciences, Professor, Department Chair of Pedagogy, State School of Higher Education in Chelm (Chelm, Poland).

Malygina Irina Viktorovna, Dr of Philosophical Sciences, Professor, Department Chair of World Culture, Moscow State Linguistic University (Moscow, Russian Federation).

Razlogov Kirill Emilyevich, Dr of Art History, Professor, Russian State University of Cinematography named after S. Gerasimov, Honorary Worker of Arts of the Russian Federation, Honorary Member of the Brazilian Academy of Philosophy, Member of Scientific Council of the Russian Academy of Sciences on Complex Problem "History of World Culture," Head of the Commission of Scientific Council Russian Academy of Sciences for Studying and Protection of Cultural and Natural Heritage, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Academician-secretary of the National Academy of Picture Arts and Sciences of Russia (Moscow, Russian Federation).

Sadovoy Aleksandr Nikolaevich, Dr of Historical Sciences, Professor, Sr Researcher, Head of Laboratory of Ethno-social Problems, Sochi Research Center of the Russian Academy of Sciences (Sochi, Russian Federation).

Smolyaninova Olga Georgievna, Dr of Pedagogical Sciences, Professor, Department Chair of Information Technology Study and Continuing Education, Director of Institute of Education, Psychology and Sociology, Siberian Federal University, Corresponding Member of the Russian Academy of Education (Krasnoyarsk, Russian Federation).

Sun Yuhua, Dr of Pedagogical Sciences, Professor, Rector of Dalian University of Foreign Languages (Dalian, China).

Ter-Minasova Svetlana Grigoryevna, Dr of Philological Sciences, Professor, Department Chair of Theory of Teaching the Foreign Languages, President of Foreign Languages and Regional Study Faculty, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation), Winner of Fulbright and Lomonosov Awards, Honorary Doctor of University of Birmingham (UK) and New York University (USA).

Ужанков Александр Николаевич, доктор филологических наук, кандидат культурологии, профессор, проректор по научной деятельности, заведующий кафедрой литературы, Московский государственный институт культуры, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, действительный член Академии Российской словесности, член Научного совета Российской академии наук по изучению и охране культурного и природного наследия, член Общественного совета и Совета по науке при Министерстве культуры Российской Федерации (г. Москва, РФ).

Урсул Аркадий Дмитриевич, доктор философских наук, профессор, профессор факультета глобальных процессов, директор Центра глобальных исследований, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, академик Международной академии наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации, академик Академии наук Молдавии, президент Международной академии ноосферы (устойчивого развития), почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (г. Москва, РФ).

Хесус Лау, доктор философии, профессор, председатель Секции информационной грамотности Международной федерации библиотечных ассоциаций и учреждений (ИФЛА), директор Исследовательского центра Университета Веракруза (г. Халапа, Мексика).

Чжао Цзиминь, профессор, Чанчуньский государственный педагогический университет (г. Чанчунь, КНР).

Uzhankov Aleksandr Nikolaevich, Dr of Philological Sciences, PhD in Culturology, Professor, Vice-rector for Research, Department Chair of Literature, Moscow State Institute of Culture, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Acting Member of Academy of Russian Literary Word, Member of of Scientific Council Russian Academy of Sciences for Studying and Protection of Cultural and Natural Heritage, Member of the Public Council and Council for Science of the Ministry of Culture of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation).

Ursul Arkadiy Dmitrievich, Dr of Philosophical Sciences, Professor, Professor of the Faculty of Global Processes, Head of the Center for Global Studies, Lomonosov Moscow State University, Academician of the International Academy of Sciences, Honorary Worker of Science of the Russian Federation, Academician of Academy of Sciences of Moldova, President of International Academy of Noosphere (Sustainable Development), Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation).

Jesús Lau, Dr of Philosophical Sciences, Professor, Head of the Section of Information Literacy of the International Federation of Library Associations and Institutions (IFLA), Director of Research Center, University of Veracruz (Xalapa, Mexico).

Zhao Jimin, Professor, Changchun State Pedagogical University (Changchun, China).

СОСТАВ НАУЧНОЙ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА

Научные редакторы разделов

Раздел «Культурология»

Казаков Евгений Федорович, доктор культурологии, профессор, профессор кафедры философии, Кемеровский государственный университет (г. Кемерово, РФ).

Кимеева Татьяна Ивановна, кандидат культурологии, доцент, доцент кафедры музейного дела, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ).

Красиков Владимир Иванович, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Центра научных исследований, Всероссийский государственный университет юстиции Министерства юстиции РФ (РПА Минюста России), член-корреспондент Российской Академии Естествознания (г. Москва, РФ).

Лесовиченко Андрей Михайлович, доктор культурологии, кандидат искусствоведения, профессор, профессор кафедры народной художественной культуры и музыкального образования, Новосибирский государственный педагогический университет (г. Новосибирск, РФ).

Марков Виктор Иванович, доктор культурологии, кандидат философских наук, профессор, профессор кафедры культурологии, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ).

Мартынов Анатолий Иванович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры музейного дела, Кемеровский государственный институт культуры, академик Российской академии естественных наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Кемерово, РФ).

Миненко Геннадий Николаевич, доктор культурологии, профессор, профессор кафедры культурологии, Кемеровский государственный институт культуры, член-корреспондент Петровской академии наук и искусств, член Международной славянской академии наук, образования, искусств и культуры (г. Кемерово, РФ).

Полякова Елена Александровна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры

SCIENTIFIC EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL

Scientific Editors of Sections

Section of Culturology

Kazakov Evgeniy Fedorovich, Dr of Culturology, Professor, Professor of Department of Philosophy, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation).

Kimeeva Tatyana Ivanovna, PhD in Culturology, Associate Professor, Associate Professor of Department of Museum Sciences, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation).

Krasikov Vladimir Ivanovich, Dr of Philosophical Sciences, Professor, Chief Researcher Research Centre Russian, State University Justice Ministry of Justice (RPA Russian Ministry of Justice), Corresponding Member of the Russian Academy of Natural History (Moscow, Russian Federation).

Lesovichenko Andrey Mikhaylovich, Dr of Culturology, PhD in Art History, Professor, Professor of Department of Folk Art Culture and Music Education, Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation).

Markov Viktor Ivanovich, Dr of Culturology, PhD in Philosophy, Professor, Professor of Department of Culturology, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation).

Martynov Anatoliy Ivanovich, Dr of Historical Sciences, Professor, Professor of Department of Museum Sciences, Kemerovo State University of Culture, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Honorary Worker of Science of the Russian Federation (Kemerovo, Russian Federation).

Minenko Gennadiy Nikolaevich, Dr of Culturology, Professor, Professor of Department of Culturology, Kemerovo State University of Culture, Corresponding Member of Petrovskiy Academy of Sciences and Arts, Member of International Slavic Academy of Sciences, Education, Arts and Culture (Kemerovo, Russian Federation).

Polyakova Elena Aleksandrovna, Dr of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of

истории и философии, Барнаульский юридический институт МВД России; профессор кафедры музеологии и туризма, Алтайский государственный институт культуры (г. Барнаул, РФ).

Раздел «Искусствоведение»

Бородин Борис Борисович, доктор искусствоведения, профессор, заведующий кафедрой истории и теории исполнительского искусства, Уральская государственная консерватория имени М. П. Мусоргского, член Союза композиторов России (г. Екатеринбург, РФ).

Иванов Владислав Васильевич, доктор искусствоведения, заведующий сектором театра, Государственный институт искусствознания (г. Москва, РФ).

Москалюк Марина Валентиновна, доктор искусствоведения, профессор, профессор кафедры музыкально-художественного образования, Красноярский государственный педагогический университет имени В. П. Астафьева, ректор Сибирского государственного института искусств имени Дмитрия Хворостовского (г. Красноярск, РФ).

Некрасова Инна Анатольевна, доктор искусствоведения, доцент, профессор кафедры зарубежного искусства, Российский государственный институт сценических искусств (г. Санкт-Петербург, РФ).

Нехвядович Лариса Ивановна, доктор искусствоведения, доцент, заведующий кафедрой культурологии и дизайна, декан факультета искусств и дизайна, Алтайский государственный университет (г. Барнаул, РФ).

Проконова Наталья Леонидовна, доктор культурологии, кандидат искусствоведения, доцент, профессор кафедры театрального искусства, декан факультета режиссуры и актерского искусства, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ).

Синельникова Ольга Владимировна, доктор искусствоведения, доцент, профессор кафедры музыковедения и музыкально-прикладного искусства, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ).

Умнова Ирина Геннадьевна, доктор искусствоведения, доцент, профессор кафедры музыковедения и музыкально-прикладного искусства, Кемеровский государственный институт культу-

Department of History and Philosophy, Barnaul Law Institute of Ministry of Internal Affairs of Russia; Professor of Department of Museology and Tourism, Altai State Institute of Culture (Barnaul, Russian Federation).

Section of Art History

Borodin Boris Borisovich, Dr of Art History, Professor, Department Chair of History and Theory of Performing Arts, Ural State Mussorgsky's Conservatoire, Member of Union Composers of Russia (Yekaterinburg, Russian Federation).

Ivanov Vladislav Vasilievich, Dr of Art History, Head of the Theater Sector, State Institute for Art Studies (Moscow, Russian Federation).

Moskalyuk Marina Valentinovna, Dr of Art History, Professor, Professor of Department of Music and Art Education, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev, Rector of Dmitri Hvorostovsky Siberian State Academy of Arts (Krasnoyarsk, Russian Federation).

Nekrasova Inna Anatolyevna, Dr of Art History, Associate Professor, Professor of Department of Foreign Art, Russian State Institute of Performing Arts (St. Petersburg, Russian Federation).

Nekhyadovich Larisa Ivanovna, Dr of Art History, Associate Professor, Department Chair of Culturology and Design, Dean of Faculty of Arts and Design, Altai State University (Barnaul, Russian Federation).

Prokopova Natalya Leonidovna, Dr of Culturology, PhD in Art History, Associate Professor, Professor of Department of Theatre Arts, Dean of Faculty of Directing and Acting Arts, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation).

Sinelnikova Olga Vladimirovna, Dr of Art History, Associate Professor, Professor of Department of Musicology and Applied Musical Arts, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation).

Umnova Irina Gennadyevna, Dr of Art History, Associate Professor, Professor of Department of Musicology and Applied Musical Arts, Kemerovo State University of Culture, Corresponding Member

ры, член-корреспондент Российской Академии Естествознания, член Союза композиторов России (г. Кемерово, РФ).

Усанова Алла Леонидовна, доктор искусствоведения, доцент, профессор кафедры культурологии и дизайна, Алтайский государственный университет (г. Барнаул, РФ).

Учитель Константин Александрович, доктор искусствоведения, профессор кафедры продюсерства в области исполнительских искусств, Российский государственный институт сценических искусств, член Союза композиторов России, член Союза театральных деятелей Российской Федерации (г. Санкт-Петербург, РФ).

Раздел «Педагогические науки»

Гендина Наталья Ивановна, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры технологии автоматизированной обработки информации, эксперт НИИ информационных технологий социальной сферы, Кемеровский государственный институт культуры, академик Международной академии наук высшей школы, заслуженный деятель науки Российской Федерации, член Постоянного комитета IFLA по информационной грамотности, эксперт ЮНЕСКО по проблемам разработки индикаторов медиа- и информационной грамотности (г. Кемерово, РФ).

Дочкин Сергей Александрович, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры государственного и муниципального управления, Кузбасский государственный технический университет имени Т. Ф. Горбачёва (г. Кемерово, РФ).

Заруба Наталья Андреевна, доктор социологических наук, кандидат педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики и психологии, Кемеровский государственный институт культуры, академик Академии педагогических и социальных наук, заслуженный учитель Российской Федерации (г. Кемерово, РФ).

Костюк Наталья Васильевна, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики и психологии, Кемеровский государственный институт культуры, член-корреспондент Академии педагогических и социальных наук (г. Кемерово, РФ).

Панина Татьяна Семеновна, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры государственного и муниципального управления, директор института дополнительного профессио-

of the Russian Academy of Natural History, Member of Union Composers of Russia (Kemerovo, Russian Federation).

Usanova Alla Leonidovna, Dr of Arts, Associate Professor, Professor of Department of Culturology and Design, Altai State University (Barnaul, Russian Federation).

Uchitel Konstantin Aleksandrovich, Dr of Art History, Professor of Department of Production in the Field of Performing Arts, Russian State Institute of Performing Arts, Member of Union Composers of Russia, Member of the Theatre Union of the Russian Federation (St. Petersburg, Russian Federation).

Section of Pedagogical Sciences

Gendina Natalya Ivanovna, Dr of Pedagogical Sciences, Professor, Professor of Department of Technology of Automated Information Processing, Expert of R&D Institute of Information Technologies in Social Sphere, Kemerovo State University of Culture, Academician of the International Higher Education Academy of Sciences, Honorary Worker of Science of the Russian Federation, Member of the IFLA Standing Committee on Information Literacy, UNESCO Expert on Development of Indicators of Media and Information Literacy (Kemerovo, Russian Federation).

Dochkin Sergey Aleksandrovich, Dr of Pedagogical Sciences, Professor, Professor of Department of State and Municipal Management, T.F. Gorbachev Kuzbass State Technical University (Kemerovo, Russian Federation).

Zaruba Natalya Andreevna, Dr of Sociological Sciences, PhD in Pedagogy, Professor, Professor of Department of Pedagogy and Psychology, Kemerovo State University of Culture, Academician of Academy of Pedagogical and Social Sciences, Honorary Teacher of the Russian Federation (Kemerovo, Russian Federation).

Kostyuk Natalya Vasilyevna, Dr of Pedagogical Sciences, Professor, Professor of Department of Pedagogy and Psychology, Kemerovo State University of Culture, Corresponding Member of Academy of Pedagogical and Social Sciences (Kemerovo, Russian Federation).

Panina Tatyana Semyenovna, Dr of Pedagogical Sciences, Professor, Professor of Department of State and Municipal Management, Director of Institute for Continuing Professional Education,

нального образования, Кузбасский государственный технический университет имени Т. Ф. Горбачёва, заслуженный учитель Российской Федерации, действительный член Академии педагогических и социальных наук (г. Кемерово, РФ).

Пилко Ирина Семеновна, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры технологии документальных коммуникаций, Кемеровский государственный институт культуры, член Совета Российской библиотечной ассоциации (г. Кемерово, РФ).

Пономарёв Валерий Дмитриевич, доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры режиссуры театрализованных представлений и праздников, проректор по научной и творческой деятельности, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ).

Редлих Сергей Михайлович, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики и психологии, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ).

Чурекова Татьяна Михайловна, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики и психологии, и. о. заведующего кафедрой педагогики и психологии, Кемеровский государственный институт культуры, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации (г. Кемерово, РФ).

Юдина Анна Ивановна, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры управления и экономики социально-культурной сферы, декан факультета социально-культурных технологий, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ).

Ярошенко Николай Николаевич, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой социально-культурной деятельности, Московский государственный институт культуры (г. Москва, РФ).

T.F. Gorbachev Kuzbass State Technical University, Honorary Teacher of the Russian Federation, Member of Academy of Pedagogical and Social Sciences (Kemerovo, Russian Federation).

Pilko Irina Semyenovna, Dr of Pedagogical Sciences, Professor, Professor of Department of Documentary Communications Technologies, Kemerovo State University of Culture, Member of Council of the Russian Library Association (Kemerovo, Russian Federation).

Ponomarev Valeriy Dmitrievich, Dr of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Professor of Department of Directing Theatrical Performances and Festivals, Vice-rector for Scientific Research and Creative Activities, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation).

Redlikh Sergey Mikhaylovich, Dr of Pedagogical Sciences, Professor, Professor of Department of Pedagogy and Psychology, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation).

Churekova Tatyana Mikhaylovna, Dr of Pedagogical Sciences, Professor, Professor of Department of Pedagogy and Psychology, Acting Head of Department of Pedagogy and Psychology, Kemerovo State University of Culture, Honorary Worker of Higher Education of the Russian Federation (Kemerovo, Russian Federation).

Yudina Anna Ivanovna, Dr of Pedagogical Sciences, Professor, Professor of Department Management and Economics of Sociocultural Sphere, Dean of the Faculty of Sociocultural Technologies, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation).

Yaroshenko Nikolay Nikolaevich, Dr of Pedagogical Sciences, Professor, Department Chair of Sociocultural Activity, Moscow State University of Culture (Moscow, Russian Federation).

СОДЕРЖАНИЕ

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Мастеница Е. Н. Актуализация культурного наследия в музее: вызовы современности.....	14
Перова Е. Ю., Цыремпилова И. С. Роль вуза культуры в сохранении этнокультурного многообразия региона.....	22
Сапанжа О. С. Советский Союз – Китай: к вопросу представления всемирной истории в пространстве повседневной культуры.....	29
Мишакова О. Э. Музейное дело и музейное образование в Бурятии: парадигмы развития.....	37
Феофанова О. А., Мамонова К. В. Новая экспозиция Отдела природы Кемеровского областного краеведческого музея.....	44
Ларина Т. Ю. Реконструкция и трансляция технологий традиционной вышивки старожилов и переселенцев Алтайского края музейными средствами.....	52
Плеханова В. А. К вопросу об использовании нелинейных форм в современных российских жилых интерьерах.....	60
Стенюшкина Т. С. Народно-певческое исполнительство в структуре современной хоровой культуры.....	73
Попова А. В., Лопаткина Т. С. Китайские традиционные игры: понятие, происхождение и культурное значение.....	79
Аракелян М. А. Социокультурный диалог цивилизаций XXI века: векторы и современные процессы.....	87
Тюленева Н. И. Междисциплинарный подход в определении сущности культуроохранных технологий социально-культурной деятельности.....	93

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Кирнарская Д. К. Исследование аналитического слуха в структуре музыкальной одаренности.....	101
Кирнарская Д. К. Исследование интонационного слуха в структуре музыкальной одаренности...	106
Киреева Н. Ю. Музыкально-театральное творчество и развитие личности: экологический подход.....	111
Семиониди Е. И. Музыкальная трактовка образа графа Томского в опере П. И. Чайковского «Пиковая дама».....	118
Стоянович Д., Петров Н. Н. Отражение монограммы Христа и христианства в музыке.....	126
Усанова А. Л., Кирюшина Ю. В. Художественные традиции домашнего рукоделия в бытовом интерьере XIX–XX веков.....	137
Безрукова Е. А., Дрозд А. Н., Черданцева А. А., Астахов О. Ю. Факторы становления и развития художественной критики в отечественном изобразительном искусстве XIX–XX веков.....	142

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Заруба Н. А. О концепции подготовки специалистов, компетентных в сфере инноваций.....	151
Чурекова Т. М., Немчинова Л. С. К вопросу о профессиональной подготовке педагогов дошкольного образования в условиях модернизации образовательной системы.....	163
Сергеева А. А. Поморское искусство как этнопедагогический феномен.....	171
Лазарева М. В. Педагогические условия развития мотивации студентов вузов культуры на непрерывное образование.....	177
Гендина Н. И., Колкова Н. И., Рябцева Л. Н. Цифровизация в сфере культуры: сущность, нормативно-правовое регулирование, приоритетные направления совершенствования кадрового обеспечения.....	183
Стародубова Г. А., Косолапова Е. В. Квест как средство организации контроля и проверки знаний студентов в сфере медийно-информационной грамотности и информационной культуры.....	197
Голубева Е. А., Смагина М. В. Использование потенциала электронных библиотечных систем в образовательной деятельности вуза.....	211
Покровская Н. В., Шаламова Е. В. Летняя практика для студентов 1–5-х курсов по специальности «Графика» как источник раскрытия творческого потенциала обучающихся.....	219
Петров Н. Н., Стоянович Д., Илич Д. Цель и задачи теоретических курсов в академической учебной программе факультета искусств в Нише.....	230
Ткаченко Л. А., Ткаченко А. В., Мхитарян Г. Ю., Привалова Г. Ф. Художественный образ как основа проектно-художественной деятельности в области декоративно-прикладного искусства.....	237
Трапезникова О. А., Благоевич Н., Илич В. Компьютерные программы по обучению русскому языку как иностранному (из опыта работы в инославянской аудитории).....	245
Лукьянова Н. А., Кравчук Т. А. Экскурсия с элементами инновации как перспективная форма организации культурно-досуговой деятельности молодежи.....	253
Алфавитный указатель авторов.....	260

CONTENTS

CULTUROLOGY

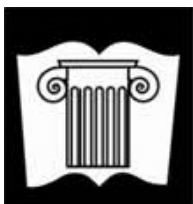
Mastenitsa E.N. Actualization of Cultural Heritage at the Museum: Modern Challenges.....	14
Perova E.Y., Tsyrempilova I.S. Role of the Institute of Culture in Conservation of Ethnocultural Variety in the Region.....	22
Sapanzha O.S. The Soviet Union – China: to World History Presentation in Everyday Cultural Space...	29
Mishakova O.E. Museum Business and Museum Education in Buryatia: Paradigms of Development....	37
Feofanova O.A., Mamonova K.V. A New Exposition of the Nature Department in Kemerovo Regional Museum of Local History.....	44
Larina T.Y. Reconstruction and Spreading the Traditional Embroidery's Technologies of Old-Timers and Immigrants of Altai Region by Museum Facilities.....	52
Plekhanova V.A. To the Question of the Use of Nonlinear Forms in Modern Russian Residential Interiors.....	60
Stenyushkina T.S. Folk Singing Performance in the Structure of Modern Choral Culture.....	73
Popova A.V., Lopatkina T.S. Chinese Traditional Games: the Definition, Origins and Cultural Value.....	79
Arakelyan M.A. Socio-cultural Dialogue of Civilizations of the 21st Century: Vectors and Modern Processes.....	87
Tyuleneva N.I. Interdisciplinary Approach in Determining the Essence of Culture-protective Technologies of Socio-cultural Activities.....	93

ART HISTORY

Kirnarskaya D.K. Research of Analytical Hearing in the Structure of Music Giftedness.....	101
Kirnarskaya D.K. Research of Intonational Hearing in the Structure of Music Giftedness.....	106
Kireeva N.Y. Theatre Music and the Development of Personality: Ecological Approach.....	111
Semionidi E.I. Musical Interpretation of the Image of Earl Tomsy in Opera “The Queen of Spades” by P.I. Tchaikovsky.....	118
Stojanovic D., Petrov N.N. Reflection of Christ's Monogram and Christianity in Music.....	126
Usanova A.L., Kiryushina Y.V. Home Handicraft Art Traditions of Middle-brow Interior of the 19 th and 20 th Centuries.....	137
Bezrukova E.A., Drozd A.N., Cherdantseva A.A., Astakhov O.Y. Factors of Forming and Developing the Art Criticism in Russian fine Arts of the 19 th - 20 th Centuries.....	142

PEDAGOGICAL SCIENCES

Zaruba N.A. On the Concept of Training the Specialists Competent in the Field of Innovation.....	151
Churekova T.M., Nemchinova L.S. To the Question of Professional Training the Preschool Education Teachers in the Conditions of Modernization of the Educational System.....	163
Sergeeva A.A. Pomeranian Art as the Ethnopedagogical Phenomenon.....	171
Lazareva M.V. Pedagogical Conditions for Development of Motivation of Students of Universities of Culture for Lifelong Education.....	177
Gendina N.I., Kolkova N.I., Ryabtseva L.N. Digitalization in the Sphere of Culture: Essence, Regulatory Regulation, Priority Directions of Improvement of Human Resources.....	183
Starodubova G.A., Kosolapova E.V. Quest as a Means of Organizing Control and Verification of Students' Knowledge in the Field of Media and Information Literacy and Information Culture.....	197
Golubeva E.A., Smagina M.V. Using the Potential of Electronic Library Systems in the Educational Activities of Universities.....	211
Pokrovskaya N.V., Shalamova E.V. Summer Practice for Students of 1-5 th Courses on the Specialty "Graphics" as a Source of Disclosure of The Creative Potential of a Student's.....	219
Petrov N.N., Stojanovic D., Ilic D. The Role and Purposes of the Theory Courses in the Academic Curricula of the Faculty of Arts in Nis.....	230
Tkachenko L.A., Tkachenko A.V., Mkhitarian G.Y., Privalova G.F. Artistic Image as the Basis of Designing the Projects in Decorative Art.....	237
Trapeznikova O.A., Blagojevic N., Ilic V. Training Computer Programs in Teaching the Russian Language as a Foreign (from Teaching Experience in Second Slavic Audience).....	245
Lukyanova N.A., Kravchuk T.A. Excursion with Elements of Innovation as a Perspective Form of Organization of Cultural and Leisure Activities of Youth.....	253
List of Authors in Alphabetical Order.....	260

КУЛЬТУРОЛОГИЯ CULTUROLOGY

УДК 069.1:001.895

АКТУАЛИЗАЦИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В МУЗЕЕ: ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ

Мастеница Елена Николаевна, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой музеологии и культурного наследия, Санкт-Петербургский государственный институт культуры (г. Санкт-Петербург, РФ). E-mail: elenamast@yandex.ru

Актуальность заявленной темы предопределена современной социокультурной ситуацией, которая характеризуется утверждением гедонистической модели культуры, интенсивным развитием постиндустриального общества. В условиях культуры постмодерна музеи переживают глубокие трансформации как институциональных форм, так и всех направлений своей деятельности. Динамично развивающаяся музеология должна реагировать на новейшие музейные изменения в пространстве культуры, обусловленные разноплановыми вызовами современности. Смена культурной и музейной парадигм влечет за собой необходимость поиска методологических оснований актуализации культурного наследия в музее, что является целью обращения автора к рассмотрению теоретических представлений в области актуализации культурного наследия, а том числе к уточнению трактовки самого понятия «актуализация». На примере анализа понятийного и концептуального аспектов городской музеологии и музеев истории города делается вывод том, что современный методологический базис музейного освоения наследия должен включать в себя антропологию места и времени, а при разработке стратегий и технологий актуализации культурного наследия в музее следует учитывать антропологический поворот социогуманитарного знания. Из-за присущих культуре постмодерна и постиндустриальному обществу черт дегуманизации особую значимость приобретает обоснованный в трудах М. М. Бахтина диалогический подход, а также гуманистические концепции экологии культуры и человека. Их комбинация позволяет выработать объективные критерии оценивания социокультурных практик и форм взаимодействия с культурным наследием. Проводится их противопоставление количественным показателям эффективности культурных институций и культурных практик, в том числе туризма, сформированным с помощью маркетинговых технологий создания культурных продуктов. На основании критики консьюмеризма как стиля и цели приобщения к культурному наследию делается вывод о том, что массовая культура является не столько вызовом, сколько объективной реальностью и одновременно деформирующим фактором, которому способна и призвана противостоять построенная на диалоге гуманистическая интерпретация культурного наследия в музее.

Ключевые слова: музей, культурное наследие, интерпретация, диалогический подход, массовая культура, консьюмеризм.

ACTUALIZATION OF CULTURAL HERITAGE AT THE MUSEUM: MODERN CHALLENGES

Mastenitsa Elena Nikolaevna, PhD in History, Associate Professor, Department Chair of Museology and Cultural Heritage, St. Petersburg State Institute of Culture (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: elenamast@yandex.ru

The relevance of the declared topic is predetermined by the current social and cultural situation, which is characterized by the approval of the hedonistic model of culture and intensive development of post-industrial

society. In postmodern culture, museums are undergoing the profound transformations of institutional forms and all areas of their activity. The dynamically developing museology must respond to the latest museum changes in the cultural space due to the diverse challenges of modernity. A change in the cultural and museum paradigms entails the need to search for methodological foundations for cultural heritage actualization in the museum. That is the purpose of the author's appeal to consider theoretical ideas in the field of actualization cultural heritage, including clarifying the interpretation of the very concept of "actualization." Based on an analysis of the conceptual aspects of urban museology and city history museums, it is concluded that the modern methodological basis of museum heritage development should include the anthropology of place and time, and when developing strategies and technologies for actualization cultural heritage in a museum, the anthropological turn of humanitarian knowledge should be taken into account. Inherent in the culture of postmodernism and postindustrial society, the features of dehumanization attach particular importance to the justified in M.M. Bakhtin works' dialogical approach and humanistic concepts of the ecology of culture and man. Their combination allows us to develop objective criteria for assessing sociocultural practices and forms of interaction with cultural heritage. They are contrasted with quantitative indicators of the effectiveness of cultural institutions and cultural practices, including tourism, formed using marketing technologies for creating cultural products. Based on the criticism of consumerism as a style and purpose of familiarizing oneself with cultural heritage, it is concluded that mass culture is not so much a challenge as an objective reality and at the same time a deforming factor, which can and should be resisted by the humanistic interpretation of cultural heritage built on dialogue in the Museum.

Keywords: museum, cultural heritage, interpretation, dialogical approach, mass culture, consumerism.

DOI: 10.31773/2078-1768-2020-50-14-22

Миссией музея, как и прежде, считается преданность общему благу и неизменная приверженность социальной идее, основанной на гуманистической этике.

Томислав Шола

В современном социогуманитарном знании происходит качественное изменение эпистемологических границ толкования понятия культурного наследия, что, соответственно, влечет за собой потребность изучения как традиционно сложившегося корпуса объектов культурного наследия, так и новых способов и форм его презентации. В проблемное поле культурологии и музеологии оказались включены не только традиционные коллекционные музеи, музеи под открытым небом, экомuzeи, но и довольно большой спектр учреждений музейного типа, немусеефицированные объекты материальной и нематериальной культуры, культурные ландшафты. Обращение к прошлому характерно для каждого переходного

исторического периода, отмеченного культурным переломом. В изменившихся общественно-политических условиях конца XX – начала XXI века стал по-новому востребован потенциал культурного наследия и музейных институций, призванных решать сложные задачи соответствия вызовам времени.

Вопросы сохранения культурного наследия всегда были и остаются актуальными для российского общества. В статье 44 Конституции Российской Федерации закреплена обязанность каждого гражданина по отношению к историческому и культурному наследию: «Каждый обязан заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры» [8, с. 13]. Однако, как отмечал академик Д. С. Лихачёв, «никакие законы истории или издаваемые государством, никакие надежды на будущее не оправдаются, если не будет поднят общий культурный уровень нашей жизни, “культурный тонус” нашего общества» [11, с. 118]. «Культурный тонус» во многом определяется деятельностью учреждений культуры и образования, методами

использования ресурсов культурного наследия и способами его включения в современную жизнь, что и составляет суть актуализации культурного наследия, рассмотрение которой как понятия и процесса, тесно связанного с музеями различного типа, масштаба и профиля, является целью нашего обращения к теме.

Музей выступает посредником между историей и сегодняшним днем, площадкой общения представителей разных поколений, транслятором смыслов и ценностей наследия как неотъемлемой части современной культуры. При вдумчивом использовании культурно-исторического ресурса и адекватной интерпретации он не только сохраняет актуальность объектов культурного наследия для ныне живущих поколений, но и становится источником развития и творческого подхода к будущему. Несомненно, «творчество не сводится только к постоянному изобретению нового, оно заключается также в поиске того, как правильно обращаться со старым» [12, с. 10].

В социокультурной ситуации, создаваемой процессами глобализации, музеи, как и другие культурные институции, переживают глубокие трансформации всех направлений своей деятельности. Динамично развивающаяся музеология должна реагировать на новейшие музейные изменения в пространстве культуры, обусловленные разноплановыми вызовами современности. Специального осмысления требуют как социокультурные факторы, определяющие развитие музейной сферы, так и смена культурной и музейной парадигм, что влечет за собой необходимость поиска методологических оснований актуализации культурного наследия в музее. Именно они являются приоритетными в настоящей статье.

На протяжении всего XX века нарастание темпов урбанизации с преобладанием городского образа жизни повлекло за собой интенсивное развитие музеев и учреждений музейного типа как в мегаполисах, так и малых городах, что обусловило появление терминов «музей города», «музей истории города», «музей общины». Амаресвар Галла сформулировал и предложил собственное определение «музея города». Более того, он включил проблемы изучения музеев городов в сферу теоретического осмысления музеологии, – ввел понятие «городской музеологии». В российской

практике вопрос актуальности деятельности музеев города, которые в большинстве своем остаются в статусе краеведческих музеев, для местного населения стоит особенно остро. В этом выражается ответственность музея перед жителями, основанная не только на важности трансляции историко-культурного наследия новым поколениям, но и на постоянных попытках документировать и включить в процесс музейной коммуникации всё, что составляет сферу культурного наследия данной территории. Интерпретация наследия в музее городской истории требует от его сотрудников взаимодействия с местными сообществами, включая обмен критическими мнениями и идеями, а также понимание значимости наследия, независимо от культурно-этнической принадлежности. Как считает Галла, такой интерактивный подход «заменяет старые формы избирательной памяти на более актуальные, отражающие коллективную память сообщества и передающие ощущение конкретного и общего пространства» [2, с. 42].

Современный методологический базис музейного освоения наследия, по нашему мнению, должен включать в себя антропологию места и времени, сравнительно недавно появившийся вектор исследований культурного пространства города. Он задает такую систему координат рассмотрения города, в которой главным субъектом исторических, политических, экономических, социальных, этнических, конфессиональных, научных, художественных событий и процессов становится горожанин. Антропологический поворот следует учитывать при разработке стратегий и технологий актуализации культурного наследия в музее. Более того, «гуманитарная география», «культурная география», «антропогеография», направленные на изучение проблем взаимодействия пространства и человека, «география образов и символов культуры, география образа жизни и этнических особенностей, география форм и видов искусства» [4, с. 65] также требуют пристального внимания с точки зрения взаимодействия музея и наследия в современных реалиях.

Актуализация наследия предполагает передачу опыта его сохранения для современных поколений и включение наследия в современную живую культуру. Применительно к музейной теории и практике процесс актуализации один из

первых объяснил З. Странский. Чешский музеевед полагал, что «направления музейной актуализации обусловлены потребностью социума в том или ином социокультурном опыте, необходимом в конкретный период и конкретной культуре» [17, с. 10]. Согласно предложенному Т. Г. Гребенниковой определению, «актуализация наследия – это деятельность, направленная на сохранение и включение культурного и природного наследия в современную культуру путём активизации социокультурной роли его объектов и их интерпретации» [3, с. 102]. Таким образом, мы солидарны с мнением о том, что актуализация наследия осуществляется в процессе его интерпретации, в понятие которой исследователями закладываются такие составляющие, как доступность информации для посетителя и эмоциональное воздействие музейной экспозиции. Процесс интерпретации в музейном пространстве начинается с выявления предметов и объектов музейного значения в реальном мире и не прекращается никогда. На уровне научно-фондовой и научно-исследовательской работы раскрывается их информационный потенциал. Последующая интерпретация и актуализация происходит на этапе экспозиционно-выставочной и затем культурно-образовательной деятельности. Результатом интерпретации могут выступать учётная документация, каталог, экскурсия, квест, экспозиция, выставка и т. д. Однако, поднимаясь над эмпирическим уровнем и рассматривая процесс музейной интерпретации в теоретическом ракурсе, мы не можем обойти вниманием его методологическую основу.

В качестве теоретического фундамента актуализации культурного наследия в процессе взаимодействия музея с посетителем целесообразно обратиться к диалогической концепции культуры, выдвинутой и обоснованной в трудах М. М. Бахтина. Диалогичность общения подразумевает способность понять и пережить культуру как сложный спектр человеческих судеб, взлетов и падений, надежд и разочарований, радостей и печалей многоликого мира. Суть такого приобщения составляет «соучастие», реализуемое по принципу субъект-субъектной диалогичности. Диалог в корне отличается от отношения к Другому как к объекту познания либо развлечения, когда взаимодействие функционально. Диалог –

это прорыв в иной мир. Он позволяет человеку не только органично погрузиться и заимствовать лучшее из мирового наследия, но и побуждает его совершить личностное переосмысление «чужой» культуры, выступая принципом культурного развития личности. Именно внутренняя ревизия культурных ценностей и активный диалог делают человека культурным, иными словами, только тогда, когда человек ощущает и осваивает гуманистический базис культуры, она имманентно входит в способ бытия личности.

Истинное общение в культуре возможно лишь на основе нравственного освоения жизненного опыта другого человека. Л. Е. Климова развивает эту мысль: «Проблему культуры, находящуюся в плоскости гуманитарной системы, следует рассматривать только через призму жизненных ориентаций человека, только в качестве всего комплекса нравственных устоев личности» [7, с. 16]. Указанным идеям созвучна и близкая нам трактовка культурного наследования, которую предложила И. К. Кучмаева: «Стихийные и осознанные способы интериоризации исторически сложившихся форм культуры... переведение освоенных ценностей во внутренний план личности» [10, с. 85].

Итак, выделяя такие базовые характеристики взаимодействия с культурным наследием, как глубина и диалогичность, мы считаем их признаками качества и гуманности данного процесса. На наш взгляд, они коррелируют с категориями «внутринаходимости» и «вненаходимости», введенными М. М. Бахтиным и столь значимыми для понимания процесса актуализации. Согласно размышлениям М. М. Бахтина, для того чтобы диалог с культурой прошлого состоялся, необходимо в нее вжиться, прочувствовать ее, ощутить ее во всем богатстве внутренних смыслов, «заразиться» ею, чтобы максимально приблизиться к достижению эффекта ее реальности. При этом снимается гносеологическая оппозиция субъекта и объекта. Переживающий проникает внутрь иной культуры, открывая для себя ее содержательную емкость, особую ауру, общую атмосферу, целостность и значимость. И только достигнув степени этого освоения, субъект может перейти в состояние «вненаходимости», которое означает как дистанцирование от культуры прошлого, так и децентрацию от собственной культуры. «Перемещение

во “вненаходимость” означает перенос наследия культуры прошлых эпох и своей собственной культуры в область диалога смыслов, иными словами, в культурное пограничье, в котором происходит взаимопроникновение культур, переосмысление друг через друга» [1, с. 13].

Выступая методологическим каркасом, данный подход позволяет нам уточнить содержание понятия «актуализация», трактуя его как превращение культурного наследия в факт или событие современности, происходящее на основе внутреннего переживания и переосмысления феноменов культуры прошлого с целью включения ее в нравственный, ценностно-смысловой, эстетический, интеллектуальный потенциал как отдельной личности, так и общества в целом.

Актуализация культурного наследия в условиях противоречивого и многовекторного развития современного мира, имеющего явные признаки дегуманизации, обуславливает востребованность гуманистического подхода, концепций экологии культуры и человека. Обращение к диалогическому и гуманистическому подходам и их осмысление в ситуации постмодерна представляется нам особо значимым. Сочетание данных подходов позволяет применить разработанные С. Ю. Каменским критерии оценивания социокультурных практик взаимодействия с наследием: «достижение состояния “внутринаходимости” (по М. М. Бахтину), живого ощущения субъекта прошлой культуры; работа на уровне понимающего, интерпретирующего мышления, переосмысления, переопределения значений прошлой и настоящей культур в диалоге; решение гуманистических и социально-практических задач современности» [6, с. 13].

Нам представляется, что они могут лечь в основу технологий актуализации наследия и в музейном пространстве. Отталкиваясь от указанных критериев, перейдем к анализу возможностей их использования в условиях тотального распространения массовой культуры и интенсивного развития постиндустриального общества.

В исследованиях феномена массовой культуры выделяется широкий спектр направлений, на которых не представляется возможным остановиться в рамках данной статьи. Выделим одно из них, непосредственно связанное с аспекта-

ми нашего исследования. Получившая развитие с 1970-х годов тенденция коммодификации культуры затронула как круг конкретных проблем культурного производства, связанного с созданием и широким распространением культурных продуктов, так и более глубокие вопросы освоения культуры, а следовательно, ее актуализации в контексте массовой потребительской идеологии.

Развитие культурных индустрий внесло новые позиции, по которым оценивается эффективность культурных институтов. Так, «раньше никто не задумывался о том или ином культурном событии в аспекте его посещаемости: важно было то, что это событие собой представляло» [18, с. 91]. «Количественные способы измерения качества, ставшие одним из атрибутов массовой культуры (рейтинги, кассовые сборы и пр.), формируют новые основания дифференциации и объединения культурных артефактов – их потребляемость» [18, с. 97].

В доиндустриальную пору массовость в культуре не противостояла качеству и не исключала его. В эпоху культурных индустрий количественные показатели формируются с помощью маркетинга и классических методов продаж. Иными словами, любому культурному артефакту, объекту культурного наследия гарантированы интерес и массовая популярность за счет рыночных технологий, в том числе и агрессивной рекламы, что не имеет никакого отношения к упомянутому выше культурному диалогу. Известность обеспечена тому памятнику, коллекции, арт-объекту, выставке или музею, на продвижение которого затрачены значительные финансовые средства. Это означает, что культура, превращаясь в культурный продукт, начинает выбираться, оцениваться и цениться, в том числе, исходя из потребительских запросов.

Примером могут служить результаты анализа, проведенного двумя ведущими институтами исследований культуры в США. Они не оставляют никаких иллюзий по поводу мотивов посещения музеев современной массовой публикой: «Большое число посетителей привлекают в музеи только мода, доступность, сравнительно низкие цены на входные билеты и атмосфера торговых центров, царящая вокруг музейных магазинов. Они едва ли бросают хотя бы взгляд на карти-

ны или скульптуры. Предположение, что большинство посетителей только симулирует интерес к музейным экспонатам, подтверждается той поразительной скоростью, с которой они проходят по залам. Складывается впечатление, что они зашли в музей только для того, чтобы как можно скорее выйти оттуда. Причем темп движения оказывается прямо пропорционален размеру музея» [19, р. 119].

Внимание посетителей неизменно привлекают музейные магазины. Их локация и своего рода «взаимодействие» с музейным собранием являются специально продуманными. Так, «в Метрополитен-музее осмотр “неприкасаемых” и “непродаваемых” сокровищ и шедевров в экспозиционных залах прерывается в точно выверенном ритме блаженными островками потребления – рассредоточенными по всему зданию небольшими магазинчиками. Очень короткие дистанции от одного островка до другого определяются, вероятно, тем, что у американцев более низкий порог фрустрации по отношению к “неприкасаемому” и “непродаваемому”, чем у европейцев, поэтому их чаще надо подводить к “кислородной подушке” магазина с возможностью приобретения и прикосновения» [5, с. 185–186].

Как явление и практика массовой культуры, стандартный туризм с посещением обязательного набора достопримечательностей также ориентирован не на диалогическое освоение иной культуры, не на познание ее смыслов, требующее интеллектуальных и эмоциональных усилий, а, прежде всего, на развлечение, комфорт, легкость восприятия. Туризм представляет собой скорее практику визуального потребления, нежели познания. Вследствие этого культурное наследие, сосредоточенное в городе или регионе и обладающее значительным когнитивным потенциалом, превращается в нечто, имеющее ценность, но не имеющее значения.

Следует особо отметить, что формирование потребительских практик происходило на фоне утверждения гедонистической модели культуры, пришедшей на смену просветительской. В постиндустриальном обществе культура должна доставлять удовольствие, успокаивать, отвлекать и развлекать. В эстетике гедонизма эпохи постмодернизма приоритет отдан культу чувственных

и физических наслаждений. «Приятные эмоции, удовольствие выступают как основной стимул и в потреблении культуры, и формирование нового постиндустриального информационного общества с упором на интеллектуальную, высокообразованную личность эту модель только укрепляет» [9, с. 165].

Все более употребительными терминами, обозначающими общение с объектами культурного наследия, становятся удовольствие, комфорт, релаксация. И если еще в 1970–1980-е годы в дискуссиях о музее как важнейшем институте сохранения и трансляции культурного наследия «образование» было ключевым словом, и актуализация трактовалась в образовательном аспекте, то на рубеже веков ему на смену пришло «развлечение», или эдьютейнмент, «образование через развлечение» как популярная, если не лидирующая, музейно-педагогическая технология. Однако заметим, что в связи с возрастанием во всем мире интереса к осмыслению наследия, которое определяется как «трудное», «травматическое», или «диссонансное», связанное с трагическими событиями истории, использование технологии эдьютейнмента окажется вовсе неуместным и несовместимым с гуманистической этикой.

Таким образом, нельзя отрицать, что восприятие культурного наследия изменяется в сторону наследования в приятной обстановке. При этом модернизируются не только формы и технологии, но и, что особенно тревожно, сама цель актуализации. Сегодня трудно отрицать, что «тот монолит общезначимых ценностей, на котором зиждились художественные формы и культурные институты прошлого, более уже не существует» [15, с. 29]. Но если рассуждать применительно к просветительской модели культуры, то «визит в музей... должен утомлять посетителя» [16, с. 9].

Итак, мы можем констатировать, что в условиях господства массовой культуры сформировалась связанная с установкой на потребление, в том числе и по отношению к культурному наследию, особая гедонистическая потребительская психология и идеология, обозначаемые как консьюмеризм. Подчеркнем, что речь идет не о потреблении как средстве получения доступа к желаемому. Мы акцентируем критику потребительства как формы и зачастую даже цели взаимодействия

с объектами культурного наследия, что считаем неприемлемым в практике музейной интерпретации и актуализации.

Гедонистическая потребительская позиция, подразумевающая простоту, легкость восприятия, минимальные интеллектуальные усилия, любопытство, не переходящее в любознательность, не критичность мышления, эмоциональную разрядку и релакс, никак не соотносится с понятиями диалогичности, погружения, переживания и нравственного освоения культуры. Это особенно важно учитывать музеям при разработке форм актуализации культурного наследия и программ его интерпретации, направленных на интериоризацию образов и значений культуры прошлого, вхождение музейной аудитории в мир ее ценностей и смыслов.

Выступая характеристикой современного массового посетителя, идеология потребительства в то же время является следствием создания и применения специальных технологий проектирования и производства культурных товаров. «Превращение места или объекта в достопримечательность предполагает использование особых практик социального конструирования, среди которых важнейшими являются: продвижение привлекательного имиджа этого места при помощи создания легенд и мифов, использование медиаресурсов» [14, с. 45].

В свете глобализационных процессов, имеющих признаки дегуманитаризации, многократно увеличивается образовательная ценность наследия. Нельзя не отметить, что все больше сторонников обретает проникновение партиципации в музейную деятельность и музейный туризм как тенденции, противостоящей культуре потребления. Музейный предмет, извлеченный из среды бытования, теряет свои утилитарные функции, права на обладание им находятся у жителей и го-

стей города, страны, а потенциально у всего мира. Поэтому возникшая как ответ на вызовы консьюмеризма культура участия может предложить музею партиципаторные практики в качестве инструмента для реализации его образовательной функции и социальной миссии, воплощения в жизнь поставленных перед ним задач. «Тем самым музей открыт для participatory culture, которая предлагает “билет” в этот общий культурный фонд человечества для каждого способного к бескорыстному со-действию участника» – считает Д. Агапова [13, с. 12].

Подводя итоги, мы считаем важным отметить, что для процессов актуализации культурного наследия массовая культура выступает серьезным деформирующим фактором. Однако ее ценности, формы, технологии работы с посетителем музея следует оценивать уже не столько как вызов, сколько как объективную реальность, особенности которой должны учитываться музеями и учреждениями музейного типа при разработке практик освоения культурного наследия. В связи с расширением понятия «культурное наследие» и появлением новых методов его актуализации музейная деятельность, направленная на интерпретацию объектов материального и нематериального культурного наследия, выходит на новый уровень. На смену одностороннему экскурсионному показу и рассказу приходит диалогическое общение, основанное на гуманитарной этике. Экспозиция выходит за пределы ограниченного пространства музейного здания, проникая в культурную и природную среду. Современные тенденции отражают новый статус и имидж музея как полифункционального социокультурного института, апробирующего новые подходы в актуализации материального и нематериального наследия, играющего важнейшую роль в устойчивом развитии общества.

Литература

1. Бахтин М. М. Литературно-критические статьи. – М.: Худож. лит, 1986. – 225 с.
2. Галла А. Городская музеология – идеология примирения // Museum: междунар. журн. – 1996. – № 187. – С. 40–45.
3. Гребенникова Т. Г. История и методология исследования культурного и природного наследия [Электронный ресурс]. – Барнаул, 2013. – 116 с. – URL: <http://www.elibrary.asu.ru> (дата обращения: 12.11.2019).
4. Иконникова С. Н. Антропология места и времени в культурном пространстве города // Культура и личность: сб. ст. – СПб.: СПбГУКИ, 2006. – Т. 168. – С. 65–74.

5. Калугина Т. П. Художественный музей как феномен культуры. – СПб.: Петрополис, 2001. – 200 с.
6. Каменский С. Ю. Актуализация археологического наследия в современных социально-культурных практиках: автореф. дис. ... канд. культурологии. – Екатеринбург, 2009. – 24 с.
7. Климова Л. Е. Массовая культура и личность: (Культурфилософский аспект): автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Ставрополь, 2005. – 23 с.
8. Конституция Российской Федерации. Гимн Российской Федерации. Герб Российской Федерации. Флаг Российской Федерации. – М.: Омега-Л, 2010. – 63 с.
9. Костина А. В. Массовая культура как феномен постиндустриального общества. – М.: КомКнига, 2006. – 352 с.
10. Кучмаева И. К. Культурное наследие: современные проблемы. – М.: Наука, 1987. – 173 с.
11. Лихачёв Д. С. Русская культура. – М.: Искусство, 2000. – 440 с.
12. Лэндри Ч. Лицом к будущему [Электронный ресурс] // Музеи. Маркетинг. Менеджмент: практ. пособие / ред. В. Дукельского и др. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – С. 9–20. – URL: <http://www.future.museum.ru/lmp/books/mmm.htm> (дата обращения: 24.10.2019).
13. Музей как пространство образования: игра, диалог, культура участия / сост. Н. Копелянская. – М., 2012. – 176 с.
14. Отнюкова М. С. Практики социального конструирования туристических ресурсов // Город: глобальные перспективы и местные контексты: межвуз. сб. науч. ст. – Саратов: Саратов. гос. тех. ун-т, 2005. – С. 45–52.
15. Пахтер М., Лэндри Ч. Культура на перепутье: культура и культурные институты в XXI веке: пер. с англ. – М.: Классика–XXI, 2003. – 218 с.
16. Пиотровский М. Б. Философия музейного дела // Вестн. С.-Петербург. ун-та. – 2006. – № 1. – (Серия 6). – С. 7–10.
17. Странский З. Понимание музееведения // Музееведение. Музеи мира: сб. науч. тр. НИИ культуры. – М.: НИИ культуры, 1991. – С. 8–26.
18. Шестаков В. П. Мифология XX века. Критика теории и практики буржуазной «массовой культуры». – М.: Искусство, 1988. – 224 с.
19. Urry J. Tourism, Culture and Social Inequality // The Sociology of Tourism. Theoretical and Empirical Investigations / Ed by Y. Apostolopoulos, S. Leivadi and A. Yiannakis. – London; New York: Routledge, 1996. – 229 p.

References

1. Bakhtin M.M. *Literaturno-kriticheskie stat'i* [Literary and critical articles]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1986. 225 p. (In Russ.).
2. Galla A. Gorodskaya muzeologiya – ideologiya primireniya [Urban museology – an ideology of reconciliation]. *Museum*, 1996, no. 187, pp. 40–45. (In Russ.).
3. Grebennikova T.G. *Istoriya i metodologiya issledovaniya kul'turnogo i prirodnogo naslediya* [History and methodology of cultural and natural heritage research]. Barnaul, 2013. 116 p. (In Russ.). Available at: <http://www.elibrary.asu.ru> (accessed 12.11.2019).
4. Ikonnikova S.N. Antropologiya mesta i vremeni v kul'turnom prostranstve goroda [Anthropology of place and time in the cultural space of the city]. *Kul'tura i lichnost'* [Culture and personality]. St. Petersburg, St. Petersburg State University of Culture and Arts, 2006, vol. 168, pp. 65–74. (In Russ.).
5. Kalugina T.P. *Khudozhestvennyy muzey kak fenomen kul'tury* [Art Museum as a cultural phenomenon]. St. Petersburg, Petropolis Publ., 2001. 200 p. (In Russ.).
6. Kamenskiy S. Yu. *Aktualizatsiya arkhologicheskogo naslediya v sovremennykh sotsial'no-kul'turnykh praktikakh: avtoref. dis. ... kand. kul'turologii* [Actualization of archaeological heritage in modern social and cultural practices. Author's Abstract of Diss. PhD in Culturology]. Ekaterinburg, 2009. 24 p. (In Russ.).
7. Klimova L.E. *Massovaya kul'tura i lichnost': (Kul'turfilosofskiy aspekt): avtoref. dis. ... kand. filos. nauk* [Mass culture and personality: cultural-philosophical aspect. Author's Abstract of Diss. PhD in Philosophy]. Stavropol, 2005. 23 p. (In Russ.).
8. *Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii. Gimn Rossiyskoy Federatsii. Gerb Rossiyskoy Federatsii. Flag Rossiyskoy Federatsii* [Constitution of the Russian Federation. Anthem of the Russian Federation. Coat of arms of the Russian Federation. Flag of the Russian Federation]. Moscow, Omega-L Publ., 2010. 63 p. (In Russ.).
9. Kostina A.V. *Massovaya kul'tura kak fenomen postindustrial'nogo obshchestva* [Mass culture as a phenomenon of post-industrial society]. Moscow, KomBook Publ., 2006. 352 p. (In Russ.).

10. Kuchmaeva I.K. *Kul'turnoe nasledie: sovremennye problemy* [Cultural heritage: contemporary issues]. Moscow, Nauka Publ., 1987. 173 p. (In Russ.).
11. Likhachev D.S. *Russkaya kul'tura* [Russian culture]. Moscow, Art Publ., 2000. 440 p. (In Russ.).
12. Lendri C.H. *Litsom k budushchemu* [Facing the future]. *Muzei. Marketing. Menedzhmen: prakticheskoe posobie* [Museums. Marketing. Management. Practical Guide]. Ed. V. Dukelskiy. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2001, pp. 9-20. (In Russ.). Available at: <http://www.future.museum.ru/lmp/books/mmm.htm> (accessed 24.10.2019).
13. *Muzej kak prostranstvo obrazovaniya: igra, dialog, kul'tura uchastiya* [Museum as a space of education: game, dialogue, participatory culture]. Compiler N. Kopelyanskaya. Moscow, 2012. 176 p. (In Russ.).
14. Otnyukova M.S. *Praktiki sotsial'nogo konstruirovaniya turistsheskikh resursov* [Practices of social construction of tourism resources]. *Gorod: global'nye perspektivy i mestnye konteksty: mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh statey* [City: global perspectives and local contexts. Intercollegiate collection of scientific articles]. Saratov, Saratov State Technical Institute, 2005, pp. 45-52. (In Russ.).
15. Pakhter M., Lendri Ch. *Kul'tura na pereput'e: kul'tura i kul'turnye instituty v XXI veke* [Culture at the crossroads: culture and cultural institutions in XXI century]. Moscow, Classic – XXI Publ., 2003. 218 p. (In Russ.).
16. Piotrovskiy M.B. *Filosofiya muzeynogo dela* [Museum philosophy]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta* [Bulletin of St. Petersburg University], 2006, no. 1, series 6, pp. 7-10. (In Russ.).
17. Stranskiy Z. *Ponimanie muzevedeniya* [Understanding of Museology]. *Muzevedenie. Muzei mira: sbornik nauchnykh trudov NII kul'tury* [Museology. Museums of the world. Collection of scientific papers of the R&D Institute of Culture]. Moscow, R&D Institute of Culture Publ., 1991, pp. 8-26. (In Russ.).
18. Shestakov V.P. *Mifologiya XX veka. Kritika teorii i praktiki burzhuaiznoy "massovoy kul'tury"* [Mythology of XX century: criticism of the theory and practice of bourgeois "mass culture"]. Moscow, Art Publ., 1988. 224 p. (In Russ.).
19. Urry J. *Tourism, Culture and Social Inequality. The Sociology of Tourism. Theoretical and Empirical Investigations*. Ed. by Y. Apostolopoulos, S. Leivadi and A. Yiannakis. London, New York, Routledge Publ., 1996. 229 p. (In Engl.).

УДК 378.6(571.54-25)+39:008

РОЛЬ ВУЗА КУЛЬТУРЫ В СОХРАНЕНИИ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО МНОГООБРАЗИЯ РЕГИОНА

Перова Елена Юрьевна, кандидат экономических наук, доцент, ректор, Восточно-Сибирский государственный институт культуры (г. Улан-Удэ, РФ). E-mail: peroffa@mail.ru

Цыремпилова Ирина Семеновна, доктор исторических наук, доцент, проректор по научной работе, Восточно-Сибирский государственный институт культуры (г. Улан-Удэ, РФ). E-mail: irina161073@mail.ru

Активность миграционных процессов, обострение межнациональных и межконфессиональных отношений и другие проблемы привели к корректировке содержательных, правовых и институциональных подходов к реализации государственной национальной политики в России. Важную роль в этом процессе играют образовательные организации, в том числе высшие учебные заведения. В статье на примере основных направлений деятельности первого регионального вуза культуры – Восточно-Сибирского государственного института культуры – раскрывается роль вуза культуры в сохранении этнокультурного многообразия региона.

С целью объединения потенциала научно-педагогических работников и обучающихся, ресурсных и инфраструктурных возможностей вузом реализуется программа по сохранению этнокультурных традиций народов Бурятии на 2017–2022 годы. В программе предусмотрен комплекс мероприятий в рамках образовательной, научно-исследовательской, творческо-исполнительской и воспитательной

деятельности. На основе анализа содержательной части реализуемых образовательных программ показаны особенности подготовки кадров, владеющих набором компетенций в вопросах национально-культурных различий. Это подтверждается их востребованностью на рынке труда. Результативность научно-исследовательской работы института отражена в комплексном анализе традиционной танцевальной и певческой культуры, календаря и календарных обрядов, обрядово-праздничного и игрового наследия народов, проживающих на территории Бурятии. Благодаря активной деятельности творческих коллективов вуза, которые создают современный и экспериментальный художественный продукт, в региональном культурном пространстве популяризируются этнокультурные традиции и ценности.

Авторами на конкретных примерах показано, что стабильное развитие эффективных механизмов, форм и методов по изучению, сохранению и трансляции этнокультурного наследия, укреплению межнационального диалога, популяризации гражданских и традиционных ценностей среди молодежи является одним из приоритетных направлений деятельности вуза культуры.

Ключевые слова: государственная национальная политика, вуз культуры, этнокультурное многообразие, традиционная культура, деятельность, регион.

ROLE OF THE INSTITUTE OF CULTURE IN CONSERVATION OF ETHNOCULTURAL VARIETY IN THE REGION

Perova Elena Yuryevna, PhD in Economics, Associate Professor, Rector, East-Siberian State Institute of Culture (Ulan-Ude, Russian Federation). E-mail: peroffa@mail.ru

Tsyrempilova Irina Semenovna, Dr of Historical Sciences, Associate Professor, Vice-Rector for Research, East-Siberian State Institute of Culture (Ulan-Ude, Russian Federation). E-mail: irina161073@mail.ru

The activity of migration processes, increased ethnic and inter-religious relations have led to adjustments of institutional and legal setup for realization of national policy in Russia. Educational organizations, as well as higher educational establishments, play a significant role in this process. Based on the main directions of activities held by the first regional institute of culture – East-Siberian State Institute of Culture (ESSIC) – the article examines the role of the Institute in the conservation of ethnocultural variety in the region.

To integrate the potential of academic staff and students, the possibilities of resources and infrastructures, ESSIC fulfils the program of the conservation of ethnocultural traditions of the Buryat people in 2017-2022. The program consists of the set of actions in the educational, science and research, artistic creation and performance activities. Based on the analysis of the content of approaching the educational programs, the article represents features in training of specialists possessing the skills in the issues of national and cultural differences. It is proved by demand in the labor market. The results of science and research work held by ESSIC is shown in the complex analysis of traditional dance and singing culture, calendar and its customs, ceremonial and game heritage of the people living in Buryatia. Due to activities of the Institute's on-stage performance groups that create modern and experimental art product, their ethnocultural traditions and values are popularizing in this regional cultural area.

Based on the concrete examples, the authors reveal that stable development of effective mechanisms, forms and ways in study, conservation and transmission of ethnocultural heritage, strengthening of ethnic dialogue, popularization of civil and traditional values among the young people are one of the priority in the activities of the Institute of Culture.

Keywords: state national policy, institute of culture, ethnocultural variety, traditional culture, activities, region.

В современных реалиях Российская Федерация сталкивается с новыми вызовами, в связи с чем важное значение приобретают вопросы этнополитической стабильности государства. К таким вызовам наряду с глобальными геополитическими трансформациями следует отнести и активные миграционные процессы, и изменение межнациональных отношений.

В последние годы были скорректированы содержательные, правовые и институциональные подходы к реализации государственной национальной политики. Так, в Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года были внесены поправки, утвержденные Указом Президента РФ от 6 декабря 2018 года № 703. Согласно новой редакции к основным целям государственной национальной политики были отнесены: «а) укрепление национального согласия, обеспечение политической и социальной стабильности, развитие демократических институтов; б) укрепление общероссийской гражданской идентичности и единства многонационального народа Российской Федерации (российской нации); в) обеспечение равенства прав и свобод человека и гражданина независимо от расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств; г) сохранение и поддержка этнокультурного и языкового многообразия Российской Федерации, традиционных российских духовно-нравственных ценностей как основы российского общества; д) гармонизация межнациональных (межэтнических) отношений; е) успешная социальная и культурная адаптация иностранных граждан в Российской Федерации и их интеграция в российское общество» [5].

Безусловно, что эти цели коррелируются с положениями Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года и Стратегии государственной культурной политики России на период до 2030 года, в которых «к угрозам национальной безопасности в области культуры отнесены размывание традиционных российских духовно-нравственных ценностей и ослабление единства многонационального народа Россий-

ской Федерации» [4]. Именно межнациональное согласие, этнокультурное многообразие, сохранение единства многонационального народа являются теми принципами, от соблюдения которых напрямую зависит стабильность и безопасность государства.

К основным механизмам реализации национальной политики относятся государственные программы. Так, в Государственной программе «Реализация государственной национальной политики РФ на период до 2025 года» в качестве отдельного направления утвержден комплекс мероприятий, направленных на укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России [3].

Для достижения целей и решения задач государственной национальной политики необходима системная и сбалансированная работа, требующая консолидации всех заинтересованных сторон: от органов государственной власти до общественных организаций. Особая роль в этом процессе отводится системе образования как важному институту формирования ценностей, культурной и гражданской социализации молодежи.

Создание первого регионального вуза культуры – Восточно-Сибирского библиотечного института – в 1960 году (сегодня ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный институт культуры» (ВСГИК)) являлось важнейшим этапом реализации государственной программы культурного строительства на территории Восточной Сибири, Дальнего Востока и Севера. Необходимо подчеркнуть, что это было взвешенное государственное решение, направленное как на подготовку кадров, необходимых для создания сети учреждений культуры, так и на формирование региональных национальных элит, поддержание и сохранение традиционной культуры коренных народов и др. [2, с. 107]. С этими задачами вуз успешно справляется на протяжении 60 лет, играя весомую роль в сохранении и развитии уникального социокультурного пространства, в изучении и приумножении культурных ценностей народов региона.

ВСГИК располагается на уникальной территории Республики Бурятия, которая представляет собой один из наиболее многонациональных регионов России. По данным Всероссийской переписи 2010 года, в Бурятии зарегистрировано бо-

лее 160 национальностей и этнических групп. Наиболее крупными национальностями являются русские – 630783 чел. (64,9 %), буряты – 286839 чел. (29,5 %), татары – 6813 чел. (0,7 %), украинцы – 5654 чел. (0,6 %), которые в ходе длительного исторического взаимодействия и межнациональной интеграции не только сохранили свою этническую культуру, но и взаимообогатились элементами культур других народов, что явилось одним из факторов поддержания межнациональной стабильности в регионе. В Республике Бурятия проживает 6553 представителя коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ. В целях создания максимально благоприятных условий для соблюдения национальных интересов всех народов, проживающих в республике, была принята Государственная программа «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России в Республике Бурятия».

Особая роль в сохранении этнокультурного многообразия и формировании уважительного отношения к представителям других национальностей отводится образовательным организациям и учреждениям культуры. В настоящее время во ВСГИК накоплен богатый опыт по изучению традиционной культуры народов Бурятии, сохранению и трансляции регионального культурного наследия. Это закреплено в программе института по сохранению этнокультурных традиций народов Бурятии на 2017–2022 годы. Программа представляет собой комплекс мероприятий в образовательной, научно-исследовательской, творческо-исполнительской, воспитательной деятельности вуза. В рамках реализации программы стратегической задачей является объединение потенциала научно-педагогических работников и обучающихся, ресурсных и инфраструктурных возможностей института по сохранению и развитию поликультурного пространства. Программа также направлена на предупреждение роста напряженности в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений, на создание условий для сохранения и развития культурного и языкового многообразия, для укрепления гражданского единства.

В рамках образовательной деятельности вуза большое значение отводится содержанию ре-

ализуемых образовательных программ всех уровней подготовки. При этом упразднение понятия «национально-региональный компонент» в новых образовательных стандартах не привело к отмене потребности в этнокультурном образовании. Подготовка высококвалифицированных и конкурентоспособных кадров, владеющих набором компетенций в вопросах национально-культурных различий, является одной из задач реализуемых в ВСГИК образовательных программ. Наиболее объемно это заложено в образовательных программах таких направлений, как «Народная художественная культура», «Хореографическое искусство», «Музыкально-инструментальное искусство», «Искусство народного пения», «Декоративно-прикладное искусство и народные промыслы», «Музеология и охрана объектов культурного и природного и наследия» и др. В целях учебно-методического обеспечения образовательного процесса научно-педагогическими работниками ВСГИК за последние три года подготовлено свыше двадцати учебных пособий, посвященных этнокультурной тематике: «Культура и фольклор народов Центральной Азии», «Региональная культурология», «Искусство Бурятии», «История кино Бурятии», «Фольклористика», «Бурятский танец», «Народное музыкальное творчество», «Класс фольклорного ансамбля», «Бурятский язык» и др. Тематика большинства курсовых проектов и выпускных квалификационных работ студентов содержит региональную специфику, что напрямую отвечает заявленным потребностям работодателей. Результаты исследований проходят успешную апробацию и в дальнейшем внедряются в практическую деятельность региональных учреждений культуры.

При этом следует отметить, что спектр реализуемых образовательных программ отвечает многообразию регионального культурного пространства, запросам территории, что усиливает их востребованность на рынке труда и популярность у абитуриентов. Сегодня в институте обучаются студенты из различных регионов страны: Республик Алтай, Тыва, Саха (Якутия), Хакасия, Забайкальского, Красноярского и Хабаровского краев, Амурской, Иркутской, Камчатской, Новосибирской, Сахалинской и др. областей.

В настоящее время актуальной проблемой в республике является сохранение бурятского языка, который ЮНЕСКО в 2005 году отнесла к категории исчезающих. Несмотря на то что бурятский язык является государственным, на нём говорит только старшее поколение, родители его еще понимают, но с детьми и между собой на родном языке практически не разговаривают. ВСГИК принимает активное участие в реализации мероприятий по сохранению бурятского языка и культуры. Одним из примеров может служить популярное студенческое олимпиадное движение среди вузов республики, целью которого является развитие и распространение языка как важнейшего средства сохранения бурятской культуры, воспитание уважения и интереса к бурятскому языку, выявление и поддержка одаренной молодежи. Вуз периодически выступает в качестве организатора данного мероприятия, в ходе которого проводятся научные семинары. Студенты института ежегодно завоевывают командные и личные призовые места. Такие же результаты получают наши студенты в международных, республиканских, межрегиональных мероприятиях. Это Международный чемпионат по чтению вслух на бурятском языке «Буряадаараа уншая», «Диктант на бурятском языке», проводимые в рамках ежегодного республиканского праздника – Дни бурятского языка, республиканская олимпиада по бурятской словесности «Дурбэн бэрхэ», международная олимпиада «Миф – фольклор – литература монголоязычных народов в контексте истории и современности» и др.

Одним из приоритетов в деятельности вуза является научно-исследовательская работа, в которой ключевое место отведено изучению традиционной культуры народов Восточной Сибири. Так, в вузе успешно разрабатываются научно-исследовательские темы: «Традиционная культура народов Восточной Сибири», «История и культура народов Сибири, стран Восточной и Центральной Азии: межэтническое взаимодействие культур Байкальского региона», «Культурное пространство Восточной Сибири: становление, современное состояние и тенденции развития», «Историко-культурная среда как фактор устойчивого развития Байкальского региона» и др. Среди наиболее значимых научных

мероприятий можно назвать: традиционные международные научно-практические конференции «Байкальские встречи» и «Культурное пространство России и Монголии», «Батуевские чтения: межкультурное взаимодействие Сибири и стран Азиатско-Тихоокеанского региона», интеграционный международный проект по исследованию и сохранению культуры, быта и истории кочевых народов «Древо культуры» (Южная Корея, Монголия, Россия).

Основным исполнителем работ по данному направлению является научно-исследовательская лаборатория истории и теории культуры, созданная в 1992 году как научно-исследовательская лаборатория этнографии и фольклора народов Восточной Сибири. Лабораторией была проведена комплексная оценка сохранности традиционной танцевальной и певческой культуры Бурятии, обрядово-праздничного и игрового наследия; осуществлен этнографический анализ традиционного календаря и календарных обрядов народов, проживающих на территории Бурятии. Результаты исследований были опубликованы в 15 монографиях и 12 выпусках совместного с Институтом этнологии и антропологии РАН серийного издания «Сибирь: этносы и культуры».

В настоящее время к перспективным исследовательским направлениям ВСГИК относятся:

а) теоретико-методологические аспекты изучения культурного пространства региона – концептуализация понятийного аппарата, основных форм, содержания и структуры, типологизация, генезис и историческая эволюция культурного пространства и др.;

б) комплексное исследование традиционной культуры народов Бурятии – генетических, исторических, функциональных и структурных особенностей культуры как системы, этно- и культурогенеза, генезиса и семантики традиционных верований и культов и др.;

в) прикладные исследования – исследовательские проекты по фиксации, сохранению и изучению этнокультурного наследия, в частности, фольклора, народного танца, обрядовой и праздничной культуры; проекты по музеефикации, интеграции мультимедийных ресурсов, содержащих сведения об объектах культурного наследия, по моделированию экскурсионной деятельности в музеем и туристском пространстве;

г) социологические исследования, посвященные изучению мнений обучающихся о межнациональных, межрелигиозных отношениях, состоянии гражданского общества и др.

Для формирования представления об этнокультурном разнообразии России как стратегической культурно-исторической особенности страны важное значение имеют творческо-исполнительские проекты. Творческие коллективы ВСГИК, создавая современный и экспериментальный художественный продукт, играют значимую роль в культурном пространстве и способствует сохранению и популяризации этнокультурных традиций и ценностей.

Так, концертный русский оркестр ВСГИК «Забайкалье», созданный в 1993 году, за весь период своей деятельности подготовил 85 афишных концертов. Исполнение самобытного и оригинального репертуара, включающего не только классические произведения, но и оригинальные сочинения для русского оркестра, обработки народных мелодий, позволяют сегодня «Забайкалье» сохранять место ведущего коллектива в области исполнительства на русских народных инструментах. Оркестр бурятских народных инструментов, основанный в 1995 году, занимает свою нишу в деле популяризации этнической музыки, оригинальных сочинений бурятских композиторов. Эти творческие коллективы, в состав которых входят преподаватели и студенты института, обладают не только высоким уровнем исполнительского мастерства, но и выполняют важные социокультурные функции.

В настоящее время решение комплекса задач по сохранению этнокультурного многообразия возложено на ансамбль народной музыки и танца «Сибирский сувенир», деятельность которого была возобновлена с 2016 года. Своеобразие или художественное лицо коллектива определяется тем, что он обращается к фольклорным традициям, идущим от разнообразного музыкального и танцевального творчества народов Восточной Сибири (бурят, тувинцев, хакасов, эвенков, алтайцев, русских казаков и старообрядцев). Интернациональным является не только репертуар, но и состав коллектива, в котором занимаются представители многих народностей региона. Только в 2019 году ансамблем было реализовано более

60 выступлений на площадках г. Улан-Удэ, городов и селений Республики Бурятия и других регионов России, Монголии, Кореи. Крупным мероприятием стал показ концертной программы «Сибирь многолика».

Коллектив нацелен также на организацию экспедиционной и исследовательской работы по поиску и изучению образцов народного творчества на территории Восточной Сибири. Не менее важной задачей коллектива является создание оригинальной музыки на основе выявленного материала, а также оцифровка концертных программ для популяризации народной культуры. Перспективным направлением деятельности ансамбля является издание нотного материала с целью сохранения и трансляции этномызыкальной культуры.

В области воспитательной работы с обучающимися одной из задач является формирование этнокультурных компетенций в процессе изучения исторических дисциплин, отечественной культуры, народных традиций и др. Именно полиэтническая вузовская среда, многонациональный состав студенческого сообщества определяют характер и направленность воспитательной работы. Традиционными мероприятиями ВСГИК являются разного рода фестивали и конкурсы, концертные мероприятия, программы, посвященные национальным праздникам. Так, для детей г. Улан-Удэ и регионов республики готовятся представления, посвященные празднику Белого месяца – «Сагаалган», «Масленица», «Байкальский хоровод», «Троица». ВСГИК в рамках сотрудничества с Министерством туризма Республики Бурятия является партнером туристского проекта «Сказочный Сагаалган в Бурятии». Большой популярностью среди студентов пользуется фестиваль «Каравай дружбы» – конкурс «Мы дети все одной большой России» (Дни национальных культур). Во время Дней национальных культур организовываются книжные и фотовыставки, выпускаются газеты, проводится День национальной кухни.

ВСГИК имеет многолетний опыт эффективного сотрудничества с национально-культурными объединениями Бурятии, для которых в г. Улан-Удэ открыт Дом дружбы народов. Деятельность Дома дружбы народов направлена на гармонизацию межнациональных отношений, сохранение

культуры, языка, традиций и обычаев народов, проживающих на территории республики. Студенты вуза принимают активное участие в мероприятиях, проводимых Молодежным центром Дома дружбы народов.

Значительный опыт профессорско-преподавательского состава института предопределил выбор вуза Комитетом по межнациональным отношениям и развитию гражданских инициатив администрации главы и правительства Республики Бурятия для проведения цикла мероприятий по профилактике экстремизма в обществе и формированию позитивных межнациональных отношений. Мероприятия проводятся для образовательных организаций республики. Наряду с погружением в теоретические аспекты разработки технологий организовываются мастер-классы, конкурсы методических материалов по профилактике экстремизма, познавательных, культурно-массовых, игровых программ и др.

Вся палитра этнической мозаики Бурятии находит отражение в музыкальных и художественных фестивалях, фольклорных представлениях, изделиях художественного творчества, музейных экспозициях и др. Эксперты подчеркивают огромный потенциал региона для развития именно этнографического туризма. Поэтому сегодня актив-

ным спросом пользуются «этнотуры, посещение сакральных мест, этнокомплексов, этнодеревень, в которых можно приобщиться к традициям народов Бурятии, испробовать национальную кухню, пожить в аутентичном жилище» [1, с. 148]. Развитие туризма невозможно без профессионально подготовленных экскурсоводов, режиссеров, аниматоров, дизайнеров, мастеров декоративно-прикладного искусства и других кадров, способствующих расширению диапазона экскурсионных программ и туристских маршрутов. Это также определяет приоритетную роль института в кадровом обеспечении туристской отрасли.

Таким образом, разноплановая и всесторонняя деятельность Восточно-Сибирского государственного института культуры свидетельствует о стабильном развитии эффективных механизмов, форм и методов по сохранению и изучению традиционной культуры народов Бурятии, формированию межнационального диалога и межкультурной толерантности, популяризации гражданских и традиционных ценностей среди молодежи. Именно этническое многообразие может рассматриваться как важный ресурс, способный дать экономический и социальный эффект и определить точки роста в целях устойчивого развития территории.

Литература

1. Дашибалова И. Н. Социокультурные факторы межэтнических отношений в Республике Бурятия // Социальные и политические вызовы модернизации в XXI веке: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. (Улан-Удэ, 6–11 августа 2018 года). – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2018. – С. 148–150.
2. Перова Е. Ю., Цыремпилова И. С. Исторический опыт подготовки профессиональных кадров для сферы культуры и искусств в региональном вузе // Известия Иркут. гос. ун-та. – Серия: История. – 2018. – Т. 25. – С. 106–115.
3. Постановление Правительства РФ от 29.12.2016 № 1532 (ред. от 29.03.2019) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации “Реализация государственной национальной политики”» [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_210753/ (дата обращения: 07.10.2019).
4. Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года, утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 февраля 2016 года № 326-р [Электронный ресурс]. – URL: <http://static.government.ru/media/files/AsA9RAyYVAJnoBuKgH0qEJA9IxP7f2xm.pdf> (дата обращения: 07.10.2019).
5. О внесении изменений в Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 года № 1666: Указ Президента Российской Федерации от 06.12.2018 № 703 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43843> (дата обращения: 07.10.2019).

References

1. Dashibalova I.N. Sotsiokul'turnye faktory mezhetnicheskikh otnosheniy v Respublike Buryatiya [Sociocultural factors of ethnic relations in the Republic of Buryatia]. *Sotsial'nye i politicheskie vyzovy modernizatsii v XXI veke* [Social and political challenges of modernization in XXI century]. Ulan-Ude, 2018, pp. 148-150. (In Russ.).

2. Perova E.Yu., Tsyrempilova I.S. Istoricheskiy opyt podgotovki professional'nykh kadrov dlya sfery kul'tury i iskusstv v regional'nom vuze [Historical experience in training of specialists for the field of culture and art in regional university]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta [The Bulletin of Irkutsk State University]*, 2018, vol. 25, pp. 106-115. (In Russ.).
3. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 29.12.2016 № 1532 (red. ot 29.03.2019) «Ob utverzhdenii gosudarstvennoy programmy Rossiyskoy Federatsii "Realizatsiya gosudarstvennoy natsional'noy politiki"» [Order of the Government of the Russian Federation of 29 December 2016 No. 1532 (ed. of 29 March 2019) "On confirmation of the state program of the Russian Federation "Realization of state national policy"]]. (In Russ.) Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_210753/ (accessed 07.10.2019).
4. *Strategiya gosudarstvennoy kul'turnoy politiki na period do 2030 goda, utverzhdena rasporyazheniyem Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 29 fevralya 2016 goda № 326-r* [Strategy of state cultural policy for the period up to 2030, approved by the order of the Government of the Russian Federation of 29 February 2016 No. 326-r]. (In Russ.). Available at: <http://static.government.ru/media/files/AsA9RAyYVAJnoBuKgH0qEJA9IxP7f2xm.pdf> (accessed 07.10.2019).
5. *O vnesenii izmeneniy v Strategiyu gosudarstvennoy natsional'noy politiki Rossiyskoy Federatsii na period do 2025 goda, utverzhdennoy Ukazom Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 19 dekabrya 2012 goda № 1666: Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 06.12.2018 № 703* [On amendments of the Strategy of national policy of the Russian Federation for the period up to 2025, approved by the Edict of the President of the Russian Federation of 19 December 2012 No. 1666: the Edict of the President of the Russian Federation of 6 December 2018 No. 703]. (In Russ.). Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43843> (accessed 07.10.2019).

УДК 304.4+327

СОВЕТСКИЙ СОЮЗ – КИТАЙ: К ВОПРОСУ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ В ПРОСТРАНСТВЕ ПОВСЕДНЕВНОЙ КУЛЬТУРЫ¹

Сапанжа Ольга Сергеевна, доктор культурологии, профессор, профессор кафедры художественного образования и декоративного искусства, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург, РФ), научный сотрудник, Институт всеобщей истории Российской академии наук (г. Москва, РФ). E-mail: sapanzha@mail.ru

В статье анализируются основные направления формирования комплекса представлений о Китае в пространстве советской повседневной культуры. Контакты между странами существовали на протяжении XX века, однако имели свою специфику до и после образования Китайской Народной Республики. В период до 1949 года основными источниками для формирования представлений о Китае были агитационные книги серии «Библиотека молодого рабочего», описывающие историю, политическую, экономическую и культурную ситуацию в зарубежных странах в свете задач построения коммунизма. Тем не менее визуальные образы китайской культуры были представлены на немногочисленных музейных выставках традиционного китайского искусства и в произведениях на китайскую тему, самое известное из них – балет «Красный мак» (1927), ставший основой для развития китайских сюжетов в пространстве повседневности. После 1949 года до середины 1960-х годов в связи с укреплением политических и экономических контактов активизируется работа по формированию целостного образа дружественного Китая в сознании советских людей. Эта работа осуществлялась в трех основных направлениях – издание массовых периодических иллюстрированных изданий, импорт товаров легкой промышленности и домашнего обихода китайского производства и создание произведений

¹ Исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда № 18-18-00367 «Всеобщая история в системе советской науки, культуры и образования в 1917–1947 годах».

декоративно-прикладного искусства и промышленного дизайна на китайскую тему. В итоге достаточно успешно была решена задача по формированию общих визуальных представлений и специфике уклада жизни Китайской Народной Республики.

Ключевые слова: Китай, Китайская Народная Республика, Советский Союз, культура Китая, повседневная культура, всемирная история, советско-китайское сотрудничество.

THE SOVIET UNION – CHINA: TO WORLD HISTORY PRESENTATION IN EVERYDAY CULTURAL SPACE

Sapanzha Olga Sergeevna, Dr of Culturology, Professor, Professor of Department of Art Education and Decorative Arts, Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg, Russian Federation), Researcher, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: sapanzha@mail.ru

An analysis of the main forms of the presentation of Chinese culture for Soviet people is the focus of the paper. Contacts at the state level connected the Soviet Union and China. These are agreements on friendship and cooperation, the organization of societies and groups in the field of culture. The new period of relations between the two countries begins in 1949, when the People's Republic of China was formed. However, the ways of forming ideas about countries among ordinary people were different until 1949 and after this date. The main sources of perceptions of Chinese culture were propaganda books and works of art until 1949. These were books from the Young Worker Book series or Stories about the Capitalist Countries series. There were not many exhibitions of Chinese art during this period, but they introduced traditional Chinese painting or decorative art for Soviet people. In addition, a ballet on a Chinese theme with revolutionary content was created in the Soviet Union. The ballet "Red Poppy" was staged at the Bolshoi Theater in 1927. This work was one of the most important Soviet ballets for many years. Special perfumes of the same name were released. So that the idea of Chinese culture began to develop. A new way of this formation took shape after 1949. Three ways can be distinguished. The first way is popular mass periodicals (People's China magazine, China magazine, publications in "Ogonyok" magazine). The second way is consumer goods (imported goods from China: clothes, shoes, home decoration). The third way is the works on the Chinese theme that were produced in the Soviet Union (for example, porcelain figurines). Soviet people received a diverse and stable view of Chinese culture in this way.

Keywords: China, People's Republic of China, Soviet Union, Chinese culture, everyday culture, world history, Soviet-Chinese cooperation.

DOI: 10.317773/2078-1768-2020-50-29-37

Расширение сфер российско-китайского сотрудничества, которое сегодня особенно заметно в области экономики, науки, образования, художественной культуры, определяет внимание ученых к истории взаимных контактов двух стран на протяжении XX века.

Формальным поводом научного интереса к истории взаимоотношений Китая и России можно считать юбилейные даты и связанные с ними международные программы культурного диалога [9, с. 238–247].

Основная юбилейная дата относится к 2019 году – это 70-летие образования Китайской Народной Республики (1 октября 1949 года) [2, с. 5–20]. Следующие значительные события связаны с подписанием договоров между новым государством и Советским Союзом – советско-китайского Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи (14 февраля 1950 года), Соглашения о культурном сотрудничестве (5 июля 1956 года) – и создание Общества советско-китайской дружбы (октябрь 1957 года) [14]. Именно в первые годы образова-

ния КНР были предприняты значительные усилия по оформлению правового поля взаимодействия двух стран и его реальному развитию. Затем последовал период охлаждения отношений и новый всплеск интереса уже в 1980-е годы.

В общем комплексе исследований, посвященных проблемам российско-китайского сотрудничества в XX веке, отдельную группу составляют научные статьи и монографии по различным аспектам политического взаимодействия и экономического развития. Вопросы культуры чаще становятся предметом особого интереса, например в области анализа идеологических задач двух стран. Однако важную часть пространства культурного диалога Советского Союза и Китая составляло его развитие в повседневной культуре, и именно после 1949 года это развитие особенно активизировалось.

При этом нельзя говорить, что в первой половине XX века подобного диалога не было. Однако существенным отличием был тот факт, что сам диалог в основном развивался не в рамках быденного, повседневного (а именно рутинность, повторяемость можно признать существенными чертами повседневности), а в пространстве «высокой» культуры – театрального и музыкального искусства и в идеологическом пространстве (в виде изданий в 1920–1930-х годах серий «Библиотека рабочей молодежи», «Революционное движение в странах капитала», «Классы, партии и союзы молодежи мира», «Капиталистический мир», «В помощь преподавателю дивизионной школы партийного актива» и т. д.).

На это указывает и анализ частных исследований различных направлений художественного сотрудничества. Например, Чжэн И в исследовании советско-китайских контактов в области театрального искусства в XX веке отмечает, что контакты Советского Союза и Китая до 1949 года носили эпизодический, «ознакомительный» характер [15, с. 11] и лишь после образования КНР стали систематическими и интенсивными.

Отметим, что похожая ситуация характерна для многих стран – стратегических партнеров Советского Союза в 1950-х годах. Ярким примером является Индия, ставшая к 1960-м годам самым крупным некоммунистическим торговым партнером Советского Союза. В период с 1947 года (обретение Индией независимости) по 1971 год

(подписание Договора о мире, дружбе и сотрудничестве) в советской повседневной культуре было сформировано представление об Индии, ее культуре, традициях и обычаях, параллельно с развитием политических контактов шел процесс восприятия Индии на уровне быденного сознания (облика городов, частного пространства, особенностей кухни, костюма, организации повседневной жизни) [11, с. 22–27].

В то же время стоит отметить, что ситуация культурного диалога Советского Союза и Китая в 1920–1930-е годы осложнялась наличием диаспоры эмигрантов, в том числе представителей Белого движения [1, с. 11–14]². Значительные культурные события, которые происходили в эмигрантской среде, были неизвестны советскому обывателю. Примером могут служить выставки российских художников-эмигрантов в Шанхае³, развитие балетного и театрального искусства⁴. Культурная жизнь русской эмиграции была насыщенной и не ограничивалась развитием традиционных для России направлений. Более того, рус-

² Наталья Николаевна Аблажей выделяет три периода существования российской эмиграции: формирование (первая четверть XX века), трансформация (конец 1920-х – 1940-е годы) и распад (вторая половина 1950-х – начало 1960-х годов) диаспоры [1]. См. также: С Востока на восток: Российская эмиграция в Китае. – Новосибирск, 2007. – 300 с.

³ Художественная жизнь Китая, на которую оказывали значительное влияние русские эмигранты, сегодня является предметом специального научного интереса. См. напр.: Шаронова В. Г. Русские художники в Шанхае в годы «белой» эмиграции // Русское зарубежье: история и современность: сб. ст. / Центр комплексных исследований российской эмиграции. – М.: Ин-т науч. информации по общественным наукам РАН, 2013. – С. 237–244; Хисамутдинов А. А. Русские художники в Китае // Культурное наследие России. – М.: Рос. науч.-исслед. ин-т культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева. – 2016. – № 3. – С. 66–71.

⁴ История эмиграции и развития в Китае русских балетных и театральных коллективов также является предметом отдельного интереса. См.: Хисамутдинов А. А. Русский балет в Китае: моногр. – Владивосток: Изд-во Дальневосточ. ун-та, 2015. – 80 с.; Дорофеева Н. А. Судьбы российских артистов в китайской эмиграции // Общество и государство в Китае / Ин-т востоковедения РАН. – 2017. – Т. 47, № 2. – С. 699–737.

ская культура оказывала влияние на китайскую. Ярким примером являются гастроли Федора Ивановича Шаляпина в Китае с декабря 1935 по январь 1936 года. Он дал сольные концерты в четырех крупных городах – Харбине, Шанхае, Пекине и Тяньцзине. Выступления певца (на тот момент – тоже эмигранта) оказали серьезное влияние на выдающихся деятелей китайской культуры середины XX века. В своих воспоминаниях Мэй Ланьфан (китайский артист Пекинской оперы), Ли Дэлунь (китайский композитор первого поколения, принадлежавший к европейской музыкальной культуре), Цао Юй (китайский драматург, пьесы которого ставились в России) отмечали, что Ф. И. Шаляпин оказал своим выступлением на них заметное влияние. Во многом благодаря гастролям имя Ф. И. Шаляпина заняло важное место в истории музыкального искусства в Китае⁵.

В Советском Союзе 1930-х годов у массового зрителя также были возможности познакомиться с китайской культурой, более того – именно в этот период были сделаны попытки включить визуальные образы китайской культуры в пространство советской повседневности. С китайским искусством советского зрителя знакомили выставки традиционной китайской живописи. Первая встреча состоялась в 1934 году – выставка «Китайская живопись» сначала открылась в Историческом музее Москвы, а затем в Государственном Эрмитаже в Ленинграде [4, с. 74–76]. Анализ отзывов посетителей на выставку показывает, что зритель практически не был знаком с эстетической системой китайского традиционного искусства, она зачастую вызывала непонимание и недоумение как с точки зрения сюжета, так и художественного метода [5, с. 92–96].

Самым ярким примером проникновения представлений о культуре Китая в простран-

ство повседневности СССР можно назвать балет «Красный мак» и, в первую очередь, тот предметный мир, который сопровождал триумфальное представление первого «революционного» балета на советской сцене. Важно, что в момент создания балета (премьера балета «Красный мак» композитора Рейнгольда Морицевича Глиера (1875–1956) состоялась 14 июня 1927 года на сцене Большого театра) Китай на страницах упомянутых выше изданий информационно-агитационного характера был представлен страной, находящейся в состоянии борьбы с империализмом. В итоге небольшая заметка в газете об инциденте в китайском порту легла в основу либретто балета, написанного Михаилом Ивановичем Курилко (1880–1969), ставшим первым художником спектакля и впервые представившим образы революционных борцов. В дальнейшем основные сценические находки «Красного мака» будут развиты в балетах «Пламя Парижа», «Лауренсия», в которых центральное место займут образы восставшего народа. Балетмейстерами «Красного мака» стали Василий Дмитриевич Тихомиров (1876–1956) и Лев Александрович Лащилин (1888–1955), частично в работе принимал участие Алексей Денисович Дикий (1889–1955). После Большого театра в 1929 году балет был представлен на сцене Ленинградского государственного академического театра оперы и балета. Для этой постановки была предложена иная редакция балета – Федора Васильевича Лопухова (1886–1973) и изменена хореография при участии балетмейстеров Владимира Ивановича Пономарева (1892–1951) и Леонида Сергеевича Леонтьева (1885–1942). Уникальные декорации и костюмы создал Борис Михайлович Эрбштейн (1901–1963). Затем началось триумфальное шествие балета по сценическим площадкам Советского Союза и зарубежья [12, с. 33–35].

Интересно, что каждая новая редакция балета была связана с серьезными событиями в отношении двух стран. Вторая «редакция» балета в 1949 году совпала с важным для Советского Союза политическим событием – китайской революцией и провозглашением Китайской Народной Республики. Измененный балет был представлен на сцене Большого театра 30 декабря 1949 года. Либретто М. И. Курилко было доработано Алексеем Николаевичем Ермолаевым (1910–1975),

⁵ Хуан Сяохэ в книге «История советской музыки» перечисляет восемь наиболее ярких представителей музыкального искусства России и СССР, среди которых Ф. И. Шаляпин занимает третье место после В. Р. Петрова и И. Ф. Стравинского (Хуан Сяохэ. История советской музыки. – Пекин: Хайся вэнь, 1998). В 1999 году в Китае была переведена и выпущена автобиография Ф. И. Шаляпина «Маска и душа. Мои сорок лет на театрах» (перевод Тянь Давэя, издательство «Просвещение провинции Ляонин»).

художником балета остался М. И. Курилко, а балетмейстером второй редакции «Красного мака» выступил Леонид Михайлович Лавровский (1905–1967). Вторая редакция в версии ленинградского театра вышла на несколько дней раньше – 26 декабря 1949 года. В основу легло либретто, отредактированное А. Н. Ермолаевым, балетмейстером выступил Ростислав Владимирович Захаров (1907–1984), художником – Яков Зиновьевич Штоффер (1906–1951). Новый вектор отношений государств повлиял на новую редакцию балета, приуроченного к провозглашению КНР. Действие было перенесено в Китай 1930-х годов, появился новый герой – молодой китайский коммунист Ма Ли-чен, спасая которого гибнет ТаоХоа, сюжет дополнили и новые актуальные враги – «американские боссы гоминдановской клики».

Третья редакция балета, премьера которого состоялась в Большом театре 24 ноября 1957 года, по содержанию почти не изменилась, так как постановщик, либреттист и художник остались прежними, но изменилось название балета. По наиболее распространенной версии официальным Китаем было высказано недовольство названием, имеющим ассоциации с опиумным цветком. В связи с этим название заменили на «Красный цветок». Третья ленинградская редакция увидела свет 2 мая 1958 года в постановке Алексея Леонидовича Андреева (1920–2004) и в художественном оформлении Михаила Павловича Бобышова (1885–1964). Однако ни в Москве, ни в Ленинграде третья редакция не оставалась на сцене долгое время, так как начался период охлаждения отношений с Китаем.

Балет «Красный мак» явился новым словом в балете. В нем впервые была представлена революционная тема как сюжетная основа балета. Сценические решения (прежде всего музыкальные и хореографические) в передаче образов составшего народа стали основой похожих решений в других балетах. Не менее интересна сама обстановка создания балета и его обсуждения после постановки с привлечением трудящихся масс, выражавших волю народа и демонстрировавших будущие критерии оценки произведений музыкального и театрального искусства в 1930-е годы [12, с. 35–38].

Но в рамках рассматриваемой в статье проблемы наиболее интересными представляются те отклики на балет, которые стали частью советской повседневности. Это, во-первых, сам мотив красного цветка – мака, который становится чрезвычайно популярным в советской легкой промышленности, в росписях на фарфоре, повторяющийся затем в предметах рукоделия, прежде всего, вышивках. Дополнительные ассоциации получают папиросы «Мак», вскоре советская пищевая промышленность начнет выпускать конфеты и шоколад «Красный мак». Но настоящим триумфом балета в пространстве повседневности стало создание духов «Красный мак» (автор Давид Гарбер), разработка которых – один из важных этапов развития советской парфюмерной промышленности. Это первый пример разработки парфюмерной композиции как отклика на балетную постановку. Дизайн коробки – с кисточкой и названием, стилизованным под китайские иероглифы, – не оставлял в этом сомнений и вызывал прочные ассоциации предмета повседневных практик (связанных с пространством тела как одной из составляющих пространства повседневного) с «высокой» культурой. Духи «Красный мак» пережили все три советские редакции балета. Более того, на волне интереса к КНР в 1950-е годы фабрика «Новая заря» выпускала подарочные наборы в сюрпризных коробках, включающие не только духи, но и мыло и пудру «Красный мак». С конца 1960-х годов дизайн духов упрощается, вместо притертой крышечки флакона используется винтовая, духи перестают быть престижными и изысканными, тем не менее занимают важную часть пространства советской повседневности. И в дальнейшем традиция создания парфюмерных композиций на литературные, музыкальные и театральные сюжеты (духи «Пиковая дама», «Ромео и Джульетта», «Каменный цветок», «Анна Каренина» и др.) получит широкое распространение.

Наибольшими тиражами духи «Красный мак» выпускались в 1950-е годы на волне взаимного интереса и активизации сотрудничества Советского Союза и молодой Китайской Народной Республики. Анализируя советско-китайские культурные связи в 1950-х годах, О. Н. Рябенко отмечает их высокую интенсивность, причем двустороннего характера. Значительное количество

«перекрестных» выставок, концертов, подготовка специалистов, владеющих языком страны – соседа, количество переводов китайской и русской литературы с последующими массовыми тиражами, взаимное знакомство с киноискусством двух государств дают возможность говорить о наличии системы реализации культурной политики с определенной стратегией межкультурной коммуникации и разнообразием ее форм [10, с. 135–138].

Именно в этот период у советского обывателя формируются устойчивые представления о новом, коммунистическом Китае. Можно назвать три основных «канала», по которым поступала информация о Китае: массовые иллюстрированные периодические издания, товары народного потребления, экспортируемые из Китая, и товары советского производства на «китайскую» тему.

Появление иллюстрированных периодических изданий, ориентированных на массового читателя, совпало со временем образования нового Китая. Научные издания, рассчитанные, в первую очередь, на специалистов, не могли решить задачи знакомства массовой аудитории с культурой Китая. Публикации для специалистов, касающиеся взаимоотношений СССР и Китая, были представлены в журнале «Советское Китаеведение». Первым шагом научного изучения современного Китая стало создание Института востоковедения в Москве на основе Ленинградского института востоковедения Академии наук, который в 1950 году был переведен в Москву и объединен с Тихоокеанским институтом. В 1956 году был создан Институт Китаеведения Академии наук СССР. Анализируя историографию Китаеведения, Т. Г. Герасимова отмечает, что принятое в 1957 году решение об издании научного журнала было связано с этими процессами и необходимостью всестороннего и глубокого исследования Китая [3, с. 130].

Научные институты в последующее десятилетие неоднократно подвергались реорганизации, журнал «Советское Китаеведение» успел выдержать только четыре издания, был закрыт и впоследствии переименован в «Народы Азии и Африки» [3, с. 130–131]. В итоге, несмотря на то что издание журнала рассматривалось как «проявление крепнущей братской дружбы народов Советского Союза и Китайской Народной Республики,

свидетельство растущего интереса и внимания советских людей к изучению истории, экономики и культуры великого Китая» [6, с. 212], большого влияния на широкий круг читателей оно не имело.

Значительно большее влияние имели популярные иллюстрированные журналы. Среди них – литературно-художественные журналы, такие как «Огонек», на страницах которого Китаю уделялось существенное место. При этом, темы журналов «Огонек» и «Советское Китаеведение» были практически схожи. На это обращает внимание Чжэн Ин в работе, исследующей взаимодействие театрального искусства Китая и СССР в 1950–1960-х годах. Она анализирует, например, материалы статьи в журнале «Огонек» с рецензией на китайскую трагедию «Цюй Юань», которая была поставлена в Московском драматическом театре им. М. Ермоловой в 1954 году, и материалы журнала «Советское Китаеведение» по проблемам театрального искусства [15, с. 7]. Журнал «Огонек» уделял значительное внимание жизни так называемых «братских народов» – Китая, Индии, Кубы, и практически в каждом номере можно обнаружить или красочный разворот, или репортаж о событиях в Китае, или мероприятиях, пропагандировавших советско-китайскую дружбу.

Достаточное распространение получили периодические издания, целиком посвященные Китаю. С начала 1950-х годов для советских читателей стал выходить журнал «Народный Китай» и иллюстрированное издание «Китай». В Китае, в свою очередь, с 1958 года выходил журнал «Советско-китайская дружба» [6, с. 136]. Отметим, что традиция издания журналов, рассказывавших о культуре «братских народов», была достаточно распространена в СССР. Так, в 1961 году Институт народов Азии Академии наук СССР издал реферативный журнал «Индия», однако важнейшим периодическим изданием стал ежеквартальный иллюстрированный журнал «Индия» – издание посольства Индии в Советском Союзе, выходившее с 1964 года [11, с. 25]. Менее красочный журнал «Народный Китай», небольшого формата, с черно-белыми иллюстрациями, выходил каждые две недели и представлял обзор развития основных областей промышленности и культуры Китая. Выпуск мог быть посвящен темпам развития сельского хозяйства, традициям китай-

ской литературы, строительству железных дорог, театральным и музыкальным смотрам, соревнованиям по хоккею (содержание номера 4 журнала «Народный Китай» за февраль 1957 года). Ежемесячный иллюстрированный журнал «Китай» выходил на нескольких языках (китайском, монгольском, тибетском, уйгурском, корейском, русском, английском, французском, японском, индонезийском, испанском) и стал достаточно популярным изданием. Журнал содержал много иллюстрированных материалов о крупных правительственных встречах, заводах и сельскохозяйственных кооперативах, художественной самодеятельности, санаториях и домах культуры, людях труда. Содержанием одного номера могли быть, например, заметки о праздновании седьмой годовщины со дня образования КНР, дворце Потала, буднях химико-фармацевтического завода «Шэн-цзи» в Шанхае, рыболовстве в пресных водах, общепитии Пекинской текстильной фабрики № 2, результатах конкурса научно-фантастических произведений «Путешествие на Луну», рынке Дуньяньшичан, городе Манши, трактористке Ван Мэй-фэнь, фильме-спектакле «Хуа Му-лань», каучуковой плантации на острове Хайнань, новых моделях обуви, Всекитайских соревнованиях по игре в бейсбол и индербейсбол (содержание номера 11 журнала «Китай» за ноябрь 1956 года).

Важную роль в формировании образа Китая играло расширение ассортимента товаров, импортируемых из Китая. В 1950-е годы советский покупатель мог стать обладателем тканей и предметов одежды из Китая (платье, обувь, аксессуары – сумочки с вышивкой, шелковые летние зонты), предметов гигиены (махровые полотенца), посуды (фарфоровые тарелки, чашки, чайники), украшений для интерьера (вазы), кошельков и записных книжек [8]. Мотивы традиционного китайского искусства, которые были частью этих произведений промышленного дизайна, формировали у советского человека представление об основных китайских изобразительных сюжетах (цветы и птицы, горы и водоемы) и общей эстетике китайской культуры.

Не менее интересны и важны для изучения в пространстве повседневной культуры произведения мелкой фарфоровой пластики, которые

выпускались советской промышленностью. Это, прежде всего, образы балета «Красный мак», воплощенные в фарфоре. В мелкой пластике образы балета были представлены Еленой Александровной Янсон-Манизер (1890–1971) и Ольгой Сергеевной Артамоновой (1926–2006). В центре внимания художниц был образ главной героини Тао Хоа, воплотившей в себе представление о Китае для советских граждан. Е. А. Янсон-Манизер представила три варианта образа главной героини балета в исполнении Галины Сергеевны Улановой (1910–1998) – все статуэтки с веерами. Наиболее популярен вариант, представляющий Тао Хоа с веерами в позе из знаменитого танца, известной по фотографии выдающейся балерины. В этом произведении видно, какого уровня мастерства достигло фарфоровое производство – фигура динамична, сложна по композиции, ощущение экспрессии и полета достигается благодаря расположению фигуры на одном носке – таким мастерством фарфористы довоенного времени не обладали [13, с. 67]. Во второй половине 1950-х годов на Дмитровском фарфоровом заводе (Вербилки) скульптором Ольгой Сергеевной Артамоновой была выполнена скульптура «Тао Хоа в балете “Красный мак”» без создания портретного сходства с кем-либо из исполнителей. Это произведение было выпущено значительными тиражами и, включенное в интерьеры советских квартир, формировало представление об образах китайской культуры. Фарфоровые статуэтки, не связанные напрямую с балетом, тем не менее, развивали увлечение Китаем, начало которому положил «Красный мак» [13, с. 67]. Так, в конце 1950-х – начале 1960-х годов на Ленинградском фарфоровом заводе Галиной Сергеевной Столбовой (1908–1996) были выполнены скульптуры «Китайка с веером» и «Китайка вышивает голубя» в росписи Елизаветы Николаевны Лупановой (1910–1973). Дулевский фарфоровый завод в 1950-е годы выпускал статуэтку «Китайка с веером» скульптора Асты Давидовны Бржезицкой (1912–2004). Статуэтки на «китайскую» тему выпускал Гжельский фарфоровый завод, в 1950-х годах там появилась фигурка «Китайка с веером в розовом кимоно».

Итак, культура Китая была достаточно широко представлена в пространстве советской по-

вседневности. Анализ направлений включения политических событий и всемирной истории в пространство рутинных практик подтверждает, что формирование представлений о культуре Китая происходило на всех трех уровнях повседневности [5, с. 10–11] – пространстве тела (парфюмерия, одежда, аксессуары), дома (мелкая пластика,

ткани, предметы интерьера, книги, периодическая печать) и города (плакаты, театральные постановки). Взятые вместе, они создавали устойчивый образ страны, народа, культуры (с точки зрения и идеологии, и общей эстетики), элементы которого сохраняются в современном массовом восприятии.

Литература

1. Аблажей Н. Н. Эмиграция из России (СССР) в Китай и реэмиграция в первой половине XX века: автореф. дис. ... д-ра истор. наук. – Новосибирск, 2008. – 47 с.
2. Буров В. Г. Китайской Народной Республике – 70 лет // Свободная мысль. – 2019. – № 5 (1677). – С. 5–20.
3. Герасимова Т. Г. Об изучении истории КПК в СССР и России // Отечественная историография КНР: некоторые направления. Серия «Китай: история и современность». – М.: Восточная литература, Институт Дальнего Востока РАН, 2015. – С. 129–159.
4. Дзя Сяолу. Выставки китайского искусства в Советском Союзе (1930–1960-е годы) и место в них живописных произведений «цветы и птицы» // Вопросы музеологии. – 2017. – № 1 (15). – С. 72–80.
5. Дзя Сяолу. Выставка китайской живописи в отзывах посетителей (Государственный Эрмитаж 1934 года) // Университетский научный журнал. Серия «Филологические и исторические науки, искусствоведение». – 2017. – № 28. – С. 88–97.
6. Ефимов Г. В. Историческая наука в СССР. К изданию журнала «Советское Китаеведение» // Вопр. истории. – 1958. – № 9. – С. 209–212.
7. Лелеко В. Д. Пространство повседневности в европейской культуре. – СПб., 2002. – 303 с.
8. Образы Петрограда-Ленинграда: альбом / сост.: Т. А. Алексеева, О. А. Чеканова. – СПб.: Арт Деко, 2005. – 348 с.
9. Петровский А. Е. Перекрестные годы регионов – новые возможности для российско-китайского приграничного и межрегионального сотрудничества // Китай в мировой и региональной политике. История и современность / Ин-т Дальнего Востока РАН, Центр изучения и прогнозирования российско-китайских отношений. – 2018. – Т. 23, № 23. – С. 238–247.
10. Рябченко О. Н. Из истории советско-китайских культурных связей // Россия и АТР. – 2010. – № 2. – С. 134–139.
11. Сапанжа О. С. Образы Индии в советской повседневной культуре 1950–1960-х годов // Вестн. С.-Петерб. гос. ин-та культуры. – 2018. – № 4 (37). – С. 22–27.
12. Сапанжа О. С., Баландина Н. А. Балет «Красный мак» в пространстве советской повседневной культуры // Вестн. Акад. рус. балета им. А. Я. Вагановой. – 2017. – № 1 (48). – С. 33–39.
13. Сапанжа О. С., Баландина Н. А. Советская фарфоровая мелкая пластика в пространстве повседневной культуры 1950–1960-х годов: к вопросу развития художественных образов // Новое искусствоведение. История, теория и философия искусства. – 2019. – № 51. – С. 64–70.
14. Советско-китайские отношения. 1917–1957: сб. док. / Акад. наук СССР, Ин-т Китаеведения. – М.: Изд-во восточной литературы, 1959. – 467 с.
15. Чжэн И. Взаимодействие театрального искусства Китая и СССР в 1950–1960-х годы // Культура и искусство. – 2019. – № 6. – С. 10–15.

References

1. Ablazhey N.N. *Emigratsiya iz Rossii (SSSR) v Kitay i reemigratsiya v pervoy polovine XX veka: avtoreferat doktora istoricheskikh nauk [Emigration from Russia (USSR) to China and re-emigration in the first half of the twentieth century. Author's abstract of Diss. Dr of Historical Sciences]*. Novosibirsk, 2008. 47 p. (In Russ.).
2. Burov V.G. Kitayskoy Narodnoy Respublike – 70 let [People's Republic of China – 70th Anniversary]. *Svobodnaya mys'l' [Free Thought]*, 2019, no. 5 (1677), pp. 5–20. (In Russ.).
3. Gerasimova T.G. Ob izuchenii istorii KPK v SSSR i Rossii [On the study of the history of the CCP in the USSR and Russia]. *Otechestvennaya istoriografiya KNR: nekotorye napravleniya. Seriya "Kitay: istoriya i sovremennost'" [Domestic historiography of the PRC: some directions. Series "China: History and Present"]*. Moscow, Vostochnaya literature, Institut Dal'nego Vostoka RAN Publ., 2015, pp. 129–159. (In Russ.).

4. Dzya Syaolu. Vystavki kitayskogo iskusstva v Sovetskom Soyuze (1930-1960-e gody) i mesto v nikh zhivopisnykh proizvedeniy "tsvety i ptitsy" [Exhibitions of Chinese art in the Soviet Union (1930-1960s) and the place of paintings "flowers and birds" in them]. *Voprosy muzeologii [Museology Issues]*, 2017, no. 1 (15), pp. 72-80. (In Russ.).
5. Dzya Syaolu. Vystavka kitayskoy zhivopisi v otzyvakh posetiteley (Gosudarstvennyy Ermitazh 1934 goda) [Exhibition of Chinese painting in visitor reviews (State Hermitage Museum, 1934)]. *Universitetskiy nauchnyy zhurnal. Seriya "Filologicheskie i istoricheskie nauki, iskusstvovedenie". [University Scientific Journal. Series "Philological and historical sciences, art criticism"]*, 2017, no. 28, pp. 88-97. (In Russ.).
6. Efimov G.V. Istoricheskaya nauka v SSSR. K izdaniyu zhurnala "Sovetskoe kitaevedenie" [Historical science in the USSR. To the publication of the journal "Soviet Sinology"]. *Voprosy istorii [Questions of history]*, 1958, no. 9, pp. 209-212. (In Russ.).
7. Leleko V.D. *Prostranstvo povsednevnosti v evropeyskoy kul'ture [The space of everyday life in European culture]*. St. Petersburg, 2002. 303 p. (In Russ.).
8. *Obrazy Petrograda-Leningrada: al'bom [Images of Petrograd-Leningrad. Album]*. Compilers T.A. Alekseeva, O.A. Chekanova. St. Petersburg, Art Deko Publ., 2005. 348 p. (In Russ.).
9. Petrovskiy A.E. Perekrestnye gody regionov – novye vozmozhnosti dlya rossiysko-kitayskogo prigranichnogo i mezhregional'nogo sotrudnichestva [Cross years of regions – new opportunities for Russian-Chinese cross-border and interregional cooperation]. *Kitay v mirovoy i regional'noy politike. Istoriya i sovremennost' [China in world and regional politics. History and Modernity]*. Moscow, Institut Dal'nego Vostoka RAN, Tsentr izucheniya i prognozirovaniya rossiysko-kitayskikh otnosheniy Publ., 2018, vol. 23, no. 23, pp. 238-247. (In Russ.).
10. Ryabchenko O.N. Iz istorii sovetsko-kitayskikh kul'turnykh svyazey [From the history of Soviet-Chinese cultural ties]. *Rossiya i ATR [Russia and Asia-Pacific]*, 2010, no. 2, pp. 134-139. (In Russ.).
11. Sapanzha O.S. Obrazy Indii v sovetskoy povsednevnoy kul'ture 1950-1960-kh godov [The images of India in Soviet everyday culture of the 1950-1960s]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury [Bulletin of the St. Petersburg State Institute of Culture]*, 2018, no. 4 (37), pp. 22-27. (In Russ.).
12. Sapanzha O.S., Balandina N.A. Balet "Krasnyy mak" v prostranstve sovetskoy povsednevnoy kul'tury [The ballet "Red Poppy" in the space of Soviet everyday culture]. *Vestnik Akademii russkogo baleta im. A.Ya. Vaganovoy. [Bulletin of the Academy of Russian Ballet named after A.I. Vaganova]*, 2017, no.1 (48), pp. 33-39. (In Russ.).
13. Sapanzha O.S., Balandina N.A. Sovetskaya farforovaya melkaya plastika v prostranstve povsednevnoy kul'tury 1950-1960-kh godov: k voprosu razvitiya khudozhestvennykh obrazov [Soviet porcelain small plastic in the space of everyday culture of the 1950-1960s: on the issue of the development of artistic images]. *Novoe iskusstvovoznanie. Istoriya, teoriya i filosofiya iskusstva [New art history. History, Theory and Philosophy of Art]*, 2019, no. S1, pp. 64-70. (In Russ.).
14. *Sovetsko-kitayskie otnosheniya. 1917-1957: sbornik dokumentov [Soviet-Chinese relations. 1917-1957. Collection of documents]*. Moscow, Akademiya nauk SSSR, Institut kitaevedeniya, Izdatel'stvo vostochnoy literatury Publ., 1959. 467 p. (In Russ.).
15. Czhehn I. Vzaimodeystvie teatral'nogo iskusstva Kitaya i SSSR v 1950-1960-kh godakh [The interaction of theatrical art of China and the USSR in the 1950-1960s]. *Kul'tura i iskusstvo [Culture and art]*, 2019, no. 6, pp. 10-15 (In Russ.).

УДК 069(571.5)+378.147(571.5)

МУЗЕЙНОЕ ДЕЛО И МУЗЕЙНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В БУРЯТИИ: ПАРАДИГМЫ РАЗВИТИЯ

Мишакова Оксана Эдуардовна, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой музеелогии и наследия, Восточно-Сибирский государственный институт культуры (г. Улан-Удэ, РФ).
E-mail: oksana_mishakova@mail.ru

В статье автор рассматривает историю формирования и современное развитие музейного дела, а также традиции музейного образования в России в целом и Бурятии в частности. Показана роль

в организации музеев Западного Забайкалья предпринимателей (представителей купеческого сословия), местного научного сообщества и интеллигенции. Специфика организации музейного дела в регионе заключалась в том, что коллекции первых музейных собраний складывались как результат экспедиционной и научно-исследовательской работы по изучению и освоению богатств сибирской земли. Появляющиеся музеи имели тесную связь с научными обществами. В этом заключалась специфика, позволившая осознать роль музея, в первую очередь, как научно-исследовательского учреждения и лишь позже – культурной нормы, социально-культурного института. Также показана трансформация роли и значения музея со сменой политического строя. В конце 80-х годов XX века в некоторых вузах Москвы и Ленинграда открываются специализированные кафедры для подготовки музейных специалистов. Третьим вузом в стране, где была открыта музееведческая кафедра, стал Восточно-Сибирский государственный институт культуры. Анализ процессов развития профильного музейного образования, в том числе на основе внедрения профессиональных и новых образовательных стандартов, проведен на базе кафедры музеологии и наследия Восточно-Сибирского государственного института культуры. Автор считает важным процесс интеграции профессиональных стандартов, определяющих конкретные трудовые функции по уровням квалификаций, и современного практико-ориентированного компетентного подхода в музейном образовании.

Ключевые слова: музейное дело, музейное образование, Бурятия, профессиональный стандарт, Восточно-Сибирский государственный институт культуры.

MUSEUM BUSINESS AND MUSEUM EDUCATION IN BURYATIA: PARADIGMS OF DEVELOPMENT

Mishakova Oksana Eduardovna, PhD in History, Associate Professor, Department Chair of Museology and Heritage, East-Siberian State Institute of Culture (Ulan-Ude, Russian Federation). E-mail: oksana_mishakova@mail.ru

In this article, the author considers the history of the formation and modern development of museum business as well as traditions of museum education in Russia in general, in Buryatia in particular. The role of entrepreneurs, of local scientific community and intellectuals in the organization of museums in Western Transbaikalia is shown. The specifics of organizing the museum work in the region consisted in the fact that the collections of the first museums were formed as a result of expeditionary research to study and develop the wealth of the Siberian land. The emerging museums had a close relationship with scientific societies. This was the specificity that grew into an awareness of the role of the museum, first of all, as a research institution, and only later the cultural norm, socio-cultural institute. It is shown in the transformation of the role and significance of the museum with a change in the political system. In the late 1980s. some universities in Moscow and Leningrad opened specialized departments for training the museum specialists. The third university in the country where the department of museology was opened was East-Siberian State Institute of Culture. The analysis of the development processes of specialized museum education, including the introduction of professional and new educational standards, was carried out on the basis of Department of Museology and Heritage of East-Siberian State Institute of Culture. The author considers it important to integrate professional standards that define specific labor functions by qualification levels and a modern practice-oriented competency-based approach in museum education.

Keywords: museum business, museum education, Buryatia, professional standard, East-Siberian State Institute of Culture.

Музейное дело России своими корнями уходит в Средние века, но на государственном уровне в рамках правового поля и патронажа начинает оформляться в XVIII веке при императоре Петре I. Это в свою очередь было связано с планомерным научным изучением и освоением недр России. Большой частью богатства земли были сосредоточены в Сибири. Помимо минеральных изысканий сибирских земель, шло изучение истории, археологии и этнографии народов, населяющих эти земли. Так зарождается краеведение, которое явилось мощным импульсом для создания местных краеведческих музеев. Особенность музейного строительства на окраинах империи заключалась в том, что музеи возникали за счет частных пожертвований предпринимателей, по инициативе местного научного сообщества и интеллигенции.

В Восточной Сибири зарождение музейной практики приходится на конец XVIII – первую половину XIX века. Возникающие музеи изначально имели крепкую связь с научными институтами (Российской академией наук, Русским географическим обществом, Вольным экономическим обществом, Московским обществом сельского хозяйства и др.) и учебными заведениями (училищами, гимназиями, институтами). В этом заключалась специфика, которая повлияла на осознание роли музея, в первую очередь, как научно-исследовательского учреждения и лишь позже – культурной нормы, социально-культурного института.

Научно-исследовательская функция складывалась на основе выявления, собирания и изучения коллекций уникальных предметов – артефактов, реликвий и реликтов. Таким образом формировалась информационная модель мира, отражающая и реконструирующая развитие человеческого общества и природы, основанная на аксиологическом, то есть ценностном, восприятии человеком действительности или музеальном отношении к окружающему миру.

В Забайкалье деятельность местных краеведов-любителей, составлявших описание своего края, проводивших метеорологические и фенологические наблюдения, создавших свои частные музеи, получает широкое распространение в 50–60-е годы XIX века (наибольшую извест-

ность приобрели коллекции А. М. Курбатова в Верхнеудинске и М. А. Зензинова в Нерчинске) [4, с. 130].

Первый официальный музей на территории Западного Забайкалья (Бурятии) открылся в 1894 году в г. Троицкосавске (в настоящее время – г. Кяхта), крупном на востоке страны приграничном торговом форпосте Российской империи. Большую роль при создании музея играли не только ученые, представители интеллигенции, врачи, учителя, краеведы-любители, купцы, но и политические ссыльные, которые были людьми образованными и просвещенными.

Предпосылками для основания публичного музея в г. Троицкосавске явились особая роль и значение города в XVIII–XIX веках как крупнейшего торгово-экономического и культурного центра не только Забайкалья, но и Восточной Сибири.

В последней трети XIX века г. Троицкосавск стал отправным пунктом центральноазиатских экспедиций Императорского русского географического общества (ИРГО). В городе завершались подготовительные работы будущих исследований. В этом свою посильную помощь оказывало местное купечество, которое обеспечивало экспедиции снаряжением, проводниками и охраной. Известные ученые и путешественники Н. М. Пржевальский, М. В. Певцов, В. И. Роборовский, Д. А. Клеменц, Н. М. Ядринцев, Г. Н. Потанин, П. К. Козлов и В. А. Обручев, возглавлявшие экспедиции, способствовали тому, что передовая интеллигенция города более пристально стала изучать природу, историю, материальную и духовную культуру народов Забайкалья и соседней Монголии [1, с. 35].

Постепенно музей как научно-просветительское учреждение становится центром по изучению не только обширного региона в Восточной Сибири, но и сопредельных территорий.

В начале XX века музей приобретает статус «культурной нормы». После смены политического строя и с приходом к власти большевиков в стране начинает складываться разветвленная музейная сеть. У музея расширяются социальные функции. На первый план выдвигается идеологическая миссия музея – политическое просвеще-

ние народных масс. Музей становится мощным мировоззренческим «орудием» нового режима в насаждении «новой религии».

В 20-е годы XX века поднимается вопрос о проблеме подготовки музейных кадров. Но до музейного образования в современном его представлении было еще далеко. В это время в Москве и Ленинграде на гуманитарных факультетах создаются музейные циклы лекций. Музееведение как наука и учебная дисциплина не получила тогда своего подтверждения и признания.

Лишь в 1977 году на XI Генеральной конференции ИКОМ (Международного совета музеев / ЮНЕСКО, г. Париж, Франция), проходившей в СССР (Москве – Ленинграде) музееведение было признано самостоятельной наукой, учебной дисциплиной, и было рекомендовано преподавать музееведение в высших учебных заведениях.

Музейному образованию России – чуть более 30 лет. Вплоть до 1985 года предмет «музееведение» не преподавался в вузах, не считая спецсеминара по истории и теории музейного дела в МГУ им. М. В. Ломоносова. Начиная с 1984/85 учебного года аналогичные курсы были введены на исторических факультетах университетов и пединститутах. В Ленинградском институте культуры открылась специализация «организатор-методист музейного дела», а в Московском историко-архивном институте – «архивист-музеевед». В сибирских вузах подобным специальностям не обучали.

В конце 80-х годов XX века в некоторых вузах Москвы и Ленинграда открываются специализированные кафедры для подготовки музейных специалистов [7, с. 7]. Третьим вузом в стране, где была открыта музееведческая кафедра (1991), стал Восточно-Сибирский государственный институт культуры (ВСГИК) в г. Улан-Удэ. Это событие без преувеличения сыграло важную роль в культурной и научной жизни не только Бурятии, но и всей Восточной Сибири и Крайнего Севера, так как музейная сфера и область сохранения наследия остро нуждались в высокопрофессиональных кадрах.

На данном этапе в обществе и государстве происходили процессы, возвращавшие понимание общечеловеческих ценностей, роли культуры и, как части ее, культурного и природного насле-

дия в духовном развитии. Установки общества и государства в области культуры и наследия инициировали поиски вузами, готовящими специалистов для этой сферы, новых решений в организации и содержании учебного процесса.

Идейным вдохновителем создания музейной кафедры на базе ВСГИК стала В. В. Гапоненко, в течение долгого времени возглавлявшая Общественный совет при Объединении музеев Бурятии, за что в 1990 году была удостоена звания «Заслуженный работник культуры Республики Бурятия». Отстаивая идею открытия музейной специальности, она исходила из понимания наследия «как фактора сохранения историко-культурного и природного разнообразия, его развития и трансляции, превращения его в достояние общества» [2, с. 8].

Первый набор студентов по специальности «Музейное дело и охрана памятников», квалификация «музеевед-историк», состоялся в 1992/93 учебном году. Из 33 выпускников 1997 года – 14 получили диплом с отличием.

Кафедра музеологии и наследия ВСГИК подготовила и продолжает готовить кадры для Эвенкийского автономного округа (Красноярского края), Иркутской области и Забайкальского края, Республик Тыва, Алтай, Саха (Якутия), Ямало-Ненецкого автономного округа, Калининградской области. Выпускники кафедры работают в музеях и музейных институтах различного ведомственного подчинения, сфере государственной охраны культурного наследия, в системе особо охраняемых природных территорий (природных заповедниках, национальных парках) и туристских компаниях не только в Республике Бурятия, но и за пределами Восточной Сибири, в том числе за рубежом.

На кафедре выстроена многоступенчатая траектория музейного образования, за счет средств государственного финансирования (государственного задания на подготовку кадров Министерства культуры Российской Федерации): бакалавриат – магистратура – аспирантура по направлению «Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия», профили «культурный туризм и экскурсионная деятельность», «выставочная деятельность».

С 2004 года при кафедре успешно функционирует учебная лаборатория «Музейно-выставоч-

ный центр», на базе которой проходят практики бакалавров и магистрантов как очного, так и заочного обучения (фондовая, экспозиционная, экскурсионная, музейная педагогическая). Из фондов лаборатории обучающимся предоставляются различные материалы для осуществления научно-исследовательской работы. Ежегодно в рамках проектно-технологического метода обучения на базе учебной лаборатории студентами реализуются ставшие уже традиционными проекты: «Книга памяти»; «Дневник первокурсника»; дни открытых дверей, другие культурные и просветительские акции. Плодотворно осуществляется инклюзивный партнерский проект со специализированной коррекционной школой-интернатом № 2. Только в 2019 году студентами-музеологами разработано и проведено 20 мероприятий, среди которых совместные выходы в музеи, музейные квест-игры, циклы музейных уроков, мастер-классы, проходящие как в лаборатории, так и в школьном музее и др.

Кроме того, при кафедре осуществляет свою деятельность научный студенческий кружок «Природное и историко-культурное наследие Восточной Сибири. Недвижимые памятники историко-культурного наследия».

Помимо программ очного и заочного обучения разработаны и успешно внедрены программы профессиональной переподготовки и повышения квалификации по музейному делу и туризму в части разработки туров и проведения экскурсий, в том числе на основе применения образовательных онлайн-технологий с участием высококлассных модераторов и практиков из ведущих музеев Москвы, Иркутска и федеральных экспертов.

В рамках дополнительного обучения занятия организовываются по следующим модулям: музейный менеджмент и маркетинг в соответствии с профессиональными стандартами; законодательство музейно-фондовой работы и регламент комплексной проверки сохранности музейных предметов, государственный каталог; экспертиза культурных ценностей; комплектование, учет и хранение музейных предметов; архивная и научно-исследовательская работа в музее; музейное проектирование; научное проектирование экспозиций; организация – кураторство выставочных проектов; организация экскурсионной

работы и рекреационно-образовательной деятельности музеев; профессиональное мастерство экскурсовода [3].

В области международной деятельности кафедра осуществляет проекты совместно с образовательными учреждениями и музейными институтами Польши, Монголии, Китая, Кореи; сотрудничает с Комитетом музеологии стран АТР в рамках Международного совета музеев (ICOM)/ЮНЕСКО.

В современной России развитие музейного дела жестко регламентируется нормативно-правовым полем, федеральным законодательством, гарантом и источником которого выступает Конституция Российской Федерации и Федеральный закон о культуре.

Кроме того, Российская Федерация как член Международного совета музеев (ICOM) при ЮНЕСКО ратифицирует международные Конвенции ЮНЕСКО и принимает на себя обязательства по их соблюдению.

Под эгидой ICOM, членом которого является заведующий кафедрой О. Э. Мишакова, кафедра музеологии и наследия на средства гранта федеральной целевой программы Министерства культуры Российской Федерации «Культура России (2012–2018 годы)» неоднократно разрабатывала, организовывала и проводила международные музеологические молодежные школы и форумы на базе вуза и оздоровительно-спортивного лагеря на озере Байкал. Активное участие в данных мероприятиях принимали коллеги из Монголии, Германии, Чехии.

В настоящее время модель подготовки музеолога кардинально отличается от обучения в недавнем прошлом, и связано это также с переосмыслением на научной основе самого музеологического знания.

Наряду с пониманием музеологии как социогуманитарной науки культурологического толка, имеющей ярко выраженный когнитивный и аксиологический характер, осмысление интердисциплинарности музеологии и ее интегративной методологии явилось основополагающим при разработке концепции подготовки музеолога в вузе и продолжает оставаться фактором совершенствования учебных планов и программ [6, с. 156].

Современному, динамично развивающемуся музею нужны специалисты, не просто широко эрудированные, но владеющие профессиональными компетенциями в совокупности таких видов деятельности, как: научно-исследовательский, технологический, проектный, педагогический, культурно-просветительский и организационно-управленческий. Ушла в прошлое узкая специализация музейного сотрудника. При необходимости специалист музея должен быть готовым мобильно сменить профиль своей деятельности.

Российское музейное образование четко регламентировано федеральными государственными образовательными стандартами [8]. С 1 января 2019 года актуализированные стандарты третьего поколения перешли на более качественный уровень, в результате они стали гармонично соотноситься с профессиональными стандартами. В музейном деле Министерством труда в 2015 году приняты три профессиональных стандарта: «Хранитель музейных ценностей», «Специалист по учету музейных предметов» и «Экскурсовод (гид)» [5].

Именно профессиональные стандарты с июля 2016 года стали определять в России кадровую политику и управление персоналом, разработку должностных инструкций, влиять на принципы установления системы оплаты труда, организацию обучения и аттестацию работников на предприятиях.

Суть профессиональных стандартов заключается в том, что они, определяя конкретные

трудовые функции по уровням квалификаций, задают четкие требования к знаниям, умениям и навыкам музейных специалистов.

На этой основе и построено компетентностно ориентированное обучение в соответствии с образовательными стандартами, к разработке которых были активно привлечены представители сферы работодателей, то есть директора и главные хранители крупнейших музейных центров и объединений страны.

Таким образом, можно говорить о том, что современное музейное образование и музейное дело неразрывно связаны, органично развиваются и не могут быть в отрыве друг от друга.

Именно высококвалифицированные музейные кадры могут сегодня оперативно воспринимать вызовы современности и развивать музейное дело на основе перспективного планирования и руководства музеями.

В настоящее время музеи для успешного функционирования в конкурентной среде должны сформировать свой бренд, имидж и устойчивое позитивное представление о себе в обществе, находить друзей и партнеров во власти и бизнесе, заниматься форсайт-технологиями, то есть предвидеть и прогнозировать будущее развитие, а также фандрайзингом – уметь привлекать и распределять дополнительные источники финансирования. А музейное образование должно быть все более практико-ориентированным и получать профессиональную комплексную оценку и помощь со стороны работодателей.

Литература

1. Бураева С. В., Мишакова О. Э., Саяпарова Е. В. Музейное дело Бурятии в конце XIX века – первом десятилетии XXI века: формирование, развитие и современное состояние. – Улан-Удэ: ВСГАКИ, 2012. – 253 с.
2. Гапоненко В. В. Факультет историко-культурного и природного достояния: хроника и факты // Историко-культурное и природное наследие: проблемы сохранения, трансляции и подготовки кадров: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф., г. Улан-Удэ, 26 ноября 2004 года. – Улан-Удэ: ВСГАКИ, 2004. – 470 с.
3. Итоги программы профессиональной переподготовки «Актуальные тенденции в развитии музейного дела»: архив новостей [Электронный ресурс] // ВСГИК: офиц. сайт. – URL: <http://vsgaki.ru/> (дата обращения: 10.10.2019).
4. Мишакова О. Э. Специфика организации музейной практики в Западном Забайкалье в конце XIX – начале XX века // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2015. – № 394. – С. 130–134. DOI 10.17223/15617793/394/22.
5. Профессиональные стандарты: «Хранитель музейных ценностей» (Приказ Минтруда России от 04.08.2014 № 537н «Об утверждении профессионального стандарта “Хранитель музейных ценностей”» (Зарегистрировано в Минюсте России 04.09.2014 № 33965)), «Специалист по учету музейных предметов» (Приказ Минтруда России от 04.08.2014 № 521н «Об утверждении профессионального стандарта “Специалист по учету музейных предметов”» (Зарегистрировано в Минюсте России 01.09.2014 № 33915)) и «Экскурсовод (гид)»

- (Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 4 августа 2014 года № 539н «Об утверждении профессионального стандарта “Экскурсовод (гид)”», с изменениями и дополнениями от 18 марта, 12 декабря 2016 года) [Электронный ресурс] // Портал федеральных государственных образовательных стандартов. Раздел: профессиональные стандарты. – URL: <https://fgosvo.ru/fgosvo/92/91/4.pdf> (дата обращения: 10.10.2019).
6. Родионова Д. Д., Мастеница Е. Н., Мишакова О. Э., Степанова Е. Ю., Сизова И. А. [и др.] Проектирование примерной образовательной программы по направлению «Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия»: условия, принципы, опыт // Вестн. Том. гос. ун-та. Культурология и искусствоведение. – 2018. – № 32. – Томск: Изд. дом Томск. гос. ун-та, 2018. – С. 155–167. DOI: 10.17223/22220836/32/16.
 7. Сотникова С. И. Музеология: пособие для вузов. – М.: Дрофа, 2004. – 192 с.
 8. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 51.03.04 «Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия», введенный в действие приказом Минобрнауки России № 1180 от 06.12.2017 // Портал федеральных государственных образовательных стандартов ФГОС ВО по направлениям бакалавриата [Электронный ресурс]. – URL: <https://fgosvo.ru/fgosvo/92/91/4.pdf> (дата обращения: 10.10.2019).

References

1. Buraeva S.V., Mishakova O.E., Sayaparova E.V. *Muzeynoe delo Buryatii v kontse XIX veka – pervom desyatiletii XXI veka: formirovanie, razvitiye i sovremennoe sostoyaniye* [Museum work in Buryatia at the end of the 19th century – the first decade of the twenty-first century: formation, development and current status]. Ulan-Ude, VSGAKI Publ., 2012. 253 p. (In Russ.).
2. Gaponenko V.V. Fakul'tet istoriko-kul'turnogo i prirodnogo dostoyaniya: khronika i fakty [Faculty of Historical, Cultural and Natural Heritage: Chronicle and Facts]. *Istoriko-kul'turnoe i prirodnoe nasledie: problemy sokhraneniya, translyatsii i podgotovki kadrov: materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, g. Ulan-Ude, 26 noyabrya 2004 goda* [Historical, Cultural and Natural Heritage: Problems of Preservation, Translation and Training: Materials of the International Scientific and Practical Conference of Ulan-Ude November 26, 2004]. Ulan-Ude, VSGAKI Publ., 2004. 470 p. (In Russ.).
3. Itogi programmy professional'noy perepodgotovki «Aktual'nye tendentsii v razvitiye muzeynogo dela»: arkhiv novostey [The results of the professional retraining program “Actual Trends in the Development of Museum Business”: news archive]. *VSGIK: ofitsial'nyy sayt* [VSGIK. Official website]. (In Russ.). Available at: <http://vsgaki.ru/> (accessed 10.10.2019).
4. Mishakova O.E. Spetsifika organizatsii muzeynoy praktiki v Zapadnom Zabaykal'e v kontse XIX – nachale XX veka [The specifics of the organization of museum practice in Western Transbaikalia in the late nineteenth and early twentieth centuries]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University], 2015, no. 394, pp. 130–134. DOI 10.17223/15617793/394/22. (In Russ.).
5. Professional'nye standarty: «Khranitel' muzeynykh tsennostey» (Priказ Mintruda Rossii ot 04.08.2014 № 537n «Ob utverzhdenii professional'nogo standarta “Khranitel' muzeynykh tsennostey”» (Zaregistrovano v Minyuste Rossii 04.09.2014 № 33965)), «Spetsialist po uchetu muzeynykh predmetov» (Priказ Mintruda Rossii ot 04.08.2014 № 521n «Ob utverzhdenii professional'nogo standarta “Spetsialist po uchetu muzeynykh predmetov”» (Zaregistrovano v Minyuste Rossii 01.09.2014 № 33915)) i «Ekskursovod (gid)» (Priказ Ministerstva truda i sotsial'noy zashchity RF ot 4 avgusta 2014 goda № 539n «Ob utverzhdenii professional'nogo standarta “Ekskursovod (gid)”», s izmeneniyami i dopolnениями ot: 18 marta, 12 dekabrya 2016 goda) [Professional standards: ‘The Keeper of Museum Values’ (Order of the Ministry of Labor of Russia dated 04.08.2014 No. 537n ‘On the approval of the professional standard ‘The Keeper of Museum Values’ (Registered in the Ministry of Justice of Russia on 04.09.2014 No. 33965)), ‘Specialist in the registration of museum objects’ (Order of the Ministry of Labor of Russia dated 04.08.2014 No. 521n ‘On Approval of the Professional Standard ‘Specialist for the Registration of Museum Objects’ (Registered in the Ministry of Justice of Russia on 01.09.2014 No. 33915)) and ‘Guide (Guide)’ (Order of the Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation from August 4, 2014 No. 539n ‘On approval professional standard ‘Guide (guide)’, with amendments and additions from March 18, December 12, 2016)]. *Portal federal'nykh gosudarstvennykh obrazovatel'nykh standartov. Razdel: professional'nye standarty* [Portal of federal state educational standards. Section: professional standards]. (In Russ.). Available at: <https://fgosvo.ru/fgosvo/92/91/4.pdf> (accessed 10.10.2019).
6. Rodionova D.D., Mastenitsa E.N., Mishakova O.E., Stepanova E.Yu., Sizova I.A. [i dr.] *Proektirovanie primernoy obrazovatel'noy programmy po napravleniyu «Muzeologiya i okhrana ob'ektov kul'turnogo i prirodnogo naslediya»: usloviya, printsipy, opyt* [Designing an exemplary educational program in the direction “Museology and the

- protection of objects of cultural and natural heritage”: conditions, principles, experience]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie* [Bulletin of Tomsk State University. Cultural studies and art history], 2018, no. 32, pp. 155-167. DOI: 10.17223/22220836/32/16. (In Russ.).
7. Sotnikova S.I. *Muzeologiya: posobie dlua vuzov* [Museology. A manual for universities]. Moscow, Drofa Publ., 2004. 192 p. (In Russ.).
8. Federal'nyy gosudarstvennyy obrazovatel'nyy standart vysshego obrazovaniya – bakalavriat po napravleniyu podgotovki 51.03.04 «Muzeologiya i okhrana ob'ektov kul'turnogo i prirodnogo naslediya», vvedenny v deystviye prikazom Minobrnauki Rossii № 1180 ot 06.12.2017 [The Federal State Educational Standard of Higher Education – undergraduate in the direction of preparation 51.03.04 “Museology and the protection of cultural and natural heritage objects”, enforced by order of the Ministry of Education and Science of Russia No. 1180 of December 6, 2017]. *Portal federal'nykh gosudarstvennykh obrazovatel'nykh standartov FGOS VO po napravleniyam bakalavriata* [Portal of the Federal State Educational Standards of the Federal State Educational Standard for Higher Education in undergraduate studies]. (In Russ.). Available at: <https://fgosvo.ru/fgosvo/92/91/4.pdf> (accessed 10.10.2019).

УДК 069.02.908

НОВАЯ ЭКСПОЗИЦИЯ ОТДЕЛА ПРИРОДЫ КЕМЕРОВСКОГО ОБЛАСТНОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ¹

Феофанова Ольга Александровна, директор, Кемеровский областной краеведческий музей (г. Кемерово, РФ). E-mail: feofanova42@yandex.ru

Мамонова Ксения Владимировна, заведующая отделом природы, Кемеровский областной краеведческий музей (г. Кемерово, РФ). E-mail: mamonova.xiusha@yandex.ru

В статье излагается концепция построения новой экспозиции Отдела природы Кемеровского областного краеведческого музея (КОКМ), отражены экспозиционные и научные особенности, коммуникационные возможности. Подробно описывается становление музея в городском пространстве и формирование его коллекций с течением времени. Статья содержит несколько важных в современной музееведческой науке и практике аспектов. В ней даны подробный научный анализ построения экспозиции и своего рода режиссерское решение показа экспонатов, логика их демонстрации. Особое внимание уделяется описанию каждого тематического раздела экспозиции, перечислены естественнонаучные коллекции, формирующие данный раздел. Особую научно-познавательную, информационную ценность представляют уникальные палеонтологические материалы, собранные в ходе организованных и проведенных Кемеровским областным краеведческим музеем научных исследований Шестаковского палеонтологического местонахождения палеозойской и мезозойской фауны в Кемеровской области. В статье проанализированы результаты большой целенаправленной работы музея по формированию уникальных коллекций, которые экспонируются в отделе природы КОКМ. В статье рассматриваются научно-просветительские проекты музея, а также выставочные проекты. Сделаны выводы о том, что включение в классическую экспозицию интерактивных форм способствует длительному и комфортному пребыванию посетителя в музее. Приводятся примеры различных интерактивных зон для посетителей. Рассматриваются нетрадиционные формы работы с посетителями. Важным направлением деятельности музея является разработка и реализация культурно-образовательных проектов и программ. На примере культурно-образовательной программы для дошкольников «Растем вместе с музеем» дается подробное описание структуры занятий, разнообразные приемы и методы работы с детьми, развивающие творческие и интеллектуальные способности учащихся.

Ключевые слова: экспозиция, музей, Шестаковский комплекс, динозавры, палеонтология, мезозойский период, естественная история.

¹ К 90-летию основания Кемеровского областного краеведческого музея.

A NEW EXPOSITION OF THE NATURE DEPARTMENT IN KEMEROVO REGIONAL MUSEUM OF LOCAL HISTORY

Feofanova Olga Aleksandrovna, Headmaster of Kemerovo Regional Museum of Local History (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: feofanova42@yandex.ru

Mamonova Kseniya Vladimirovna, Head of Nature Department of Kemerovo Regional Museum of Local History (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: mamonova.xiusha@yandex.ru

The article deals with a new display of the Nature Department in Kemerovo Regional Museum of Local History, its display and scientific peculiarities, communicative opportunities. It describes in detail the formation of the Museum in the urban space and the formation of its collections over time. The article contains several important aspects in modern museological science and practice. It gives a detailed scientific analysis of the construction of the exposition. A kind of Director's decision to display the exhibits and the logic of their demonstration. The article gives a detailed description of each thematic section of the exposition and lists the natural science collections that form this section. The article highlights that the unique paleontological materials collected during researches of Shestakovo paleontological site of Paleozoic and Mesozoic fauna in Kemerovo region organized and led by Kemerovo Regional Museum of Local History are of a special scientific and informational importance. The article presents the results of a large focused museum work for formation of unique collections, which are displayed in the Nature Department in KOKM. The article deals with scientific and educational projects of the Museum, as well as exhibition projects. This display is an example of introduction of interactive means into a classical display to ensure a long and comfortable visit in the Museum. Examples of different interactive areas for visitors are given. The article also deals with non-traditional forms of work with visitors on the base of the Nature Department. An important activity of the Museum is the development and implementation of cultural and educational projects and programs. The article deals with the cultural and educational program for preschoolers "Growing up with the Museum". The detailed description of structure of occupations, various receptions and methods of work with children developing the creative and intellectual abilities of pupils is given.

Keywords: display, museum, Shestakovo complex, dinosaurs, paleontology, Mesozoic period, natural history.

DOI: 10.317773/2078-1768-2020-50-44-52

Кемеровский областной краеведческий музей – один из старейших музеев Кузбасса. В 2019 году музею исполнилось 90 лет. Он, как музей г. Кемерово, был открыт 6 октября 1929 года в помещении Дворца труда. Собранные экспонаты в фондах музея показывали геологическую историю, сельскохозяйственный инвентарь, этнографические предметы шорцев и телеутов, нумизматическую коллекцию. Музей имел собственную библиотеку по вопросам техники, геологии, зоологии, ботаники, минералогии, этнографии, антропологии и др. [3]. Музей закрывался несколько раз в годы Великой Отечественной войны и менял свое местоположение. Первая послевоенная экспозиция музея открылась в помещении Дворца труда в 1957 году к 40-летию советской

власти директором музея А. И. Мартыновым и единственным в это время научным сотрудником П. Р. Шахматовым. В 1960 году, после большой реорганизации, музей был перенесен на первый этаж жилого дома по проспекту Советский, 55, где располагается сейчас.

В настоящее время Кемеровский областной краеведческий музей является визитной карточкой Кузбасса. Именно здесь аккумулируется информация о природе и истории нашего края. К настоящему моменту в экспозиционной структуре музея имеется три отдела: природы, истории и военной истории.

В 2012 году сотрудниками музея был разработан план создания принципиально новой экспозиции, для демонстрации природных особенно-

стей Кузбасса. Старая экспозиция была построена по классическому образцу: объемная геометрическая карта рельефа и природных зон Кемеровской области, чучела животных и птиц, характерных для территории, в витринах – образцы полезных ископаемых, зубы и бивни мамонтов.

Разработанная научная концепция новой экспозиции отдела природы Кемеровского областного краеведческого музея была совсем другой. Она не похожа на устоявшиеся повсеместно экспозиционные штампы. В основу концепции новой экспозиции была взята уникальная геологическая история Кузбасса, через которую был показан современный Кузбасс как главный регион по добыче угля, рудных и нерудных богатств. В создании новой экспозиции большую роль сыграли собранные окаменелости из шахт и разрезов Кузбасса.

Необходимо отметить, что на территории Кемеровской области найдены и описаны следы жизни практически всех геологических эпох, возраст наиболее древних образцов определяется в 540 млн лет [4]. Главная идея создания новой экспозиции заключалась в том, чтобы показать уникальность геологических и палеонтологических находок Кемеровской области, продемонстрировать становление современного облика края в непрерывном эволюционном процессе, обозначить место Кузбасса и его своеобразие в планетарном масштабе.

В 2012 году сотрудниками музея проведена ревизия палеонтологической коллекции КОКМ на ее соответствие предстоящей реконструкции Отдела природы. На тот момент в ней насчитывалось около 600 единиц хранения, но образцы жизненных форм мезозойской эры отсутствовали. В связи с этим необходимо было пополнить палеонтологическую коллекцию. В 2013 году сотрудники Отдела природы выступили с инициативой организации палеонтологических раскопок на Шестаковском местонахождении континентальной фауны раннего мелового периода [3].

В 2014 году после завершения административно-правового оформления на право раскопок на территории Шестаковского местонахождения динозавров, музей организовал первую экспедицию в Шестаково. Были проведены масштабные раскопки, в ходе которых получены сенсационные результаты, не имеющие аналогов за все преды-

дущие годы исследований на данном местонахождении [5]. На склоне холма в точке Шестаково-3 обнаружена уникальная костеностная линза с массовым захоронением скелетов пситтакозавров сибирских, а также фоссилии других животных. Так было положено начало широко-масштабному проекту, демонстрирующему одну из страниц естественной истории нашего края – эпоху динозавров.

Основная миссия новой музейной экспозиции – показать Кемеровскую область как уникальный памятник природы. Здесь аккумулируется объективная и достоверная информация, а ее подача подразумевает все возможные коммуникативные способы трансляции.

Вся экспозиция Отдела посвящена природе Кемеровской области. Она построена таким образом, чтобы отразить историю развития жизненных форм на территории Кузнецкого бассейна. Экспонаты относятся к нескольким тематическим коллекциям: геологической, палеонтологической, таксидермической, энтомологической, также имеется коллекция живых пауков-птицеедов, амфибий и рептилий (см. Приложение, рис. 1).

Экспозиция хорошо продумана композиционно. Несколько больших вытянутых экспозиционных залов дают возможность единого цельного восприятия, природы Кузбасса, начиная с древнейших периодов формирования полезных ископаемых региона, образования каменных углей на территории Кузнецкого бассейна. В каждом зале представлен определённый этап развития древних жизненных форм и организмов на территории Кузбасса. Посетитель путешествует по экспозиции и, взаимодействуя с экспонатами, попадает в разные геологические эпохи.

Разработанная «музейная режиссура», примененная в построении экспозиции, отчётливо выделяет ключевые крупногабаритные экспонаты, например останки деревьев периода образования каменных углей (кордаиты) в первом зале (см. Приложение, рис. 2). Далее в экспозиции представлены: реконструкция скелета динозавра пситтакозавра сибирского, найденного только на территории Кузбасса; коллекция черепов животных мамонтовой фауны. Необходимо отметить, что палеонтологический материал в виде отдельных останков и фрагментов экспонируется почти

во всех экспозициях краеведческих музеев Сибири. В большинстве случаев палеонтология представлена отдельными фрагментами костей животных, бивней мамонтов позднелайстоценовой фауны четвертичного периода [6]. Экспозиция отдела природы КОКМ, во-первых, демонстрирует не отдельные находки, а результат своих полевых исследований, во-вторых, что очень важно в музейном показе, представлена эволюция развития органического мира с глубокой палеозойской эры. Есть ещё один очень важный аспект – продемонстрирована эволюция фауны периода естественной истории территории Сибири до антропогена.

В зале современной фауны по центру выставлены чучела самых крупных животных Кемеровской области. По краям основной линии показа приведена краткая информация о геологических событиях. Такой показ коллекций вызывает положительный эффект: посетитель находится «внутри истории», может рассмотреть экспонат с любой стороны и даже прикоснуться к нему. В классических музеях, обычно, экспозиция представляет собой вытянутый коридор, где экспонаты выставлены в витринах обособленно [9].

Особое место в экспозиции занимают палеонтологические останки, найденные на территории Шестаковского комплекса – одного из крупнейших в России местонахождений динозавров, где встречаются полные, почти неповрежденные скелеты «ужасных ящеров» – пситтакозавров сибирских, обитавших на территории Кузбасса 125 миллионов лет назад (см. Приложение, рис. 3).

Провести аналогию между жизнью прошлых эпох и современным миром фауны помогают «живые модели» – обитатели музейной зоологической лаборатории: ящерицы, змеи, черепахи, тропические тараканы и пауки. В настоящее время в экспозиции музея представлена коллекция, включающая более пятидесяти видов амфибий, рептилий и беспозвоночных (см. Приложение, рис. 4).

Экспозиционная работа – одно из основных направлений музейной деятельности, отвечающее за создание экспозиции, которая будет доступна и понятна разным категориям посетителей. При этом на современном этапе развития общества посетитель музея уже не должен восприниматься как объект воспитательного воздействия, а, скорее, как собеседник [8].

Интерактивная форма выражения является неотъемлемой частью модернизации музея [1]. Это вовлечение посетителя в сам процесс понимания экспозиции. Другими словами, это участие в оценке и оценивании экспонатов, взаимодействие с информационными стендами и этикетажом, возможность прикоснуться к экспонатам, сфотографировать, а также использование различных передовых информационных технологий [8].

В каждом тематическом блоке экспозиции созданы интерактивные зоны. В зале геологии посетителям предлагается прикоснуться к горным породам и полезным ископаемым, поучаствовать в игре «самоцветное дерево», распределить полезные ископаемые согласно их обозначениям на геологической карте. Также посетителям предлагается загадать желание у необычного экспоната – Караканского диска – экспоната, похожего на летающую тарелку (см. Приложение, рис. 5).

Новая экспозиция Отдела природы позволяет расширить и разнообразить тематику работы с посетителями. Так, в зале о динозаврах была создана игровая комната для детей «Игрозаврия». Здесь в легкой и доступной форме маленькие посетители музея знакомятся с удивительным миром динозавров, смотрят мультфильмы, собирают разнообразные пазлы. Кроме того, в этом зале в открытом доступе представлен монолит, содержащий останки и следы динозавров, рядом с ним расположены инструменты палеонтологов. Каждый посетитель может прикоснуться к монолиту, а также примерить на себя роль палеонтолога, воспользоваться инструментами и внимательно рассмотреть экспонат (см. Приложение, рис. 6). С помощью специальных карточек-определителей посетители самостоятельно могут научиться отличать окаменелости разных эр и периодов. В экспозиции расположено несколько столов для рисования песком.

Таксидермическая коллекция музея расположена в основном в витринах в закрытом доступе, поэтому посетители не имеют возможность прикасаться к чучелам. Однако были созданы специальные карточки, на которых расположены фрагменты шерсти и небольшое описание самых распространенных животных Кемеровской области. Также предлагается рассмотреть линьку насекомых и паукообразных под световыми микроскопами.

В конце экспозиции расположен музейный кинозал, где посетители могут посмотреть научно-популярные фильмы о природе и животном мире. Современную экспозицию невозможно представить без использования мультимедийных интерактивных технологий. Такие технологии позволяют сделать посещение экспозиции интересным, запоминающимся, представить то, что невозможно показать классическими средствами подачи информации в музейных экспозициях, а также при необходимости углубиться в изучение материалов, побывать в виртуальной реальности, почувствовать себя участником событий [1]. В связи с этим в Отделе природы создана зона виртуальной реальности – специальное оборудование, с помощью которого посетители получают эффект полного присутствия в разных геологических эпохах.

Научно-просветительская и образовательная деятельность Отдела природы КОКМ ориентирована на презентацию и популяризацию уникальной природы Кемеровской области, на разработку и осуществление самых разнообразных культурно-образовательных программ.

Ежегодное проведение массовых акций и мероприятий для посетителей, открытие выставок и реализация образовательных программ, сопровождаемая улучшением музейного обслуживания, способствует тому, что посещаемость Отдела природы КОКМ растет.

Для успешного развития музея необходимо постоянное привлечение посетителей, которое достигается путем создания новых выставок или выставочных проектов как на базе музе, так и в других учреждениях.

Особое внимание уделяется выставочным проектам, основанным на программе научно-экспозиционных исследований «Палеонтологическое изучение ископаемых остатков из палеозойских и мезозойских отложений территории Кемеровской области». Отделом проводятся серии выставок, направленных на популяризацию уникальной страницы истории нашего края – эпохи господства динозавров. Выставки представляют материалы палеонтологических раскопок, организуемых экспедиционным отрядом КОКМ.

Для широкого показа находок, сделанных Кемеровским областным краеведческим музеем в ходе палеонтологических раскопок, в со-

трудничестве с Палеонтологическим институтом РАН им. А. А. Борисяка был осуществлен проект по реставрации и представлению скелета пситтакозавра на совместной выставке «Сибирский пситтакозавр из Кемеровского областного краеведческого музея», которая прошла в Палеонтологическом музее им. Ю. А. Орлова (Москва), одном из крупнейших палеонтологических музеев мира.

Полевые исследования музея продолжают. В 2018 году был обнаружен уникальный хвостовой позвонок травоядного ящера зауропода. Научные сотрудники оперативно доставили находку в музей, и уже через несколько дней посетители смогли посмотреть на массивную кость и впечатляться размерами древнего обитателя Кемеровской области. Для посетителей в музее была организована **online-трансляция с места палеонтологических раскопок**. Научные сотрудники в режиме реального времени давали комментарий о найденных палеонтологических образцах, а посетители могли задать интересующие их вопросы. Новые палеонтологические находки ежегодно выставляются в экспозиции музея. Это ещё одна современная особенность экспозиции Отдела природы, если учесть, что в некоторых краеведческих музеях экспозиции не перестраиваются на протяжении долгого времени.

В 2018 году музеем был запущен долгосрочный научно-исследовательский проект «Кемеровский мамонт: возвращение сенсации». В рамках данного проекта действовала выставка, где были представлены фрагменты скелета мамонта, найденные на территории поселка Комиссарово, а также часть костей, которые передали частные коллекционеры (см. Приложение, рис. 7). Выставка была организована в научно-исследовательской лаборатории музея. Здесь на глазах у посетителей научные сотрудники занимались реставрацией костей мамонта с целью их дальнейшего экспонирования, а также проводили экскурсии. Кроме этого, в музейном кинозале проходил показ фильмов о животных мамонтовой фауны. В результате, данная выставка показала, что материала для реконструкции полного скелета мамонта недостаточно. В связи с этим была запущена акция «Соберем Кемеровского мамонта вместе».

Музей посещают все возрастные категории посетителей. Большая часть из них – это семейная аудитория.

В Отделе природы КОКМ используются традиционные формы научно-просветительской работы (экскурсии, консультации, лекции, практические занятия) и развиваются новые. К новым формам просветительской работы можно отнести показ научно-популярных фильмов, использование очков виртуальной реальности с разнообразным контентом, включая путешествие в мир динозавров, голографических витрин с изображением экспонатов геологической коллекции, а также палеонтологический практикум. Старшеклассники и студенты профильных учреждений принимают непосредственное участие в научных исследованиях на занятии «Палеонтологический практикум». Посетители получают возможность самостоятельной технической обработки древних окаменелостей: очистки от породы, пропитки клеевым составом, реконструкции фрагментов костей динозавров.

В экспозицию отдела включен блок «Музейная зоолаборатория». Здесь посетителям предоставляется возможность ближе познакомиться с экзотическими животными и самостоятельно покормить некоторых из них, а также узнать много интересных фактов в ходе интерактивной экскурсии «Школа зоодиетологии» [7].

В декабре 2016 года музеем была закуплена коллекция живых пауков-птицеедов. Стоит отметить, что выставка пауков является новым уникальным проектом, реализуемым Кемеровским областным краеведческим музеем. Содержание и экспонирование пауков-птицеедов является достаточно сложной задачей. Они крайне требовательны к температурно-влажностному режиму и могут быстро погибнуть, если не будут соблюдены необходимые условия. Лишь немногие музеи России и мира могут похвастаться подобной коллекцией живых экспонатов.

Также сотрудниками Отдела природы проводятся выездные занятия и выставки для учащихся школ города Кемерово и Кемеровской области. Основу выездного интерактивного занятия составляют необычные и редкие находки динозавров, сделанные экспедиционным отрядом при проведении раскопок в Шестаково (см. Приложение, рис. 8). В ходе занятия ребята изучают расположение основных местонахождений динозавров в России и мире, знакомятся с образом жизни

древних ящеров и их научными названиями, препарируют настоящие окаменелости.

Ежегодно Отдел природы КОКМ принимает участие в международных, всероссийских, региональных культурно-образовательных акциях, таких как «Ночь в музее», «Ночь искусств».

В выходные дни посетителей Отдела природы КОКМ ждет специальная программа. Это новое направление в работе музея, которое привлекает большое количество посетителей и является качественным показателем того, что в музее возможно длительное и комфортное пребывание.

В Отделе природы КОКМ ежегодно проводятся несколько экологических праздников (День птиц, День Земли, День охраны окружающей среды), международный семейный праздник День защиты детей и областной праздник День шахтера. Каждый год к этим праздникам научные сотрудники отдела разрабатывают новую программу. В музее планируется продолжить работу в данном направлении.

На базе отдела природы КОКМ реализуется культурно-образовательная программа «Растем вместе с музеем». В многообразном процессе освоения ребенком культуры музеем занимает особое место. Одной из основных функций музея уже многие десятилетия является образовательно-воспитательная функция [2].

Культурно-образовательная программа «Растем вместе с музеем» представлена циклом занятий, экскурсий, практикумов для детей дошкольного возраста. Программа имеет экологическую направленность с компонентом краеведения. Программа включает 10 занятий, которые проводятся на базе музея, а также посредством организации выездных выставок в дошкольные учреждения.

Для привлечения молодежи в музей сотрудниками Отдела природы КОКМ был разработан сценарий рекламного видеоролика-пародии на популярный среди молодых людей клип группы Little Big «Скибиди па па». За несколько дней после публикации видеоролик набрал свыше 50 тысяч просмотров в социальных сетях. Эта реклама привлекла большое внимание к музею в информационном пространстве.

Таким образом, в задачу экспозиционного творчества входит комплексное создание «концептуально» обусловленной среды, органически

включающей в себя определённое соотношение ряда компонентов – экспонатов и тем, предметно-пространственную стилистику, дидактический материал и технологический режим. Этот «ряд», объединённый общим концептуально-художественным замыслом в единую, целостную предметно-пространственную систему, несёт значительный информационный потенциал и является одним из главных каналов музейной комму-

никации. Именно эта концептуально-визуальная система представляет собой, по сути, современную экспозицию, продукт творчества дизайнера и научных сотрудников музея.

Музей стремится привлекать, развлекать, информировать, быть приятным местом встречи и в то же время сохранять высокий культурный статус. Это влечёт за собой появление новых пространств и дополнительных функций музея.

Литература

1. Арзамасцев В. П. О семантической структуре музейной экспозиции // На пути к музею XXI века. Музееведение: сб. науч. тр. – М.: Изд-во НИИ культуры, 1989. – С. 35–50.
2. Интерактивные экспозиции: реакция посетителей // Museum (ЮНЕСКО). – 2001. – № 208. – С. 53–59.
3. История музея [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kuzbasskrai.ru/muzei/istoriya-muzeia.php> (дата обращения: 30.08.2019).
4. Мащенко Е. Н. Новые страницы каменной летописи // Наука и жизнь. – 2006. – № 5. – С. 13–15.
5. Мащенко Е., Феофанова О., Демиденко Н., Кузьмина Е. В поисках сибирского динозавра // Наука и жизнь. – 2014. – № 11. – С. 74–80.
6. Музейное дело России. – М.: ВК, 2010. – С. 125–126.
7. Наука, образование, музей: формы освоения наследия: сб. ст. / отв. ред. В. А. Ламин, О. Н. Труевцева, О. Н. Шелегина. – Барнаул; Новосибирск: ТРИАДА, Ин-т истории Сиб. отд. РАН, 2016. – 204 с.
8. Никишин Н. А. Язык музея как универсальная моделирующая система музейной деятельности // Проблемы культурной коммуникации в музейной деятельности: сб. науч. тр. / [Редкол.: В. Ю. Дукельский (отв. ред.) и др.]. – М.: НИИК, 1989.
9. Суворов Н. Н. Aura вещи в утверждении культурного пространства // Вестн. С.-Петерб. гос. ин-та культуры. – 2018. – № 3 (36). – С. 62–67.

References

1. Arzamastsev V.P. O semanticheskoy strukture muzeynoy ekspozitsii [On the semiotic structure of the museum exposition]. *Na puti k muzeiu XXI veka: Muzeevedenie: sbornik nauchnykh trudov* [On the way to the museum of the XXI century. *Museology. Collection of proceedings*]. Moscow, Research Institute of Culture Publ., 1989, pp. 35-50. (In Russ.).
2. Interaktivnye ekspozitsii: reaktsiya posetiteley [Interactive expositions: reaction of visitors]. *Museum (UNESCO)*, 2001, no. 208, pp. 53-59. (In Russ.).
3. *Istoriya muzeia* [Museum History]. (In Russ.). Available at: <http://www.kuzbasskrai.ru/muzei/istoriya-muzeia.php> (accessed 30.08.2019).
4. Mashchenko E.N. Novye stranitsy kamennoy letopisi [New pages of stone annals]. *Nauka i zhizn'* [Science and life], 2006, no. 5, pp. 13-15. (In Russ.).
5. Mashchenko E., Feofanova O., Demidenko N., Kuz'mina E. V poiskakh sibirskogo dinosavra [In search of the Siberian dinosaur]. *Nauka i zhizn'* [Science and life], 2014, no. 11, pp. 74-80. (In Russ.).
6. *Muзейное дело Rossii* [Museum business of Russia]. Moscow, VK Publ., 2010, pp. 125-126. (In Russ.).
7. *Nauka, obrazovanie, muzey: formy osvoeniya naslediya: sbornik statey* [Science, education, museum: forms of heritage development. Collected papers]. Ed. by V.A. Lamin, O.N. Truevtseva, O.N. Shelegina. Barnaul, Novosibirsk, TRIADA, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 2016. 204 p. (In Russ.).
8. Nikishin N.A. *Muзей kul'turnoy kommunikatsii v muzeynoy deyatel'nosti: sbornik nauchnykh trudov* [Museum of Cultural Communication in Museum Activities. Collection of proceedings]. Ed. Yu. Dukelskiy. Moscow, Research Institute of Culture Publ., 1989. (In Russ.).
9. Suvorov N.N. Aura veshchi v utverzhdenii kul'turnogo prostranstva [Aura things in the statement of cultural space]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury* [Bulletin of the St. Petersburg State Institute of Culture], 2018, no. 3 (36), pp. 62-67. (In Russ.).

ПРИЛОЖЕНИЕ

Рисунок 1. Общий вид современной экспозиции отдела природы

Рисунок 2. Окаменевшие стволы деревьев

Рисунок 3. Скелет динозавра пситтакозавра сибирского

Рисунок 4. Музейная зоолаборатория

Рисунок 5. Караканский диск

Рисунок 6. Палеонтологический практикум

Рисунок 7. Остатки мамонта, обнаруженного в п. Комиссарово

Рисунок 8. Место палеонтологических раскопок Шестаково-3

УДК 069.158:746.344:281.96(571.150)=161.1

РЕКОНСТРУКЦИЯ И ТРАНСЛЯЦИЯ ТЕХНОЛОГИЙ ТРАДИЦИОННОЙ ВЫШИВКИ СТАРОЖИЛОВ И ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ АЛТАЙСКОГО КРАЯ МУЗЕЙНЫМИ СРЕДСТВАМИ

Ларина Татьяна Юрьевна, аспирант кафедры музеологии и документоведения, Алтайский государственный институт культуры (г. Барнаул, РФ). E-mail: Tatyana.larina.15@mail.ru

Музей как «институт социальной памяти» осуществляет документирование и трансляцию материального и нематериального историко-культурного наследия различных народов. Акцентирование внимания в рамках государственной культурной политики на необходимости популяризации различных образцов традиционной культуры поставило перед музеями задачу поиска актуальных и эффективных форм ее реализации. Образцом нематериального наследия, нуждающимся в реконструкции и трансляции для обеспечения дальнейшего существования, являются технологии традиционной вышивки.

В статье освещается имеющийся у музеев Алтайского края опыт, предлагается апробированная авторская методика комплексного и поэтапного освоения технологий традиционной вышивки и возможный алгоритм работы музея по возрождению старинных декоративных швов, их освоению в процессе музейной коммуникации, предполагающей как традиционные формы деятельности, так и инновационные, интерактивные. Основу эффективной реконструкции и трансляции составляют музейные фонды народной вышивки, которые дают возможность сотрудникам музея не только изучить этнографические образцы, но и представить вышивку во всем многообразии ее проявлений, как в материальном (вышитые предметы быта, одежда), так и в нематериальном (технологии) воплощении. Полученные в ходе полевых исследований знания и навыки позволяют музейным работникам реконструировать вышитые предметы в соответствии с историческим прототипом и транслировать информацию о технологиях традиционной вышивки современному посетителю музея на высоком уровне.

Ключевые слова: нематериальное наследие, традиционная культура, технологии вышивки, музей, музейная коммуникация, реконструкция, трансляция.

RECONSTRUCTION AND SPREADING THE TRADITIONAL EMBROIDERY'S TECHNOLOGIES OF OLD-TIMERS AND IMMIGRANTS OF ALTAI REGION BY MUSEUM FACILITIES

Larina Tatyana Yuryevna, Postgraduate of Department of Museology and Documentation, Altai State Institute of Culture (Barnaul, Russian Federation). E-mail: Tatyana.larina.15@mail.ru

The Museum as a sociocultural institute realizes its functions in the framework of the goals and objectives of the state cultural policy, the objects of which are the tangible and intangible cultural heritage, which is a national treasure. The need for the preservation and revival of various examples of traditional culture identified the problem of finding effective forms of solution for museums. One of the examples of intangible heritage that needs reconstruction and translation, to ensure continued existence, are traditional embroidery technologies.

The basis of an effective reconstruction is embroidered items stored in museums of the Altai Territory and of great interest to researchers, since they reflect the various traditional embroidery technologies used by artisans from the old-timed and resettled population of the region since the 19th century.

The reconstruction of traditional embroidery technologies includes three stages: a detailed study of embroidered ethnographic samples; the study of traditional embroidery techniques; manufacture of the product in accordance with the historical prototype. Knowledge of the performance of ancient seams of the Altai population determines the features and forms of transmission of traditional embroidery technologies as intangible cultural heritage. In local history and art museums in the Altai Territory, the broadcasting of folk embroidery technologies is carried out in visual (exhibitions, presentations), verbal (tours, lectures) and tactile (museum lessons, master classes, consultations) ways. All forms can be both independent and executed in cycles.

Other institutions in the field of culture and education have accumulated the experience of spreading the folk embroidery. The author has developed a model of training courses on the revival of traditional embroidery of the region and tested on the basis of the Altai Regional College of Culture and Arts. The developed model of training courses corresponds to the goals and objectives of museum communication and can be successfully applied in museum practice, as evidenced by the experience of the Altai State Art Museum.

Keywords: intangible heritage, traditional culture, embroidery technologies, museum, museum communication, reconstruction, broadcast.

DOI: 10.317773/2078-1768-2020-50-52-59

Первые десятилетия XXI века характеризуются динамичными и разносторонними процессами, протекающими в музейном мире России: тематическое и географическое расширение музейного пространства, активизация документирующей деятельности, качественное изменение процесса коммуникации, актуализация музейно-информационных технологий и многие другие. Музей как социокультурный институт реализует свои функции в рамках целей и задач государственной культурной политики, объектами которой выступает материальное и нематериальное культурное наследие, являющееся не только национальным достоянием, но и базисом для

сохранения национальной идентичности и самоидентификации. Не случайно в программном документе «Основы государственной культурной политики» обозначены такие актуальные задачи, как сохранение и изучение материального и нематериального культурного наследия, сохранение этнокультурного разнообразия и популяризация традиционной культуры.

Характерные для современного социума процессы глобализации, стандартизации, урбанизации и вестернизации обусловили необходимость отстаивания самобытной культуры народов России. Важность сохранения нематериального наследия, как средства этнической идентификации,

оговорена в конвенции «Об охране нематериального культурного наследия». В документе к объектам нематериального культурного наследия помимо устных традиций, исполнительских искусств, обычаев, обрядов и празднеств, также отнесены «знания и навыки, связанные с традиционными ремеслами» [3]. К этой категории принадлежат и технологии такого вида женского традиционного ремесла, как вышивка.

Вышивка старожилов и переселенцев Алтайского края известна с конца XIX века, первичной её функцией была не декоративная, а обережная. На современном этапе традиционная вышивка уже не несёт сакральной функции, вышитые предметы являются частью декора, используемого модельерами и дизайнерами при обращении к «русскому стилю». Отсутствие этнографических знаний о технологиях, материалах декорирования вышивкой одежды, предметов быта, их этнической принадлежности, локальных особенностях приводит к стилизации, которая не отражает аутентичный образец и демонстрирует лишь поверхностный взгляд на традиционную культуру. Именно поэтому изучение традиционных технологий ремесел, в том числе и вышивки, сегодня является актуальным и своевременным. Особую роль в этом поступательном процессе играют музеи. Именно музеи – «институты социальной памяти» – способны решить проблему сохранения технологий традиционной вышивки, как отдельного объекта нематериального наследия, и внести вклад в процесс их реконструкции и трансляции широкому кругу населения.

Музеи Алтайского края представляют большой интерес для исследователей, поскольку обладают уникальными коллекциями, которые отражают различные технологии традиционной вышивки, применявшиеся мастерицами из числа старожильского и переселенческого населения региона начиная с XIX века.

Эффективной реконструкции технологий традиционной вышивки предшествует детальное изучение этнографических образцов, декорированных различными видами швов. Первым этапом реконструкции является изучение этнографических образцов и фиксация полученной информации. Составление технологической карты вышитого образца может помочь в этом процессе. Технологическая карта содержит следующую

информацию: название вещи; материалы (ткань, нитки), использованные при изготовлении (качество, цвет, способ изготовления); размеры изделия; размеры вышивки, использованные в изделии; описание технологии вышивки; размеры стежков; способы обработки краев изделия; расшифровка предмета и его зарисовка, составление схемы вышитого орнамента. Этнографическое рисование не требует особых способностей. На рисунках-схемах необходимо проставить наименования фиксируемого предмета и его частей. Рисование дает возможность более точно, чем цветная фотография, фиксировать цветовые соотношения узоров, росписей, орнаментов и т. п. С помощью черчения составляют чертежи-выкройку одежды с вышивкой, чертежи предметов и т. д. Во многих случаях приемы черчения можно сочетать с рисованием. Актуальным является применение инновационных технологий – использование компьютерных программ для составления схем вышивки (например, PatternMaker 4.06 (Pro+ME) RUS Portable). Такие программы помогут переложить не только расшифровку орнамента, но и размеры стежков, ткани, подобрать необходимый оттенок цвета. Также для подбора нужного тона эффективно использовать карту цветов ниток мулине: сопоставив цвет вышивальной нити этнографического образца с палитрой карты, можно с точностью воспроизвести нужный цвет при реконструкции.

В зависимости от технологии и вида орнамента в расшифровке вышивки есть нюансы. «Приступая к расшифровке, – пишет И. В. Куприянова, – необходимо уяснить, к какому из рассмотренных выше типов относится орнамент. Поскольку геометрический орнамент симметричен по ширине и высоте, достаточно расшифровать $\frac{1}{4}$ его часть, которая составляет повторяющийся фрагмент, указав линии симметрии» [4, с. 238]. Данное утверждение является верным, если есть необходимость лишь расшифровать орнамент. Но если необходимо воссоздать изделие этнографически точно, то имеет смысл расшифровать его полностью. А это удобнее выполнить в программе PatternMaker, в которой, введя раппорт, можно скопировать орнамент нужное количество раз, если есть необходимость внести изменения (не всегда раппорт может повторяться мастерицей точно).

Второй этап – изучение техник традиционной вышивки. Это трудоемкий процесс, требующий не только владения навыками вышивки, но и знаний этнической картины края, основных тенденций развития вышивки в стране. Например, в музейных коллекциях Алтайского края представлены образцы, позволяющие воссоздать отдельные виды технологий традиционной вышивки. Принадлежность Алтайского края к переселенческим регионам обусловила бытование двух групп технологий вышивки, распространенных на территории края. Так для старожильского населения Алтая характерны древние виды швов, преимущественно счетных – по плотной (вышивка «по набору», роспись) и разреженной ткани (цветная перевить, белая строчка). Для второй группы – «расейских» переселенцев – свойственны более поздние счетные вышивки в техниках: простой и болгарский крест, счетная и художественная гладь. В образцах обеих групп встречается и вышивка тамбуром.

Для изучения технологий швов в рамках полевых исследований музейным сотрудникам рекомендуется провести беседу с мастерицами, поскольку они могут воспроизвести технологический процесс (весь или частично), который необходимо тщательно, учитывая нюансы, зафиксировать. Но перенимание опыта изготовления вышитого изделия от носителей традиции с каждым годом, в силу их возраста, становится менее возможным, поэтому основным методом освоения является расшифровка этнографического образца. Здесь важно детально изучить изнаночную сторону вышивки, которая чаще всего и дает ключ к пониманию всех нюансов технологии вышивки: способов закрепления нити, последовательности нанесения стежков, их направленности и т. д.

Третий этап – изготовление изделия на основе этнографического образца. Данный этап требует от исполнителя строгого соблюдения всех особенностей технологического процесса и максимальной точности при выборе материалов для работы. Конечно, изготовить домотканое полотно, на котором производилась вышивка, в домашних условиях представляется не совсем реальным, но максимально учесть цветовую гамму, технологию изготовления возможно. Для достижения максимального сходства с историческим прототипом

при изготовлении изделия часто используют различные способы «состаривания» вещи.

В Государственном художественном музее Алтайского края сотрудники сектора «Традиционная русская культура» ведут планомерную работу по реконструкции технологий традиционной вышивки русского населения Алтая. На основе этнографических образцов воссозданы старожильские костюмы, декорированные вышивкой, которая выполнена по вороту и поликам женских рубашек, на груди нарукавников в старинных техниках – набор, роспись, поддѣвчатый шов, мелкий крест.

Знание о технике выполнения старинных швов обуславливает особенности и способы трансляции технологий традиционной вышивки, как нематериального культурного наследия. В ряде музеев Алтайского края накоплен достаточный опыт, позволяющий осуществлять трансляцию различных технологий, в том числе и вышивки. Утраченная традиция может быть восстановлена в музее, если сохранились достаточные для ее ревитализации свидетельства. Так, изучая инструменты и готовые изделия, музеи региона восстанавливают забытые промыслы и ремесла. Если свидетельства недостаточны, музеи создают живую модель процесса, однако в этом случае она обладает качеством не подлинности, но достоверности. В данном процессе в роли носителей традиции выступают сотрудники музея, члены музейных клубов и кружков, посетители.

В музеях Алтайского края трансляция технологий традиционной вышивки, как нематериального культурного наследия, осуществляется тремя основными способами: визуальным, вербальным и тактильным.

К визуальным способам относятся такие формы работы с посетителями, как выставки и презентации. Зачастую музейные сотрудники их дополняют интерактивной составляющей – трансляцией визуального и звукового ряда, что позволяет глубже погрузиться в атмосферу традиционной культуры. Так, например, в Топчихинском районном краеведческом музее выставку изделий, декорированных традиционной вышивкой, музейные работники сопровождали показом слайдов, демонстрирующих технологический процесс изготовления изделия, и видеозаписью носителя традиционной культуры (мастерицы) за работой.

«Главная задача современного музея как социокультурного института, – пишет Л. П. Геворгян, – состоит в воссоздании условий для развития социальной активности, раскрытия духовного потенциала личности, самореализации в сфере досуга и образования» [2, с. 243]. Чтобы выполнить эти задачи, музеи ищут креативные и нестандартные методы работы с аудиторией. Музейные сотрудники применяют информационные и мультимедийные технологии, организуют мероприятия с элементами развлекательности и интерактивности. Есть надежда, что в недалеком будущем у музеев края появится возможность транслировать технологический процесс вышивания на плазменных панелях, установленных в залах рядом с экспозициями этнографических коллекций из музейных фондов; внутри экспозиции демонстрировать короткометражные фильмы – о мастерицах или технологическом процессе изготовления изделия, записанном в ходе полевых исследований.

В трансляции технологий вышивки активно используют вербальные формы работы – экскурсии, лекции, консультации, конкурсы, музейные уроки. Подобные мероприятия в музеях Алтайского края, особенно муниципальных, используются достаточно активно. Так, например, в Третьяковском краеведческом музее (в Третьяковском районе сильны традиции вышивки «поляков-староверов») проводятся экскурсии с показом этнографических вышитых изделий и рассказом о колористических, орнаментальных особенностях, способах изготовления вышивок староверческого населения района, организуются лекции-показы и консультации с приглашением носителя традиционной культуры, народного мастера Алтайского края Н. А. Гемель. В Залесовском районном краеведческом музее среди других форм трансляции народной вышивки используется музейный урок, который, как правило, применяется в работе музея с учащимися общеобразовательных школ.

Наиболее распространенными в музейной деятельности для ознакомления с технологиями традиционной вышивки и их освоения являются тактильные способы трансляции – мастер-классы, которые проводятся как самостоятельно, так и в рамках курсов, клубов, студий, организованных в музее. В 2018 году сотрудники Государственного художественного музея Алтайского края реа-

лизовали проект для пожилых людей «Сотвори»: предлагалась серия занятий по изготовлению традиционных костюмов Алтайского края, для декорирования которых использовались традиционные для Алтая техники вышивки. Несколько лет в музее проводились курсы по традиционной вышивке для всех желающих. Посетители изучали старинные техники вышивки – роспись и набор – и изготавливали фрагменты геометрического линейного орнамента, которым можно украсить полотенце, ворот, полики или нижний край рукавов рубахи.

Опыт трансляции технологий народной вышивки накоплен и иными учреждениями сферы культуры и образования. В частности в Алтайском краевом колледже культуры и искусств в рамках специальности «Декоративно-прикладное искусство и народные промыслы» по курсу «Художественная вышивка» разработана программа модуля по сохранению и возрождению технологий традиционной вышивки Алтайского края. Этот опыт можно использовать и в музейной деятельности, организовав курсы по изучению традиционной вышивки, которые бы включали как теоретические, так и практические занятия.

При формировании рабочей программы курсов приоритетными для музейного работника могут являться следующие задачи: познакомить посетителей с технологиями русской традиционной вышивки, бытовавшими на территории Алтайского края; сформировать изучение тем так, чтобы дать посетителям целостное представление о традиционной вышивке, ее характерных особенностях; предлагать посетителям в качестве объектов копирования этнографические образцы, хранящиеся в фондах музея; стремиться к выполнению посетителями работ и изделий, максимально копирующих весь технологический процесс изготовления вышитого изделия.

Последовательность изложения тем (модулей) может быть постоянной, а распределение количества часов на их изучение и объем материала зависят от сложности конкретной вышивки и знаний, имеющихся у желающих освоить вышивку на момент начала обучения. Например, техника выполнения «тамбура» изучается за одно занятие, а техника выполнения вышивки «белая строчка» – от двух до трех занятий. Алгоритм модуля приведен в табл. 1.

Таблица 1

Алгоритм модуля

Последовательность изучения модуля	Элементы модуля	Форма	Дидактические задачи
Знакомство	–	Видеоурок, урок-экскурсия, традиционный урок	Вызвать интерес к изучаемой теме
Изучение особенностей вышивки Алтайского края	Технология, орнамент, цвет	Выполнение образца, лекция с записью в тетрадь	Развить технологическое мышление, осуществлять эстетическое воспитание, изучать культурное наследие
Составление композиции	Узор, изделие	Творческая работа	Развить творческие способности
Отработка навыков	Технология	Практическая работа	Освоить традиционную технологию
Подведение итогов	–	Выставка, просмотр работ, урок-отчет, урок – защита проекта	Провести анализ результатов, вызвать чувство удовлетворения

Последовательность изучения модуля определяется с учетом возрастных особенностей посетителей, рациональности процесса обучения – от простых вышивок к более сложным. Представленная модель системы занятий (курсов) поможет сотрудникам музея в планировании занятий: определении темы, теоретической и практической работы; а цели предпочтительно разработать самостоятельно: обучающие цели предусмотрены содержанием темы, а воспитательные и развивающие лучше сформулировать руководителю занятий, тогда он продумает и механизм их реализации.

Организуя занятия по вышивке, сотрудник музея должен одновременно решать следующие задачи: делать занятия разнообразными и инте-

ресными по форме и содержанию; применять различные современные методы трансляции нематериального культурного наследия; выстраивать изучение тем от простых к сложным, например, от отработки навыков по вышиванию швов до творческих заданий по составлению композиции: от узора до изделия; использовать различные формы работы на занятии (не только индивидуальные, но и в парах, в группах и коллективные работы).

Из-за отсутствия достаточного количества музейно-педагогических разработок по теме нередко сотрудник оказывается в ситуации экспериментатора. Ему приходится: собирать, изучать и накапливать информацию, нарабатывать практические навыки по соответствующему виду деятельности, систематизировать информацию и свои знания, планировать темы и занятия, разрабатывать музейные уроки, создавать, сохранять технологические и инструкционные карты, отрабатывать методику обучения, анализировать результат своей деятельности и совершенствовать ее.

Этот сложный и долгий путь проб и ошибок требует от сотрудника музея значительных усилий, инициативы и творчества. И к тому же приобщение посетителя к традиционной культуре, промыслам и ремеслам напрямую зависит от качества транслируемого материала и профессионализма музейного персонала.

Возможно, эффективной формой трансляции технологического процесса изготовления вышитого изделия может стать серия мастерских для детей и взрослых, независимо от возраста. Подобные мероприятия можно посещать семьями. Как известно, ценность семьи в том, что она воспитывает, передает свои традиции, учит строить отношения, физически и духовно формирует человека. Сегодня, когда темп жизни стремителен, очень важно найти время и желание провести вместе свободное время. Музей, как никакое другое учреждение, подходит для программ семейного досуга, это именно та площадка, где происходит вовлечение семьи в активную культурную деятельность, где созданы благоприятные условия для знакомства с коллекциями этнографических образцов, развития, передачи опыта и творчества.

Подобные мастерские, клубы по изучению народной вышивки возможно организовать и для отдельных социальных категорий граждан, например, невест, желающих изготовить обрядовое

полотенце к свадьбе, будущих мам, готовящих крестильную рубашку для своего малыша, девушек, которые хотели бы познакомиться с изготовлением традиционного приданого и т. п.

Среди посетителей имеется особая категория людей – с ограниченными физическими возможностями. Рукоделие, и вышивка в том числе, для данной категории населения, по медицинским показаниям (конечно, в зависимости от диагноза) часто бывает полезной и может использоваться как один из методов арт-терапии. У автора настоящей статьи имеется положительный опыт из образовательной практики, который доказывает, что занятия с инвалидами по реконструкции традиционных вышитых изделий оказывают на них благоприятное психологическое воздействие. Например, у обучающейся с заболеванием головного мозга отмечалось уменьшение головных болей, улучшение зрения, уменьшение поведенческих проблем: раздражительности, агрессивности и трудностей коммуникации с окружающими.

Для людей с ограниченными возможностями и для той части населения, которая находится в отдаленных уголках региона и не может посетить музей, возможна организация курсов дистанционного обучения традиционному вышиванию. Задача курса – при помощи компьютерных технологий и Интернета дать возможность получить знания и навыки народной вышивки, совершать виртуальную экскурсию и посмотреть коллекции вышитых изделий, хранящихся в фондах музея. Посетитель может послушать увлекательный рассказ о вышивках, выбрать изображения понравившихся этнографических образцов, прочитать виртуальные аннотации к ним и, поучаствовав в дистанционном мастер-классе, создать вышитый предмет самостоятельно.

Подобные формы трансляции нематериального культурного наследия увеличивают открытость и доступность музея для всех категорий граждан.

К тому же, как считает Т. Гафар, в России постепенно получает распространение идея «обучение в течение жизни», которое охватывает период с дошкольного до пенсионного возраста и включает все формы образования, формальные и неформальные. Эта идея проявляется как запрос современного общества к социальным ин-

ститутам, работающим в зоне формирования и трансляций знаний и умений, в том числе к музею как к одному из участников этого процесса [1].

Но какую бы форму работы ни выбрал сотрудник музея, для успешной трансляции технологий русской традиционной вышивки необходимы некоторые условия.

Во-первых, специфика коллекций музея должна позволять проводить различного рода обучающие мероприятия по данному виду декоративно-прикладного и народного искусства. По сути, в музее должны присутствовать коллекции этнографических предметов, декорированных традиционной вышивкой, – одежды, предметов домашнего обихода и т. п.

Во-вторых, профессиональный ресурс сотрудников музея, навыки работы в разнообразных вышивальных техниках должны открывать широкий спектр возможностей в сохранении нематериального культурного наследия. Здесь также важен педагогический опыт сотрудников музея, который позволит работать с разновозрастной аудиторией.

В-третьих, важным условием является материальное обеспечение – оснащенность материалами и инструментами, техническое оснащение (мультимедиа, проектор и т. д.). Немаловажным является и то, что для проведения занятия по традиционной вышивке желательно иметь специальное хорошо освещенное помещение, позволяющее принять несколько групп.

В-четвертых, музей должен стать творческой площадкой, где в процессе занятий все участники чувствуют себя комфортно.

Таким образом, реконструкция технологий традиционной вышивки, как нематериального культурного наследия, должна осуществляться комплексно и поэтапно. Основу составляют коллекции народной вышивки, которые хранятся в музее и дают возможность соприкоснуться с этнографическими образцами. Теоретические знания и практические навыки сотрудника музея, полученные в ходе экспедиционной работы, исследовательской деятельности, опытным путем, позволяют воссоздавать предметы традиционной вышивки с максимальной степенью соответствия с историческим прототипом и, применяя современные материалы, придавать им вид реалистичности сообразно историческому периоду. Комплексные знания позволяют транслировать информацию

о технологиях традиционной вышивки современному посетителю музея на высоком уровне, привлекая его внимание к проблемам сохранения нематериального культурного наследия, и дают

возможность приобщиться к «памяти прошлого». На современном этапе музеи располагают достаточным арсеналом средств и способов для эффективной трансляции традиционных технологий.

Литература

1. Гафар Т. Образование в современном музее – пространство социализации // Мир музея. – 2012. – № 10. – С. 13–16.
2. Геворгян Л. П. Роль культурно-образовательной деятельности этнографических музеев в формировании национальной идентичности [Электронный ресурс]. – URL: <http://articultr.suh.ru/articult-16-4-2014/l-p-gevorgyan-role-of-cultural-and-educational-activities-of-the-ethnographic-museums-in-shaping-nat.php> (дата обращения: 09.03.2019).
3. Конвенция ЮНЕСКО «Об охране нематериального культурного наследия» (2003). Париж, 17 октября 2003 года [Электронный ресурс]. – URL: www.unesco.org/bpi/rus/pdf/03-82-Russe.pdf (дата обращения: 06.03.2019).
4. Куприянова И. В. Вышивка «по набору»: технология реконструкции и методика расшифровки // Этнография Алтая и сопредельных территорий: сб. науч. ст. – Барнаул: Алт. пед. ун-т, 2005. – Вып. 6. – С. 239–244.
5. Макеева И. А. Воспитательный потенциал музейной экскурсии: теоретико-прикладные аспекты // Педагогическое мастерство: мат-лы II Междунар. науч. конф. – М.: Буки-Веди, 2012. – С. 175–178.
6. Макеева И. А. Культурно-образовательная деятельность музеев: содержание и формы [Электронный ресурс]. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/kulturno-obrazovatel'naya-deyatelnost-muzeya-soderzhanie-i-formy> (дата обращения: 08.03.2019).
7. Самойленко Н. Ю. От сегодняшней образовательной деятельности музеев зависит их будущее... // Музей. – 2013. – № 4. – С. 8–10.
8. Самсонов Т. Музейный урок (Опыт постановки его в Курском краеведческом музее) // Музей. – 2015. – № 1. – С. 34–35.

References

1. Gafar T. Obrazovanie v sovremennom muzee – prostranstvo sotsializatsii [Education in a modern museum is a space of socialization]. *Mir muzeya [Museum World]*, 2012, no. 10, pp. 13-16. (In Russ.).
2. Gevorgyan L.P. Rol' kul'turno-obrazovatel'noy deyatel'nosti etnograficheskikh muzeev v formirovanii natsional'noy identichnosti [The role of cultural and educational activities of ethnographic museums in the formation of national identity]. (In Russ.). Available at: <http://articultr.suh.ru/articult-16-4-2014/l-p-gevorgyan-role-of-cultural-and-educational-activities-of-the-ethnographic-museums-in-shaping-nat.php> (accessed 09.03.2019).
3. Konventsiya YUNESKO "Ob okhrane nematerial'nogo kul'turnogo naslediya" (2003). Parizh, 17 oktyabrya 2003 goda [UNESCO Convention "On the Safeguarding of the Intangible Cultural Heritage" (2003). Paris, October 17, 2003]. (In Russ.). Available at: <http://www.unesco.org/bpi/rus/pdf/03-82-Russe.pdf> (accessed 06.03.2019).
4. Kupriyanova I.V. Vyshivka "po naboru": tekhnologiya rekonstruktsii i metodika rasshifrovki [Set Embroidery: reconstruction technology and decoding technique]. *Etnografiya Altaya i sopredel'nykh territoriy: sb. nauch. st. [Ethnography of Altai and adjacent territories. Collection of scientific articles]*. Barnaul, Altai Pedagogical University Publ., 2005, no. 6, pp. 239-244. (In Russ.).
5. Makeeva I.A. Vospitatel'nyy potentsial muzeynoy ekskursii: teoretiko-prikladnye aspekty [Educational potential of museum excursions: theoretical and applied aspects]. *Pedagogicheskoe masterstvo: materialy II Mezhdunar. nauch. konf. [Pedagogical excellence. Proceedings of the II International Scientific Conference]*. Moscow, Buki-Vedi Publ., 2012, pp. 175-178. (In Russ.).
6. Makeeva I.A. Kul'turno-obrazovatel'naya deyatel'nost' muzeev: sodержanie i formy [Cultural and educational activities of museums: content and forms]. (In Russ.). Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/kulturno-obrazovatel'naya-deyatelnost-muzeya-soderzhanie-i-formy> (accessed 08.03.2019).
7. Samoylenko N.Yu. Ot segodnyashney obrazovatel'noy deyatel'nosti muzeev zavisit ikh budushchee... [The future of museums depends on their current educational activities]. *Muзей [Museum]*, 2013, no. 4, pp. 8-10. (In Russ.).
8. Samsonov T. Muzeyny urok (Opyt postanovki ego v Kurskom kraevedcheskom muzee) [Museum lesson (Experience of staging it in the Kursk Museum of Local Lore)]. *Muзей [Museum]*, 2015, no. 1, pp. 34-35. (In Russ.).

УДК 747

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ НЕЛИНЕЙНЫХ ФОРМ В СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ ЖИЛЫХ ИНТЕРЬЕРАХ

Плеханова Виктория Александровна, старший преподаватель, кафедра дизайна и технологий, Владивостокский государственный университет экономики и сервиса (г. Владивосток, РФ). E-mail: viktoriya.plehanova@vvsu.ru

Проанализированы основные принципы нелинейного формообразования и выявлены особенности использования нелинейных форм в интерьерах различного назначения. Для более полного представления о возможностях такого формообразования преимущественно рассматривались работы выдающихся представителей основных стилей нелинейных форм. Общими чертами нелинейных интерьеров являются: атектоничность и асимметрия, наложение простых геометрических форм, парадоксальные сочетания пространств, искажения, криволинейные и сложноскладчатые поверхности, чередование цветов и фактур. Соотношения линейных и нелинейных форм и предпочтения последних по элементам интерьера в отдельных проектах различаются вне связи со стилевыми решениями. Использование нелинейных элементов в значительной степени определяется их соразмерностью оформляемому пространству, соответственно в общественных и жилых интерьерах оно различается. В первом случае идея нелинейности реализуется прежде всего с помощью конструктивных элементов (стены, перегородки и перекрытия, лестницы и колонны), во втором не меньшую роль играют и элементы наполнения.

В современном российском массовом городском жилье нелинейное формообразование как способ улучшения среды обитания практически отсутствует, что обусловлено социокультурными и экономическими причинами. Только в дизайн-проектах элитного российского жилья в последние десятилетия появились немногочисленные примеры нелинейного формообразования. В связи со сложившимся в стране однообразием прямоугольных массовых жилых построек в этих проектах зачастую нарушается один из основных принципов нелинейного формообразования – соответствие внутреннего пространства архитектурному внешнему виду сооружения. В отличие от примеров работ мастеров мирового уровня нелинейные формы, использованные в российских интерьерах, могут не соответствовать заявленному стилю, что затрудняет стилевую идентификацию интерьера.

В жилых интерьерах нелинейное формообразование чаще основывается на сочетаниях линейных и нелинейных форм. Особенно это характерно для российских жилых объектов, где «чистая» нелинейность практически отсутствует и в основных элементах интерьера, и в его наполнении, в отличие от зарубежных примеров.

Ключевые слова: дизайн, жилье, интерьер, нелинейное формообразование, повседневность, проект, форма.

TO THE QUESTION OF THE USE OF NONLINEAR FORMS IN MODERN RUSSIAN RESIDENTIAL INTERIORS

Plekhanova Viktoriya Aleksandrovna, Sr Instructor, Department of Design and Technology, Vladivostok State University of Economics and Service (Vladivostok, Russian Federation). E-mail: viktoriya.plehanova@vvsu.ru

The basic principles of nonlinear shaping are analyzed and the features of the use of nonlinear forms in interiors for various purposes are revealed. For a more complete picture of the possibilities of such shaping,

the works of prominent representatives of the main styles of nonlinear shapes were mainly considered. Common features of nonlinear interiors are atectonicity and asymmetry, imposition of simple geometric shapes, paradoxical combinations of spaces, distortions, curved and complex surfaces, and alternation of colors and textures. The ratio of linear and nonlinear forms and preferences of the latter in terms of interior elements in individual projects differs without regard to stylistic decisions. The use of nonlinear elements is largely determined by their proportionality to the space being designed and, accordingly, it differs in public and residential interiors. In the first case, the idea of non-linearity is realized primarily with the help of structural elements (walls, partitions and ceilings, stairs and columns), in the second, filling elements play an equally important role.

In modern mass urban Russian housing, nonlinear shaping as a way to improve the living environment is practically absent, due to sociocultural and economic reasons. Only designed projects of elite Russian housing in recent decades have a few examples of nonlinear shaping. Due to the uniformity of rectangular mass residential buildings in the country, these projects often violate one of the basic principles of nonlinear shaping the correspondence of the internal space to the architectural appearance of the structure. In contrast to the works of world masters, nonlinear forms used in Russian interiors may not correspond to the declared style, which makes it difficult to style the interior.

In residential interiors, nonlinear shaping is often based on combinations of linear and nonlinear shapes. This is especially characteristic of Russian residential facilities, where “pure” non-linearity is practically absent in the basic elements of the interior and in its filling, in contrast to foreign examples.

Keywords: design, dwelling, interior, nonlinear shaping, everyday life, project, form.

DOI: 10.31773/2078-1768-2020-50-60-72

Пространство повседневной культуры и среда обитания – важнейшие факторы жизнедеятельности человека и общества. Следовательно, качество и степень рациональности этой среды, удовлетворенность ею, ее соответствие потребностям, установкам, ценностным ориентирам в значительной мере предопределяют организацию повседневной жизни человека, его деятельность в целом и уровень духовного освоения мира. Ранее автором было показано, что одним из важных направлений преобразования повседневности россиян является экологизация и эстетизация его жилья [17].

Носителем эстетической ценности и выразительности жилых пространств и населяющих их вещей, воплощением содержания пространства повседневности как системы, объединяющей отдельные элементы и части в целое, является форма [12]. Соответствующим современному миропониманию и стремлению человека к преобладанию в среде его обитания более экологических воздействий является использование нелинейных

форм в жилых интерьерах. Внедрение нелинейной парадигмы в дизайн интерьера связано не только с необходимостью соответствия внутреннего и внешнего облика архитектурных объектов, но и с подсознательным предпочтением человеком тех художественно-выразительных решений, которые отвечают эстетическим требованиям современной культуры повседневности [13; 16; 17; 19; 26; 27].

Исследование творчества мастеров дизайна за последние десятилетия показывает, что нелинейные формы становятся преобладающими прежде всего в интерьерах общественных пространств. В жилых интерьерах примеры их использования относительно немногочисленны. Но по результатам авторского социологического исследования (анкетный опрос 546 респондентов в г. Владивостоке) можно утверждать, что даже для среднего российского горожанина, пока не избалованного стилистическими изысками в оформлении своего жилья, характерен повышен-

ный интерес к нелинейному формообразованию. В табл. 1 представлен фрагмент обозначенного исследования. Рассмотрено распределение респондентов по вариантам ответов только на один вопрос: «Какие формы (прямоугольные/скруглен-

ные) вы предпочитаете в интерьере?». Видно, что более половины всех респондентов, и особенно женщин от 31 до 50 лет, в рекреационных жилых пространствах (гостиная, спальня) предпочитают нелинейные формы.

Таблица 1

**Распределение предпочтений респондентов линейных/нелинейных форм
в интерьерах пространств различного назначения (%)**

Элемент жилого пространства	Вся выборка (546 чел.)	Женщины				Мужчины			
		Всего (428 чел.)	Младше 30 лет (259 чел.)	31–50 лет (101 чел.)	Старше 50 лет (68 чел.)	Всего (118 чел.)	Младше 30 лет (56 чел.)	31–50 лет (43 чел.)	Старше 50 лет (19 чел.)
Прихожая	80/20	79/21	82/18	75/25	78/22	83/17	82/18	84/16	84/16
Гостиная	45/55	43/57	46/54	34/66	46/54	52/48	50/50	58/42	47/53
Кухня-столовая	57/43	56/44	60/40	46/54	57/43	58/42	57/43	58/42	58/42
Кабинет	83/17	83/17	82/18	81/19	87/13	83/17	87/13	79/21	79/21
Спальня	42/58	40/60	42/58	33/67	43/57	48/52	45/55	53/47	47/53

Тем не менее реального воплощения таких предпочтений в массовом городском интерьере, по данным автора, не отмечается [18; 20]. Только в некоторых случаях оформления такого жилья используются единичные нелинейные элементы (к примеру, изогнутой формы диваны и кресла, вазы), не поддержанные стилевым решением и не определяющие композицию интерьера. То есть нелинейное формообразование как способ улучшения среды обитания в жилище современного массового российского горожанина практически отсутствует, что обусловлено социокультурными и экономическими причинами. Только в дизайн-проектах элитного российского жилья в последние десятилетия появились немногочисленные примеры нелинейного формообразования. Однако в наиболее известных рейтингах авторов дизайн-проектов жилых пространств соответствующие опыты российских дизайнеров не отмечены [14; 23]. На основании изложенного автору представляется полезным проанализировать примеры и обсудить перспективы использования нелинейных форм в оформлении российского жилья.

Прежде чем перейти к рассмотрению этого вопроса, остановимся на основных принципах нелинейного формообразования и его особенностях в жилых интерьерах. С этой целью рассматривались интерьеры различного назначения, преимущественно работы выдающихся представителей основных стилей нелинейных форм, так как именно в их проектах в наибольшей степени отражаются принципиальные основы нелинейного формообразования. Уникальный мастер нелинейных форм Заха Хадид (1950–2016) создала свой собственный стиль, близкий к деконструктивизму (см. Приложение, рис. 1а). Общие черты ее интерьеров определяются особой композиционной логикой, построенной на отрицании прямого угла. В каждой композиции архитектор стремится использовать острые, но скругленные углы, не прямые, а изогнутые по дуге стены [6]. Большое внимание З. Хадид уделяет визуальным эффектам, способствующим восприятию даже простых форм как нелинейных. Неповторимые внутренние пространства создает приверженец деконструктивизма американско-канадский архитектор Френк

Гери (г. р. 1929). Наиболее яркими образцами его интерьеров являются помещения музея С. Гугенхайма в Бильбао, которые оснащены композициями из наклоненных металлических пластин, изогнутыми элементами, соединяющими три этажа воедино, множеством искривленных мостиков и извивающихся лестниц (см. Приложение, рис. 16). Неповторимый почерк Сантьяго Калатравы (г. р. 1951), работающего в бионическом направлении, проявился в интерьерах: оперного театра в Санта-Крус-де-Тенерифе (см. Приложение, рис. 1в); здания железнодорожного вокзала на ветке, связывающей центр Лиона с аэропортом Сент-Экзюпери; художественного музея Милуоки в штате Висконсин; здания Флоридского политехнического Университета и др.

В качестве примеров жилых интерьеров с использованием нелинейных форм представляют интерес также проекты Карима Рашида, Даниэля Либескинда. Интерьеры К. Рашида с незначительными изгибами ограждающих конструкций насыщены бионическими формами мебели, арт-объектов, декора, осветительных приборов (см. Приложение, рис. 2а), которые в свою очередь усиливают визуальный эффект нелинейности пространства в целом. В работах Д. Либескинда превалирует сочетание ломаных углов, разбитых и собранных заново форм, зигзагообразных линий. Применение им зигзагообразных линий в каждом конкретном случае уникально и соответствует изменениям формы (см. Приложение, рис. 2б). Д. Либескинд виртуозно пользуется ритмом, чередуя визуальную насыщенность и пустоту пространств [6].

Рассмотренные шедевры современного дизайна вызывают единодушное восхищение современников [1; 4; 9; 21]. Их истоки связывают с модерном, но от работ Антонио Гауди они отличаются применением идей, отражающих организацию, свойства, функции и структуру естественной окружающей среды. В органическом дизайне и биоморфизме особое внимание уделяется исследованию свойств и характеристик, являющихся выражением функции того или иного природного аналога [24]. Эксперименты деконструктивистов с разрушениями, разрывами пластичных, текучих форм, непрерывностью пространств еще более

удаляют современное нелинейное формообразование от его истоков.

Безусловно, каждый из выдающихся мастеров дизайна обладает своим уникальным почерком, но вместе с тем нелинейное формообразование в интерьерах имеет общие черты, характерные практически для каждой из работ данного направления. Это атектоничность и асимметрия, наложение простых геометрических форм и парадоксальные сочетания пространств, искажения, криволинейные и сложноскладчатые поверхности, чередование цветов и фактур [6]. При этом соблюдаются принципы экологической и монументальной целостности – любой из рассмотренных объектов нелинейной архитектуры обязательно вписан в окружающую среду, в каждом сооружении внутреннее пространство определяется его экстерьером или наоборот. Как правило, парадоксальные сочетания форм, пространств, средств создания нелинейных элементов приведены к единству, и завершенные объекты представляют собой цельный образ. Динамичность, преимущественное отсутствие декора, преобладание основных цветов (белого и черного) также можно отнести к общим чертам нелинейного формообразования в интерьерах. Характерным их свойством является и использование в качестве основных материалов бетона, металла, стекла, различных пластиков и композитов.

Жилые интерьеры отличаются от общественных в первую очередь несравнимыми масштабами их пространств и спецификой назначения. Соответственно соотношение линейных и нелинейных форм и предпочтения последних по отдельным элементам в жилых и нежилых интерьерах разные. Нами осуществлена попытка выявления связи этих различий со стилевыми решениями. При этом оценивались: планировочная и объемная организация внутреннего пространства помещения или ряда помещений; пространственная форма и декор ограждающих конструкций (объемно-пластическое или декоративное решение стен, пола, потолка); особенности формы мебели и оборудования; использование предметов декоративно-прикладного характера. Данные приведены в табл. 2.

Из табл. 2 видно, что в заявленных разными авторами стилях нелинейных форм доля нелинейных элементов разная даже в интерьерах одного назначения. Так, у З. Хадид в культурном центре Г. Алиева нелинейность является практически абсолютно преобладающей моделью формообразования, а в бизнес-центре «Dominion Tower» скорее преобладают линейные элементы. Здесь в несущих конструкциях – стенах, колоннах, а также потолке – нелинейность отсутствует. Возможно, это связано с материальными ресурсами и заинтересованностью заказчика. В жилом комплексе «520 West 28th» нелинейный внешний облик в интерьерах поддерживается фрагментарно – колоннами, лестницами и элементами наполнения. Стены, пол, потолок являются линейными (см. Приложение, рис. 3).

В интерьерах Ф. Гери, особенно жилых, чаще всего используется смешанное формообразование. Если в Музее С. Гуггенхайма нелинейность в наибольшей степени проявляется во внешнем облике сооружений и в таких основных элементах интерьера, как потолок, колонны, а линейное формообразование используется только для пола, то в приведенных примерах жилых интерьеров линейными могут быть и пол, и потолок, и лестницы. Нелинейность жилых помещений в проектах К. Рашида связана преимущественно с элементами наполнения. У Д. Либескинда в жилых интерьерах нелинейные элементы могут использоваться даже чаще, чем в интерьерах общественного назначения. В проектах студии «Cadence Architects» бионические формы присутствуют и в основных элементах, и в предметах наполнения (см. Приложение, рис. 4а, 4б). Компания «ARTechnic Architects» в своих работах больше использует сочетания линейных и нелинейных форм (см. Приложение, рис. 4в, 4г). Однако стоит отметить, что у большинства упомянутых выше объектов и общий план, и внутренняя планировка состоят из нелинейных конструкций.

Связи соотношений линейных и нелинейных форм и в жилых, и в общественных интерьерах по обозначенным в табл. 2 стилям не просматриваются. Скорее, они определяются масштабами

пространств и индивидуальным видением конкретного автора.

Достаточно большое количество проектов разного назначения, связанных с нелинейным формообразованием (интернет-ресурсы: Archi.ru, Archdaily, Buro 24/7, Designboom, Houzz, Novagoom и др.) показывают, что в общественных интерьерах идея нелинейности реализуется прежде всего с помощью конструктивных элементов (стены, перегородки и перекрытия, лестницы и колонны), а в жилье не меньшую роль играют и элементы наполнения. В квартирах могут присутствовать и небольшие нелинейные элементы, например, опоясывающие потолок светодиодные ленты, изогнутый футуристический фасад кухонного гарнитура, скругленные столы, стулья и мягкая мебель, каплеобразные зеркала, и различной формы и назначения панели и перегородки, трансформирующие и эстетизирующие пространство. Иллюзия нелинейного пространства в прямоугольных пространствах интерьеров может создаваться визуальными приемами, прямые углы несущих конструкций – маскироваться плавной формой отделочных материалов. В более просторных жилых помещениях нелинейными элементами могут быть также лестницы и их ограждения, различные проемы и потолки. В основных элементах и в предметах наполнения интерьеров преобладающими могут быть как нелинейные формы, так и линейные. В некоторых проектах линейные и нелинейные формы используются в равной степени. В жилых интерьерах именно сочетания линейных и нелинейных форм используются чаще. Но в любом из рассмотренных примеров интерьер всегда представляет собой цельное, композиционно совершенное, гармоничное пространство.

В качестве примеров нелинейного формообразования в элитном сегменте российских жилых интерьеров были рассмотрены дизайн-проекты фирм С. Орехова, «TOTEMENT/PAPER», «Атриум», «LVA-Interior» и др. По соотношению линейных и нелинейных форм эти помещения (табл. 3) несколько отличаются от представленных ранее (см. табл. 2).

Таблица 2

Соотношение линейных и нелинейных форм в проектах виднейших мастеров архитектуры и дизайна

Автор	Наименование объекта, местоположение, год создания	Стиль	Несущие конструкции	Фасад	План здания	Внутренняя планировка	Интерьер							
							Основные элементы					Предметы наполнения		
							Стены	Пол	Потолок	Колонны	Лестницы	Освещение	Мебель	Декор
Заха Хадид	Жилой комплекс «520 West 28th», США, Нью-Йорк, 2016	Бионика, футуризм												-
	Культурный центр Г. Алиева, Азербайджан, Баку, 2012	Бионика, футуризм												
	Бизнес-центр «Dominion Tower», Россия, Москва, 2015	Футуризм, деконструктивизм												-
Френк Гери	Музей С. Гуггенхайма, Испания, Бильбао, 1997	Деконструктивизм											-	-
	Квартира в жилом комплексе «Orus», Китай, Гонконг, 2012	Деконструктивизм												
	Гостиница «Маркес де Рискаль», Испания, Эльсего, 2006	Деконструктивизм									-			-
Карим Рашид	Интерьер гостиницы «Nhow», Германия, Берлин, 2010	Футуризм									-			
	Интерьеры в жилом комплексе «Kado Kerim», Латвия, Юрмала, 2016	Футуризм, бионика									-			-
Даниэль Либескинд	Музей искусств в Денвере, США, штат Колорадо, Денвер, 2006	Деконструктивизм								-			-	-
	Жилой дом «18.36.54», США, штат Коннектикут, 2010	Деконструктивизм								-			-	-
Студия «Cadence Architects»	Частная резиденция «Elastica», Индия, Бангалор, 2015	Футуризм, бионика											-	-
	Частная резиденция «B One», Индия, Бангалор, 2015	Футуризм, бионика								-				-
Компания «ARTech-nic Architects»	Загородный дом «Shell», Япония, Ногано, 2008	Бионика, экостиль								-			-	-
	Дом «SRK», Япония, Мегуро, 2014	Деконструктивизм											-	-

Примечание. – линейная модель формообразования, – нелинейная модель формообразования, – сочетание линейных и нелинейных элементов.

Таблица 3

Соотношение линейных и нелинейных форм в интерьерах российских компаний

Автор	Наименование объекта, местоположение, год создания	Стиль	Несущие конструкции	Фасад	План здания	Внутренняя планировка	Интерьер							
							Основные элементы					Предметы наполнения		
							Стены	Пол	Потолок	Колонны	Лестницы	Освещение	Мебель	Декор
Студия Станислава Орехова	Квартира в жилом комплексе «Алые паруса», Россия, Москва, 2017	Футуризм, бионика		-	-						-			-
	Квартира в жилом комплексе «Барин Хауз», Россия, Москва, 2016	Футуризм		-										
Архитектурная компания «TOTELEMENT/PAPER»	Квартира на ул. Кош-тоянца, Россия, Москва, 2004	Деконструктивизм, футуризм		-	-						-			-
	Квартира на ул. Астрадамская, Россия, Москва, 2006	Деконструктивизм		-						-	-			
	Квартира на ул. Маршала Жукова, Россия, Москва, 2015	Деконструктивизм		-						-	-			-
Архитектурное бюро «Атриум»	Квартира в 1-м Обыденском переулке, Россия, Москва, 2006	Современный		-										-
	Пентхаус в ЖК «Алые паруса», Россия, Москва, 2003	Футуризм, бионика		-						-	-			-
	Квартира на ул. Академика Антохина, Россия, Москва, 2009	Футуризм, бионика		-						-	-			-
	Квартира в дер. Жуковка, Россия, Московская область, 2013	Деконструктивизм		-							-			-
Архитектурное бюро «LVA-Interior»	Квартира в Дмитровском переулке, Россия, Москва, 2012	Футуризм		-	-						-			
	Загородный дом в Подмосковье, Россия, 2008	Современный		-										
	Квартира для двоих человек, Россия, Москва, 2014	Футуризм		-						-	-			

Главное, на наш взгляд, их отличие заключается в следующем. В работах мастеров мирового уровня несущие конструкции, фасад, конфигурация плана здания и внутренняя планировка, как правило, являются нелинейными. Эффект нелинейности может создаваться не только конструктивно, но и за счет дополнительных средств оформления, что визуально создает цельную нелинейную форму. В представленных российских проектах несущие конструкции и план здания практически всегда линейны. Даже внутренняя планировка может быть линейной. То есть один из основных принципов нелинейного формообразования – соответствие внутреннего пространства архитектурному внешнему виду сооружения – нарушается. Полагаем, что это связано со сложившимся однообразием прямоугольных массовых жилых построек. Пример загородного дома в Подмосковье (табл. 3) свидетельствует о том, что даже в индивидуальном строительстве нелинейные архитектурные формы в нашей стране пока непопулярны. Конечно, в самое последнее время появляются жилые дома с нелинейными элементами внешнего оформления, однако такие проекты пока единичны.

Во внутреннем оформлении российских жилых пространств можно увидеть большое количество изогнутых, скругленных и наклонных плоскостей, наличие текучих форм, волно- и зигзагообразные перегородки, разные уровни потолка и пола, скругленные формы мебели, перетекающие конструкции потолочного освещения, светлую цветовую палитру с контрастными акцентами или сочетания противоположных цветов (см. Приложение, рис. 5).

Также как и в первой группе рассматриваемых интерьеров (табл. 2), эффект нелинейности здесь (табл. 3) чаще достигается за счет нелинейных форм стен, потолка, элементов освещения, мебели. Но если в первой группе интерьеров наполнение обязательно нелинейное, то в российском жилье при нелинейных основных элементах возможна прямоугольная мебель и линейные элементы освещения. В качестве формообразующих стилей чаще всего заявлены футуризм и деконструктивизм (табл. 3), но «чисто» нелинейное формообразование зачастую отсутствует. В отличие от работ мастеров мирового уровня нелинейные формы, использованные в российских интерьерах, могут не соответствовать заявленному стилю (см. Приложение, рис. 5), что

затрудняет стилевую идентификацию интерьера. В основном нелинейность представлена фрагментарно в предметном наполнении. Очевидно, что такое «осторожное» продвижение нелинейного формообразования даже в элитный российский жилой интерьер связано с эстетическими предпочтениями заказчиков этого уровня, что исключено в зарубежной практике дизайна. Это вновь подтверждает необходимость более активной просветительской работы по вопросам улучшения среды обитания, роли экологичного и комфортного жилья в оптимизации повседневной жизни человека, способов улучшения экологической и эстетической составляющей внутреннего пространства повседневности.

Выводы:

1. Нелинейное формообразование как способ создания комфортной и экологичной жилой среды в российском массовом интерьере практически отсутствует. Неактивно оно развивается и в дизайне элитных жилых пространств.

2. Нелинейное формообразование в общественных и жилых интерьерах неодинаково. В первом случае идея нелинейности реализуется прежде всего с помощью конструктивных элементов (стены, перегородки и перекрытия, лестницы и колонны), во втором – не меньшую роль играют и элементы наполнения.

3. Соотношение линейных и нелинейных форм и предпочтения последних по отдельным элементам интерьера в разных проектах существенно различаются вне связи со стилевыми решениями.

4. Из-за сложившегося однообразия прямоугольных массовых жилых построек в российских интерьерных дизайн-проектах зачастую нарушается один из основных принципов нелинейного формообразования – соответствие внутреннего пространства архитектурному внешнему виду сооружения.

5. В отличие от работ мастеров мирового уровня нелинейные формы, использованные в российских интерьерах, могут не соответствовать заявленному стилю, что затрудняет стилевую идентификацию интерьера.

6. Необходимость улучшения повседневной культуры жизнедеятельности россиян актуализирует важность повышения знаний о роли стилевых решений в создании эстетики жилого пространства и использования нелинейного формообразования в российских жилых интерьерах.

Литература

1. Анциперова М., Миронов Ф., Шевченко А. Ей удалось сказать все: архитекторы о смерти Захи Хадид [Электронный ресурс] // Афиша Daily. – URL: <https://daily.afisha.ru/cities/1065-ej-udalos-skazat-vse-arhitektory-o-smerti-zahi-hadid/> (дата обращения: 10.05.2019).
2. Астрадамская [Электронный ресурс]. – URL: http://www.paperteam.ru/?pap&xml/03_02_08.xml&1 (дата обращения: 10.05.2019).
3. Аудиторио-де-Тенерифе [Электронный ресурс]. – URL: <https://tonkosti.ru/Аудиторио-де-Тенерифе> (дата обращения: 16.05.2019).
4. Быстрова Т. Разрыв связей. Архитектура как событие и процесс. Фрэнк Оуэн Гери [Электронный ресурс]. – URL: http://taby27.ru/tvorcheskie_raboty/pro-arxitektorov-dizajnerov-xudozhnikov/gehry.html (дата обращения: 10.05.2019).
5. Варламов И. Самое красивое здание Азербайджана [Электронный ресурс] // Varlamov.ru. – URL: <https://varlamov.ru/1930568.html> (дата обращения: 12.05.2019).
6. Волынсков В. Э. Особенности формообразования в работах современных мастеров [Электронный ресурс] // Academia. Архитектура и строительство. – 2009. – № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-formoobrazovaniya-v-rabotah-sovremennyh-masterov> (дата обращения: 10.11.2018).
7. Интерьер квартиры на улице Академика Антохина [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.houzz.ru/projects/1117888/> (дата обращения: 7.05.2019).
8. Квартира в Жуковке [Электронный ресурс]. – URL: <http://atrium.ru/project/zhukovka> (дата обращения: 10.05.2019).
9. Кипина Ж. Фрэнк Гери – экспрессивный гений деконструктивизма [Электронный ресурс]. – URL: <https://losko.ru/frank-gehry/> (дата обращения: 10.05.2019).
10. Короткова О. Гимн дизайну [Электронный ресурс] // Salon Interior. – URL: <https://salon.ru/article/gimn-dizajnu-32451> (дата обращения: 10.05.2019).
11. Интерьеры Коштыянца [Электронный ресурс] // PAPER. – URL: http://www.paperteam.ru/?pap&xml/03_03_08.xml&1 (дата обращения: 10.05.2019).
12. Лелеко В. Д. Пространство повседневности в европейской культуре. – СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т культуры и искусств, 2002. – 320 с.
13. Лидвелл У., Холден К., Батлер Дж. Универсальные принципы дизайна. – СПб.: Питер, 2012. – 272 с.: ил.
14. Марченко Н. 10 самых известных дизайнеров мира [Электронный ресурс] // 1tmn.ru – URL: <http://1tmn.ru/ratings/world-ratings/10-samykh-izvestnykh-dizajnerov-mira-4146235.html> (дата обращения: 10.05.2019).
15. Музей Гуггенхайма [Электронный ресурс] // Historie – достопримечательности мира. – URL: <http://www.historie.ru/dostoprimechatelnosti-mira/ispaniya/razvlecheniya-ispanii/muzei-ispanii/2124-muzey-guggenhayma-foto-opisanie-museo-guggenheim-bilbao.html> (дата обращения: 10.05.2019).
16. Папанек В. Дизайн для реального мира. – М.: Издатель Дмитрий Аронов, 2008. – 416 с.
17. Плеханова В. А. 3D-технологии и их применение в дизайне // Территория новых возможностей. Вестн. Владивосток. гос. ун-та экономики и сервиса. – 2015. – № 2 (29). – С. 144–153.
18. Плеханова В. А., Коноплева Н. А. Исследование гендерных и возрастных различий культуры повседневности жилища россиян (на примере г. Владивостока) // Гуманитарный вектор. – Чита, 2018. – Т. 13, № 3. – С. 176–186.
19. Плеханова В. А. Об актуальности нелинейного формообразования в современном отечественном дизайне // Современные наукоемкие технологии. – Саратов, 2016. – № 12–3. – С. 531–536.
20. Плеханова В. А., Громак И. И., Рыжова Е. В., Шемилина Д. И. Оценка возможностей самостоятельного дизайна российского горожанина (на примере г. Владивостока) // Интеллектуальный потенциал вузов – на развитие Дальневосточного региона России и стран АТР: материалы XX Междунар. науч.-практ. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых (г. Владивосток, 18–20 апреля 2018 г.): в 4 т. Т. 2 / под общ. ред. д-ра экон. наук Т. В. Терентьевой. – Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2018. – С. 462–466.
21. Пока бесплатно [Электронный ресурс] // Lenta.ru. – URL: <https://lenta.ru/articles/2018/09/08/philipvogt/> (дата обращения: 10.05.2019).
22. Проект недели: «Дом-раковина», Нагано, Япония [Электронный ресурс] // WorldBuild365. – URL: <https://russian.worldbuild365.com/news/8ok54u6b5/stroitelstvo-i-arkhitektura/proekt-nedeli-dom-rakovina-nagano-yaponiya> (дата обращения: 10.05.2019).
23. Ромашкевич А. Итоги 2018: лучшие архитекторы и дизайнеры России [Электронный ресурс] // AD Russia. – URL: <https://www.admagazine.ru/the-results-of-the-year/itogi-goda-2018-luchshie-arhitektory-i-dizajnery-rossii> (дата обращения: 12.05.2019).
24. Стессель С. А. Предпосылки развития идей нелинейности в современной архитектуре [Электронный ресурс] // Вестник ЮУрГУ. Серия: Строительство и архитектура. – 2016. – № 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/predposylki-razvitiya-idey-nelineynosti-v-sovremennoy-arhitekture> (дата обращения: 10.10.2018).
25. Футуристическая квартира в ЖК Алые паруса – Москва [Электронный ресурс] // Студия Станислава Орехова. – URL: <https://d-e-s-i-g-n.ru/portfolio/futuristicheskaya-kvartira-v-zhk-alye-parusa-moskva/> (дата обращения: 10.05.2019).

26. Чепурова О. Б. Теоретические проблемы формирования художественного образа в дизайне [Электронный ресурс] // Вестник ОГУ. 6' 2005. – URL: http://vestnik.osu.ru/2005_9_1/16.pdf (дата обращения: 20.10.2017).
27. Эллард К. Среда обитания. Как архитектура влияет на наше поведение и самочувствие. – М.: Альпина Паблишер, 2018. – 288 с
28. 18.36.54 [Электронный ресурс] // Studio Libeskind. – URL: <https://libeskind.com/work/18-36-54/> (дара обращения: 17.05.2019).
29. B-One [Электронный ресурс] // Archidust – platform for architecture and design industry. – URL: http://www.archidust.com/Home/project_details/B-One-887 (дата обращения: 8.05.2019).
30. Elastica [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.cadencearchitects.com/projects/detail/17> (дата обращения: 08.05.2019).
31. Kado Karim: жилой комплекс в Латвии по проекту Андиса Силиса и Карима Рашида [Электронный ресурс] // NOVAROOM. – URL: http://novaroom.ru/news/kado_karim_residential_complex_in_latvia_according_to_the_project_of_andis_silis_and_karim_rashid (дата обращения: 17.05.2019).
32. Schulz D. First look inside the amenity spaces at Zaha Hadid's 520 West 28th Street [Электронный ресурс] // 6sqft – NYC real estate and architecture news. – URL: <https://www.6sqft.com/zaha-hadids-520-west-28th-street-reveals-full-suite-of-amenity-renderings/> (дата обращения: 08.05.2019).
33. SRK / ARTECHNIC architects [Электронный ресурс] // Archidaily.com. – URL: <https://www.archdaily.com/773642/srk-artechnic-architects> (дата обращения: 08.05.2019).
34. Stevens P. Explore Zaha Hadid's 520 west 28th residences in New York [Электронный ресурс] // Designboom magazine. – URL: <https://www.designboom.com/architecture/zaha-hadid-520-west-28th-interiors-chelsea-condos-new-york-high-line-12-19-2015> (дата обращения: 08.05.2019).

References

1. Antsiperova M., Mironov M., Shevchenko A. Ey udalos' skazat' vse: arkhitektory o smerti Zakhi Khadid [She managed to say everything: architects about the death of Zahi Hadid]. *Afisha Daily [Poster Daily]*. (In Russ.). Available at: <https://daily.afishka.ru/tsitiyes/1065-ey-udalos-skazat-vse-arkhitektory-o-smerti-zakhi-khadid/> (accessed 10.05.2019).
2. *Astradamskaya [Astradamskaya]*. (In Russ.). Available at: http://www.paperteam.ru/?pap&xml/03_02_08.xml&1 (accessed 10.05.2019).
3. *Auditorio-de-Tenerife [Auditorio de Tenerife]*. (In Russ.). Available at: <https://tonkosti.ru/Аудиторио-де-Тенерифе> (accessed 16.05.2019).
4. Bystrova T. Razryv svyazey. *Arkhitektura kak sobytie i protsess. Frenk Ouen Geri [Disconnection. Architecture as an event and process. Frank Owen Gehry]*. (In Russ.). Available at: http://taby27.ru/tvorcheskie_raboty/pro-arxitekto-rov-dizajnerov-xudozhnikov/gehry.html (accessed 10.05.2019).
5. Varlamov I. Samoe krasivoe zdanie Azerbaydzhana [The most beautiful building in Azerbaijan]. *Varlamov.ru*. (In Russ.). Available at: <https://varlamov.ru/1930568.html> (accessed 12.05.2019).
6. Volynskov V.E. Osobennosti formoobrazovaniya v rabotakh sovremennykh masterov [Features of shaping in the works of modern masters]. *Academia. Arkhitektura i stroitel'stvo [Academy. Architecture and construction]*, 2009, no. 4. (In Russ.). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-formoobrazovaniya-v-rabotah-sovremennykh-masterov> (accessed 10.11.2018).
7. *Inter'ery kvartiry na ulitse Akademika Antokhina [The interior of the apartment on the street Academic Antokhin]*. (In Russ.). Available at: <https://www.houzz.ru/projects/1117888/> (accessed 07.05.2019).
8. *Kvartira v Zhuhovke [Apartment in Zhukovka]*. (In Russ.). Available at: <http://atrium.ru/project/zhukovka> (accessed 10.05.2019).
9. Kipina Zh. *Frenk Geri – ekspressivnyy geniy dekonstruktivizma [Frank Gehry - the expressive genius of deconstruction]*. (In Russ.). Available at: <https://losko.ru/frank-gehry/> (accessed 10.05.2019).
10. Korotkova O. *Gimn dizaynu [Anthem to design]*. *Salon Interior*. (In Russ.). Available at: <https://salon.ru/article/gimn-dizajnu-32451> (accessed 10.05.2019).
11. Inter'ery Koshtoyantsa [Koshtoyantsa]. *PAPER*. (In Russ.). Available at: http://www.paperteam.ru/?pap&xml/03_03_08.xml&1 (accessed 10.05.2019).
12. Leleko V.D. *Prostranstvo povsednevnosti v evropeyskoy kul'ture [The space of everyday life in European culture]*. St. Petersburg, St. Petersburg State University of Culture and Arts Publ., 2002. 320 p. (In Russ.).
13. Lidvell U., Kholden K., Batler. Dzh. *Universal'nye printsipy dizayna [Universal design principles]*. St. Petersburg, Peter Publ., 2012. 272 p. (In Russ.).
14. Marchenko N. 10 samykh izvestnykh dizaynerov mira [The 10 most famous designers in the world]. *Itmn.ru*. (In Russ.). Available at: <http://1tmn.ru/ratings/world-ratings/10-samykh-izvestnykh-dizajnerov-mira-4146235.html> (accessed 10.05.2019).
15. Muzey Guggenkhayma [Guggenheim Museum]. *Historie – dostoprimechatel'nosti mira [Historie – sights of the world]*. (In Russ.). Available at: <http://www.historie.ru/dostoprimechatelnosti-mira/ispaniya/razvlecheniya-ispanii/muzei-ispanii/2124-muzey-guggenkhayma-foto-opisanie-museo-guggenheim-bilbao.html> (accessed 10.05.2019).

16. Papanek V. *Dizayn dlya real'nogo mira [Design for the real world]*. Moscow, Izdatel' Dmitriy Aronov Publ., 2008. 416 p. (In Russ.).
17. Plekhanova V.A. 3D-tehnologii i ikh primeneniye v dizayne [3D technologies and their application in design]. *Territoriya novykh vozmozhnostey. Vestnik Vladivostokskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i servisa [Territory of new opportunities. Bulletin of the Vladivostok State University of Economics and Service]*, 2015, no. 2 (29), pp. 144-153. (In Russ.).
18. Plekhanova V.A., Konopleva N.A. Issledovanie gendernykh i vozrastnykh razlichiy kul'tury povsednevnosti zhilishcha rossiyan (na primere g. Vladivostoka) [The study of gender and age differences in the culture of everyday life of Russians (based on the example of Vladivostok)]. *Gumanitarnyy vektor [Humanitarian vector]*. Chita, 2018, vol. 13, no. 3, pp. 176-186. (In Russ.).
19. Plekhanova V.A. Ob aktual'nosti nelineynogo formoobrazovaniya v sovremennoy otechestvennoy dizayne [About the relevance of nonlinear shaping in modern domestic design]. *Sovremennyye naukoemkie tekhnologii [Modern high technologies]*. Saratov, 2016, no. 12-3, pp. 531-536. (In Russ.).
20. Plekhanova V.A., Gromak I.I., Ryzhova E.V., Shemilina D.I. Otsenka vozmozhnostey samodeyatelnogo dizayna rossiyskogo gorozhanina (na primere g. Vladivostoka) [Assessment of the possibilities of amateur design of a Russian citizen (on the example of the city of Vladivostok)]. *Intellektual'nyy potentsial vuzov – na razvitiye Dal'nevostochnogo regiona Rossii i stran ATR: materialy XX Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. studentov, aspirantov i molodykh uchennykh (g. Vladivostok, 18–20 aprelya 2018 goda): v 4 t. [Intellectual potential of universities – on the development of the Far Eastern region of Russia and the Asia-Pacific countries: materials of the XX International scientific-practical conf. students, graduate students and young scientists (Vladivostok, April 18–20, 2018). In 4 vol.]*. Ed. Dr. Econ. Sciences T.V. Terentyeva. Vladivostok, Vladivostok State University of Economics and Service Publ., 2018, vol. 2, pp. 462-466. (In Russ.).
21. Poka besplatno [While free]. *Lenta.ru [Tape.ru]*. (In Russ.). Available at: <https://lenta.ru/articles/2018/09/08/philipvogt/> (accessed 10.05.2019).
22. Proekt nedeli: "Dom-rakovina", Nagano, Yaponiya [Project of the week: "House-sink", Nagano, Japan]. *World-Build365*. (In Russ.). Available at: <https://russian.worldbuild365.com/news/80k54u6b5/stroitelstvo-i-arkhitektura/proekt-nedeli-dom-rakovina-nagano-yaponiya> (accessed 10.05.2019).
23. Romashkevich A. Itogi 2018: luchshie arkhitektory i dizaynery Rossii [Results of 2018: the best architects and designers of Russia]. *AD Russia*. (In Russ.). Available at: <https://www.admagazine.ru/the-results-of-the-year/itogi-goda-2018-luchshie-arkhitektory-i-dizaynery-rossii> (accessed 12.05.2019).
24. Stessel S.A. Predposylki razvitiya idey nelineynosti v sovremennoy arkhitekture [Prerequisites for the development of ideas of nonlinearity in modern architecture]. *Vestnik YuUrGU. Seriya: Stroitel'stvo i arkhitektura [Bulletin of SUSU. Series: Construction and Architecture]*, 2016, no 3. (In Russ.). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/predposylki-razvitiya-idey-nelineynosti-v-sovremennoy-arkhitekture> (accessed 10.10.2018).
25. Futuristicheskaya kvartira v ZhK Alye parusa – Moskva [Futuristic apartment in the Housing Complex Scarlet Sails – Moscow]. *Studiya Stanislava Orekhova [Stanislav Orekhov Studio]*. (In Russ.). Available at: <https://d-e-s-i-g-n.ru/portfolio/futuristicheskaya-kvartira-v-zhk-alye-parusa-moskva/> (accessed 10.05.2019).
26. Chepurova O.B. Teoreticheskie problemy formirovaniya khudozhestvennogo obraza v dizayne [Theoretical problems of the formation of an artistic image in design]. *Vestnik OGU [Bulletin of OSU]*, 6' 2005. (In Russ.). Available at: http://vestnik.osu.ru/2005_9_1/16.pdf (accessed 20.10.2017).
27. Ellard K. *Sreda obitaniya. Kak arkhitektura vliyaet na nashe povedenie i samochuvstvie [How architecture affects our behavior and well-being]*. Moscow, Alpina Publ., 2018. 288 p. (In Russ.).
28. 18.36.54. *Studio Libeskind*. (In Engl.). Available at: <https://libeskind.com/work/18-36-54/> (accessed 17.05.2019).
29. B-One. *Archidust – platform for architecture and design industry*. (In Engl.). Available at: http://www.archidust.com/Home/project_details/B-One-887 (accessed 8.05.2019).
30. *Elastica*. (In Engl.). Available at: <http://www.cadencearchitects.com/projects/detail/17> (accessed 8.05.2019).
31. Kado Karim: zhiloy kompleks v Latvi po proektu Andisa Silisa i Karima Rashida [Kado Karim: residential complex in Latvia by the project of Andis Silis and Karim Rashid]. *NOVAROOM*. (In Russ.). Available at: http://novaroom.ru/news/kado_karim_residential_complex_in_latvia_according_to_the_project_of_andis_silis_and_karim_rashid (accessed 17.05.2019).
32. Schulz D. First look inside the amenity spaces at Zaha Hadid's 520 West 28th Street. *6sqft – NYC real estate and architecture news*. (In Engl.). Available at: <https://www.6sqft.com/zaha-hadids-520-west-28th-street-reveals-full-suite-of-amenity-renderings/> (accessed 8.05.2019).
33. SRK. ARTechnic architects. *Archdaily.com*. (In Engl.). Available at: <https://www.archdaily.com/773642/srk-artechnic-architects> (accessed 08.05.2019).
34. Stevens P. Explore Zaha Hadid's 520 west 28th residences in New York. *Designboom magazine*. (In Engl.). Available at: <https://www.designboom.com/architecture/zaha-hadid-520-west-28th-interiors-chelsea-condos-new-york-high-line-12-19-2015> (accessed 08.05.2019).

ПРИЛОЖЕНИЕ

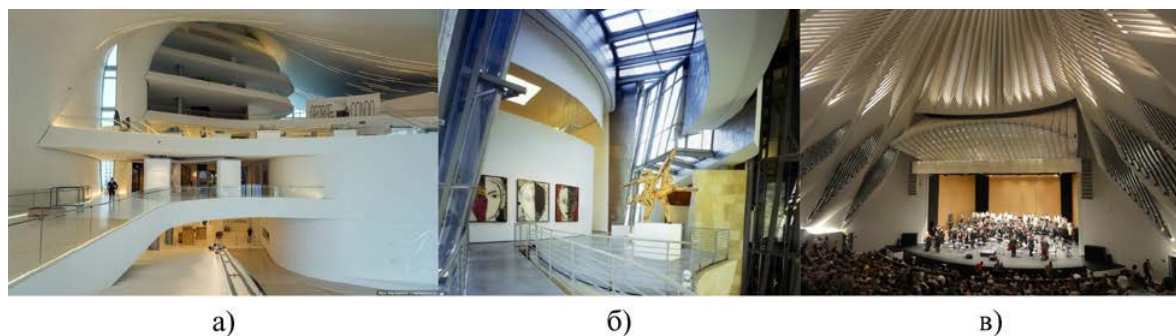

Рисунок 1. а) Интерьеры центра Г. Алиева [5]; б) Музей С. Гуггенхайма в Бильбао [15];
в) Интерьер оперного театра в Санта-Крус-де-Тенерифе [3]

Рисунок 2. а) Интерьеры жилого комплекса «Kado Karim» [31];
б) Интерьер жилого дома «18.36.54» [28]

Рисунок 3. Жилой комплекс «520 West 28th» [32; 34]

Рисунок 4. а) интерьер частной резиденции «Elastica» [30];
 б) интерьер частной резиденции «B One» [29];
 в) интерьер дома «Shell» [22]; г) интерьер дома «SRK» [33]

Рисунок 5. а) квартира в жилом комплексе «Алые паруса» [25]; б) квартира на ул. Коштова [11];
 в) квартира на ул. Астрадамская [2]; г) квартира на ул. Академика Антохина [7];
 д) квартира в дер. Жуковка [8]; е) квартира в Дмитровском переулке [10]

НАРОДНО-ПЕВЧЕСКОЕ ИСПОЛНИТЕЛЬСТВО В СТРУКТУРЕ СОВРЕМЕННОЙ ХОРОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Стенюшкина Татьяна Сергеевна, кандидат культурологии, доцент, доцент кафедры народного хорового пения, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ). E-mail: tatianasten@yandex.ru

Статья посвящена рассмотрению особенностей функционирования народно-певческого исполнительства в условиях современной хоровой культуры. Изучение этой значительной части русской хоровой культуры имеет большое значение и актуально в настоящее время, так как это неотъемлемый элемент современного сценического искусства. Первоосновой и первоисточником всех исполнительских форм является бытовой аутентичный ансамбль. Профессиональный русский народный хор, являясь формой сценического народно-певческого исполнительства и принадлежа руской хоровой культуре, имеет генетическую связь с бытовым исполнительством.

Деятельность современных русских народных хоров и фольклорных ансамблей заключается в воплощении произведений народного искусства в условиях концертной сцены, для которой характерны иные средства художественной выразительности. Народное песенное искусство представляет собой совокупность жанровых признаков в единстве прошлого, настоящего и будущего, поэтому изучение, освоение предшествующего исполнительского опыта является необходимым для современных исполнителей. Но всё то, что для народных исполнителей является естественным и привычным и осваивается в течение всей жизни, современным исполнителям необходимо изучать в более короткие сроки, приобретая навыки сценического исполнения народных песен.

Современные условия вносят элементы новизны в исполнительские формы, корректируя стиль народно-певческих коллективов. Меняется репертуар, структурная организация коллективов, отношение к содержательной стороне исполняемых песен. В исполнении используются средства художественной выразительности письменной традиции, стираются стилевые и диалектные различия. Но, несмотря ни на что, в исполнении присутствуют черты традиционности и сохраняются характерные черты, признаки и жанровые особенности русского народно-певческого исполнительства.

Ключевые слова: аутентичное исполнительство, культурные формы, песенный фольклор, народное искусство, традиция, русский народный хор, фольклорный ансамбль, сценическое искусство.

FOLK SINGING PERFORMANCE IN THE STRUCTURE OF MODERN CHORAL CULTURE

Stenyushkina Tatyana Sergeevna, PhD in Culturology, Associate Professor, Associate Professor of Folk Choral Singing Department, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: tatianasten@yandex.ru

The article is devoted to the peculiarities of functioning the folk singing performance in the conditions of modern choral culture. The study of this significant part of Russian choral culture is of great importance and is relevant at the present time, as it is an integral part of modern stage art. The primary basis and the primary source of all performing forms is a household authentic ensemble. Russian folk choir, being a form of stage folk singing performance and an integral part of Russian choral culture, has a genetic relationship with everyday performance.

The activity of modern Russian folk choirs and folk ensembles consists in the embodiment of works of folk art in the conditions of the concert stage, which is characterized by other means of artistic expression.

Folk song art is a set of genre features in the unity of the past, present and future, so the study, development of previous performing experience is necessary for modern performers. But all that is natural and habitual for folk singers and is mastered throughout life, modern performers need to learn in a shorter time, acquiring skills of scenic performance of folk songs.

Modern conditions bring elements of novelty to the performance forms, adjust the style of folk singing groups. The repertoire, structural organization of collectives, and attitude to the content side of the performed songs are changing. In performance, the means of artistic expressiveness of written tradition are used, stylistic and dialect distinctions are erased. But despite everything in the performance, there are traditional and characteristic features, signs and genre features of Russian folk singing are preserved.

Keywords: authentic performance, cultural forms, song folklore, folk art, tradition, Russian folk choir, folk ensemble, stage art.

DOI: 10.31773/2078-1768-2020-50-73-79

Народное песенное искусство в течение многих веков существовало и было востребовано только в практической жизни, выполняло утилитарную функцию. Оно прошло довольно долгий путь развития, в результате которого выросло до концертных форм и стало частью русской хоровой культуры, являясь изначально ее источником. В настоящее время в русском народно-певческом исполнительстве происходит активное взаимодействие бытовых, любительских и профессиональных форм исполнительского искусства. В этих условиях исследование значения и развития русского песенного исполнительства в его разнообразных формах в пространстве русской хоровой культуры приобретает особый смысл. Песенный фольклор содержит в себе огромный потенциал, художественный и творческий, который создает возможности для развития новых исполнительских форм в современной концертной практике. Постоянное взаимодействие традиционного и нового является условием жизнеспособности и сохранения песенного фольклора в современных условиях. В русских народных песнях разных жанров проявляется национальный характер мышления и мировоззрения, музыкального интонирования, а в их содержании отражаются нравственные нормы и ценности, выработанные многими поколениями.

Актуальность исследования русского народно-песенного исполнительства связана с современным восприятием песенного творчества и с отношением к нему. Возникает необходимость в более полном его осмыслении и анализе как составной части русской хоровой культуры, которая

несёт в себе идеи гуманности и доброты, изначально присутствующие в хоровом пении, выражает смыслы, нравственные ценности определённого времени. Наличие элементов культурной статики и динамики (в фольклоре – это сочетание традиции и творчества) обязательно при создании культурных феноменов, как в быту, так и на сцене.

Целью данной статьи является рассмотрение роли и места народно-певческого исполнительства в структуре современной хоровой культуры, его значения для сохранения национальных традиций, культурных ценностей, создания содержательных сценических образов и форм. Здесь важно учитывать, что из бытового народно-певческого исполнительства развилась вся современная музыкальная культура, но в процессе своего исторического развития оно стало частью этой культуры.

Из истории известно, что до середины XVII века русская хоровая культура формировалась из бытового народного пения, пения хоров певческих школ во главе с «мастерами пения» и церковных хоров. С течением времени расширялись сфера распространения хорового пения, его функции, усиливались светская направленность и профессионализация певчих. Это было результатом, в том числе, заинтересованности государства, стремлением руководителей хоровых коллективов к широкой музыкально-просветительской деятельности, развития светского хорового искусства.

Первые профессиональные русские хоры народного направления появились на концертной сцене в середине XIX века благодаря деятель-

ности ярких личностей – певцов-самородков И. В. Молчанова, П. Г. Богатырева, Д. А. Агренева-Славянского, П. Г. Яркова, М. Е. Пятницкого). В результате сложилось самостоятельное исполнительское направление, со своими характерными особенностями, жанровыми чертами, которое, таким образом, расширило и дополнило пространство существовавшей в то время музыкальной культуры. Дальнейшее развитие народно-певческого исполнительства осуществлялось путем усложнения и совершенствования его культурных форм, которые выступают как исторические этапы его становления.

Деятельность современных исполнительских коллективов заключается в воссоздании произведений песенного фольклора в условиях сценического искусства с использованием средств художественной выразительности, соответствующих конкретной исполнительской форме (русский народный хор, ансамбль песни и пляски, фольклорный ансамбль, ансамбль народной музыки и т. д.). Поскольку народно-певческое исполнительство представляет собой синтез настоящего и прошлого, которое представлено и в сегодняшней его жизни и развитии, то изучение, освоение предыдущего опыта является необходимым и обязательным условием деятельности современных исполнителей. Но всё то, что для народных исполнителей является естественным от рождения и осваивается в течение длительного времени или даже всей жизни путем общения со старшим поколением, современным исполнителям необходимо изучать в значительно более короткие сроки, приобретая умения и навыки сценического исполнения народных песен в учебных заведениях или непосредственно в коллективах. Такая сознательная деятельность в области народного искусства, по мнению исследователей, «имеет в своей основе *проектный* характер» [3, с. 94]. Сюда можно отнести изучение, практическое освоение, адаптацию традиционных исполнительских приемов, формы взаимодействия современного исполнителя с фольклорным материалом, которые значимы, актуальны и понятны в настоящее время. Важность этого процесса подчеркивала Л. В. Шамина: «Переход фольклора из житейского обихода “в состояние художественного наследия” следует рассматривать как один из важнейших моментов качественного преобразования форм его жизни

и развития в новых исторических условиях» [11, с. 54].

Творческие поиски в процессе воссоздания произведений народного песенного искусства на концертной сцене приводят к различным результатам. При этом «для одних важно бережно сохранить в первозданном виде образцы традиционной культуры, попытаться приблизиться к мастерству народных исполнителей в воспроизведении фольклорных произведений; для других ценно экспериментирование с элементами народных традиций, стремление ввести их в контекст современной культуры в виде своеобразных вставок, украшений, придающих национальный колорит, вплести их в ткань авторских произведений. Все эти формы работы с традиционной культурой относятся к ее “второй жизни” и являются составной частью современной культуры» [3, с. 94].

В настоящее время есть два противоположных взгляда на возможности существования фольклорного материала на концертной сцене. Первый принадлежит исследователям фольклора, которые рассматривают его как уникальное творчество народа в рамках устной традиции, которое, в свою очередь, является основой его неповторимости и своеобразия. Традиционный фольклор обладает крайне высокой степенью устойчивости к любым воздействиям извне. Об этом пишет исследователь устного фольклора В. П. Аникин: «Фольклор – особое искусство. Специфичны его природа, характер творческих процессов в нём, специфичны его образно-стилевые средства и особенности» [1, с. 4]. И далее: «Фольклор – не только бытовое явление, но и художественное творчество в рамках устного слова» [1, с. 7]. Аникиным В. П. традиция трактуется как понятие самоценное, самодостаточное и как основа, которая определяет специфику фольклора [1]. По мнению музыковеда А. М. Мехнецова, аутентичный фольклор – это относительно закрытая система, направленная вовнутрь культуры определённого общества [8]. Для вышеуказанного «консервативного» взгляда преобладающим является понятие фольклорной традиции, которую характеризуют преемственность и следование установленным канонам. Исследователь-фольклорист Б. Н. Путилов утверждает: «Фольклорная традиционная культура в своём конкретном наполнении всегда региональна и локальна. Её естественная, нормальная жизнь повязана с жизнью определённой

ного, ограниченного теми или иными рамками коллектива, включена в его деятельность, необходима ему и регулируется характерными для него социально-бытовыми нормами. Поскольку этнический коллектив занимает определённое исторически сложившееся пространство, обладающее своими географическими, природными и иными характеристиками, то его традиционная культура региональна как в историко-социальном, так и в пространственном отношении. Одно с другим, как правило, жёстко связано» [10, с. 144].

Вторая точка зрения принадлежит хормейстерам – руководителям коллективов, которые убеждены, что сценическое воспроизведение традиционных народных песен требует редактирования, аранжировки или обработки. Исследователь устного народного творчества С. Ю. Неклюдов отмечает, что старая традиция деформируется или, скорее, перерождается, так как ей негде и некуда развиваться. Он высказывает предположение, что когда традиционный фольклорный жанр в своём развитии доходит до высшей стадии совершенства формы, то за этим неизбежно следует угасание или перерождение [9]. Это связано, прежде всего, с изменением форм бытования народных песен в современных условиях, разрушением их тесной связи с жизнью людей и бытом. В настоящее время народная традиция активно взаимодействует с профессиональным творчеством и этот процесс зашёл так далеко, что можно говорить о его системном характере. Неклюдов С. Ю. утверждает, что в настоящее время переплетены каналы коммуникации и все способы передачи информации (устный, письменный, электронный) равноправны. По его мнению, в настоящее время современный фольклор (то есть преимущественно городской) уже не является созданием и достоянием всего народа: он полицентричен и фрагментирован по социальной, профессиональной и возрастной принадлежности [9, с. 82]. С ним соглашается музыковед и исследователь фольклора И. И. Земцовский, отмечая, что *«весь мир пульсирует вторичной традицией»* [7, с. 6]. В результате можно заключить, что два различных взгляда на существование народных песен и традиции в современных условиях не имеют общих оснований, так как основаны на разном отношении к сегодняшней жизни песенного фольклора. Первый базируется на теоретическом исследовании и изучении фольклора, существую-

щего в определенной певческой традиции и диалекте, второй – на его практическом воссоздании в условиях современной концертной практики.

Сценическое воплощение песенного фольклора, форму отношения к нему, «вторичную традицию» принято называть фольклоризмом. Это существование фольклора вне традиции, в условиях, которые неестественны для него. Земцовский И. И. утверждает, что фольклоризм «возникает с возникновением элементов государственности, то есть с тем или иным разделением общества на те или иные неоднородные социальные группы – “классы”, “касты” и т. п. Фольклоризм – это фольклор, пересоздаваемый для другого, в расчёте на уровень понимания этого другого. Фольклоризм – это первый признак наличия “чужого” (“другого”) в традиции, приход в неё наблюдателя или потребителя извне. <...> Всё, приходящее в город из деревни, превращается в фольклоризм. Всё, приходящее в деревню из города, превращается в фольклор. Их соотношение и связь неизбежны, а самым главным законом связи, как мы знаем, выступает противоречие» [6, с. 15]. Фольклоризм, в отличие от традиционного фольклора, направлен вовне традиции, а не вовнутрь её, он относительно открыт и постепенно смыкается с массовой культурой [4, с. 27].

Нужно отметить, что жизнь в условиях сцены вносит новые элементы в исполнительский стиль народно-певческих коллективов. Изменился репертуар, вокально-хоровая организация, исключена импровизация, характерная для бытового пения, певцы поют по закреплённым партиям, которые выучиваются в период репетиций. В современном народно-хоровом исполнительстве применяются средства музыкальной выразительности композиторского письма, стираются стилевые и диалектные различия, так как современные певцы ими не владеют. Но, тем не менее, традиционные признаки остаются устойчивыми, сохраняются и жанровые особенности русского певческого исполнительства.

В сценическом варианте исполнения народных песен разных жанров преобладают выучивание нотного текста, предварительная репетиционная и режиссерская работа. Сцена является тем серьёзным препятствием, которое разделяет потенциальных единомышленников (исполнителей и слушателей) в ходе традиционного исполнительского действия, потому что «быт крестьянский и

быт городской выдвигают различные требования и запросы к нашему искусству» [2, с. 100]. Кроме того, певцам нужно учитывать пространственные особенности сцены, возможности звукоусиливающей аппаратуры, поэтому исполнение народных песен не способно вызвать те эмоции, для достижения которых в своё время их создавало «неисчерпаемое богатое народное воображение» [2, с. 97]. Традиционное исполнительство основывается на интуитивном освоении певческих навыков, на свободе творческой импровизации, но в рамках определенного певческого стиля. Важно отметить, что аутентичное исполнительство является не только источником идей и образов для творчества композиторов и исполнительских искусств, но и сохраняет свою эстетическую самодостаточность и самобытность. Традиционное пение в настоящее время утратило свои магические, обрядовые, сакральные функции, но сохраняет функции эстетические, воспитательные, образовательные.

Проблема воспроизведения песенного фольклора на современной сцене с течением времени становится всё более актуальной, так как традиции бытового, «артельного» пения (вместе с крестьянским бытом) утрачиваются. Современные исполнители пытаются их возродить, сохранить, заставить звучать образцы русской песенной культуры в новых социокультурных условиях. В настоящее время народно-певческое исполнительство существует в следующих формах:

– бытовые аутентичные ансамбли, сохранившиеся в регионах с ярко выраженной певческой традицией (юг и запад России, Русский Север). Это первоисточник всех существующих сегодня исполнительских форм, его участники являются носителями и хранителями традиции. Его характерные признаки: точное соответствие полученной в наследство от старшего поколения традиции; стилистическая цельность исполняемых песен и обрядов; спонтанное использование средств выразительности и приемов устной традиции; использование импровизации как творческого метода и главного выражения исполнительского стиля. Это коллектив не сценический, в их исполнении «фольклорный текст живет в своей собственной среде. Он порожден этой средой и несет присущие ему изначально соционормативные функции: структурирует жизнь людей в будни и праздники, определяет их взаимоотношения» [3, с. 111];

– сценические фольклорно-этнографические коллективы, которых отличает точность в соблюдении канонов традиционного исполнения песен и обрядов. Это коллективы, которые ведут исследовательскую деятельность, стремятся максимально использовать традиционные исполнительские приёмы. Они близки к аутентичным ансамблям, но не являются таковыми. У истоков появления таких коллективов стояли специалисты-фольклористы или самородки «из народа»;

– репродуцирующие фольклорные ансамбли (профессиональные, любительские, самодеятельные), в исполнительской деятельности которых есть элементы вторичности. Опираясь на материалы экспедиций, оставляя без изменения манеру исполнения, смысловое и жанровое содержание песен, коллективы ищут новые пути воссоздания песенного фольклора в сценических условиях, в современном звучании. В исполнительской практике ансамблей можно увидеть смелое, но бережное вмешательство в образную и смысловую сущность народных песен. Они пропагандируют народное пение без сопровождения, вариативность и импровизационность, используют средства выразительности устной традиции;

– коллективы, творчество которых основывается на обработках фольклорного материала (профессиональные и самодеятельные русские народные хоры, ансамбли песни и пляски). Русский народный хор – это жанр хорового искусства, который характеризуют особые средства художественной выразительности. Хор структурно организован, имеет большой исполнительский состав, звучание уравновешено в количественном и качественном отношении. Его основные признаки были взяты от классического хорового искусства. Особенности данной исполнительской формы предъявляют иные требования к ее репертуару.

Егорова И. Л. в своей статье выделила критерии, по которым определяется подлинное искусство народно-песенного исполнительства: «а) глубокое погружение в бытийственную сущность песни; б) артистизм исполнения; в) владение разговорной манерой пения и естественное речевое интонирование. Пренебрежение одним из них влечет за собой разрушение цельности, единства стиливых признаков вида искусства. Совокупность данных критериев легко переносится в плоскость феноменологии исполнительства, где

само фольклорное исполнительство символично выступает как субъект культуры» [5, с. 183]. Все эти признаки носителями традиции приобретаются в естественном течении жизни, для них они являются нормой в отношении к процессу исполнения песен. В традиции песня не существует сама по себе, она представляет собой часть целого (обряда, праздника, жанра, театрализованного действия), а традиция отражает процесс создания и бытования вариантов ее напева, который, в свою очередь, связан с особенностями социальной жизни и общения, диалекта, интонационного мышления. Далее И. Л. Егорова продолжает мысль: «Первый признак (а) – выражает содержательное начало – глубинный, сознательно/бессознательный, интеллектуально-психологический процесс творческой активности мысли и чувства. Второй признак (б) – соотносится с актуализацией созидательного личностного начала, с интенцией исполнительства к непосредственному развёртыванию художественного смысла (замысла). И, наконец, третий признак (в) связан с его внешними факторами территориально-исторической и социокультурной принадлежности певца/певцов» [5, с. 183].

В настоящее время жизнь народных песен «вне традиции», в сценических условиях можно проследить в двух направлениях:

- в репертуаре репродуцирующих фольклорных коллективов и исполнителей-солистов как самостоятельные концертные произведения;
- в творчестве профессиональных композиторов как материал для создания обработок, вокально-хореографических композиций для хоровых коллективов.

Оба направления «вторичной» жизни произведений народного искусства в условиях их сценического воплощения в настоящее время равноправны, каждое занимает свое определенное место в пространстве современной русской хоровой культуры.

Подводя итоги, необходимо подчеркнуть:

1. Деятельность современных народно-певческих коллективов состоит в изучении, сохранении, создании новых интерпретаций народных песен, обновлении их звучания в условиях современной концертной практики. Наставниками являются не носители и хранители традиций, а педагоги и хормейстеры, получившие необходимые знания и навыки в учебных заведениях, в которых созданы условия для творчества, реализации образовательного процесса.

2. Факторами, предопределяющими существование и взаимосвязь функций народного песенного исполнительства в пространстве русской культуры, в разное время выступали региональный, социальный, профессиональный. Сегодня основными факторами стали социальный и профессиональный, что обусловило потребность в народно-певческом исполнительстве, исчезновение одних функций и активное развитие других.

3. Возрождение фольклорного песенного искусства, его цикличности и присутствия «здесь и сейчас» в современной хоровой культуре – это главная задача существующих сегодня русских народных хоров и фольклорных ансамблей. Развитие форм народно-певческого исполнительства обусловило становление его функций и собственное функциональное пространство, как важнейшее составляющее современной хоровой культуры.

Литература

1. Аникин В. П. Теория фольклора: курс лекций. – 2-е изд., доп. – М.: Ун-т, 2004. – 428 с.
2. Асафьев Б. В. О народной музыке. – Л.: Музыка, 1987. – 248 с.
3. Вторая жизнь традиционной народной культуры в России эпохи перемен. – М.: НБ-Медиа, 2011. – 180 с.
4. Демина Л. В. Песенная культура русского населения юга Тюменской области: моногр. – Тюмень: Титул, 2013. – 284 с.
5. Егорова И. Л. О когнитивном подходе к проблеме исполнительской интерпретации народных песен // PAX SONORIS: история и современность. – Астрахань, 2013. – Вып. VII. – С. 182–187.
6. Земцовский И. И. Жизнь фольклорной традиции: преувеличения и парадоксы // Механизм передачи фольклорной традиции: мат-лы XXI Междунар. молодёж. конф. памяти А. Горковенко. – СПб.: РИИИ, 2004. – С. 3–25.
7. Земцовский И. И. От народной песни к народному хору: игра слов или проблема? // Традиционный фольклор и современные народные хоры и ансамбли: сб. науч. тр. – Л.: ЛГИТМиК, 1989. – Вып. 2. – С. 6–19.

8. Мехнецов А. М. Традиция как основополагающий принцип народной музыкальной культуры // Народная традиционная культура: ст. и мат.-лы. К 150-летию С.-Петерб. консерватории. – СПб.: Нестор-История, 2014. – С. 54–68.
9. Неклюдов С. Ю. Устные традиции современного города: смена фольклорной парадигмы // Исследования по славянскому фольклору и народной культуре. – М.: Рос. гуманитар. ун-т, 1997. – Вып. 2. – С. 77–89.
10. Путилов Б. Н. Фольклор и народная культура. – СПб.: Петерб. востоковедение, 2003. – 464 с.
11. Шамина Л. В. Основы народно-певческой педагогики. – СПб.: Лань, Планета музыки, 2017. – 200 с.

References

1. Anikin V.P. *Teoriya fol'klora: kurs lektiy [Folklore theory: a course of lectures]*. Moscow, University Publ., 2004. 428 p. (In Russ.).
2. Asafyev B.V. *O narodnoy muzyke [On folk music]*. Leningrad, Music Publ., 1987. 248 p. (In Russ.).
3. *Vtoraya zhizn' traditsionnoy narodnoy kul'tury v Rossii epokhi peremen [The second life of traditional folk culture in Russia of the era of change]*. Moscow, NB-Media Publ., 2011. 180 p. (In Russ.).
4. Demina L.V. *Pesennaya kul'tura russkogo naseleniya yuga Tyumenskoy oblasti [Song culture of the Russian population of the South of the Tyumen region]*. Tyumen, Titul Publ., 2013. 284 p. (In Russ.).
5. Egorova I.L. O kognitivnom podkhode k probleme ispolnitel'skoy interpretatsii narodnykh pesen [On the cognitive approach to the problem of performing interpretation of folk songs]. *PAX SONORIS: istoriya i sovremennost' [PAX SONORIS: history and modernity]*. Astrakhan, 2013, iss. VII, pp. 182-187. (In Russ.).
6. Zemtsovskiy I.I. Zhizn' fol'klornoy traditsii: preuvelicheniya i paradoksy [Life of folklore tradition: exaggerations and paradoxes]. *Mekhanizm peredachi fol'klornoy traditsii: materialy XXI Mezhdunarodnoy molodezhnoy konferentsii pamyati A. Gorkovenko [Mechanism of transmission of folklore tradition. Materials of XXI international youth conference in memory of A. Gorkovenko]*. St. Petersburg, RIII Publ., 2004, pp. 3-25. (In Russ.).
7. Zemtsovskiy I.I. Ot narodnoy pesni k narodnomu khoru: igra slov ili problema? [From folk song to folk choir: wordplay or problem?]. *Traditsionnyy fol'klor i sovremennyye narodnye khory i ansambli [Traditional folklore and modern folk choirs and ensembles]*. Leningrad, LGITMiK Publ., 1989, iss. 2, pp. 6-19. (In Russ.).
8. Mekhnetsov A.M. Traditsiya kak osnovopolagayushchiy printsip narodnoy muzykal'noy kul'tury [Tradition as a fundamental principle of folk musical culture] *Narodnaya traditsionnaya kul'tura: stat'i i materialy. K 150-letiyu Sankt-Petersburgskoy konservatorii [Folk traditional culture: articles and materials. To the 150th anniversary of the St. Petersburg Conservatory]*. St. Petersburg, Nestor-History Publ., 2014, pp. 54-68. (In Russ.).
9. Neklyudov S.Yu. Ustnye traditsii sovremennogo goroda: smena fol'klornoy paradigmy [The oral tradition of the contemporary city: the shift of the folklore paradigm]. *Issledovaniya po slavyanskoy fol'kloru i narodnoy kul'ture [Studies in Slavic folklore and folk culture]*. Moscow, Russian humanitarian University Publ., 1997, vol. 2, pp. 77-89. (In Russ.).
10. Putilov B.N. *Fol'klor i narodnaya kul'tura [Folklore and folk culture]*. St. Petersburg, St. Petersburg Oriental studies Publ., 2003. 464 p. (In Russ.).
11. Shamina L.V. *Osnovy narodno-pevcheskoy pedagogiki [Fundamentals of folk singing pedagogy]*. St. Petersburg, Lan', Planet music Publ., 2017. 200 p. (In Russ.).

УДК 008 (75.555, 791, 794.08)

КИТАЙСКИЕ ТРАДИЦИОННЫЕ ИГРЫ: ПОНЯТИЕ, ПРОИСХОЖДЕНИЕ И КУЛЬТУРНОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Попова Анастасия Викторовна, старший преподаватель, кафедра китайского языка, Институт иностранных языков, Московский городской педагогический университет (г. Москва, РФ). E-mail: anysta@yandex.ru

Лопаткина Татьяна Сергеевна, старший преподаватель, кафедра китайского языка, Институт иностранных языков, Московский городской педагогический университет (г. Москва, РФ). E-mail: tatyanalopatkina@yandex.ru

Традиционные игры являются неотделимой частью китайской культуры. Многие ученые Китая проявляли интерес к исследованию этого феномена. В статье рассматриваются особенности подхода

китайских ученых к определению феномена китайской традиционной игры. В КНР под традиционными играми «юси» понимают народные игры, а также азартные развлечения, широко распространенные в жизни народа. Так как Китай населяют представители 56 национальностей, то существует большое количество разнообразных игр. Следовательно, классификации традиционных игр разнятся по количеству видов и принципам игровой деятельности. В процессе изучения классификаций игр, выполненных различными китайскими учеными, авторы статьи выделяют приблизительно пять основных видов игр (включая игры, в которые играют дети): сюжетно-ролевые, дворовые, интеллектуальные, игры для компании и азартные.

В статье проанализированы пути возникновения игр, связанные с религиозными воззрениями древних китайцев, магическими ритуалами, физическим трудом и военным делом. Игра – это не просто физическое действие, комплексная деятельность, сочетающая в себе развитие физических и интеллектуальных навыков и способностей, но также способ формирования национальной идентичности. Поэтому значение социокультурных практик для формирования этнического самосознания трудно переоценить. Авторы анализируют взаимосвязь игровой деятельности и обучения, воспитания характера и моральных качеств, обогащения таких аспектов духовной и материальной культуры, как литература, искусство, спорт, танцы, драма, цирковое искусство.

Ключевые слова: культура Китая, игра, традиционные игры, классификация игр, происхождение игр, сюжетно-ролевая игра, дворовая игра, интеллектуальная игра, азартная игра.

CHINESE TRADITIONAL GAMES: THE DEFINITION, ORIGINS AND CULTURAL VALUE

Popova Anastasiya Viktorovna, Sr Instructor, Chinese Language Department, Foreign Language Institute, Moscow City University (Moscow, Russian Federation). E-mail: anysta@yandex.ru

Lopatkina Tatyana Sergeevna, Sr Instructor, Chinese Language Department, Foreign Language Institute, Moscow City University (Moscow, Russian Federation). E-mail: tatyanalopatkina@yandex.ru

Traditional games are an integral part of Chinese culture. Many Chinese researchers have shown interest in studying this phenomenon. The article discusses the peculiarities of the approach of Chinese scientists to the definition of the phenomenon of Chinese traditional game. In the PRC, traditional name for games – “yuoxi” – mean folk games, as well as gambling, which are widespread in the life of the people. Since there are 56 nationalities who inhabit China, a large variety of different games developed there. Hence the classifications of traditional games vary in the number of types and principles of gaming activity. In the process of studying the classifications of games made by various Chinese scientists, the authors of the article distinguish approximately five main types of games (including games that children play): role-playing games, outdoor games, intellectual games, games for the company and gambling (or games of chance).

The article analyzes the ways of the games’ emergence associated with the religious beliefs of the ancient Chinese, magic rituals, physical labor and military affairs. A game is not just a physical act, a complex activity combining the development of physical and intellectual skills and abilities. But also, a way of forming the national identity. Therefore, the importance of sociocultural practices for the formation of ethnic identity cannot be overestimated. The authors analyze the relationship of game activity and learning, character and moral character enrichment, beneficiation of such aspects of spiritual and material culture as literature, art, sports, dancing, drama, circus arts.

Keywords: Chinese culture, game, traditional games, classification of games, the origin of games, role-playing game, yard game, intellectual game, gambling.

Китай – это государство, чья культурная традиция считается одной из самых древних в мире. На протяжении развития китайской истории народ этой великой страны создавал, накапливал и передавал свои культурные достижения, жизненные устои, духовные ценности новым поколениям, новым народам, вливающимся в эту многонациональную семью.

Как пишут Г. В. Сороковых и О. В. Давыдова, культура государства – это сочетание культур его регионов в целом, так как региональная культура, развиваясь, питается из двух источников, один из которых – внутреннее саморазвитие, связанное со спецификой природы и социума, а второй – взаимодействие с другими культурами [9, с. 63].

Поэтому, изучая культуру Китая, человек рано или поздно сталкивается с традиционными китайскими играми, в которые китайский народ играет уже не одно столетие, и даже не одно тысячелетие. В современной литературе, посвященной культуре Китая, практически не уделяется внимания этому виду деятельности человека. В нашей статье мы попытаемся взглянуть на феномен «традиционная игра» с позиций таких китайских исследователей, как У Бинъань, Ли Пин, Ван Хуэй, Тань Цзянь и др.; определить, какие источники возникновения игр выделяются этими учеными. Также перед нами стоят задачи: рассмотреть, существуют ли классификации игр в Китае, на каких принципах они основаны; проанализировать влияние игровых практик на культуру народа Китая, значение игровой деятельности для формирования духовной культуры.

Что же такое игра? Откуда она пришла? Игра – это вид деятельности, которая исходит из физиологических потребностей человека, но при этом остается развлечением. Об этом говорили такие ученые, как Кант (см. [2, с. 24]), Ф. Шиллер [14], Г. Спенсер (см. [7, с. 19]), К. Бюлер (см. [16]), Ф. Фрёбель [11, с. 76–77]. Человеку необходимо удовлетворять свои потребности, поэтому очевидно, что культура имеет прочные связи с игрой. И концепция игровой культуры Йохана Хейзинги в настоящее время является одной из самых распространенных. В своей работе «*Homo ludens. Человек играющий*. В тени затраченного дня», посвященной социокультурной концепции игры, он определяет игру так: «Игра есть добровольное поведение или занятие,

которое происходит внутри некоторых установленных границ места и времени согласно добровольно взятым на себя, но, безусловно, обязательным правилам, с целью, заключающейся в самом этом занятии; сопровождаемое чувствами напряжения и радости, а также ощущением инобытия в сравнении с обыденной жизнью» [12, с. 41].

В большом энциклопедическом словаре «Цыхай» («Море слов») термин «игра» объясняется следующим образом: «Игра – это одна из разновидностей спорта. Подразделяется на интеллектуальные и подвижные виды. В первую категорию входят шахматы, кубики, игры с картами и т. п. Во вторую категорию в основном входят массовые, наполненные духом соперничества, игры с сюжетом и правилами, например, догонялки, эстафеты, а также развлечения с такими предметами, как мячи, биты, веревки и т. д.» (см. [8]).

Многие эксперты и ученые в Китае, такие как Ян Иньшэнь (杨荫深), Ма Гоцзюнь (麻国均), Ма Шуюнь (麻淑云), Лю Шилинь (刘士林), Ван Хуэй (王慧), Ли Пин (李屏), Цай Фэнмин (蔡丰明), Лу Юцюань (卢有泉), Лу Шинань (卢世楠) и др., исследовали традиционные китайские игры, давали определения этому феномену.

Например, Ли Пин в своей работе «Исследование китайских традиционных игр» писал: «Игра представляет собой развлекательную деятельность, вызванную физиологическими и психологическими потребностями людей» [20, с. 1].

Однако, как нам кажется, определение игры не должно ограничиваться только одной нацией, одним регионом или одной эпохой, это должно быть обобщенное абстрактное понятие деятельности в относительно длительных временных и больших пространственных рамках. По-видимому, самым приемлемым определением «народной игры» является определение, сформулированное У Бинъанем: «Народная игра – это увеселительная, развлекательная деятельность, традиционно занимающая большое место в жизни народа. В основном они популярны среди детей, однако их также часто включают в развлекательные мероприятия для взрослых во время праздников и фестивалей» [17, с. 333].

В Китае под традиционными играми «юси» понимают народные игры, а также развлекательные игры, широко распространенные в жизни народа. Другое их название – «ваньшуа». Некоторые

игры в процессе своего развития постепенно дополнялись, и, в конце концов, из них сформировались спортивные игры и цирковое искусство.

Как и в любой другой стране мира, в Китае существует бесчисленное множество народных игр. Это объясняется не только долгой историей Китая, но и большим количеством национальностей, с течением длительного времени объединившихся и проживающих на территории современного КНР. Поэтому вопрос классификации видов народных игр интересовал многих ученых. Принципы, по которым могут классифицироваться игры, тоже могут отличаться: по возрасту аудитории (детские и взрослые), по количеству участников (индивидуальные и коллективные), по наличию игрового инвентаря (с инвентарем или без) и пр. Принципом же, который используется чаще всего, является принцип классификации по типу игровой деятельности. Некоторые китайские ученые используют классификацию из трех типов (Чжун Цзинвэнь), некоторые из пяти типов [17, с. 333–335]. Даже есть классификации из 11 (китайский энциклопедический ресурс Байду Байкэ) [5] и 13 типов (Ма Гоцзюнь) [23, с. 3]. Однако приблизительно их все же можно разделить на пять основных видов (включая игры, в которые играют дети):

1. Сюжетно-ролевые игры в помещении – это игры, в которых дети подражают жизни взрослых, имитируют социальную жизнь, например, игры в различные моменты из семейной жизни («дочки-матери», «мама на кухне»), профессионально-ролевые игры («я – повар», «доктор-больной», «учитель и ученики»), имитация ситуаций из жизни («на почте», «в магазине», «пикник», «чайная вечеринка») и пр. Как отмечает китайский ученый Ян Цзюнь, в таких играх детям нравится подражать близкой, знакомой жизни взрослых. Они могут выбирать себе партнеров, разрабатывать свои сюжеты и использовать игрушки [25, с. 174].

2. Дворовые игры (игры на свежем воздухе). Широкий смысл понятия «дворовые игры» относится ко всем народным играм и развлечениям вне помещения, на свежем воздухе, независимо от сезона. Например, «прятки» (捉迷藏 – чжюмицан), «коршун ловит цыплят» (老鹰抓小鸡 – лаоин чжуа сяоцзи), «потерянный платок» (丢手绢 – дю шоуцзюань), «обруч» (滚铁环 – гунь тэхуань), «перетягивание реки» (перетяги-

вание каната, 拔河 – бахэ), «классики» (跳方格 – тяо гэфан, 跳房子 – тяо фанцзы, 跳间 – тяоцзянь, 跳格子 – тяо гэцзы) и др. Многие из этих игр – это коллективные догонялки, большинство носит соревновательный характер. Но есть игры, которые присущи определенному периоду года. В настоящее время всем известны развлечения первого месяца по лунному календарю: запускание воздушных змеев (放风筝 – фан фэнчжэн), разгадывание загадок на бумажных фонариках (灯谜 – дэнми, 文虎 – вэньху, 猜灯谜 – цай дэнми, 打虎 – да ху), танцующие драконы (舞龙 – у лун, танцующие львы 舞狮 – у ши), «избиение весны» или «избиение весеннего быка», когда разноцветной плетью избивают глиняного или бумажного быка, которого носят во время обряда встречи весны (打春牛 – да чуньню) и т. д. В пятый месяц по лунному календарю китайцы любят такие традиционные развлечения, как борьба (摔跤 – шуайцзяо), качание на качелях (荡秋千 – тан цюян), «состязание на травах», когда перетягивали свернутые петлей травинки (斗草 – доу цао) и т. д. Игры середины осени – сражение паланкинов (轿子战 – цзяоцзы чжань), бои сверчков (斗蟋蟀 – доу сишуай), игра в земляные шарики, наподобие городков (打地滚球 – да дигуньцю) [18, с. 674].

3. Интеллектуальные игры. Их разнообразие больше всего. В основном это игры, разработанные с целью развития интеллекта. Их можно разделить на два вида: первые служат для развития непосредственно интеллекта. Это игры на закрепление знаний, памяти, игры-головоломки. Они сочетают мозговую деятельность с гибкими и изобретательными практическими навыками. Среди интеллектуальных игр можно назвать такие, как различные загадки, «состязание трав», когда соревновались в знании названий окружающих растений – цветов, трав, деревьев (斗百草 – доу байцао), множество видов шахмат и шашек, танграм (七巧板 – цицяобань), головоломка «кольца в 9 звеньев» (九连环 – цюляньцюань) и т. д. Вторые – развивают умения. Наиболее распространенными играми являются скороговорки (绕口令 – жаокоулин), плетенки на пальцах (翻交交 – фань цзяоцзяо), вырезание из бумаги (цзяньчжи), оригами (折纸 – чжэчжи) и пр.

4. Игры для компании, или, как их называет Ван Хуэй, «элегантные игры» [24, с. 67]. Они часто используются во время вечеринок, застолий,

банкетов, так как раскрепощают гостей, дают возможность каждому блеснуть своими знаниями или талантами, настраивают на праздничное веселье. Это могут быть различные конкурсы, викторины, моментальные спектакли по ролям или с движениями. И зачастую связаны с выпивкой. Наиболее известной игрой является «Винный (застольный) приказ» (酒令 – цзю лин), существовавший в древние времена, по правилам игры один человек становится «офицером винного ордена», а остальные по очереди исполняют его приказы. В знаменитом романе китайского писателя Цао Сюэциня «Сон в красном тереме» есть такие слова: «Застольный приказ все равно что военный, ему обязаны подчиняться все. За нарушение – штраф!» [13]. Нарушители наказываются штрафной чаркой вина. Также из элегантных игр можно назвать известную еще с эпохи Тан игру «Барабан и цветок» (击鼓传花 – цзигу чуань хуа) [3] как тип игры «передай другому», «дрейфующие винные чарки» (曲水流觞 – цюйшуй люшан) [24, с. 67], чайные соревнования (茗战 – мин чжань, или 斗茶 – доу ча) [24, с. 72], метание стрел в кувшин (投壶 – тоуху) [24, с. 85] и пр.

5. Азартные игры – это игры на выигрыш и проигрыш. Еще в период Воюющих государств существовала игра под названием «Лю Бо», а позднее были разработаны такие формы азартных игр, как домино, кости, карточные игры «9 карт» (牌九 – цзю пай), «21 ворота» (廿一门 – няньи мэнь), покер (扑克 – пукэ), «ецзы си» (叶子戏). Последняя была популярна уже с середины правления династии Тан. Позднее на ее основе появилась игра «мяцзян», которая сейчас известна во всем мире [4]. Древние азартные игры включают также разнообразные виды борьбы (цзюели), петушиные бои (доу цзи), бои перепелок (доу анчунь), скачки (赛马 – сай ма) и пр.

Азартные игры представляют собой особую форму игровой деятельности, которая заключается в том, что она не только удовлетворяет потребность в игровом развлечении, но и «обналичивает» результаты игры [1].

Как отмечают китайские исследователи Тань Цзянь и Ло Цзин, эти игры являются «конкурентоспособной продукцией», созданной китайским народом и прошедшей тщательный отбор на протяжении длительного времени [22, с. 130].

Веселые и разнообразные традиционные игры Китая имеют древнюю историю, одни зародились еще в первобытном обществе, другие – относительно поздние. Некоторые имеют четкую историю, можно проследить начало и процесс их становления, а истоки других расплывчаты. Одни происходят из повседневной жизни, другие берут свое начало в религиозных практиках, некоторые появились из-за войн, а другие являются простыми развлечениями.

Китайские игры тесно связаны с практической жизнью людей, однако они берут своё начало не только из чисто развлекательных мероприятий, они имеют долгую историю и разные истоки, среди которых в основном можно выделить следующие аспекты (сферы):

1. *Религия.* Первобытные люди почитали силы природы и преклонялись перед ними, молили богов о защите, как следствие появились некоторые религиозные ритуалы. Например, корни «танца дракона» – в психологии древнего китайского народа, почитавшего дракона как своего предка. Танец был обращен к богам с просьбой ниспослать дождь. С развитием общества религиозным ритуалам (например, жертвоприношениям) постепенно перестали придавать столь серьезное значение и «от развлечения богов перешли к развлечению людей» [22, с. 130]. Так в итоге появились многие народные увеселения и игры.

2. *Магия.* Люди раньше пытались управлять природой и обществом, манипулируя вымышленными «сверхсилами» природы. Широкое распространение имели экзорцизм (обычай или обряд в рамках различных религий и верований, применявшийся для изгнания из человека (или места) бесов или другой вселившейся в них силы путём принуждения одержимого лица к прочтению молитвы или иного ритуала той или иной степени сложности) [15], изгнание болезней, молитвы за спокойствие и благополучие и другие ритуалы (обряды). Например, полет воздушного змея – это своего рода колдовство, магический ритуал. Если кто-то заболел, то симптомы болезни писали на воздушном змее и запускали его в небо, затем обрезали нить, удерживающую змея, и болезнь вместе с ним покидала человека, больше не возвращаясь [22, с. 131].

3. *Физический труд.* Человек покорял природу, развивал разные виды производственной

деятельности, все это также являлось живым источником для зарождения огромного количества развлекательных игр. Большинство из них моделируют хорошо знакомый людям физический труд, эти игры наполнены эстетическим опытом субъекта, очень символичны. Например, ходьба на ходулях (踩高跷 – цай гаоцяо). С древности и до сегодняшних дней рыбаки в приморских провинциях используют ходули, чтобы разместить сети в мелких местах и не промокнуть [24, с. 42]. Или игра «коршун ловит цыплят» (老鹰捉小鸡 – лаоин чжо сяоцзи), которая берет свое начало в имитации отношений между людьми и животными, животных между собой в процессе жизнедеятельности. Подобные игры отражают всю глубину понимания природы животных на протяжении их длительного взаимодействия с людьми.

4. *Военное дело.* Принцип «спрятать военную подготовку за развлечениями» [22, с. 130] имеет отношение к армейской подготовке. Обычно это были коллективные соревнования, состязания в силе, ловкости, точности или смекалке. Среди таких игр были и различные виды борьбы, и соревнования в стрельбе из лука, и даже китайское поло (打马球 – да мацю) [24, с. 22]. Тань Цзянь и Ло Цзин в своей работе приводят в качестве примера игру «перетягивание каната» (拔河 – бахэ). Первоначально она называлась «цеплять на крючок» (施钩 – шигу). Считается, что игра была придумана для Гуншуцзы (одно из имен Лу Баня, знаменитого изобретателя, жившего в период Весны и Осени, 507–444 годы до н. э.). Он учил солдат сражаться на воде, они тренировались грести на лодках, учились тащить буксировочные тросы. К периоду правления Южных и Северных династий игра «цеплять на крючок» из тренировок на воде превратилась в популярное развлечение, а при династии Тан стала распространенной под названием «перетягивание каната» [22, с. 130].

Социокультурные практики китайских традиционных игр и их значимость для культуры китайского этноса трудно переоценить. Во-первых, народные игры способствуют развитию интеллекта у детей. Игра – это не просто физическое действие, это увлекательное обучение, а также комплексная деятельность, сочетающая в себе развитие физических и интеллектуальных навыков и способностей. Раннее детство в жизни

человека является ключевым периодом его интеллектуального развития, главным образом за счет игры. Поскольку в это время когнитивные и мыслительные способности детей все еще находятся на низком уровне, то принятие и понимание внешнего мира в основном опирается на образы и действия. Игра помогает расширить детский кругозор, сформировать характер и развить интеллект. Например, играя в «коршун ловят цыплят», дети учатся различать хорошее и плохое, добро и зло; прятки развивают в них находчивость, проворность и быстроту принятия решений.

Во-вторых, традиционные национальные игры помогают культивировать чувство этнической идентичности, воспитывать национальный дух. Традиционные народные игры в Китае обладают длительной историей и богатым культурным наследием. Также им присущ такой важный атрибут, как региональность. Он проявляется в том, что определенные игры практикуют в том или ином регионе Китая. Как следствие, в них ярко выражена национальная идентичность играющих. Так, монгольские игры зачастую носят боевой, соревновательный характер, игры ненцев и орохонов связаны с ловкостью, охотничьими умениями, в играх южан инвентарем зачастую выступает бамбук. Таким образом, народные игры Китая стали эффективной формой развития национальной идентичности и национального духа. Народные игры помогают людям познакомиться с историей и культурой своего этноса, своих предков, что, в свою очередь, усиливает чувство гордости за свой народ. Например, национальную самобытность укрепляют такие народные игры, как «ют нори» (подбрасывание деревянных палочек) у корейцев, «перетягивание черепахи» у национальности ли (разновидность перетягивания каната, когда веревка привязывается к талии двух игроков, каждый должен перетянуть соперника, стоя к нему спиной и упираясь руками в землю) [10] и др. Всеобщее чувство достоинства и непрерывное самосовершенствование являются важными составляющими духовной культуры и социокультурных практик китайцев, а народные игры призваны культивировать этот национальный дух. Такие состязания, как, например, танец дракона, борьба, скачки, гонки на лодках-драконах, перетягивание каната, в допол-

нение к сильному духу соревнования, развивают у участников чувство коллективной чести и стремление к самосовершенствованию, формируют и поддерживают национальную идентичность.

В-третьих, традиционные игры помогают воспитанию характера и моральных качеств. Игра тесно связана с развитием социальных и личностных особенностей детей младшего возраста, особенно значима ее роль в воспитании и развитии «неинтеллектуальных факторов», таких как самосознание, воля, социальное познание и адаптивность. Игра – это, прежде всего, правила. Игрок должен усваивать и выполнять различные правила, тем самым углубляя понимание социальных законов и формируя нормы социального нравственного поведения. Исполнение ролей и подражание персонажам в ходе игры имеет для детей положительное значение, укрепляется их моральное сознание и нравственная целостность. С точки зрения социальной психологии, дети обладают высокой потребностью в общении, а также способностью к общению; участвуя в игре, они могут не только эффективно расширять рамки своего социального взаимодействия, но и генерировать положительные эмоции, что в будущем поможет им преодолевать негативные настроения. В то же время правила, порядок и традиционная культурная этика, используемые в народных играх, способствуют наследованию и конструированию традиционных ритуалов. Как пишут Тань Цзянь и Ло Цзин в своей статье «Современный анализ китайских традиционных детских дворовых игр», создание народных игр – это создание культурных традиций [21, с. 90].

В-четвертых, народные игры постоянно обогащают литературу, искусство и современный спорт, наиболее тесно связанные с ними танцевальное, театральное и цирковое искусства. Например, китайский народный танец «янгэ» (秧歌 – янгэ) появился в процессе сельхозработ, а именно посадки риса. Предшественником бамбукового цирка является игра «бегущие бамбуковые лошадки» (跑竹马 – пао чжума). В качестве другого примера можно привести танец нации чжуан, проживающей в Гуанси-чжуанском автономном районе на юге КНР под названием «Коромысло» (扁担舞 – бьяндань у). Он развился из традиционной национальной игры, в которой ис-

пользовались коромысло и цепь, в эту игру играли в перерывах между работами в поле. «Танец разбрызгивания воды» народности дай берет своё начало от игры «брызгание водой» (泼水 – пошуй). Кроме того, народные спортивные игры являются источником формирования и развития некоторых современных видов спорта. Например, игра в ручной воланчик (打手毽 – да шоуцзянь) народности мяо постепенно превратилась в игру баньюцю (板羽球). Она похожа на бадминтон, но играют деревянной ракеткой, похожей на ракетку для пинг-понга [19, с. 29]. В современных спортивных состязаниях, таких как борьба, стрельба из лука, перетягивание каната, катание на коньках и т. д., можно легко найти следы игровой деятельности ранних исторических периодов.

Независимо от того, насколько трудно разделить время и место возникновения той или иной народной игры, производительная деятельность человека, религиозные практики и жертвоприношения, колдовство, социальные обычаи, военные действия, чьи явления слились воедино, – вот основные пути, которыми пришли к нам народные игры и развлечения. Именно на их основе сформировались китайские традиционные игры. В них находит свое отражение культура этого великого народа, тысячелетний уклад его жизни. Недаром монголы, которые завоевали когда-то Китай, но не покорили его народ, придумали пословицу: «Хочешь узнать, что за народ живет в стране, взгляни на игры его детей».

Таким образом, подводя итоги нашего исследования, мы можем сказать, что китайские исследователи видели традиционную игру не только как спорт или увеселения, но и как развлекательную деятельность, вызванную физиологическими и психологическими потребностями людей, занимающую большое место в жизни народа. В результате анализа работ У Биньяня, Ли Пина, Ван Хуэй, Тань Цзяня и Ло Цзин мы сделали выводы, что многие китайские ученые составляли свои классификации игр. В нашей статье мы привели классификацию господина У Биньяня и на ее основе разобрали пять основных видов китайских игр: сюжетно-ролевые, дворовые, интеллектуальные, «элегантные» и азартные, а также выявили связь игровых социокультурных практик с жизнью народа, их значение для китайской культуры в целом.

Литература

1. Азартные игры [Электронный ресурс]. – URL: <https://baike.baidu.com/item/博戏/192589?fr=aladdin> (дата обращения: 29.10.2019).
2. Гулыга А. В. Эстетика Канта // Кант И. Критика способности суждения. – М.: Искусство, 1994. – 367 с.
3. Игра «Передай другому» [Электронный ресурс]. – URL: <https://baike.baidu.com/item/击鼓传花> (дата обращения: 25.10.2019).
4. Карточная игра «ецзы си» [Электронный ресурс]. – URL: <https://baike.baidu.com/item/叶子戏> (дата обращения: 28.10.2019).
5. Народные игры [Электронный ресурс]. – URL: <https://baike.baidu.com/item/民间游戏/1228482?#3> (дата обращения: 28.10.2019).
6. Крылова О. Значение игровой деятельности [Электронный ресурс] // Начальная школа. – 2007. – № 3. – URL: <https://nsc.1sept.ru/article.php?ID=200700310> (дата обращения: 29.10.2019).
7. Новикова О. Н. Игровые практики и конструирование идентичностей: моногр. – Екатеринбург: Урал. гос. лесотехн. ун-т, 2016. – 131 с.
8. Слово «游戏» [Электронный ресурс]. – URL: <http://ciyu.cihai123.com/c/232263.html> (дата обращения: 01.11.2019).
9. Сороковых Г. В., Давыдова О. В. Региональный компонент культуры как составляющая содержания обучения иностранному языку // Иностранные языки в школе. – 2007. – № 1. – С. 63–69.
10. Традиционный спорт нации ли [Электронный ресурс]. – URL: <https://baike.baidu.com/item/黎族传统体育/16835212?fr=aladdin> (дата обращения: 03.11.2019).
11. Фрёбель Ф. Педагогические сочинения. Т. 1. Воспитание человека / пер. с нем. И. Д. Городецкого; под ред. Д. Н. Королькова. – 2-е изд. – М.: Книгоиздательство К. И. Тихомирова, 1913. – 360 с.
12. Хейзинга Й. Homo ludens. Человек играющий. В тени завтрашнего дня: пер. с нидерл. / общ. ред. и послесл. Г. М. Тавризян. – М.: Прогресс, Прогресс-Академия, 1992. – 464 с.
13. Цао Сюэцин. Сон в красном тереме [Электронный ресурс]. – URL: https://www.bookol.ru/starinnoe/drevnevostochnaya_literatura/270519/str907.htm (дата обращения: 30.10.2019).
14. Шиллер Ф. Письма об эстетическом воспитании человека / [пер. Э. Л. Радлова]. – М.: РИПОЛ классик, 2018. – 240 с. – URL: <http://yanko.lib.ru/books/cultur/shiller=letters.htm> (дата обращения: 24.10.2019).
15. Экзорцизм [Электронный ресурс]. – URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Экзорцизм> (дата обращения: 23.10.2019).
16. Эльконин Д. Б. Психология игры [Электронный ресурс]. – 2-е изд. – М.: Владос, 1999. – 360 с. – URL: <http://psychlib.ru/mgppu/EPI-1999/EPI-001.HTM#Sp1> (дата обращения: 28.10.2019).
17. 乌丙安. 民俗学. 长春: 长春出版社, 2014. – 344页.
18. 朝鲜文学艺术大辞典, 崔成德主编. 长春: 吉林教育出版社, 1992年7月. – 1372页.
19. 陈育梅. 民间游戏与文化遗产 // 民族论坛, 2005年 第10期. – 28–29页.
20. 李屏. 中国传统游戏研究. – 太原: 山西教育出版社, 2012. – 308页.
21. 林继富. 从生活智慧到文化传统-中国民间游戏起源研究 // 原生态民族文化学刊. 2016年 第8卷 第2期. – 85–91页.
22. 谈剑, 罗晶. 中国传统户外儿童游戏今析 // 世纪桥, 2007年, 12期. – 130–131 页.
23. 汪韵淙. 传统游戏与数字媒体结合的教学应用研究--以儿童教育为例. 硕士研究生学位论文. 云南艺术学院, 2015. – 82页.
24. 王慧. 中国红: 中国传统游戏. – 合肥: 黄山书社, 2015. – 131页.
25. 杨俊. 时放手归本位, 自主游戏显本真-略谈大班幼儿角色游戏自主性的培养 // 考试周刊2017年 第85期. – 174 页.

References

1. *Azartnye igry [Games of Chance]*. (In Chin.). Available at: <https://baike.baidu.com/item/博戏/192589?fr=aladdin> (accessed 29.10.2019).
2. Gulyga A.V. *Estetika Kanta [Aesthetics of Kant]*. Kant I. *Kritika sposobnosti suzhdeniya [Critique of Judgment]*. Moscow, Iskusstvo Publ., 1994. 367 p. (In Russ.).
3. *Igra "Pereday drugomu" [Game "Hand over"]*. (In Chin.). Available at: <https://baike.baidu.com/item/击鼓传花> (accessed 25.10.2019).
4. *Kartochnaya igra "etszy si" [Card game "Yezi xi"]*. (In Chin.). Available at: <https://baike.baidu.com/item/叶子戏> (accessed 28.10.2019).

5. *Narodnyye igry [Folk games]*. (In Chin.). Available at: <https://baike.baidu.com/item/民间游戏/1228482?#3/> (accessed 28.10.2019).
6. Krylova O. Znachenie igrovoy deyatel'nosti [The value of playing games]. *Nachal'naya shkola [Elementary School]*, 2007, no. 3. (In Russ.). Available at: <https://nsc.1sept.ru/article.php?ID=200700310/> (accessed 29.10.2019).
7. Novikova O.N. *Igrovyye praktiki i konstruirovaniye identichnostey: monografiya [Game practices and identity construction. Monograph]*. Yekaterinburg, Ural State Forestry University Publ., 2016. 131 p. (In Russ.).
8. Slovo “游戏” [Word “游戏”]. (In Chin.). Available at: <http://ciyu.cihai123.com/c/232263.html/> (accessed 01.11.2019).
9. Sorokovyykh G.V., Davydova O.V. Regional'nyy komponent kul'tury kak sostavlyayushchaya sodержaniya obucheniya inostrannomu yazyku [Regional component of culture as a part of the content of teaching a foreign language]. *Inostrannyye yazyki v shkole [Foreign languages at School]*, 2007, no. 1, pp. 63-69. (In Russ.).
10. *Traditsionnyy sport natsii li [Li minority traditional sport]*. (In Chin.). Available at: <https://baike.baidu.com/item/黎族传统体育/16835212?fr=aladdin/> (accessed 03.11.2019).
11. Frebel F. *Pedagogicheskie sochineniya. T. 1. Vospitanie cheloveka [The Works on Pedagogic. Vol. 1. The education of the person]*. Translated from the German by I.D. Gorodetskogo; edited by D.N. Korolkova. Moscow, K.I. Tikhomirov's Publ., 1913. 360 p. (In Russ.).
12. Kheyzinga Y. *Homo ludens. Chelovek igrayushchiy. V teni zavtrashnego dnya [Homo ludens. The playing man. In the shadow of tomorrow]*. General edition and afterword by G.M. Tavrizyan. Moscow, Progress Publ. Group, Progress-Akademiya Publ., 1992. 464 p. (In Russ.).
13. Tsao Syuetsin'. *Son v krasnom tereme [Dream of the Red Chamber]*. (In Russ.). Available at: https://www.bookol.ru/starinnoe/drevnevostochnaya_literatura/270519/str907.htm/ (accessed 30.10.2019).
14. Schiller F. *Pis'ma ob esteticheskom vospitanii cheloveka [On the Aesthetic Education of Man]*. Moscow, RIPOL Klassik Publ., 2018. 240 p. (In Russ.). Available at: <http://yanko.lib.ru/books/cultur/shiller=letters.htm/> (accessed 24.10.2019).
15. *Ekzortsizm [Exorcism]*. (In Russ.). Available at: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Экзорцизм/> (accessed 23.10.2019).
16. El'konin D.B. *Psikhologiya igry [Psychology of a Game]*. Moscow, Vldos Publ., 1999. 360 p. (In Russ.). Available at: [http://psychlib.ru/mgppu/EPI-1999/EPI-001.HTM#\\$p1/](http://psychlib.ru/mgppu/EPI-1999/EPI-001.HTM#$p1/) (accessed 28.10.2019).
17. 乌丙安. 民俗学. 长春: 长春出版社, 2014. 344页. (In Chin.).
18. 朝鲜文学艺术大辞典, 崔成德主编. 长春: 吉林教育出版社, 1992年7月. 1372页. (In Chin.).
19. 陈育梅. 民间游戏与文化遗产 // 民族论坛, 2005年 第10期. 28-29页. (In Chin.).
20. 李屏. 中国传统游戏研究. — 太原: 山西教育出版社, 2012. 308页. (In Chin.).
21. 林继富. 从生活智慧到文化传统—中国民间游戏起源研究 // 原生态民族文化学刊. 2016年 第8卷 第2期. 85-91页. (In Chin.).
22. 谈剑, 罗晶. 中国传统户外儿童游戏今析 // 世纪桥, 2007年, 12期. 130-131 页. (In Chin.).
23. 汪韵淙. 传统游戏与数字媒体结合的教学应用研究--以儿童教育为例. 硕士研究生学位论文. 云南艺术学院, 2015. 82页. (In Chin.).
24. 王慧. 中国红: 中国传统游戏. — 合肥: 黄山书社, 2015. 131页. (In Chin.).
25. 杨俊. 时放手归本位, 自主游戏显本真—略谈大班幼儿角色游戏自主性的培养 // 考试周刊2017年 第85期. 174页. (In Chin.).

УДК 008.2

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ ЦИВИЛИЗАЦИЙ ХХІ ВЕКА: ВЕКТОРЫ И СОВРЕМЕННЫЕ ПРОЦЕССЫ

Аракелян Марина Александровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, истории и культурологии, Академия гражданской защиты МЧС России (г. Химки, РФ). E-mail: remizov1941@mail.ru

В статье рассматривается особенность диалога цивилизаций ХХІ века. Отмечается его основная характеристика, выраженная в противоречии между социокультурной объективностью и политической неустойчивостью субъектов социокультурного диалога. Выявляется новая волна бифуркации диало-

га цивилизаций за счет религиозных факторов. Отмечается усиление политизации межкультурного диалога в XXI веке. Анализируются документы и деятельность международных организаций, определяющих содержание современного межкультурного диалога. Характеризуется исторический опыт социокультурного диалога Византии и России. Определяются факторы возможных турбулентностей современного межкультурного диалога, связанных с ролью в этом процессе социокультурных трендов. Вскрываются противоречия социокультурного диалога цивилизаций в ситуации политико-экономических и научно-технических коллизий современного мира, их тенденции и формы проявления.

Ключевые слова: диалог цивилизаций, цивилизационный контакт, религиозный фактор, культурно-цивилизационная политика, диалоговая картина мира, культурно-цивилизационный процесс.

SOCIO-CULTURAL DIALOGUE OF CIVILIZATIONS OF THE 21ST CENTURY: VECTORS AND MODERN PROCESSES

Arakelyan Marina Aleksandrovna, PhD in History, Associate Professor of Department of Philosophy, History and Culturology, Civil Defense Academy of EMERCOM of Russia (Khimki, Russian Federation). E-mail: remizov1941@mail.ru

The article describes the peculiarity of the dialogue of civilizations of the 21st century. Its main characteristic is noted, which is expressed in contradiction between the “positivity” and political instability of the subjects of the socio-cultural dialogue. There is a new wave of bifurcated dialogue of civilizations due to religious factors. The politicization of the intercivilizational dialogue in the 21st century is noted. The documents and activities of international organizations that determine the content of the modern inter-civilization dialogue are analyzed. The author reveals the historical experience of the sociocultural dialogue between Byzantium and Russia. The risks of the modern intercivilization dialogue associated with the role of socio-cultural factors in this process are determined and characterized. The contradictions of the dialogue of civilizations in the situation of political, economic, scientific and technical conflicts of the modern world, their tendencies and forms of manifestation are revealed.

Keywords: dialogue of civilizations, civilizational contact, religious factor, cultural and civilizational policy, interactive picture of the world, cultural and civilizational process.

DOI: 10.31777/2078-1768-2020-50-87-93

В современной науке о цивилизациях (цивилогия) довольно прочно утвердился тренд об исторической конкуренции цивилизаций. Автор весьма известного научного опуса «21 урок для XXI века» [9] доктор Юваль Ной Харари (Израиль) утверждает, что в долгосрочной перспективе лишь одна цивилизация выдержит жестокие испытания естественного отбора. Вместе с тем, развивая свою мысль, автор приходит к выводу о том, что все выделяемые научным знанием цивилизации – это частные случаи одной – «общей для нас всех мировой культуры» [9]. Таким образом, имплицитно здесь заложена мысль о культурном сосуществовании, о культурном взаимо-

действии, о культурном внутреннем единстве цивилизаций, пока находящихся в известных противоречиях. Неслучайно один из исследователей цивилизационных процессов – И. Валлерстайн в работе «После либерализма» указывает, что мы сегодня должны вступить в громадный мультилог, ибо решения (будущего) никоим образом не очевидны [1]. Таким образом, теория С. Хантингтона о непереносимых «столкновениях цивилизаций» [8], с его попыткой выдать это за глобальный социокультурный контекст «контрирующего диалога», требует сегодня существенной поправки, связанной с международным осознанием необходимости диалоговых практик.

Неслучайно поэтому **XXI век начался с движения за «позитивный диалог»** между цивилизациями, который и стал важнейшим «смысловым полем» развития мировой политики, явно вышедшим за рамки традиционного понятия «международные отношения» [6, с. 141]. Известной модели А. Тойнби об «автономных циклических цивилизациях» [7, с. 345] придали соотносительное звучание, а 2001 год был объявлен Годом диалога между цивилизациями под эгидой Организации Объединенных Наций. В ноябре 2001 года Генеральная ассамблея ООН утвердила «Глобальную повестку дня для диалога между цивилизациями». Данный документ представлял собой первую попытку трансформации общей идеи диалога в развернутую концепцию, программу действий на десятилетия вперед. При этом под позитивным диалогом цивилизаций понимался «процесс, проходящий как внутри, так и на стыке цивилизаций, основанный на всеобщем желании учиться, открывать новые принципы и возможности взаимодействия, выявлять сферы общего понимания и основные ценности, сводить разные подходы в единое целое с помощью диалога» [2].

Концепция такого рода диалога цивилизаций породила важное направление деятельности ООН. Появилось множество различных международных организаций, работающих по данной проблеме, в том числе такие, как «Альянс цивилизаций» (**United Nations Alliance of Civilizations**). В «Группу друзей» альянса вошло больше 140 стран и международных организаций [12]. Создатели «Альянса» исходили из необходимости преодоления общественного разделения в мире, противостояния стереотипам и заблуждениям теории столкновения цивилизаций, которые закрепляют отношения враждебности и недоверия между сообществами [6]. Цель «Альянса цивилизаций» заключается в укреплении взаимопонимания и сотрудничества между странами и народами, различными культурами и религиями, а в процессе этого – оказание помощи в борьбе с силами, усугубляющими поляризацию общества и разжигающими экстремистские настроения, причем, особое внимание обращается на уменьшение противоречий между ценностями стран западного и исламского мира [6]. За годы своего существования (с 2007 года) «Альянс» провел множество мероприятий, в том числе 8 глобальных форумов,

продолжая разработку и поддержание различных международных проектов [11]. Все это, несомненно, ослабляет силу социокультурного противостояния между странами.

Современный опыт свидетельствует, что отношения конструктивного диалога способны интенсивно и плодотворно развиваться в социокультурной сфере, в таких плоскостях, как наука, культура, образование, экономика, экология, новые технологии и т. п. Наиболее же проблемными остаются переговорные процессы, связанные с темами геополитических пространств, цивилизационных ценностей, интересов, смыслов существования.

Между тем социокультурный диалог цивилизаций в геополитической сфере – явление неустойчивое и крайне противоречивое, но важное для судеб общечеловеческой цивилизации, пережившей две страшнейшие мировые войны, прошедшей через реалии «холодной войны» и столкнувшейся с невероятным всплеском международного терроризма как формы противостояния идей, ментальностей, верований. Здесь важно отметить синусоидную аттрактивность именно религиозного фактора, активно влияющего на содержание и формы межцивилизационного диалога. Если общей тенденцией XIX и большей части XX столетий было ослабление влияния религий на цивилизационные процессы, то на сегодняшний день тенденция противоположная. Наблюдается новая волна стремления религиозных групп занять доминирующее положение в обществе, сливающаяся с активизирующимся этнополитическим движением за независимость, например, в Украине. В этот процесс втянуты церкви России, Греции, Константинополя. Диалог религий, как важнейшая составная часть диалога цивилизаций, остается, таким образом, актуальным полем преодоления многовековых религиозных стереотипов взаимного недоверия или враждебности. Однако политические противоречия все же доминантно определяют существо всех социокультурных процессов между цивилизованными системами.

Сегодня серьезной угрозой глобальной безопасности выступают в первую очередь отношения между странами Евро-Атлантики как цивилизационной модели и остальным миром. Конфликт между ними по волнообразной эпюре длится

столетия и обнаруживает устойчивую тенденцию к обострению. Вместе с тем нельзя не помнить и о том, что идея сотрудничества цивилизаций и ее конкретное воплощение в формах диалога впервые исходили именно от представителя исламского мира – от президента Ирана Мохамеда Хатами (1997–2005), который предлагал осуществить диалог внутри исламского мира, между исламской и западной цивилизациями, между исламом и другими религиями [10, с. 242].

Диалог в геополитической сфере, безусловно, сложен, но мировое сообщество неоднократно демонстрировало возможность его эффективной реализации. По мнению Хатами, одно лишь согласие на ведение диалога само по себе является огромным достижением человечества. Недаром тот же А. Тойнби считал, что контакты цивилизаций – это пролонгированный исторический процесс, они возможны (через ренессанс) даже тогда, когда цивилизации разделены во времени [7, с. 234]. Одним из ярких подтверждений этому является исторический цивилизационный контакт Византии с Русью, а в дальнейшем – с российской цивилизацией [3, с. 105].

Византию можно назвать ближайшим российским историческим родственником. Несколько столетий Русь находилась в тесных, пусть и не всегда мирных, отношениях с Византией. Если говорить о взаимодействии и взаимовлиянии, то самым значительным результатом стало принятие Русью православия – одной из важнейших основ византийской культуры. Это событие на века определило самобытность и цивилизационную идентичность России. Так, вместе с православием Россия унаследовала от Византии духовную традицию, систему ценностей, грамотность, особый взгляд на мироустройство и на место в нем человека, обогатила свою культурную жизнь. За изменением духовного содержания следовало и этнофизическое, внешнее изменение Руси. Российский человек становился внутренне более сосредоточенным, более возвышенным, духовным, а общество обретало новые смыслы, идеалы, становилось внутренне сплоченней. Исторически важным аспектом явилось также перенятие модели властных отношений, синтеза мощной, централизованной власти и Православной церкви. Правители российского централизованного государства, которое складывалось как многонациональное при присоединении новых земель,

при восприятии новых этнографических элементов, использовали некоторые приемы византийской дипломатии, известной как «наука управления».

Мощная волна византизма была отмечена во второй половине XIX века. Идеологи консерватизма доказывали византийский генезис российского цивилизационного кода. Интенсивное развитие получила такая научная отрасль, как византология. На сегодняшний день византология представлена в программах ряда российских вузов [4].

В целом приведенный пример больше, чем диалог, это – цивилизационная эстафета, подхваченная Россией. Однако думается, что при этом не следует идеализировать византийское влияние на всем протяжении отечественной истории. Во-первых, наши предки вовсе не стремились во всем копировать чужой опыт. Тем более что византийский опыт не был исключительно позитивным. Во-вторых, наследницей Византии правильнее было бы назвать Московскую Русь. В-третьих, цивилизационное влияние Византии ограничивается, по большому счету, духовной и отчасти культурной сферами, причем с серьезными дополнениями и изменениями. В-четвертых, культурный код России складывался под влиянием многих культур и цивилизаций, с которыми страна имела или налаживала добрососедские отношения.

Таким образом, у многонациональной и многоконфессиональной России имеется давний опыт межкультурного взаимодействия, в том числе – диалога. Общеизвестно, что, находясь на перепутье, за верным решением нужно обращаться к прошлому. В этом отношении примеры из российской истории могут быть актуализированы мировым сообществом. Другой вопрос – готово ли оно воспринимать этот опыт беспристрастно, реализовывать его без двойных стандартов.

Между тем нельзя не упомянуть, что, например, международная организация «Альянс цивилизаций» зачастую допускает тенденциозные оценочные суждения, в форватере глобалистских позиций США.

Примеры политизации межкультурных диалоговых отношений, к сожалению, не уменьшаются. Однако сегодня диалоговая картина мира стремительно обновляется новыми содержательными структурами и явлениями. Так, современный диалог цивилизаций вклинился в

процесс нового передела ресурсов мира, в котором резко обостряются диалогические связи в отношении освоения арктических земных богатств. Нарастают противоречия, связанные с перераспределением людских ресурсов в мире. Здесь и переселение народов Африки, и наплыв в Европу гастарбайтеров из стран Восточной Европы, и попытки Запада и дальше «отжимать» от российского влияния страны, отделившиеся при распаде СССР. Важное влияние на характер межкультурного диалога оказывает мировой тренд перехода от однополярного мира к многополярному. Ведущим «расстройщиком» этого диалога является США, которые и отчаянно, и агрессивно «диалогизируют» со своими цивилизационными оппонентами: с Китаем и Россией, с Европой.

Необходимо отметить и то, что, очевидно, мировой цивилизационный процесс, связанный с характером диалога отдельных его составных частей, будет дополняться новыми проблемами. Так, впереди решение вопросов, связанных с овладением космическим околоземным пространством, перераспределением окололунного и лунного пространства, а на Земле – борьба за владение Антарктидой. На характер цивилизационного диалога повлияет и дальнейшее изменение климата на Земле, которое может изменить земной и политический ландшафт. Свои «поправки» к межкультурному диалогу может внести и развитие средств электронной взаимосвязи, совершенствование мира гаджетов, киберконструктов. Новое содержание диалогу может придать создание межрегиональных, межконтинентальных союзов и объединений.

Словом, в современном межкультурном диалогическом пространстве можно со всей очевидностью обозначить тенденции изменчивости, противоречивости и перманентного дисбаланса, что повышает роль именно социокультурного влияния на него.

Интересной в этом отношении является теоретико-практическая позиция Б. В. Межуева, обоснованная им в статье «Есть ли у России свой “цивилизационный код” и в чем он может заключаться?» [5]. Статья по существу является переосмыслением дискуссий на эту тему на нескольких круглых столах и научных конференциях [5, с. 35–43]. Автор анализирует характер межкультурного диалога наших дней на фоне

исследования вопроса о том – есть ли у России особый «цивилизационный код», отличающий ее от Запада? Он отстаивает позицию, согласно которой российский диалог с Западом носит характер «псевдоморфозности» (О. Шпенглер), связанной с постоянным заимствованием западных идей и концептов «на свой лад», в характеристике «импульсов извне». При этом, оценивая диалогическую позицию России, он называет ее механизмом «блокировки чуждого влияния». Далее он замечает, что основное сопротивление Евро-Атлантизму в культурном плане осуществляется по трем аспектам: государственное устройство – семейные отношения – церковная жизнь, а все остальное организуется «по западным лекалам».

Западную диалогическую позицию он называет «рациональной гегемонией», указывая, что общий противоречивый диалог все же ведет к «конформистскому приспособлению» России к Евро-Атлантике, что приводит к постепенному изменению внутренних ценностей в России и в то же время позволяет ей «не потерять» патриархальность и духовные скрепы. Не комментируя детали данных концептов, все же отметим, что здесь у автора присутствует некая векторная однополярность. Реальность показывает, что процесс социокультурного межкультурного диалогизирования – более сложное явление. В нем важное место принадлежит традициям, историческому опыту. Следует видеть поливекторность данного феномена, различать факторы взаимовлияния, уходя от односторонности.

Также можно утверждать, что позитивизация межкультурного социокультурного диалога в значительной мере определяется позицией фигурантов цивилизационных миров и их групп, объединенных по какой-то теме или иным основаниям. Вероятнее всего, будет углубляться и нарастать многополярность межкультурного диалога по мере продвижения человечества по пути научно-технического совершенствования, ибо сам этот процесс будет расширять границы диалога.

Следует также отметить все более влияние сугубо социокультурных факторов позитивизации межкультурного диалога. Это касается таких его форм, как «межпарламентский диалог», действующий как фактор «мягкой силы», «народная дипломатия»,

международные дискуссионные площадки и т. д., продвигающие диалогическую дружелюбность. В наши дни нарастает специфический диалог цивилизаций в сфере художественной культуры: обмен выставками, музейными экспонатами; проведение фестивалей, дней национальной культуры; широко распространившаяся практика режиссерских постановок приглашенными мастерами театра, кино, массовых представлений. Свое влияние на диалоговые процессы оказывает физическая культура и спорт, акции которых (соревнования, игры, олимпиады, чемпионаты) становятся общестранными событиями, втягивающими в свое пространство экономику, политику, право, дипломатию, межчеловеческое общение.

Хочется надеяться, что человечество перед лицом глобальных изменений все же сумеет разумно воспользоваться историко-культурным опытом межкультурных взаимодействий позитивного диалогического характера, в котором всегда, во все времена проявлялось терапевтическое влияние социокультурных факторов. Однако надо четко понимать, что и структура, и характер

современного межкультурного диалога неизмеримо усложняются. В нем можно выделить несколько уровней, несколько системных блоков, несколько трансмиссионных процессов, в которых невозможен как нейтралитет, так и полный компромисс. Ведь в долгосрочном измерении пассивность или нейтралитет оставляют страны, тешащие себя глобальными иллюзиями, на обочине развития мировой цивилизации. Сегодня речь идет о крупнейшей трансформации мировой экономики с момента перехода человечества на электричество. В этой «игре» цивилизаций задействовано все: от «цифры» до Арктики, от коррекции генома до освоения Солнечной системы. Поэтому для России, например, важен не столько прогноз, сколько активная диалоговая социокультурная деятельность, преследующая цель сохранить свой суверенитет и социокультурную состоятельность. Для мира в целом диалог вообще, а культурный диалог в особенности, – это тот механизм взаимоотношений, который может успешно обеспечивать устойчивый мир и межкультурное согласие.

Литература

1. Валлерстайн И. После либерализма. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 256 с.
2. Глобальная повестка дня для диалога между цивилизациями [Электронный ресурс]. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/dac_agenda.shtml (дата обращения: 30.11.2019).
3. Ирхен И. И. Культурно-образовательный процесс древней Руси как религиозно-духовный монолог // Учен. записки Рос. гос. социал. ун-та. – 2010. – № 9 (85). – С. 105–113.
4. «Ложь в истории – странная по своему губительному воздействию сила». Беседа с преподавателем Сретенской духовной семинарии, кандидатом исторических наук, доцентом Павлом Кузенковым [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.pravoslavie.ru/35522.html> (дата обращения: 07.05.2019).
5. Межуев Б. В. Есть ли у России свой «цивилизационный код» и в чем он может заключаться? // Вопр. философии. – 2018. – № 7. – С. 35–43.
6. Следзевский И. В. Диалог цивилизаций как смысловое поле мировой политики // Обществ. науки и современность. – 2011. – № 2. – С. 141–142.
7. Тойнби А. Постигание истории. – М.: Пресса, 1990. – 730 с.
8. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций // Полис. – 1994. – № 1. – С. 33–48.
9. Харари Ю. Н. 21 урок для XXI века. – М.: Синдбад, 2019. – 416 с.
10. Хатами М. Ислам, диалог и гражданское общество. – СПб.: Нева, 2001. – 242 с.
11. Global Forums UNAOC [Electronic resource]. – URL: <https://www.unaoc.org/global-forums/> (дата обращения: 30.11.2019).
12. Group of Friends Members [Electronic resource]. – URL: <http://www.unaoc.org/who-we-are/group-of-friends/members/> (дата обращения: 30.11.2019).

References

1. Wallerstein I. *Posle liberalizma [After liberalism]*. Moscow, Editorial URSS Publ., 2003. 256 p. (In Russ.).
2. *Global'naya povestka dnya dlya dialoga mezhdru tsivilizatsiyami [Global agenda for dialogue among civilizations]*. (In Russ.). Available at: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/dac_agenda.shtml (accessed 30.11.2019).

3. Irkhen I.I. Kul'turno-obrazovatel'nyy protsess drevney Rusi kak religiozno-dukhovnyy monolog [Cultural and educational process of ancient Russia as a religious and spiritual monologue]. *Uchenye zapiski Rossiyskogo gosudarstvennogo sotsial'nogo Universiteta [Scientific Notes of the Russian State Social University]*, 2010, no. 9 (85), pp. 105-113. (In Russ.).
4. "Lozh' v istorii – strannaya po svoemu gibel'nomu vozhdeystviyu sila". *Beseda s prepodavatelem Sretenskoй dukhovnoy seminarii, kandidatom istoricheskikh nauk, dotsentom Pavlom Kuzenkovym* ["Lies in history are a strange force in their disastrous effects". Conversation with the teacher of Sretensky theological Seminary, PhD in History, Associate Professor Pavel Kuzenkov]. (In Russ.). Available at: <http://www.pravoslavie.ru/35522.html> (accessed 07.05.2019).
5. Mezhuiev B.V. Est' li u Rossii svoй «tsivilizatsionnyy kod» i v chem on mozhet zaklyuchat'sya? [Does Russia have its own "civilizational code" and what can it consist of?]. *Voprosy filosofii [Questions of philosophy]*, 2018, no. 7, pp. 35-43. (In Russ.).
6. Sledzevskiy I.V. Dialog tsivilizatsiy kak smyslovoe pole mirovoy politiki [The dialogue of civilizations as a semantic field of world politics]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost' [Social sciences and modernity]*, 2011, no. 2, pp. 35-43. (In Russ.).
7. Toynbee A. *Postizhenie istorii [Comprehension of history]*. Moscow, Press Publ., 1990. 345 p. (In Russ.).
8. Huntington S. Stolknovenie tsivilizatsiy [The Clash of Civilizations]. *Polis [Political studies]*, 1994, no. 1, pp. 33-48. (In Russ.).
9. Harari Yu.N. *21 urok dlya XXI veka [21 lesson for the XXI century]*. Moscow, Sinbad Publ., 2019. 416 p. (In Russ.).
10. Khatami M. *Islam, dialog i grazhdanskoe obshchestvo [Islam, dialogue and civil society]*. St. Petersburg, Neva Publ., 2001. 241 p. (In Russ.).
11. *Global Forums UNAOC*. (In Eng.). Available at: <https://www.unaoc.org/global-forums/> (accessed 30.11.2019).
12. *Group of Friends Members*. (In Eng.). Available at: <http://www.unaoc.org/who-we-are/group-of-friends/members/> (accessed 30.11.2019).

УДК 008

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД В ОПРЕДЕЛЕНИИ СУЩНОСТИ КУЛЬТУРООХРАННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Тюленева Наталия Игоревна, кандидат культурологии, доцент кафедры социально-культурных технологий и туризма, Пермский государственный институт культуры (г. Пермь, РФ). E-mail: natalia_tyuleneva@mail.ru

Культуроохранные технологии, соединяющие в себе методы сохранения, возрождения и изучения культурно-исторического наследия, имеют системообразующее значение в социально-культурной деятельности. Именно «историко-культурное наследие» является смысловым ядром технологий данного вида, что позволяет сделать вывод о возможности применения территориального принципа в определении их сущности. Следует отметить, что проблемы междисциплинарного изучения теоретико-методологических основ культуроохранных технологий пока не в полной мере отражены в результатах исследований, однако, исходя из современных парадигм развития гуманитарной науки, в статье предлагаются возможные междисциплинарные теоретические подходы к определению фундаментальных основ культуроохранных технологий социально-культурной деятельности, которые автор предлагает рассматривать в качестве предметной области исследования прикладной культурологии и гуманитарной географии. Эта междисциплинарность в полной мере реализуется в концепции «культурного ландшафта» региона, в рамках которой и были сформулированы подходы к изучению территории, ее культурных и природных доминант – информационно-аксиологический, этнолого-географический, герменевтический (феноменологический), имажинальный (имгативный) и мифогеографический.

Перечисленные направления изучения теоретических аспектов культуроохранных технологий дают возможность наполнить практику социально-культурной деятельности ценностно-смысловыми ориентациями, базирующимися на историко-культурном наследии региона во всем его природно-семантическом многообразии.

Ключевые слова: прикладная культурология, социально-культурная деятельность, культуроохранные технологии, культурный ландшафт, историко-культурное наследие, историко-культурные территории.

INTERDISCIPLINARY APPROACH IN DETERMINING THE ESSENCE OF CULTURE-PROTECTIVE TECHNOLOGIES OF SOCIO-CULTURAL ACTIVITIES

Tyuleneva Nataliya Igorevna, PhD in Culturology, Associate Professor of Department of Socio-cultural Technologies and Tourism, Perm State Institute of Culture (Perm, Russian Federation). E-mail: natalia_tyuleneva@mail.ru

At the turn of the 20th and 21st centuries, theoretical and methodological studies of many socio-cultural phenomena and phenomena carried out as part of an interdisciplinary approach, which has become one of the characteristic features of modern humanistic science. It should be noted, that the interdisciplinary problems of studying the theoretical and methodological foundations of cultural protection technologies are not yet fully reflected in the research results, however, based on modern paradigms for the development of the humanities, the article suggests possible interdisciplinary theoretical approaches to determining the fundamental foundations of cultural protection technologies for socio-cultural activities, which the author proposes to consider as a subject area for the study of applied culturology and humanitarian geography. This interdisciplinarity is fully realized in the concept of the “cultural landscape” of the region, within the framework of which approaches to the study of the territory, its cultural and natural dominants were formulated: informational axiological, ethnological and geographical, hermeneutic (phenomenological), imaginal (imgative) and mythogeographic. Cultural protection technologies, combining the methods of preservation, revival and study of the cultural and historical heritage, are of systemic importance in socio-cultural activities. It is the “historical and cultural heritage” that is the semantic core of technologies of this type, which allows us to conclude that it is possible to apply the territorial principle in determining their essence. The listed directions for studying the theoretical aspects of cultural protection technologies make it possible to fill the practice of socio-cultural activity with value-semantic orientations based on the historical and cultural heritage of the region in all its natural and semantic diversity.

Keywords: applied cultural studies, social and cultural activities, cultural protection technologies, cultural landscape, historical and cultural heritage, historical and cultural territories.

DOI: 10.317773/2078-1768-2020-50-93-100

На рубеже XX и XXI веков теоретико-методологические исследования многих социокультурных явлений и феноменов осуществляются в рамках междисциплинарного подхода, который стал одним из характерных признаков современной гуманитарной науки. «Ведущей парадигмой» науки данного типа является антропоцентризм,

где человек становится центром деятельного осмысления всех общественных процессов, в том числе и социокультурных.

Как отмечает основатель Санкт-Петербургской научной школы педагогической (прикладной) культурологии профессор М. А. Ариарский, на всех этапах общественного развития на чело-

века воздействовало две антагонистичные силы – антикультура и культура, при этом миссией последней всегда было возвышение *«человека над уровнем обыденности к высшим духовным ценностям»* [2]. В этом контексте культуру можно рассматривать *«как систему надбиологических программ человеческой деятельности»* по сохранению и освоению духовных ценностей (идеалов, систем взглядов и воззрений, верований, норм и образцов поведения и т. д.), транслируемых из поколения в поколение. Такой *«все-проникающий характер культуры»* обусловил появление *«столь же широкой, многообразной и общественно значимой деятельности по ее освоению, сохранению, распространению и дальнейшему развитию»* [2], которую можно объединить понятием «социально-культурная деятельность» (СКД). Реализация культуросозидающего потенциала социально-культурной деятельности *«находится в прямой зависимости от ее способности ориентироваться на эталоны и идеалы самых высоких достижений общечеловеческой и отечественной культуры»* [2]. Так, неперменной задачей прикладной культурологии является *«формирование исторической памяти и воспитание подрастающих поколений на культурных традициях народов и всего человечества»* [2]. Исходя из данного положения, культуроохранные технологии играют ключевую роль в реализации СКД.

Первоначально основоположники московской школы теории социально-культурной деятельности сформулировали понятие «культурно-охранных технологий» как *«сохранение культурно-исторической среды с помощью современных охранно-реставрационных мероприятий»* [7, с. 434]. Однако современная практика социокультурного развития регионов показывает, что назначение культуроохранных технологий не сводится лишь к охранительным и реставрационным функциям в сохранении культурно-исторической среды. Их реализация предполагает более разноплановую и комплексную деятельность, которую можно обозначить в качестве интегративной методики по сохранению, возрождению и популяризации среди населения историко-культурного наследия территории (образцов материальной культуры, феноменов и явлений духовной жизни общества).

Культуроохранные технологии, соединяющие в себе методы сохранения, возрождения и изучения культурно-исторического наследия, имеют системообразующее значение в социально-культурной деятельности. Однако на данный момент в научных исследованиях в недостаточной степени отражены проблемы теоретико-методологических основ культуроохранных технологий СКД с позиций современного состояния гуманитарной науки – комплексного междисциплинарного подхода.

Многовекторность научных изысканий задает типологизация Т. Г. Киселевой и Ю. Д. Красильникова, которые определили основные типы культуроохранных технологий. Среди них: технологии организации краеведческой работы; развития туристско-экскурсионных маршрутов на базе историко-культурных и историко-промышленных объектов; возрождения традиционных форм социокультурной деятельности (народных промыслов, ремесел, обрядов); создания территориальных краеведческих энциклопедий и справочников; учета и изучения памятников истории и культуры, ландшафтных зон и историко-культурных заповедников; музеефикации частных художественных собраний и коллекций (произведений изобразительного искусства, орденов, костюмов, монет, почтовых марок и т. д.); реставрационные технологии по возвращению памятникам и культурным сооружениям первоначального назначения и др. [7].

Так или иначе, смысловым ядром всех типов культуроохранных технологий выступает концепт «историко-культурное наследие», который находит свое отражение в различных практиках культуроориентированной СКД. Данный концепт понимается нами как совокупность и синтез двух его ипостасей: нематериального (духовного) культурного наследия (устные традиции, фольклорные танец и песни, обряды и праздники, обычаи, традиционные ремесла и др.) и материального культурного наследия (памятники, достопримечательные места, ансамбли и др.). Объекты историко-культурного наследия созданы и актуализированы в прошлом, но имеют определяющее значение в формировании самобытности и утверждении самости народа (нации, этноса) в настоящем. В этом контексте территория (пространство), в рамках которой происхо-

дило становление и развитие народа как этноса (в его культурно-этническом понимании) и как нации (в политическом значении), является одним из ключевых факторов.

Территориальный принцип в сохранении духовного и материального наследия заложен в актуальном направлении современной культурной политики – создании историко-культурных территорий. Данный подход позволяет увидеть территорию как комплексную систему взаимосвязанных культурных и природных объектов, которые транслируют значимые события прошлого, сохраняя тем самым память об истории и культуре этой местности. К основным типам историко-культурных территорий можно отнести исторические производственные территории, пути и дороги, поля сражений, места исторических событий, усадебные и монастырские комплексы, исторические застройки, города и сельские поселения, археологические территории, этно-экологические районы проживания коренных и малочисленных народов и др. [13, с. 118].

С позиций территориального принципа, на наш взгляд, в качестве общего теоретического подхода к осмыслению содержательной сущности культуроохранных технологий СКД может служить ландшафтный подход, разрабатываемый, главным образом, в области гуманитарной географии.

В рамках данного подхода и основного его понятия – культурный ландшафт – представляется возможным, прибегая к исследованиям разной предметности (историческим, географическим, этнографическим, философским и т. д.), рассматривать каждую отдельную территорию в качестве особой культурной реальности, во множестве исторических линий, географических образов и их интерпретаций, текстов культуры, запечатленных в историко-культурном наследии. С этой точки зрения понимание территории и сферы применения культуроохранных технологий в СКД реализуется в рамках трех основных подходов культуроцентричного (культурологического) направления исследования культурного ландшафта: информационно-аксиологического, этнолого-географического и феноменологического (включая семантический, мифогеографический, имажинальный подходы) [12].

В отечественной науке представители *информационно-аксиологического* (Ю. А. Веденин, М. Е. Кулешова) или *культурно-ландшафтного подхода* (Р. Ф. Туровский) понимают *культурный ландшафт* как ландшафт, в формировании которого значительную роль играют «*передаваемые в виде информации от поколения к поколению духовные и интеллектуальные ценности, которые в свою очередь испытывают на себе влияние материальных компонентов ландшафта*» [3]. По мнению Р. Ф. Туровского, *культурный ландшафт* есть ни что иное как выражение взаимодействия духовной жизни человека и территории, которое находит себя в персоналиях, образцах культуры и исторических датах и событиях, которые тесно связаны с конкретной местностью. Другими словами, культурный ландшафт – это уникальный геокультурный регион, способный *продемонстрировать отличительные черты этого региона* [11, с. 3–99].

Информационно-аксиологический подход основан, в первую очередь, на международных правовых актах ЮНЕСКО 1992 года – «Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия» и «Руководстве по выполнению Конвенции об охране всемирного наследия», которые утвердили *культурный ландшафт* как *объект историко-культурного наследия* [10], предложив, кроме этого, и его типологизацию. Среди прочих, особый интерес с точки зрения культуроохранных технологий представляют такие типы культурного ландшафта, как *ассоциативный* и *целенаправленно сформированный*. Первый связан со стойкими ассоциациями природного ландшафта, закрепленными в искусстве и культуре (например, Уральские горы – поход Ермака в Сибирь, сказы П. П. Бажова, проза и поэзия Б. Пастернака и т. д. [12]), второй тип представляет собой антропогенный ландшафт, который возник из социально-экономической или религиозной необходимости, но его очертания и дальнейшее развитие было продиктовано природными условиями (например, горнозаводской Урал [12]).

В основе *этнолого-географического подхода* (или «*культурно-экологического*», по В. Н. Калущкову) лежит понимание культурного ландшафта через призму преобразования группой людей (этносом) местности (природного ландшафта),

которое осуществляется в процессе исторического развития в соответствии с культурными ценностями данного сообщества. Таким образом, он представлен в двух проявлениях: материальном (система расселения, хозяйство, природа) и нематериальном (язык, топонимика, мифология, фольклор и др.) [6]. Представители данного подхода в первую очередь исходят из исследований В. П. Семенова-Тян-Шанского и Л. С. Берга. Этнокультурное направление в изучении *культурного ландшафта* и реализации культуроохранных технологий социально-культурной деятельности является особенно ценным ввиду того, что одним из стратегических направлений культурной политики государства является сохранение историко-культурного наследия и традиционной культуры народов России.

Особый интерес представляет *герменевтический* (или *феноменологический*) *подход*, начало которому положили труды В. Л. Каганского. Ученый предлагает подходить с позиций герменевтики к рассмотрению культурного ландшафта, который, по мнению Каганского, является «*земным пространством, жизненной средой достаточно большой (самосохраняющейся) группы людей, если это пространство одновременно целю и дифференцировано, освоено утилитарно, семантически и символически*» [5, с. 135]. Наряду с организацией своей среды обитания, человек семантически осмысляет территорию, что находит свое отражение в топонимике, местном фольклоре, легендах, символике, исторических повествованиях и т. п. Они формируют структурно-семантическое образование (локальный текст) ландшафта, состоящее из множества семиотических систем и знаков, которые в свою очередь являются «хранителями» информации (О. А. Лавренова, В. В. Абашев) [1; 8].

Герменевтическое направление исследования культурного пространства получило свое развитие в авторских подходах, которые исходят из того, что культурный ландшафт представляет собой бесконечное число интерпретаций («локальный миф», по И. И. Митину [9]) и смыслов, запечатленных в географических образах («пространственный миф», по Д. Н. Замятину [4]). Их трактовка зависит от наблюдательной пози-

ции воспринимающего природный ландшафт – либо изнутри, либо извне ландшафта. Рассмотрение территории с позиций «мифологии места» дает возможность наполнить уникальным содержанием мероприятия культуроохранного направления СКД, так как локально-мифологические образы, запечатленные в природном ландшафте, наполняют образно-географическое пространство нарративом, который характерен исключительно для данной местности. Легенды, сказки, фольклор выстраиваются вокруг универсальных архетипов, которые приобретают новое звучание в зависимости от природного ландшафта и его географических доминант, в условиях которого они слагались (например, феномен «бажовской уральской мифологии»).

Герменевтический подход, наравне с этнолого-географическим, реализующийся в культуроохранных технологиях СКД способен не только актуализировать в современной общественной ситуации историко-культурное наследие, но и сформировать культурную идентичность региона через включение в общую канву мероприятий живописных полотен художников, литературных и музыкальных произведений писателей, поэтов и музыкантов, которые писали в данной местности и чье творчество неразрывно связано с окружающей их природой, а также мифов и легенд коренных народов, значительное время населяющих эту территорию. Именно в литературе, живописи, музыке и мифологии находит отражение так называемый *genius loci*, в свою очередь, искусство и мифология создают уникальный «текст места» через образное осмысление окружающей реальности и природного ландшафта.

В рамках этнолого-географического подхода сохраняются и возрождаются народные традиции и ремесла, обрядовая и праздничная культура, воссоздается быт и традиционное природопользование коренных народов. Следует отметить, что широкомасштабную деятельность в этом направлении осуществляют архитектурно-этнографические музеи, которые наряду с музеефикацией ландшафтов, исторической среды и памятников зодчества проводят различные культурно-досуговые мероприятия – народные гуляния, фольклорные праздники, концерты-экскурсии, квест-экскурсии, выставки, этниче-

ские и музыкальные фестивали, фестивали исторической реконструкции и др. Все эти формы СКД призваны актуализировать интерес посетителей к историко-культурному наследию, что возможно сделать только через активное вовлечение посетителей музея в культурно-досуговые программы и мероприятия.

Информационно-аксиологический подход дает возможность рассматривать территорию как место исторических событий и жизни выдающихся исторических деятелей (искусства, культуры и т. п.). Наиболее полно данный подход реализуют в своей практике специалисты мемориальных, театральных, музыкальных, литературных и краеведческих музеев, которые через свою научную и культурно-образовательную деятельность «рассказывают» посетителям о знаковых фигурах и исторических событиях региона.

Таким образом, междисциплинарные культурологические основания и исследования культурного ландшафта призваны актуализировать историко-культурный и историко-географический тексты региона через реализацию различных типов культуроохранных и социально-культурных практик. Социально-культурная деятельность здесь выступает как один из механизмов формирования региональной и культурной идентичности территории (рис. 1).

На протяжении всей истории активность человека в сферах духовной жизни формировала культурный ландшафт: духовные ценности выкристаллизовывались в материальном измерении, визуализировались и закреплялись в артефактах культуры. Человек здесь выступал и в роли творца культуры, и, одновременно, являлся ее производным.

Рисунок 1. Трансляция историко-культурного наследия в рамках ландшафтного подхода социально-культурной деятельности

Исследование сущности культуроохранных технологий с позиций концепции культурного ландшафта способно обогатить теорию и практику реализации социально-культурных технологий, связанных с сохранением, возрождением и практическим освоением «лучших образцов историко-культурных традиций региона, преобразовывая их репродуктивную доминанту в креативную, создающую, способную активно воздействовать на всестороннее развитие современного общества» [2]. В данном контексте основной задачей культуроохранных технологий социально-культурной

деятельности является трансляция материальных и духовных ценностей культуры, закрепленных в культурном ландшафте, через создание многообразных проектов и программ, проведение массовых информационно-просветительных, социально-педагогических, образовательных, художественно-зрелищных мероприятий среди населения, преследующих своей целью развития у людей чувства сопричастности к истории региона (и государства в целом), помогающих осознанию и пониманию его национально-культурной самобытности.

Литература

1. Абашев В. В. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2008. – 496 с.
2. Ариарский М. А. Прикладная культурология. – СПб.: Санкт-Петербург. гос. ун-т культуры и искусств, 2001. – 561 с.
3. Веденин Ю. А. Культурно-ландшафтное районирование России – ориентир культурной политики // Ориентир культурной политики. – М.: М-во культуры РФ, ГИВИЦ МК РФ, 1997. – Вып 2. – С. 3–99.
4. Замятин Д. Н. Моделирование образов историко-культурной территории: методолог. и теорет. подходы. – М.: Ин-т Наследия, 2008. – 760 с.
5. Каганский В. Л. Ландшафт и культура // Общественные науки и современность. – 1997. – № 1. – С. 134–145.
6. Калуцков В. Н. Представления о культурном ландшафте: от профессионального до мировоззренческого // Вестн. Москов. ун-та. Сер. 5. География. – 2000. – № 4. – С. 3–6.
7. Киселева Т. Г., Красильников Ю. Д. Социально-культурная деятельность. – М.: МГУКИ, 2004. – 135 с.
8. Лавренова О. А. Стратегии «прочтения» текста культурного ландшафта // Эпистемология & философия науки. – 2009. – Т. XXII, № 4. – С. 123–124.
9. Митин И. И. Мифогеография: ландшафт как миф // Тоталогічні образи ландшафту: Мат-ли VI Міжнар. наук.-методол. конф. «Філософія і географія. Проблеми постнекласичних методологій в природничо-географічних науках». – Киев: ДАКККиМ, 2006. – Вип. 3. – С. 29–32.
10. Руководство по выполнению Конвенции об охране всемирного наследия: [Электронный ресурс]. – URL: <http://whc.unesco.org/archive/opguide-rus.pdf> (дата обращения: 29.11.2019).
11. Туровский Р. Ф. Культурная география: теоретические основания и пути развития // Культурная география. – М.: Ин-т Наследия, 2001. – С. 10–94.
12. Тюленева Н. И. Концепция «культурного ландшафта» в применении к горнозаводской цивилизации Урала: дис. ... канд. культурологии: 24.00.01. – Пермь, 2015. – 182 с.
13. Шульгин П. М. Историко-культурное наследие как особый ресурс региона и фактор его социально-экономического развития // Мир России. Социология. Этнология. – 2004. – № 2. – С. 115–133.

References

1. Abashev V.V. *Perm kak tekst. Perm v russkoy kul'ture i literature XX veka* [Perm as a text. Perm in Russian culture and literature of the twentieth century]. Perm, Perm University Publ., 2008. 496 p. (In Russ.).
2. Ariarskiy M.A. *Prikladnaya kul'turologiya* [Applied Culturology]. St. Petersburg, St. Petersburg State University of Culture and Arts Publ., 2001. 561 p. (In Russ.).
3. Vedenin Yu.A. Kul'turno-landshaftnoe rayonirovanie Rossii – orientir kul'turnoy politiki [Cultural-landscape zoning of Russia – a guide for cultural policy]. *Orientiry kul'turnoy politiki* [Guidelines for cultural policy]. Moscow, Ministerstvo kul'tury RF, GIVTS MK RF Publ., 1997, iss. 2, pp. 3-99. (In Russ.).

4. Zamyatin D.N. *Modelirovanie obrazov istoriko-kul'turnoy territorii: metodologicheskie i teoreticheskie podkhody* [Modeling of images of historical and cultural territory: methodological and theoretical approaches]. Moscow, Institut Naslediya Publ., 2008. 760 p. (In Russ.).
5. Kaganskiy V.L. Landshaft i kul'tura [Landscape and Culture]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and the Present], 1997, no. 1, pp. 134-145. (In Russ.).
6. Kalutskov V.N. Predstavleniya o kul'turnom landshafte: ot professional'nogo do mirovozzrencheskogo [Perceptions of the cultural landscape: from professional to philosophical]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 5. Geografiya* [Herald of the Moscow University. Series 5. Geography], 2000, no. 4, pp. 3-6. (In Russ.).
7. Kiseleva T.G., Krasilnikov Yu.D. *Sotsial'no-kul'turnaya deyatel'nost'* [Socio-cultural activity]. Moscow, MGUKI Publ., 2004. 135 p. (In Russ.).
8. Lavrenova O.A. Strategii "prochteniya" teksta kul'turnogo landshafta [Strategies for "reading" the text of the cultural landscape]. *Epistemologiya & filosofiya nauki* [Epistemology & Philosophy of Science], 2009, vol. XXII, no. 4, pp. 123-124. (In Russ.).
9. Mitin I.I. Mifogeografiya: landshaft kak mif [Mythogeography: landscape as a myth]. *Totalogichni obrazi landshaftu: Mat-li VI Mizhnar. Nauk.-metodologichnoi konf. "Filosofiya i geografiya. Problemi postneklasichnikh metodologiy v prirodniche-geografichnikh naukakh"* [Total images of the landscape: Mat. VI Mizhnar. Science.-methodological Conf. "Philosophy and geography. Problems of postclassical methodologies in natural sciences"]. Kiev, DAKKKiM Publ., 2006, iss. 3, pp. 29-32. (In Russ.).
10. *Rukovodstvo po vypolneniyu Konventsii ob okhrane vseмирного naslediya* [Guidelines for the implementation of the World Heritage Convention]. (In Russ.). Available at: <http://whc.unesco.org/archive/opguide-rus.pdf> (accessed 29.11.2019).
11. Turovskiy R.F. Kul'turnaya geografiya: teoreticheskie osnovaniya i puti razvitiya [Cultural geography: theoretical foundations and development paths]. *Kul'turnaya geografiya* [Cultural geography]. Moscow, Institut Naslediya Publ., 2001, pp. 10-94. (In Russ.).
12. Tyuleneva N.I. *Kontsepsiya "kul'turnogo landshafta" v primenenii k gornozavodskoy tsivilizatsii Urala: dis. ... kand. kul'turologii: 24.00.01* [The concept of "cultural landscape" as applied to the mining civilization of the Urals. Diss. PhD in Culturology: 24.00.01]. Perm, 2015. 182 p. (In Russ.).
13. Shulgin P.M. Istoriko-kul'turnoe nasledie kak osoby resurs regiona i faktor ego sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya [Historical and cultural heritage as a special resource of the region and the factor of its socio-economic development]. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya* [World of Russia. Sociology. Ethnology], 2004, no. 2, pp. 115-133. (In Russ.).

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ ART HISTORY

УДК 781.01

ИССЛЕДОВАНИЕ АНАЛИТИЧЕСКОГО СЛУХА В СТРУКТУРЕ МУЗЫКАЛЬНОЙ ОДАРЕННОСТИ

Кирнарская Дина Константиновна, доктор искусствоведения, доктор психологических наук, профессор, проректор по связям с общественностью, Российская академия музыки имени Гнесиных (г. Москва, РФ). E-mail: kirnarskiy@gmail.com

Рассмотрение проблемы основывается на анализе многообразных данных, посвящённых описанию исследования аналитического слуха в структуре музыкальной одаренности. Описываются естественные возможности проверки аналитического слуха, которые совершаются в действительности, в живом процессе музыкального восприятия, то есть проверки аналитического слуха, включающей в себя определение степени тождества и контраста ранее услышанного с звучащим теперь: с одной стороны, «тот же или другой» – наиболее распространенный вопрос во всех тестах на музыкальные способности со времен К. Сишора; с другой стороны, тесты, построенные на искусственных музыкальных стимулах и не включенные в контекст музыкальной деятельности. В статье представляется диагностическое задание, которое построено на сравнении относительно законченных фрагментов музыкальных произведений: определяются параметры сходства и различия фрагментов друг с другом – по тембру (фортепиано или оркестр), темпу (быстрые и медленные), общему характеру (спокойный, сосредоточенный и бурный, страстный); после звучания четвертого фрагмента испытуемым необходимо сравнивать три предыдущих. Представляются результаты исследования: исследование ретестовой надежности методики в Школе-колледже при РАМ им. Гнесиных; проверка надежности методики методом параллельных форм. Представленные различия между группами обнаружены на высоком уровне статистической значимости: выполнившие задание имеют, статистически значимо, более высокие оценки по сольфеджио, чем не выполнившие задание.

Ключевые слова: аналитический слух, музыкальная одаренность, диагностика.

RESEARCH OF ANALYTICAL HEARING IN THE STRUCTURE OF MUSIC GIFTEDNESS

Kirnarskaya Dina Konstantinovna, Dr of Art History, Dr of Psychological Sciences, Professor, Vice-Rector for Public Relations, Gnessin Russian Academy of Music (Moscow, Russian Federation). E-mail: kirnarskiy@gmail.com

The consideration of the problem is based on the analysis of diverse data devoted to the description of the study of analytical hearing in the structure of musical giftedness. The natural possibilities of testing analytical hearing, which are actually performed in a living process of musical perception, are described, that is, testing of analytical hearing, which includes determining the degree of identity and contrast previously heard with the sound now; on the one hand, “the same or the other” is the most common question in all tests for musical abilities since the time of C. Sishor; on the other hand, the tests built on artificial musical incentives and not included in the context of musical activity. The article presents a diagnostic task, which

is based on a comparison of relatively finished fragments of musical works: various parameters of similarity and differences of fragments with each other are determined – they differ in timbre (piano or orchestra), tempo (fast and slow), general character (calm, focused and stormy, passionate); after the fourth fragment is heard, the subjects must compare the previous three. The research results are presented: a study of the retest reliability of the methodology at the School-College under the Gnesins RAM; checking the reliability of the method using the parallel form method. The presented differences between the groups were found at a high level of statistical significance: those who completed the task have statistically significantly higher solfeggio ratings than those who failed to complete the task.

Keywords: analytical hearing, musical talent, diagnostics.

DOI: 10.317773/2078-1768-2020-50-101-106

Многочисленные исследования диагностики аналитического слуха выявляют отдельные высотно-ритмические элементы, основанные на анализе аккордов, интервалов, мелодических фраз и созвучий. Импровизация и гармонизация мелодических конструкций неестественным способом, определяемые фальшивым интонированием, неточным гармоническим анализом, не имеют значения в развитии данного феномена и являются бесполезным и неэффективным действием. Практические исследования также подтверждают то, что процесс слушания музыки имеет значимое воздействие на развитие аналитического слуха, так как он определяется сравнительным анализом процесса звучания музыкального материала и следствием его восприятия после звучания, степенью сходства и различия, формируя активность слушателя в процессе «вчувствования» композиционного созидания музыкального материала и в участии его исполнения. Слушатель имеет определенный опыт для проведения сравнения, сопоставления, нахождения сходства и различий воспринимаемого музыкального произведения – вот почему главными параметрами строительства музыкальной формы Б. В. Асафьев [2] назвал всего лишь два – тождество и контраст. М. Г. Арановский [1] обозначил лишь три возможности, существующие в музыке для построения последующего (мотива, темы, фразы, части формы) по отношению к предыдущему: тождество (тот же), вариант (похожий) и альтерант (другой).

Естественность диагностики аналитического слуха опирается на восприятие музыкального материала, определенного сходством и различием, тождеством и контрастом, формирующимся на предшествующем опыте и анализируемом в

настоящем воспринимаемом слуховом процессе. Данную процедуру диагностического анализа, основанную на контрастном музыкальном материале, использовали в исследовании музыкальных способностей еще со времен К. Сишора; однако, все эти тесты построены на искусственных музыкальных стимулах и не включены в контекст музыкальной деятельности. В настоящем исследовании ставится задача – установить эффективность диагностического материала для выявления уровня развития аналитического слуха в естественной музыкальной деятельности, определяемой активностью слушателя в процессе сравнения представленного измененного музыкального материала с оригинальными сочинениями, трансформированными тематическими элементами, сопоставляемыми с распознаваемыми известными ему аналитическими структурами: если бы слушатель не мог это сделать, не существовало бы феномена музыкального развития в музыкальном искусстве.

В процессе диагностического исследования испытуемые, обладающие высокими показателями аналитического слуха, анализируют процесс музыкального развития, акцентируя внимание на лучших тематических материалах, игнорируя посредственные отрывки музыкального восприятия. Если в процессе исследования будут встречаться элементы, которые не обладают столь высоким эталоном звучания, то тогда возникнет проблема в сравнительном анализе, затрудняющая процесс восприятия данного материала: в этом процессе большое значение будет играть память, способствующая сравнению и анализу элементов музыкально-интонационного процесса разного уровня и масштаба с другими подобными

элементами, способными выявлять измененные музыкальные структуры на подобные, являющаяся своеобразным фундаментом аналитического слуха. Чтобы определить в процессе диагностики уровень аналитического слуха, проявляющегося в процессе музыкального восприятия, была разработана специальная диагностическая методика. Она позволяет выявить в естественных условиях на реальном музыкальном материале способность анализировать и сравнивать тематический материал, основанный на аналитической форме произведения, с выбранными тематическими эталонами, то есть с представленными индивидуальными высотно-ритмическими отношениями выбранных произведений.

Диагностическое задание было построено на сравнении относительно законченных фрагментов музыкальных произведений [3; 4; 6]. В процессе исследования были выделены параметры, определяющие контраст и тождество различных музыкальных фрагментов: по тембру (фортепиано или оркестр), темпу (быстрые и медленные), общему характеру (спокойный, сосредоточенный и бурный, страстный). На основании исследовательского материала было представлено три фрагмента, принадлежащие европейской классической музыке, классико-романтического стиля. После представления последовательностей из трех произведений слушателям необходимо было сравнить прозвучавший тематический материал с вновь озвученным измененным четвертым фрагментом. Вопрос формулировался следующим образом: «Прослушайте три музыкальных фрагмента. После паузы вслед за ними прозвучит еще один, четвертый музыкальный фрагмент. Какой из первых трех фрагментов он Вам напоминает?» [3, с. 143]. Испытуемым необходимо было самостоятельно выбрать верный вариант ответа в процессе сравнения запомнившихся прослушанных трех фрагментов, звучавших ранее, с измененным четвертым фрагментом.

Хорошо знакомые тематические материалы из трех фрагментов слушатели быстро узнавали в процессе сравнения с измененным четвертым фрагментом. В качестве первого фрагмента слушателям представлялась экспозиция первой части соль-минорной симфонии Моцарта, звучащей под управлением Артуро Тосканини. «Лунная соната» Бетховена в исполнении Эмиля Гиллельса озвучивалась второй в течение двух минут.

В исполнении Маурицио Поллини звучал третий эталонный двухминутный фрагмент этюда Шопена № 12 («Революционный»). Равнозначность времени звучания фрагментов нужна для естественного восприятия одного фрагмента за другим, чтобы исключить загруженность и утомляемость слушателя.

В процессе диагностического исследования испытуемым предлагалось неожиданное задание, своего рода музыкальный сюрприз, в определении которого слушатели могли активно участвовать и анализировать представленный фрагмент на основе психологического воздействия материала. Искаженный фрагмент отличался особым звучанием, определяющим главные интонационные основы, в сравнении с оригинальным музыкальным текстом из трех фрагментов, звучавших ранее. Данный фрагмент был интонационно сходен с «Лунной» сонатой Бетховена. Эта искаженная версия представляла собой трансформацию произведения Бетховена, но нотный текст не был изменен. Компьютерная аранжировка прозвучала в четыре раза быстрее оригинального медленного темпа первой части сонаты № 14 Бетховена. Данное музыкальное оформление было представлено с помощью компьютера в музыкальном редакторе WAVE. Исполнение, подвергнутое искажению, было взято из банка музыкальных инструментов программы Gravis Ultra Sound Max. Полученный искаженный материал (четвертый фрагмент) – произведение Бетховена в необычном звуковом воплощении – имел черты сходства со звучавшим ранее произведением. Оригинальный материал сонаты с измененной версией сближало только наличие нотного текста – усложненный вариант аналитической формы сохранил звуковысотные и ритмические отношения, но изменились темповые, тембральные, артикуляционные, динамические характеристики.

Новый, измененный вариант сонаты № 14 Л. Бетховена производил удручающее впечатление на слушателей: из-за механического звучания он отличался напором энергетического воздействия. Оставшиеся без изменения высотно-ритмические координаты произведения позволили слушателям активизировать уникальные свойства своего аналитического слуха и определить сходство оригинала и измененного варианта-двойника. Таким образом, четвертый вариант, представлявший искаженную версию сонаты

№ 14, – это копия подлинного варианта произведения. Определить элементы сходства двух фрагментов испытуемые должны были не на основе полного подобию высотно-ритмической структуры, а на основе других параметров звучания.

Если сравнить три представленных фрагмента с четвертым, измененным, то можно отметить, что фрагмент мягкого звучания симфонии Моцарта был близок с тембральной окраской оркестра с превалирующим исполнением струнно-смычковых инструментов. Исполнительские параметры звучания – штрихи, артикуляция, динамика – здесь мало совпадали, равно как и средства аналитической формы – высотно-ритмическая структура всех тем соль-минорной симфонии ни в какой степени не напоминает аналитическую форму «Лунной» сонаты. Однако тембровое сходство как первичный идентификационный признак часто оказывает решающее влияние на выполнение идентификационных заданий в музыке, поэтому предпочтение тембра всем остальным аспектам сходства у ряда слушателей можно было ожидать и на этот раз: соль-минорная симфония в контексте этого эксперимента провоцировала тех, для кого тембровый аспект звучания представляется наиболее важным.

В этюде Ф. Шопена № 12 слушатели могли обнаружить сходство с сонатой по другим параметрам: тембральная окраска звучания фортепиано и искаженного варианта сонаты в высотно-ритмическом изложении материала имела различия. Сходство можно было обнаружить в жанровых характеристиках: измененный вариант сонаты в темповом, в фигурационном исполнении с восклицательными интонациями был приближен к звучанию этюда. Таким образом, диагностика исследования аналитического слуха предполагает три варианта ответа для сравнения сходства с четвертым примером: в процессе прослушивания испытуемые должны ориентироваться на тембр, на жанровые признаки или же на высотно-ритмические структуры. В процессе исследования выбранный измененный вариант сонаты в качестве верного ответа определял то, что «аналитическая форма произведения как индивидуальная комбинация музыкально-языковых элементов вполне осознана испытуемым, если он может “извлечь” ее из целостного звукового потока даже в столь трудных условиях, когда искажены темп и тембр – самые простые и убе-

дительные аспекты звучания, которые обычно схватываются в первую очередь» [3, с. 145]. В процессе экспериментального исследования был сделан вывод о том, что «достаточно подготовленный образованный слушатель способен дифференцировать транслируемую исполнителем информацию на собственно авторскую, исходную (заложенную композитором в виде звуковой картины с зашифрованными духовными значениями) и исполнительскую (актуализирующуюся в момент рождения художественной интерпретации авторской звуковой формы)» [7, с. 23].

В процессе экспериментального исследования ставился вопрос о надежности диагностической методики. Так, первоначальные вопросы связаны с известностью определенной в качестве экспериментального материала сонаты № 14 Л. Бетховена, являющейся в классическом направлении мировым «суперхитом». Так же как и другие фрагменты, включенные в этот эксперимент, соната № 14 избиралась для того, чтобы музыкальная память была минимально задействована в исследовании – отсутствие сходства материала могло привести к искажению эксперимента («причиной неудачи в эксперименте мог бы быть не недостаточный аналитический слух как таковой, а недостаточная музыкальная память, что по общему признанию психологов и педагогов, не тождественные понятия» [3, с. 146]).

Дополнительное исследование ретестовой надежности методики проводилось в Школе-колледже при РАМ им. Гнесиных (учащимися сектора педагогической практики) г. Москвы с учениками 6-го класса 13–14 лет (30 человек). В исследовании принимали участие три группы на уроках сольфеджио, распределенные по 8, 10 и 12 человек в группе. Исследование имело констатирующий этап в октябре 1993/94 учебного года и формирующий этап в апреле того же учебного года. Длительный временной промежуток был взят с целью эффективности проведения процедуры эксперимента: чтобы испытуемые не могли вспомнить свои прежние ответы. Результаты констатирующего и формирующего этапов эксперимента совпали полностью – между ответами реципиентов в первый и второй раз расхождений не наблюдалось. Существенным оказалось то, что, несмотря на знание всеми учащимися оригинального варианта сонаты № 14 Л. Бетховена – каждый ученик музыкальной школы во время

обучения знакомится с данным произведением, – «треть участников эксперимента (10 человек из 30) не узнали “Лунную” сонату в ее искаженном виде и потому выбрали в качестве наиболее на нее похожего или симфонию Моцарта, или “Революционный этюд” (4 человека выбрали Моцарта, 6 человек – “Революционный” этюд), и когда потом им сообщили правильный ответ, они бурно выражали свою реакцию подпрыгивая, стучая себя по лбу и разводя руками» [3, с. 146].

Вторая проверка надежности методики проводилась методом параллельных форм: испытуемым предлагалось проверочное тестовое задание, составленное на подобных музыкальных отрывках. В основе данных заданий был сохранен основной принцип выбора произведений – их популярность: «в качестве первого фрагмента прозвучало начало органной токкаты ре минор Баха, в качестве второго фрагмента – “Турецкий марш” Моцарта, а в качестве третьего – похоронный марш из си-бемоль-минорной сонаты Шопена. Четвертый, экспериментально искаженный фрагмент представлял собой “Турецкий марш” Моцарта, замедленный в несколько раз и аранжированный компьютерным способом на электрооргане. В итоге он в жанровом отношении превратился в некое подобие похоронного марша» [3, с. 147].

Исследование проводилось на группе, которая не занималась музыкальной деятельностью. Возрастная характеристика данной группы немusикантов-взрослых – старше 30 лет. Данной группе и предлагалось выполнить два варианта заданий: сначала исходное задание, а через не-

делю – проверочное тестовое задание. На основе наблюдений в процессе экспериментального исследования были сделаны следующие выводы: «все испытуемые, участвовавшие в проверочной диагностике, подтвердили результаты выполнения исходного задания – они выбрали в качестве идентифицирующих те же признаки, что и раньше: те, кто в первом исследовании выбрали симфонию Моцарта, во второй раз подчеркнули Токкату Баха (среди них были, например, инженер-программист Б., кандидат психологических наук, филолог по первому образованию С.); те, кто выбирали раньше “Революционный” этюд, во второй раз выбрали похоронный марш (среди таких, например, актриса, преподаватель техники речи Б. и живописец Л.). Аналогичным образом те, кто выделил в прошлый раз аналитическую форму в качестве фактора идентификации, поступили так же и повторно, услышав идентичность оригинальной и искаженной версий “Турецкого марша” Моцарта» [3, с. 147–148].

Таким образом, в процессе экспериментального исследования были получены достоверно значимые результаты, которые подтверждают эффективность диагностической методики исследования аналитического слуха. Можно также отметить, что данное исследование тождественно с результатами Х. Винга [8], который предлагал в своей экспериментальной работе реципиентам для прослушивания подлинные и «искаженные» хоралы Баха, – опираясь на музыкальный опыт, испытуемые с легкостью смогли выполнить данные задания.

Литература

1. Арановский М. Музыкальный текст: структура и свойства. – М.: Композитор, 1998. – 344 с.
2. Асафьев Б. Ф. Музыкальная форма как процесс. – Л.: Музгиз, 1963. – 379 с.
3. Кирнарская Д. К. Психология специальных способностей. Музыкальные способности. – М.: Таланты-XXI век, 2004. – 496 с.
4. Кирнарская Д. К. Теоретические основы и методы оценки музыкальной одаренности: дис. ... д-ра психол. наук. – М., 2006. – 373 с.
5. Купер К. Индивидуальные различия. – М.: Аспект-Пресс, 2000. – 752 с.
6. Лосева С. Н. Психология музыкальной одаренности. – М.: Университетская книга, 2017. – 88 с.
7. Якупов А. Н. Музыкальная коммуникация: автореф. дис. ... д-ра искусств. – М., 1995. – 50 с.
8. Wing H. D. Tests of musical ability and appreciation. – 2nd edit. // British Journal of Psychological Monographs Supplement. – 1968. – № 27 (1st edit. 1948).

References

1. Aranovskiy M. *Muzykal'nyy tekst: struktura i svoystva [Musical text: structure and properties]*. Moscow, Kompozitor Publ., 1998. 344 p. (In Russ.).
2. Asafyev B.F. *Muzykal'naya forma kak protsess [Musical form as a process]*. Leningrad, Muzgiz Publ., 1963. 379 p. (In Russ.).

3. Kirnarskaya D.K. *Psikhologiya spetsial'nykh sposobnostey. Muzykal'nye sposobnosti [Psychology of special abilities. Musical abilities]*. Moscow, Talents XXI century Publ., 2004. 496 p. (In Russ.).
4. Kirnarskaya D.K. *Teoreticheskie osnovy i metody otsenki muzykal'noy odarennosti: dis. ... d-ra psikholog. nauk [Theoretical foundations and methods for assessing musical giftedness. Diss. Dr of Psychological of Sciences]*. Moscow, 2006. 373 p. (In Russ.).
5. Kuper K. *Individual'nye razlichiya [Individual differences]*. Moscow, Aspekt-Press Publ., 2000. 752 p. (In Russ.).
6. Loseva S.N. *Psikhologiya muzykal'noy odarennosti [Psychology of musical giftedness]*. Moscow, Universitetskaya kniga Publ., 2017. 88 p. (In Russ.).
7. Yakupov A.N. *Muzykal'naya kommunikatsiya: avtoref. dis. ... d-ra iskusstvovedeniya [Musical communication. Author's abstract of Diss. Dr of Art History]*. Moscow, 1995. 50 p. (In Russ.).
8. Wing H.D. Tests of musical ability and appreciation, 2nd edit. *British Journal of Psychological Monographs Supplement*, 1968, no. 27 (1st edit. 1948). (In Engl.).

УДК 781.01

ИССЛЕДОВАНИЕ ИНТОНАЦИОННОГО СЛУХА В СТРУКТУРЕ МУЗЫКАЛЬНОЙ ОДАРЕННОСТИ

Ки́рна́рская Дина Константи́новна, доктор искусствоведения, доктор психологических наук, профессор, проректор по связям с общественностью, Российская академия музыки имени Гнесиных (г. Москва, РФ). E-mail: kirnarskiy@gmail.com

Рассмотрение проблемы основывается на анализе многообразных данных научного исследования интонационного слуха в структуре музыкальной одаренности. Для диагностики представлены шесть совершенно разнородных произведений, принадлежащих не только разным музыкальным эпохам, стилям и жанрам, но даже разным видам музыки: часть из них принадлежит классической музыке, другие же относятся к музыке эстрадной, джазовой и народной. В основе методики диагностики (теста) заложены три пары; каждая пара принадлежит одному из коммуникативных архетипов. Первая пара относится к архетипу призыва: в качестве первого фрагмента предлагается Антракт к Третьему действию из оперы «Лоэнгрин» Вагнера; в качестве пары архетипа призыва включена одна из самых известных песен из репертуара Эдит Пиаф – «Non, je ne regret du rien» («Нет, я ни о чем не жалею»). Вторая пара фрагментов заложена в диагностический ряд на основании коммуникативного архетипа прошения: первый фрагмент взят из первой части сонаты Сезара Франка для скрипки и фортепиано; второй член «пары прошения» взят из совершенно другого жанрового ряда – джазовое произведение «Petite fleur». Третья пара принадлежит коммуникативному архетипу игры: первый фрагмент представляет собой сонату Д. Скарлатти f-moll; второй фрагмент из этой пары – русская народная песня «Возле речки шла». Представляется оценка результатов диагностики испытуемых.

Ключевые слова: интонационный слух, музыкальная одаренность, диагностика.

RESEARCH OF INTONATIONAL HEARING IN THE STRUCTURE OF MUSIC GIFTEDNESS

Kirnarskaya Dina Konstantinovna, Dr of Art History, Dr of Psychological Sciences, Professor, Vice-Rector for Public Relations, Gnessin Russian Academy of Music (Moscow, Russian Federation). E-mail: kirnarskiy@gmail.com

The consideration of the problem is based on the analysis of diverse data devoted to the description of the scientific knowledge of the study of intonational hearing in the structure of musical giftedness. Six completely heterogeneous works are presented for diagnosis, belonging not only to different musical eras, styles and

genres, but even to different types of music: some of them belong to classical music, while others relate to pop, jazz and folk music. The diagnostic technique (test) is based on three pairs; each pair belonged to one of the communicative archetypes. The first pair refers to the archetype of the call: as the first fragment, Antractus is proposed for the Third Act from Wagner's opera Lohengrin; one of the most famous songs from Edith Piaf's repertoire - "Non, je ne regret du rien" ("No, I do not regret anything") is included as a pair of the archetype of the appeal. The second pair of fragments is included in the diagnostic series based on the communicative archetype of petition: the first fragment is taken from the first part of Cesar Franck's sonata for violin and piano; the second member of the "couple of petition" is taken from a completely different genre series - jazz piece "Retite fleur". The third pair belongs to the communicative archetype of the game: the first fragment is a D. Scarlatti f-moll sonata; the second fragment from this pair is the Russian folk song "Near the River Walked." An assessment of the diagnostic results of the subjects is presented.

Keywords: intonation hearing, musical talent, diagnostics.

DOI: 10.31773/2078-1768-2020-50-106-110

В процессе экспериментального исследования ставилась цель – выявить высокий уровень сформированности интонационного слуха, не через определение слушателем эмоционального исполнения произведения одним или несколькими музыкантами, а с помощью выполнения задания, основанного на распознавании различных коммуникативных архетипов – «интермодальных конструкторов, кодирующих смысл обращенного к слушателю музыкального послания» [4, с. 157]. Диагностика предполагала выявить процессы, основанные на восприятии музыкального материала, раскрывающие содержательные категории, фундаментом которого они являются. Такой вариант исследований часто используется учеными: подбор определенного материала способствует выявлению тех или иных исследуемых качеств, необходимых в эксперименте [1; 2; 8]. Данное направление связано как с концепцией способностей С. Л. Рубинштейна – «(в предлагаемой методике обнаруживалось “качество процессов анализа и синтеза” и “генерализации отношений” на музыкальном материале), так и со сложившейся практикой тестирования музыкальных способностей – многие упражнения, за исключением самостоятельного пения, являются по существу контролем уровня дифференцированности восприятия (анализа) музыкально-языковых элементов» [4, с. 157]. Акцент на восприятии данного экспериментального материала в диагностике ставится также в работах В. А. Крутецкого [5] отмечающего, что «решающей в диагностике математических способностей была оценка качества восприятия испытуемым условий задач, его

способности обобщить эти условия, найти общий абстрактно-логический алгоритм в рамках, по видимости, разных заданий» (цит. по [4, с. 157]).

В музыкальной области сфера восприятия имеет свои особенности сходства и различия: распределение музыкальных фрагментов взаимосвязано с различными признаками определения лада, тембра, темпа, жанра, фактуры и других средств музыкальной выразительности [6; 7]. В нашем исследовании предполагалось найти необходимые механизмы музыкального восприятия на основе коммуникативных архетипов, способствующих представить первоначальный уровень осмысления целостности музыкального произведения. В процессе исследования предполагалось, что если данный материал будет определен испытуемыми в процессе логического заключения, то возможно будет считать коммуникативные архетипы «формами первичного интонационно-содержательного обобщения в музыкальном восприятии – обобщения, свидетельствующего о наличии у испытуемого развитого интонационного слуха» [4, с. 158].

В процессе экспериментального исследования испытуемым предлагалось прослушать шесть разнородных произведений, принадлежащих разным эпохам, стилям и жанрам, различным видам музыкальных направлений: частично музыка была представлена классическим направлением, частично – эстрадной музыкой, джазовой или народной [3; 4]. Методические рекомендации в выполнении задания были следующими: «Прослушайте шесть музыкальных фрагментов. Найдите для каждого фрагмента наиболее близкую музы-

кальную пару. При составлении пар каждый фрагмент можно использовать только один раз. Чтобы Вам было легче ориентироваться в этих фрагментах, можете делать записи, рисунки, любые пометки в графах, нарисованных ниже» [4, с. 159]. В дальнейшем испытуемым еще раз подробно излагалось условие задания, говорилось о том, что в процессе слушания музыкальных фрагментов необходимо определить три пары из шести представленных фрагментов. Таким образом, данные пары должны включать музыкальный материал, подобный по характеру и образному содержанию, а «название “музыкальный пасьянс”, которое стояло в подзаголовке эксперимента, указывало на то, что каждый фрагмент можно использовать лишь один раз, то есть ни один фрагмент не может быть членом двух или всех трех пар» [4, с. 159].

В диагностической методике предполагалось, что определенные пары музыкальных фрагментов должны принадлежать какому-то одному из коммуникативных архетипов. Общее количество коммуникативных архетипов – четыре, но в экспериментальном исследовании испытуемым предлагается для анализа только три (коммуникативные архетипы призыва, прошения, игры), так как, если использовать все архетипы, в исследовании будет представлено восемь фрагментов, что затруднит процесс восприятия из-за перегруженности информацией и объема представленного материала. Таким образом, чтобы сохранить содержательность теста и увеличить эффективность восприятия музыкальных фрагментов, в диагностической методике используется только три коммуникативных архетипа (коммуникативные архетипы призыва, прошения, игры) и соответственно шесть фрагментов, из которых предлагалось составить три пары из четырех возможных. Интонационный признак определялся содержанием фрагментов, отражающих контрастное содержание коммуникативных архетипов. Также диагностическая методика требует наличия сходства между компонентами каждой пары музыкальных фрагментов, указывающего их единство.

В диагностическую методику в качестве первого фрагмента первой пары был включен Антракт к Третьему действию из оперы Вагнера «Лоэнгрин». Данный фрагмент был отнесен к архетипу призыва, так как пышность, помпезность, с акцентированными ударными и триумфальным соло тромбона, отражают данный коммуникативный архетип и поражают своей грандиозностью,

воодушевленностью и активной энергетикой действия. Было отмечено, что «принадлежность этой музыки к архетипу призыва совершенно очевидна: коммуникативное намерение автора по отношению к слушателю очень типично для данного архетипа – поразить грандиозностью, воодушевить, заразить действенной энергией. Рыцарский, победный характер музыки с взвихренной фактурой, с чеканным мелодическим контуром легко ассоциируется с типичным для архетипа призыва пространственным образом большого простора, открытого всем ветрам величественного и необъятного мира» [4, с. 160].

Парой для Антракта к Третьему действию из оперы Вагнера «Лоэнгрин» для коммуникативного архетипа призыва была выбрана одна из самых известных песен из репертуара Эдит Пиаф – «Non, je ne regret du rien» («Нет, я ни о чем не жалею»). Определяемая волевым, утвердительным характером с телесно-моторными ощущениями, песня характеризуется яркой мелодической линией с протоинтонацией призыва, с мужественным и волевым напором. Кроме представленного сходства, в этой паре фрагментов также присутствует контрастность, которая не взаимосвязана с коммуникативными архетипами. Данная пара произведений относится к разным жанрам, близких сферой образов, но различающихся по видам музыки. Фрагмент произведения Вагнера относится к инструментальной музыке, написанной для симфонического оркестра (оперно-симфоническая музыка). Второй фрагмент связан с популярной музыкой – эстрадной песней. Для испытуемых неопределенность в выявлении музыкального фрагмента вызывал первый фрагмент – отрывок вагнеровской музыки, исполняемой симфоническим оркестром. В своих ответах они помечали данный фрагмент как симфонию. Вокальный жанр современной музыки – песни – воспринимался слушателями легко и быстро. Данный музыкальный отрывок они соотносили в своих работах с фамилией исполнительницы – Пиаф или указывали название песни. В процессе проведения эксперимента испытуемые отмечали, что «различие этих двух фрагментов относилось не только к социальному статусу музыки, но и к характеру звучания как таковому – эстрадный оркестр и характерный тембр женского голоса в эстрадной манере имеют мало общего с звучанием классического симфонического оркестра» [4, с. 161].

На основе коммуникативного архетипа прошения была сформирована вторая пара музыкальных фрагментов для диагностики интонационного слуха. Первая часть сонаты С. Франка, являющаяся романтическим воплощением плавных ниспадающих фраз, определяющих лирический тип элегии, была взята первым фрагментом. Коммуникативный архетип прошения с телесно-моторным переживанием музыки содержит элементы поклона и вдоха, складывающиеся из мягких, закругленных характеристик, определяемых оттенками слабой усталости. Присутствующая диалогичность взаимосвязана с романтическими признаниями, модулирующими тембровыми интонациями диалога скрипки и фортепиано.

Второе произведение из коммуникативного архетипа прошения имеет иные жанровые особенности. Джазовое произведение «Petite fleur», написанное в жанре медленного фокстрота и характеризующееся ниспадающими протоинтонациями, меланхолическими усталыми жестами коммуникативного архетипа прошения, исполняется на саксофоне. При сравнении этих музыкальных отрывков в данной паре, определяющей коммуникативный архетип прошения, отчетливо проявляются различия в интонационной содержательности.

К коммуникативному архетипу игры была отнесена третья пара музыкальных фрагментов. Первое произведение – соната Д. Скарлатти фа минор – исполняется на клавесине и основана на моторно-танцевальных мотивах. Испытуемые в своих экспериментальных работах фиксировали, что «по характеру звучания эта соната очень однородна, здесь нет, как это иногда бывает в сонатах Скарлатти, элементов театрализации, ролевых “намеков”: четкое, дробное, стучащее движение составляет телесно-моторную основу музыкального образа. Пространственный образ движения рисуется как предельно компактный, собранный, создающий впечатление суетливой тесноты, когда мотивы как будто догоняют друг друга» [4, с. 161].

Второй фрагмент из пары коммуникативного архетипа игры был представлен русской народной песней «Возле речки шла». В данном фрагменте используется мускульно-моторное притопывание, с определяющей протоинтонацией вдалбливания одного звука, с компактной и собранной фигурой. Фрагменты последней группы близки к коммуникативному архетипу игры, но имеют различия

между собой: отличаются не только по жанру, но и относятся к разным музыкальным сферам. Тембр клавесина испытуемые сразу определяли и фиксировали в своих работах как старинный инструмент классической музыки. Противоположные ассоциации вызывала музыка русской народной песни и яркое исполнение русского народного хора с аккомпанементом русских народных инструментов. Таким образом, музыкальные фрагменты третьей пары не похожи в жанровом и интонационном материале, но имеют сходство характеристик, определяющих коммуникативный архетип игры.

Обобщая вышесказанное, можно отметить, что диагностическая методика направлена на выявление параметров звучания эмоционально-содержательной стороны музыкальных фрагментов, определяющих коммуникативные архетипы призыва, прошения, игры и отдельные индивидуальные характеристики воспринимаемой испытуемыми музыки. Многие слушатели определяли представленные фрагменты по тембральному сходству (песня в исполнении Эдит Пиаф и русского народного хора). Характеристики музыкального стиля также влияли на выбор музыкальных пар в процессе прослушивания музыкальных фрагментов (произведения Вагнера и Скарлатти, С. Франка и Скарлатти, контрастные произведения). В процессе экспериментального исследования было сделано следующее заключение: «испытуемые предпочитают иные параметры содержательности, нежели те, которые опираются на интонационный слух. Эти параметры по существу являются умозрительными, отражающими не чувство, не образное восприятие музыки, а некоторое знание о ней, имеющее отдаленное отношение к эмоционально-содержательной ее стороне. Чрезвычайно существенно то, что найти пары по архетипам нельзя было случайно, ориентируясь на самом деле на что-либо другое: между этими парами нет никаких иных параметров сходства. Если, например, ориентироваться на мажор/минор, то архетипические пары найти нельзя – в двух парах из трех один член пары звучит в мажоре, другой – в миноре. Составить пары по коммуникативным архетипам, на самом деле, ориентируясь на темп, было также невозможно, потому что в каждую пару входят разнотемповые фрагменты» [4, с. 163]. Большую сложность в выполнении задания представлял эмоциональ-

но-образный контраст, определяющий сходство между коммуникативными архетипами призыва и игры: «если меланхолический и лиричный архетип прошения было весьма нетрудно отделить от активных архетипов игры и призыва (многие испытуемые именно эту пару успешно выделили), то уловить эмоционально-содержательное различие между лидерским тоном призыва и беззаботно-дружественным тоном игры оказалось весьма нелегко, поскольку параметры сходства между этими архетипами – подвижный темп и общая активность движения – этому различию препятствуют. Здесь испытуемые оказываются в условиях непростого выбора, обнажающего их способность различать нюансы музыкального общения, а не грубые и очевидные его черты. Так диагностическая методика предполагает раскрыть высокое качество интонационного

слуха, если испытуемые ощущают это различие, и весьма среднее его качество, если это различие они не почувствуют» [4, с. 164].

Интерпретация данных экспериментального исследования проводилась на основе группировки музыкальных пар коммуникативных архетипов призыва, прошения, игры. Если в ответах испытуемых фрагменты были указаны в парах коммуникативных архетипов призыва, прошения, игры, то данные ответы засчитывались как правильные. Выбор испытуемых по стилевым, тембральным, темповым, регистровым характеристикам считался формальным и засчитывался как невыполненный ответ. Таким образом, в процессе экспериментального исследования были получены достоверно значимые результаты, которые подтверждают эффективность диагностической методики исследования интонационного слуха.

Литература

1. Арановский М. Музыкальный текст: структура и свойства. – М.: Композитор, 1998. – 344 с.
2. Асафьев Б. Ф. Музыкальная форма как процесс. – Л.: Музгиз, 1963. – 379 с.
3. Кирнарская Д. К. Психология специальных способностей. Музыкальные способности. – М.: Таланты-XXI век, 2004. – 496 с.
4. Кирнарская Д. К. Теоретические основы и методы оценки музыкальной одаренности: дис. ... д-ра психол. наук. – М., 2006. – 373 с.
5. Крутецкий В. А. Психология математических способностей школьников. – М.: Институт практической психологии; Воронеж: Модэк, 1998. – 432 с.
6. Лосева С. Н. Возрастные и структурные особенности музыкальной одаренности учащихся и её развитие в процессе вокально-хоровой деятельности: дис. ... канд. психол. наук. – Иркутск, 2011. – 149 с.
7. Лосева С. Н. Психология музыкальной одаренности. – М.: Университет. кн., 2017. – 88 с.
8. Теплов Б. М. Психология музыкальных способностей. – М.: Наука, 2003. – 379 с.

References

1. Aranovskiy M. *Muzykal'nyy tekst: struktura i svoystva* [Musical text: structure and properties]. Moscow, Kompozitor Publ., 1998. 344 p. (In Russ.).
2. Asafyev B.F. *Muzykal'naya forma kak protsess* [Musical form as a process]. Leningrad, Muzgiz Publ., 1963. 379 p. (In Russ.).
3. Kirnarskaya D.K. *Psikhologiya spetsial'nykh sposobnostey. Muzykal'nye sposobnosti* [Psychology of special abilities. Musical abilities]. Moscow, Talents XXI century Publ., 2004. 496 p. (In Russ.).
4. Kirnarskaya D.K. *Teoreticheskie osnovy i metody otsenki muzykal'noy odarennosti: dis. ... d-ra psikhol. nauk* [Theoretical foundations and methods for assessing musical giftedness. Diss. Dr of Psychological of Sciences]. Moscow, 2006. 373 p. (In Russ.).
5. Krutetskiy V.A. *Psikhologiya matematicheskikh sposobnostey shkol'nikov* [Psychology of mathematical abilities of schoolchildren]. Moscow, Institute of practical psychology Publ.; Voronezh, Modek Publ., 1998. 432 p. (In Russ.).
6. Loseva S.N. *Vozrastnye i strukturnye osobennosti muzykal'noy odarennosti uchashchikhsya i ee razvitiye v protsesse vokal'no-khorovoy deyatel'nosti: dis. ... kand. psikhol. nauk* [Age and structural features of musical giftedness of students and its development in the process of vocal and choral activity. Diss. PhD in Psychology]. Irkutsk, 2011. 149 p. (In Russ.).
7. Loseva S.N. *Psikhologiya muzykal'noy odarennosti* [Psychology of musical giftedness]. Moscow, Universitetskaya kniga Publ., 2017. 88 p. (In Russ.).
8. Teplov B.M. *Psikhologiya muzykal'nykh sposobnostey* [Psychology of musical abilities]. Moscow, Nauka Publ., 2003. 379 p. (In Russ.).

УДК 782.05 + 37.036

THEATRE MUSIC AND THE DEVELOPMENT OF PERSONALITY: ECOLOGICAL APPROACH

Kireeva Natalya Yuryevna, PhD in Art History, Associate Professor of Department of History and Theory of Performing Art and Musical Pedagogy, Saratov State Conservatoire (Saratov, Russian Federation). E-mail: sanata1004@yandex.ru

Academic musical theatrical art is the highest manifestation of human creativity. In best examples, themes and ideas that have lasting value are raised. Through the synthesis of various types of musical and theatrical activities, a unique spiritual and worldly experience is expressed. However, the classical performances of operas and operettas are undergoing significant changes today. They are primarily associated with the transformation of staged approaches. The main reference point is “mainstream theatricality” aimed at updating the methods of working with the stage space, which often unrecognizably distorts the true content of the work, as a result of which the proper cathartic effect is not achieved during implementation. This is directly related to the attraction of the viewer, which can be called lost in the stream of entertainment offered. Being in a state of continuous informing by means of mass media, as well as the use of gadgets, at it the “clip thinking”, which is an obstacle to the deeper creative development necessary for the perception of classical musical works.

In the modern socio-cultural situation, the problem of creative development of the individual is especially acute; therefore, quite a few representatives of creative professions are in search of new approaches and methods of communication. This refers equally to the relations in the communicative system “art-public”, and to the interaction “teacher-student” in the learning process since it is educational institutions that bring up most of the recipients of art. One of the possible ways in solving this problem is application of the ecological approach, in which the main emphasis is placed on the nature-oriented development of an individual, where orientation towards nature is important not only as a manifestation of vital features but also as a resource containing all the prerequisites and opportunities for the realization of the spiritual potential of an individual. The disclosure of natural abilities contributes to the formation of a genuine and profound relationship not only with works of art, but also with the manifold manifestations of life in general.

Keywords: music, creative development, music activity theatre, art, recipient, nature-oriented development, ecological approach.

МУЗЫКАЛЬНО-ТЕАТРАЛЬНОЕ ТВОРЧЕСТВО И РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ: ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Киреева Наталья Юрьевна, кандидат искусствоведения, доцент кафедры истории и теории исполнительского искусства и музыкальной педагогики, Саратовская государственная консерватория имени Л. В. Собинова (г. Саратов, РФ). E-mail: sanata1004@yandex.ru

Академическое музыкально-театральное искусство – высшее проявление творческого начала человека. В его лучших образцах поднимаются темы и идеи, которые имеют непреходящую ценность. При помощи синтеза самых различных видов музыкальной и театральной деятельности выражается уникальный духовный и житейский человеческий опыт. Однако ставшие классическими спектакли опер и оперетт сегодня претерпевают существенные изменения. Они связаны прежде всего с трансформацией постановочных подходов. Главным ориентиром становится «мейнстримная театральность», нацеленная на обновление методов работы со сценическим пространством, что зачастую до неузнаваемости искажает подлинное содержание произведения, в результате чего должный катарсический эффект при реализации не достигается. Использование таких подходов напрямую связано с привлечением зрителя, которого можно смело назвать потерянным в потоке предлагаемых развлечений. Находясь в состоянии непрерывного информирования средствами массмедиа, а также из-за использования гаджетов, у него

вырабатывается «клиповое мышление», являющееся преградой к более глубокому творческому развитию, необходимому для восприятия классических музыкальных произведений.

Так, в современной социокультурной ситуации особенно остро встаёт проблема творческого развития личности, поэтому многие представители творческих профессий находятся в поиске новых подходов и методов коммуникации. Это в равной степени касается как отношений в коммуникативной системе «искусство – публика», так и взаимодействия «преподаватель – ученик» в условиях процесса обучения, ведь именно посредством образовательных учреждений происходит воспитание большей части реципиентов искусства. Одним из возможных способов решения данной проблемы является применение экологического подхода, в котором основной упор делается на природосообразное развитие личности, где природосообразность имеет значение не столько как проявление витальных черт, сколько как ресурс, содержащий все предпосылки и возможности для реализации духовного потенциала Личности. Раскрытие природных возможностей способствует формированию подлинного и глубокого отношения не только к произведениям искусства, но и к многообразным проявлениям самой жизни в целом.

Ключевые слова: музыка, творческое развитие, музыкально-театральная деятельность, искусство, реципиент, природосообразное развитие, экологический подход.

DOI: 10.31773/2078-1768-2020-50-111-118

Man's creative work is one of the main means of achieving an integral development of personality. The art of theatre music is the highest level of creative activity, reflecting various aspects of human life and raising profound issues of existence. The whole diversity of imagery and feelings contained in a piece of art is rendered by means of a multifaceted musical language, as well as the use of numerous kinesthetic means of expression. The richness of forms in which the material is presented and the arsenal of composition and performing methods of a musical piece develops intellectual and emotional capabilities of a person and contribute to unlocking his spiritual potential. This, in its turn, facilitates the formation of the perception of the world in all of its beauty, complexity and variety of manifestations. However nowadays such deep and multilateral perception is far from being widely accessible. The formation of a certain type of perception is considerably influenced by the social conditions in which a person finds himself. On the one hand, modern mass media transmit simplified forms of musical and theatrical art which are oriented towards entertainment rather than to the elevation and development of personality. Plus, as rightly observes I.G. Umnova, "Teenagers often listen with players on their heads stupidly repeated loud sound signals that excite the first signal system and disable higher nervous activity" [10, p. 218]. If an individual happens to be in contact only with entertaining art,

he loses the capability of apprehending complex and highly artistic pieces. On the other hand, we can state the impact of the dissemination of the new modes of information transfer that forms the so-called "clip thinking" which is meant to receive and process information quickly but in a non-linear way. As far as people with this kind of thinking are concerned, their ability to immerse into material is transformed into the ability to simultaneously and often superficially solve multi-task issues. People dominated by clip thinking encounter more and more difficulties in grasping information set forth in a gradual way, such as a stylistically uniform piece of theatre music lasting about two or three hours. This is how a great interest of the modern public in the growing number of musicals (mainly variety ones) can be accounted for. These performances embrace all the attributes of clip thinking: domination of vivid theatrical images, musical and stylistic diversity (one performance can combine different styles and genres: from old classical arias to modern rock ballads), contrast-based presentation of material, choreographic numbers, as well as simple, but exciting plot and expressive acting. All these meet the needs of the majority of the modern public referred to as the Internet-generation by the specialists in the field. Some researchers consider that in the future musicals will dominate the academic sphere, too. In the USA, musicals have already definitely entered into the history of art, whereas Russian musical has not reached its peak yet.

Academic creative works find themselves today in these conditions. Seeking to adapt to the given situation, art workers are trying to introduce the elements of mass culture into academic performances of theatre music. Transformation of the content and the visual aspect of performance not infrequently becomes the most popular solution. New content of a piece of theatre music may be based on classical music earlier created by famous composers. Visual imaging changes by means of using emotionally efficient means of expressivity, which are in demand nowadays. The main task of directors is to attract the audience by these novelties and to ensure its favourable disposition during the viewing; often they use the tools of cinema, common in the corresponding production time. This phenomenon can be called "mainstream theatricality." It sparks mixed reaction on part of both performers and the public. The imbalance consists in the fact that the external presentation of the plot of an artistic piece comes into conflict with the essence of its original content. Yet, the rejection to approach "mainstream theatricality" might provoke an even greater decrease in the interest in academic art. However, true artistic realization of a piece of art should be based on deep inner connections; revealing them allows for its vivid visual realization. Academic musical theatrical art is the highest manifestation of human creativity. In the best examples, themes and ideas that have lasting value are raised. This unique spiritual and worldly experience is expressed through the synthesis of a wide variety of musical and theatrical activities. However, the classical performances of operas and operettas are undergoing significant changes today. They are primarily associated with the transformation of staged approaches. The main reference point is "mainstream theatricality" aimed at updating the methods of working with the stage space, which often distorts the true content of the work beyond recognition, as a result of which the proper cathartic effect is not achieved. This is directly related to the attraction of the viewer, which can be called lost in the maelstrom of entertainment offered. Being in a state of continuous informing by means of mass media, at the "clip thinking," which is an obstacle to the deeper creative development necessary for the perception of classical musical works. It can prevail if it organically fits into the context of the content of the piece, for example, in a musical, where there is no conflict between the "renewed plot" and the original libretto,

as well as between the "renewed plot" and the music. The group of recipients oriented towards traditional forms of the presentation of material mostly sees only farcical models in today's interpretation of pieces of theatre music, whereas the younger generation reproaches art workers for the excessive conservatism of academic art and the rejection of today's "positive" trends. The main difficulty is in the fact that the representatives of academic art tend to think that it is the public, who should aspire to "growing" to the academic pieces rather than their creators and performers, who should adapt to the needs of mass audience.

It should be stressed in this connection that the two trends discussed above should harmonically coexist. Art should not ignore modern trends of the development of society. This has already been mentioned by B.L. Yavorsky: he considered that the content of musical art should present the imprinting of "psychic and psychological principles" reflecting "the scheme of social progress" in a certain epoch [14, p. 19]. In order to achieve this, it is necessary to choose proper expressive means that should be directed towards the realization of the main functions of academic art, and namely social, aesthetic, compensatory, pedagogical and educational ones, rather than limiting it to aiming at entertainment. Thus, the representatives of the "art-audience" system are both in search of efficient and reasonable interaction. We can see that, on the one hand, the advocates of academic art are becoming hostages of the social situation; on the other hand, musicians and teachers are forced to look for new methods for the artistic development of personality, which would lead Russian art to some new ways of true art whose main aim would be a creative one.

The solution of the existing situation can be found, first and foremost, in attracting efficient up-to-date methods of creative development. One of the most productive and comprehensive ones is, first of all, educational environment. It is in educational institutions where the development of the majority of people – the recipients of art – takes place. Having analyzed the situation, quite a few contemporary researchers suggest the following solution in their papers: to return the man to the natural world. For example, G.G. Zeynalov writes, "Most efforts of people used to be centred around studying the environment with a view to rebuild and adapt it

according to their needs. In the future, we should expect a shift of maximum efforts to studying the man itself, not only his physical but also his spiritual nature" [3, p. 125].

Over the recent years, a scientific school called "cultural ecology" (A.A. Guseynov, I.A. Yevteev, G.G. Zeynalov, N.A. Mikheeva and P.V. Zhukov, D.F. Razenkova etc.) has become more and more widespread, especially due to the activity of academician D.S. Likhachyov. He is convinced that, along with preserving natural biological environment, it is also necessary to care for preserving cultural environment. It is the balance between these two components of human life that provides us with an inner support for true self-identification and self-organization. Researchers have introduced the notion of "ecological man" (*homo ecologus*) who is focused upon the interests of man, society and nature [5, p. 126]. The school has established ecological approach to the development of personality, which has been adopted by S.A. Amonashvili, R. Atfield, N.N. Veresov, A.A. Guseynov, N.S. Dezhnikova, A.N. Zakhlyobny and E.N. Dzyatkovskaya, I.D. Zverev, N.N. Kondratyeva, D.S. Likhachyov, N.M. Mamedov etc. They have also formed ecological aesthetical approach in studying the issues of artistic education; among its representatives are S.N. Glazachyov, N.B. Manikovskaya, N.G. Kuprina, L.P. Pechko, G.I. Ostrovskaya, A.K. Shulzhenko and others.

This approach is based on the idea of the transformation of artistic values (by means of practical mastering and realization during creative activity) into personal values, which allows people to "rise" above an *a priori* savage and barbaric attitude towards their surroundings. The main role is attributed to poly-artistic reality; its mastering results in sensory satiation of a man, development of the ability of deep comprehension and interconnection with the world, harmonization of inner state, achievement of full self-expressivity, as well as formation of the perception of nature as a spiritual and aesthetic value.

Integral development presupposes the development with a constant feeling of unity with Nature, rather than that of contradiction with it. Numerous scholars have already mentioned the nature-oriented development of personality; however, unfortunately, their affirmations have remained at the level of theoretical thinking and have not become a basis for real activity. Today this issue has risen so sharply that it can hardly remain purely theoretical. It

is important to analyze the achievements of scholars and to implement them later in real practice, in particular, in educational and cultural institutions, which provide mass education of recipients.

It is the nature-oriented development that makes it possible to form an integral personality. "Human nature is integral, thus, the development of one of its inherent faculties cannot but influence the development of others" [8, p. 10]. J.H. Pestalozzi tends to stress the idea that separation between intellectual and moral education inflicts irreparable harm. He once wrote, "The artificial way of school, which is in a hurry to outrun a free, slow and patient way of nature at every turn, giving major importance to words, educates people in the manner of our century, covering the lack of natural inner power with artificial glitter" [8, p. 15]. As for today's socio-cultural situation, the last part of Pestalozzi's statement can be interpreted in the following way: people do not try to cover the lack of inner power (which everyone has) and fail to be fully aware of themselves; thus, they themselves block their artistic potential. People should not direct their minds towards some very distant objects until they have studied the closer ones. Tension and compulsion have to be avoided. The power of nature itself leads to the truth; it completely lacks obtrusive order but, at the same time, nature has firmness and precision, and these two should give rise to the aspiration for conscious order in a man.

It follows from what has just been said that today the interest for discussing this issue has sparked again. A detailed study of the role of orientation towards nature for the development of personality is in the centre of G.A. Kharikovskaya's paper [12]. The researcher thoroughly examines the elaboration of this principle by the Czech pedagogue, humanist and writer Y.A. Komensky (1592–1670), for whom of major importance is the fact that man is nature's rational creation *a priori* endowed with the aspiration to virtue and it is necessary to direct the development of personality carefully and without any constraint, according to his natural abilities. The French thinker, writer and musicologist J.-J. Rousseau (1712–1778) also believes that a young man should be brought up in accordance with his nature and spiritual potential, without constraint, but at the same time, with a constant feeling of respect for work; Rousseau does not see education as preparation for life, but as a manifestation of life itself. The Swiss pedagogue and humanist J.H. Pestalozzi (1746–1827) pointed

out that activity provides true improvement of personality based on love, faith and support in the national spirit. As for Russian pedagogues, the paper by G.A. Kharikovskaya presents the names of K.D. Ushinsky (1824–1870), the founder of Russian pedagogy, V.A. Sykhomlinsky (1917–1980), an outstanding pedagogue and innovator, and S.A. Amonishvili (1931), a Soviet Georgian and Russian psychologist and pedagogue. For them, orientation towards nature is significant not only as a manifestation of vital features but also as a resource, which has all the prerequisites and possibilities for the realization of the spiritual potential of a person. Special attention is given to gradual and consistent development of a man, whereas the indispensable condition for obtaining results is his self-realization. It is necessary to avoid tension and constraint. The power of nature itself leads to the truth. It completely lacks obtrusive order, however, nature has firmness and precision, and these two should give rise to the aspiration for conscious order in a man. This idea in its axiological aspect was further nurtured by German philosopher and sociologist M. Scheller (1874–1928), who used to say that cognition is based on the order of love -- *ordo amoris*, determining emotion -- and value-oriented and careful attitude of the man towards the world, the attitude which lays the foundations of the creative interaction of a person with the world. If we turn to the periods of time when these scientists lived, we can conclude that along with the “external development” of civilization, it is important to save those essential things that allow people to mould their personality. The issue of creative attitude towards the reality is so topical that it is included in the list of matters discussed in the framework of the leading European scientific forums. The concept suitable for the solution of the problem, which we have put forward is that of the involvement of students through the prism of co-creation, where the accent is put not on the formal realization of the concept, but on a true engagement into the co-creative educational process [16].

These ideas once laid the basis for the “Schulwerk” system of musical education (mid-20th century) by German composer and pedagogue Karl Orff. He considered the development of the skills of free improvisation to be the main method that is why harmony in its classical understanding did not play the key role. Great attention was paid to the search for rhythmical and timbre variety.

The most suitable material for such activities was folklore -- a concentration of national musical backgrounds -- having deep layers of a congenial intonational vocabulary.

The methodical system by Karl Orff can be applied to the national context of any country, which would allow to discover interesting elements in the national heritage and, at the same time, to give it a new life. The “Schulwerk” method is known to have been adapted in the countries of Western Europe, as well as in Japan and the USA. As for Russia, the first volume is translated into the Russian language (edition by V.A. Zhilin); some of Karl Orff’s methods are applied by T.E. Tiutiunnikova, T.A. Borovik, E.G. Zaburdyayeva, N.N. Perunova etc.

One of the best examples of applying the nature-oriented method in Russian pedagogy and art criticism is the activity undertaken by B.L. Yavorsky. The main point of his search was the aspiration to get to the depths of musical worldview. On the one hand, Yavorsky saw music as a self-sufficient phenomenon and tried to find an explanation for the laws of music in its nature; on the other hand, he contrasted musical laws as such with general laws of existence. In order to justify his theory, the researcher used knowledge from various fields: history, philosophy, psychology, physics etc. Yavorsky studies were not infrequently labeled as “energism” and “biologism” due to this vast engaging of data, as well as a great interest in the laws of joint interaction of energies in a man. We have to recognize that these definitions are true to a certain extent. He really was an advocate of the “biological approach.” B.L. Yavorsky’s understanding of art was always based on the principle of the unity of the world and existence, realized by means of artistic thinking. The development of society only conditions the forms of content expression. Art is a natural reflection and realization of the objective existence of the man as a natural creature. In sharing his musical experience, B.L. Yavorsky’s main task was to bring up a creatively active personality in terms of composition and performing, as well as the reception of artistic pieces. He tried to save the creative essence leading directly to the true life in every person. He regarded human capability to create with sound as a unique feature. By means of musical sounds, people have to express their vital needs and feelings. “Close acquaintance with musical literature used to generate interest towards real art and cultivate good taste. The rise of musical culture resulted in the increase

in the level of general culture. This is the way the foundation is laid for the future musical and general worldview" [13, p. 118]. For Yavorsky an important aspect of the development of musical thinking was not only gaining strictly musical knowledge, but also developing active emotional perception, i.e. molding a harmonically developed personality on the basis of rational and emotional unity.

In order to achieve new educational aims, B.L. Yavorsky also created quite numerous groups of students -- children's orchestra and choir -- where the number of participants could reach 350 members. At the same time, pupils had an opportunity to conduct such large groups not only during repetitions, but also on stage. B.L. Yavorsky was the initiator of the creation of original dramatized compositions, musical-plastic performances and stage adaptations of piano miniatures and songs (by E. Grieg, F. Chopin and F. Schubert) with the use of decorations. He also encouraged the initiative of using the expressive means and personal improvisation in musical, plastic and vocal literary expressions. He therefore developed not only visual-associative thinking, but also the whole complex of creative skills -- kinesthetic, graphic and literary images -- contributed to the appearance of the musical ones and vice versa. The pedagogue used to choose thoroughly highly artistic educational material with the potential to arouse students' deep feelings and an impressive emotional feedback. He tried to teach pupils thinking discipline and awareness of events; he did not only teach a subject, he did everything to teach how to think and create. Yavorsky also based musical education on the method of cultivation. "This method is aimed at the possible development and cultivation of a child's artistic and musical talents. Taking into consideration the fact that these talents are often hidden very deep inside... everything is directed towards a free and complete revelation of a child's artistic personality: his initiative is of paramount importance; all activity of teachers and the whole children's group is directed towards evoking and developing this free initiative in every possible way" [7, Internet resource]. A freely developed individual grows capable of critical attitude towards the received artistic material. Yavorsky's pedagogical system achieved great results and was enormously successful. Quite a few of his pupils later became true artists and successful professional conductors. The historicity and validity of Yavorsky's theory never goes out of date, it can be improved, based on the

same principles, but in new conditions. For example, among the notions actively discussed these days is "pedagogical ecology," a concept that presupposes the reduction of pressure and interference in a child's development. According to G.S. Mamayeva, "this space of contact between well-established experience of adult's life and child's freedom is the place where unique conditions for the birth and the development of Personality appear" [6, p. 24].

In conclusion, we would like to highlight the fact that the nature-oriented method in the framework of ecological approach has not lost its significance in solving vital tasks of the formation of a creatively active personality. Otherwise we will get a society of mass culture, a society of "lonely isolated individuals torn from the previous social forms and lacking well-established life values, with a weakened ability of real cognition and thinking and, first and foremost, with the lack of the necessity to comprehend accessible things more objectively and to give them critical assessment" [2, p. 8-9]. It should be specially pointed out in this connection that we do not contrast various educational systems, we only try to bring to the limelight the idea that even the use (propagation) of the best patterns *externally*, with no penetration inside, will lead solely to negative consequences. Indeed, the majority of the modern society belongs to the closed type of personality which is characterized by such qualities as loss of self-identification, absence of creative manifestation, dependence on artificially created mental constructs, determination of everyday events by constant fears and, as a result, partial or full loss of interest for life and creativity. In this situation, when a person is concealed from himself, he does not only become incapable of a deep penetration into the content of pieces of musical art, but also cannot properly apprehend the achievements of the developed anthropogenic civilization in general.

A key role in solving this problem is performed by the search for real awareness of self, feeling unity with Nature, and after that -- a projection of this worldview on everyday activity. The directions that have proved to be topical include revision of the methods of child rearing and education, from the reduction of the ways leading to the formation of mistake detectors towards creative approach based on open interaction of people. These are the only conditions that will spark true interest for musical pieces, based on open creative interaction of both parts of communication in the artistic space.

Литература

1. Вишневская Л. А. Особенности педагогики композитора Елены Владимировны Гохман // Педагогическая практика: путь к индивидуальной педагогике: мат-лы I Всерос. науч.-практ. конф. – Саратов, 2017. – С. 53–58.
2. Дергунова Л. А. Мода в условиях массовой культуры: дис. ... канд. филос. наук: 24.00.01. – Ростов н/Д., 1998. – 128 с.
3. Зейналов Г. Г. Человек экологичный: возвращение в мир природы // Образ человека будущего: Кого и Как воспитывать в подрастающих поколениях: кол. моногр. / под ред. О. А. Базалюка. – Киев: Кондор, 2011. Т. 1. – С. 124–137.
4. Куприна Н. Г. Эколого-эстетический подход в художественном воспитании детей: дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.01. – Химки, 2008. – 360 с.
5. Лихачёв Д. С. Прошлое – будущему: статьи и очерки. – М.: Наука, 1985. – 541 с.
6. Мамаева Г. С. Роль экологии личности в практике гуманной педагогики // Образование взрослых в условиях современности: проблемы и перспективы: сб. науч. ст. IV Междунар. науч.-практ. конф. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2016. – С. 23–27.
7. Морозова С. Н. Б. Л. Яворский и его музыкально-педагогическая концепция [Электронный ресурс] // Studfiles. Институт современных знаний им. А. М. Широкова. – URL: <https://studfiles.net/preview/5584688/page:8/> (дата обращения: 31.01.2019).
8. Песталотти И. Г. Избр. пед. произведения: в 3 т. – М.: Просвещение, 1965. – Т. 3. – 632 с.
9. Полозов С. П., Полозова И. В. Развитие искусства канонического типа от Средневековья к Новому времени в контексте межкультурной коммуникации // Музыкальная культура в теоретическом и прикладном измерении: сб. науч. ст. – Кемерово: КемГИК, 2017. – Вып. 4. – С. 4–12.
10. Умнова И. Г. Под знаком нерушимого союза науки и образования // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2015. – № 32. – С. 217–221.
11. Фомина З. В. Сотериология искусства: опыт осмысления человека переходных эпох // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2016. – № 3 (37). – С. 87–92.
12. Харьковская Г. А. Природосообразность как теоретическая основа воспитания: истор. аспект: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01. – Пятигорск, 2003. – 186 с.
13. Яворский Б. Л. Воспоминания, статьи, переписка. – М.: Совет. композитор, 1971. – Т. 1. – 712 с.
14. Яворский Б. Л. Избранные труды. – М.: Совет. композитор, 1986. – Т. 2, ч. 1. – 358 с.
15. Demchenko A. Universal Art Studies: Theory and Practice // Music Scholarship. – 2018. – № 3. – P. 102–108. DOI: <http://dx.doi.org/10.17674/1997-0854.2018.3.102-108>.
16. Harrison T. Conceptualising student engagement: A co-creation perspective // Working together to take quality forward: a selection of papers from the 8th European Quality Assurance Forum 2014. – Belgium: European University Association. – P. 51–58.
17. Straberger M. Kunst und Kultur ist uns im wahrsten Sinne des Wortes heilig 5 // SYN obszön. Variationen des Erregenden. – 2014. – № 09. – S. 47–57.

References

1. Vishnevskaya L.A. Osobennosti pedagogiki kompozitora Eleny Vladimirovny Gokhman [Particular features of the pedagogy of the composer Elena Vladimirovna Gokhman]. *Pedagogicheskaya praktika: put' k individual'noy pedagogike: materialy I Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Pedagogical practice: way to individual pedagogy. Materials of the First Russian academic conference]. Saratov, 2017, pp. 53-58. (In Russ.).
2. Dergunova L.A. Moda v usloviyakh massovoy kul'tury: dis. ... kand. filos. nauk [Fashion in conditions of mass culture. Diss PhD in Philosophy]. Rostov-on-Don, 1998. 128 p. (In Russ.).
3. Zeynalov G.G. Chelovek ekologichnyy: vozvrashchenie v mir prirody [Ecological man: returning to the natural world]. *Obraz cheloveka budushchego: Kogo i Kak vospityvat' v podrastayushchikh pokoleniyakh: kollektivnaya monografiya* [Image of the man of the future: Who and How to bring up in the growing generations. Collective volume]. Under the editorship of O.A. Bazaluk. Kiev, Kondor Publ., 2011, vol. 1, pp. 124-137. (In Russ.).
4. Kuprina N.G. *Ekologo-esteticheskiy podkhod v khudozhestvennom vospitanii detey: dis. ... d-ra ped. nauk* [Ecological-aesthetic approach to artistic education of children. Diss Dr of Pedagogical Sciences]. Khimki, 2008. 360 p. (In Russ.).
5. Likhachyov D.S. *Proshloe – budushchemu: stat'i i ocherki* [The past to the future. Articles and essays]. Moscow, Science Publ., 1985. 541 p. (In Russ.).
6. Mamayeva G.S. Rol' ekologii lichnosti v praktike gumannoy pedagogiki [The role of ecology of personality in the practice of humanist pedagogy]. *Obrazovanie vzroslykh v usloviyakh sovremennosti: problemy i perspektivy*:

- sbornik nauchnykh statey IV Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii [Education of adults in modern conditions: issues and prospects. Volume of academic articles of the Fourth International academic conference].* Ekaterinburg, Ural State Pedagogical University Publ., 2016, pp. 23-27. (In Russ.).
7. Morozova S.N. Yavorskiy i ego muzykal'no-pedagogicheskaya kontseptsiya [B.L. Yavorsky and his principles of musical pedagogy]. *Studfiles. Institut sovremennykh znaniy im. A.M. Shirokova [Studfiles. A.M. Shirokov Institute of modern knowledge]*. (In Russ.). Available at: <https://studfiles.net/preview/5584688/page:8/> (accessed 31.01.2019).
 8. Pestalozzi I.G. *Izbrannye pedagogicheskie proizvedeniya: v 3 t. [Selected pedagogical works in three volumes]*. Moscow, Education Publ., 1965, vol. 3. 632 p. (In Russ.).
 9. Polozov S.P., Polozova I.V. Razvitie iskusstva kanonicheskogo tipa ot Srednevekov'ya k Novomu vremeni v kontekste mezhkul'turnoy kommunikatsii [The development of canonical art from the Middle Ages to the Modern period in the context of intercultural communication]. *Muzykal'naya kul'tura v teoreticheskoy i prikladnoy izmerenii: sb. nauch. st. [Musical culture in theoretical and applied dimension. Volume of academic articles]*. Kemerovo, Kemerovo State University of Culture Publ., 2017, iss. 4, pp. 4-12. (In Russ.).
 10. Umnova I.G. Pod znakom nerushimogo soyuza nauki i obrazovaniya [Under the sign of unbreakable union of science and education]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts]*, 2015, no. 32, pp. 217-221. (In Russ.).
 11. Fomina Z.V. Soteriologiya iskusstva: opyt osmysleniya cheloveka perekhodnykh epokh [Soteriology of art: experience of studying the man of transitional periods]. *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dal'nem Vostoke [Humanitarian studies in East Siberia and in the Far East]*, 2016, no. 3 (37), pp. 87-92. (In Russ.).
 12. Kharkovskaya G.A. *Prirodosobraznost' kak teoreticheskaya osnova vospitaniya: istoricheskiy aspekt: dis. ... kand. ped. nauk [Orientation towards nature as the theoretical basis for education: historical aspect. Diss PhD in pedagogy]*. Pyatigorsk, 2003. 186 p. (In Russ.).
 13. Yavorsky B.L. *Vospominaniya, stat'i, perepiska [Memoires, articles, letters]*. Moscow, Soviet composer Publ., 1971, vol. 1. 712 p. (In Russ.).
 14. Yavorsky B.L. *Izbrannye trudy [Selected works]*. Moscow, Soviet composer Publ., 1986, vol. 2, part 1. 358 p. (In Russ.).
 15. Demchenko A. Universal Art Studies: Theory and Practice. *Problemy muzykal'noy nauki [Music Scholarship]*, 2018, no. 3, pp. 102-108. (In Eng.). DOI: <http://dx.doi.org/10.17674/1997-0854.2018.3.102-108>.
 16. Harrison T. Conceptualising student engagement: A co-creation perspective. *Working together to take quality forward: a selection of papers from the 8th European Quality Assurance Forum 2014*. Belgium, European University Association Publ., pp. 51-58. (In Eng.).
 17. Straberger M. Kunst und Kultur ist uns im wahrsten Sinne des Wortes heilig 5. *SYN obszön. Variationen des Erregenden*, 2014, no. 09, pp. 47-57. (In Germ.).

УДК784.21

МУЗЫКАЛЬНАЯ ТРАКТОВКА ОБРАЗА ГРАФА ТОМСКОГО В ОПЕРЕ П. И. ЧАЙКОВСКОГО «ПИКОВАЯ ДАМА»

Семиониди Елена Ивановна, профессор кафедры музыкального искусства, Крымский университет культуры, искусств и туризма (г. Симферополь, РФ). E-mail: eisemionidi@mail.ru

Статья посвящена исполнительской интерпретации образа Томского в опере П. И. Чайковского «Пиковая дама». Изучение оперной музыки композитора в различных ракурсах – важная цель отечественного музыковедения, которое в последнее время много внимания уделяет проблемам исполнительства и интерпретации. Актуальность работы обусловлена дефицитом исследований, посвящённых исполнительским аспектам трактовки действующих лиц в опере «Пиковая дама». Масштабы статьи не позволяют в полном объёме рассмотреть выбранный для анализа образ Томского, поэтому автор остановился на одном из ярких и колоритных музыкальных номеров этого персонажа – Песенке «Если б милые девицы...».

Цель исследования – выявить особенности музыкальной трактовки образа Томского в опере «Пиковая дама» на примере Песенки «Если б милые девицы...». Используются методы контекстуального, интонационного, методико-исполнительского анализа, обобщение, систематизация, а также собственный педагогический опыт, накопленный автором в ходе многолетней работы с обучающимися.

В результате проведённого методико-исполнительского анализа Песенки Томского «Если б милые девицы...» автором статьи выработаны методические рекомендации, которые будут полезны в работе над произведением педагогам и вокалистам. Следование рекомендациям и преодоление всех исполнительских трудностей позволит вокалисту воплотить образ графа Томского ярко и убедительно.

Ключевые слова: вокальное искусство, образ, интерпретация, методико-исполнительский анализ, П. И. Чайковский, «Пиковая дама».

MUSICAL INTERPRETATION OF THE IMAGE OF EARL TOMSKY IN OPERA “THE QUEEN OF SPADES” BY P.I. TCHAIKOVSKY

Semionidi Elena Ivanovna, Professor of Department of Music, Crimean University of Culture, Arts and Tourism (Simferopol, Russian Federation). E-mail: eisemionidi@mail.ru

The article is about the interpretation of Earl Tomsy's image in opera “The Queen of Spades” by P.I. Tchaikovsky. Studying the composer's opera music from various angles is an important goal of Russian musicology, which has recently paid much attention to the problems of performance and interpretation. The relevance of the paper is due to the lack of research on the performing aspects of interpretation of characters in opera “The Queen of Spades.” The scope of the article does not allow to fully analyze the artistic image of Tomsy, so the author limited himself to studying the bright and colorful musical performance of this character in the song “If Pretty Girls Could Fly Like Birds.”

The purpose of the study is to identify the features of the musical interpretation of the image of Tomsy in opera “The Queen of Spades” based on the song “If Pretty Girls Could Fly Like Birds.” Methods of contextual, intonation analysis are used; the own pedagogical experience accumulated by the author during many years of work with students is generalized and systematized.

The scientific novelty of the work is to study the image of Tomsy in the musical and performing aspect, the features of the performing interpretation, the vocal difficulties that require special attention from the teacher and performer are investigated.

As a result of the methodological analysis of Tomsy's song “If Pretty Girls Could Fly Like Birds” the author of the article has developed some methodological recommendations that will be useful to teachers and vocalists.

Following the recommendations and overcoming all performing difficulties will allow the vocalist to embody the image of Earl Tomsy brightly and convincingly.

Keywords: vocal art, image, interpretation, methodological analysis, P.I. Tchaikovsky, “The Queen of Spades.”

DOI: 10.317773/2078-1768-2020-50-118-126

Творчество великого русского композитора Петра Ильича Чайковского (1840–1893) входит в мировую сокровищницу музыкального искусства. Жанровый диапазон его наследия необычайно широк: десять опер («Евгений Онегин», «Ундина», «Чародейка», «Мазепа», «Пиковая дама»,

«Иоланта» и др.); три балета («Лебединое озеро», «Спящая красавица», «Щелкунчик»), шесть симфоний, более десяти крупных оркестровых сочинений и увертюры, инструментальные концерты, хоровая и фортепианная музыка, камерно-вокальные произведения. В каждой жанровой

области композитор проявил свою творческую индивидуальность, нашёл возможности для обновления жанра: создал лирико-драматическую оперу, симфонию-трагедию, обогатил одночастную программную увертюру и симфоническую поэму.

При всем богатстве наследия П. Чайковского его музыке знают, прежде всего, по вокальным сочинениям – операм, романсам. Композитор обладал необыкновенным мелодическим даром и тонким вокальным чутьем. Об этом писал А. Алышванг: «Музыка Чайковского – поёт!» [1, с. 167]. Изучение оперной музыки композитора в различных ракурсах – важная цель отечественного музыковедения, которое в наши дни уделяет особое внимание проблемам исполнительства и интерпретации: «В настоящее время ценность представляет творческая личность, умеющая принимать нестандартные решения в своей исполнительской деятельности, по-новому передающая интерпретацию скрытого подтекста сочинения, как соавтор, вступивший в диалог с создателем произведения и удерживающий баланс между авторским замыслом и собственной творческой инициативой» [3, с. 58].

В связи с тем, что «творческое наследие композитора постоянно обогащается новыми исполнительскими интерпретациями, оригинальными художественными подходами и решениями... а оперы П. И. Чайковского выступают предметом новых художественных поисков, обусловливаемых потребностями современного мироощущения» [5, с. 88], чрезвычайно актуальным представляется исследование исполнительских аспектов драматургической и вокальной трактовки ярчайших оперных персонажей П. И. Чайковского. В частности, интересным объектом для изучения является его опера «Пиковая дама», считающаяся вершиной позднего периода творчества композитора. Не менее интересен в контексте оперы и образ графа Томского как важного и неоднозначного персонажа, трактовка которого простирается в диапазоне от легкомысленного игрока и любимца дам – до полумистического проводника «роковых сил» в хронотопе произведения. Таким образом, исполнительские задачи, поставленные в опере, безусловно заслуживают детального внимания, ведь, по меткому замечанию В. Шмида, «“Пиковая дама” – это вызов интерпретато-

рам» [7, с. 103]. Отметим, что масштабы статьи не позволяют в полном объёме рассмотреть выбранный для анализа образ Томского, поэтому мы остановимся на одном из ярких и колоритных музыкальных номеров этого персонажа – Песенке «Если б милые девицы...».

Обзор научной литературы демонстрирует глубокое изучение различных аспектов оперы П. И. Чайковского «Пиковая дама» в отечественном музыковедении. Ей посвящены исследования Г. В. Ковалевского («“Пиковая дама” П. И. Чайковского на либретто М. И. Чайковского: к проблеме взаимодействия музыки и слова в художественной концепции целого», 2019), Е. Пономаревой («П. И. Чайковский “Пиковая дама”: опыт современной исследовательской интерпретации», 2015), В. Протопопова и Н. Туманиной («Оперное творчество Чайковского», 1957), А. Соловцова («“Пиковая дама” П. И. Чайковского», 1959), Б. Ярустовского («Оперная драматургия Чайковского», 1947) и др. Информация о жизни и творчестве П. Чайковского представлена в работах Б. Асафьева («О музыке Чайковского. Избранное», 1972), Г. Прибегинной («Петр Ильич Чайковский», 1983), Е. А. Ручьевской («Петр Ильич Чайковский: популярная монография», 1985), В. Цуккермана («Выразительные средства лирики Чайковского», 1971), а также в многочисленных учебниках по истории русской музыки. Особый интерес современных исследователей вызывает «проблема художественной интерпретации в опере как синтетическом художественном тексте, понимаемая как сложный многоуровневый процесс смыслового “перевыражения” композитором литературного первоисточника, постановщиками – музыкальной партитуры оперы» [2, с. 139], в общем контексте она рассмотрена С. Ю. Лысенко («Опера П. Чайковского “Пиковая дама” как феномен художественной интерпретации: синергетический аспект», 2013).

Однако среди многочисленных научных источников практически нет таких, в которых бы рассматривались исполнительские аспекты трактовки того или иного действующего лица в опере «Пиковая дама». Таким образом, научная новизна работы заключается в том, что в ней впервые изучается образ Томского в музыкально-исполнительском аспекте, исследуются особенности исполнительской интерпретации, выявляются

вокальные сложности, требующие особого внимания со стороны педагога и исполнителя.

Цель работы – определить особенности музыкальной трактовки образа Томского в опере «Пиковая дама» на примере Песенки «Если б милые девицы...».

Поставленная цель предполагает решение следующих задач: проследить развитие образа Томского в опере и возможности его трактовки; осуществить исполнительский анализ Песенки Томского «Если б милые девицы...»; составить методические рекомендации для успешной работы вокалиста над данным номером.

В работе использованы методы исторического, контекстуального, интонационного и целостного анализа, обобщение, систематизация, а также собственный педагогический опыт, накопленный автором в ходе многолетней работы с обучающимися.

Опера П. Чайковского «Пиковая дама» по праву считается одной из вершин мировой оперной классики. Это шедевр позднего творчества Чайковского, в котором воплотились все ярчайшие черты его оперного стиля: тяготение к правдивости и искренности высказывания, выразительный мелодизм, эмоциональная насыщенность вокальных партий. В «Пиковой даме» «в фокусе внимания оказываются психологическое развитие основных художественных образов и лирико-драматическая (лирико-трагическая) жанровая специфика» [6, с. 203]. Трагизм сюжетной ситуации и реалистическое её отображение в опере усиливаются за счёт тонкой передачи П. Чайковским нравов и культурных ценностей петербургского общества на рубеже XVIII–XIX веков. Это показано не только в психологическом противостоянии образов Германа и Графини, в трагедии взаимоотношений Германа и Лизы, но и в особой, рельефной подаче второстепенных, на первый взгляд, персонажей.

Один из ключевых образов оперы «Пиковая дама» – граф Томский, сослуживец Германа, который воспринимается сначала как фоновый персонаж. Граф появляется уже в первой картине. Здесь он предстаёт как общительный молодой человек, близкий друг главного героя, интересный рассказчик и «душа компании». Однако вскоре оказывается, что Томский играет ключевую роль в завязке драмы: именно он сообщает Герману

историю о графине и мистических трёх картах. Его образ раскрывается в двух номерах – квинтете «Мне страшно!» и балладе «Однажды в Версале» из первой картины. Причём, если в квинтете он показан как внимательный и наблюдательный друг, по-своему сопереживающий состоянию Германа и Лизы, то в балладе неожиданно раскрывается новая сторона его образа. Баллада имеет нарастающий тревожный характер, несколько мистический и даже фатальный; в вокальной партии появляются важнейшие лейтмотивы оперы – тема рока и тема трёх карт. Томский становится неким проводником действия роковых сил: с одной стороны, он подбрасывает Герману фатальные идеи, которые в дальнейшем обернутся трагическими последствиями. С другой стороны, уже в экспозиции оперы он символически предостерегает губительную роль карточной игры для психики такого неуравновешенного и экспрессивного героя, как Герман. Именно в опере, в отличие от повести Пушкина, современные исследователи творчества Чайковского обнаруживают «близость эсхатологическому варианту мифологемы карточной игры как игры на смерть, который столь характерен для творчества Ф. Достоевского» [4, с. 14].

Граф Томский сопровождает главного героя в ключевых моментах развития сюжета: если в первой картине оперы он появляется вместе с Германом, то в седьмой картине присутствует при его гибели. Образ Томского помогает композитору реализовать идею противостояния Германа тем роковым силам внешнего и внутреннего мира, которые доводят его до сумасшествия. В финале оперы в Песенке «Если б милые девицы...» Томский предстаёт в таком контексте, который заставляет предчувствовать трагический финал: в разгар развлечений и карточных игр он внезапно погружается в мрачные раздумья, но затем возвращает себе напускное веселье, соглашаясь спеть для своих приятелей. Этот яркий и эффектный номер тесно переплетён с музыкой Хора игроков и органично встроен в данную крупную хоровую сцену. Юмористическое и фривольное содержание Песенки Томского отражает настроение мужской компании в игорном доме: молодые люди пьют, играют в карты и обсуждают женщин. Характер Томского, сначала отказавшегося петь по просьбе приятелей из-за задумчивого настроения, показан здесь со стороны его

компанейских качеств, чувства юмора и даже некоторой нравственной распушенности героя. Это не удивительно, ведь главной целью Чайковского и его важнейшим творческим принципом была правдивость и искренность, и в данной сцене он стремился подчеркнуть нравы и ценности мужского общества конца XVIII столетия. Для такой цели не слишком подходил изысканный слог Пушкина, поэтому в качестве поэтической первоосновы для Песенки Томского было выбрано стихотворение Г. Державина «Шутка».

А. Альшванг приводит одно из писем П. И. Чайковского, которое подтверждает, насколько осознанно композитор выбирал тексты для оперы «Пиковая дама»: «Песня Томского написана на слова Державина; песня эта была в моде в конце прошлого столетия. Как и всё, что вышло из пера пресловутого Гаврилы Романовича, она лишена прелести. Я допускаю, что в торжественных одах у Державина был некоторый “пиитический дар”, хотя и выраженный надутыми и тяжёлыми фразами, но чего ему безусловно недоставало, так это остроумия. В данном случае (в песне Томского) нельзя не удивляться и пошлой глупости основной мысли, и натянутости формы. Взял же я эту песню как характерный эпизод в картине, рисующей нравы конца века» [1, с. 692]. Словно пытаясь сгладить свое негативное отношение к тексту, композитор облагораживает поэтические строфы Державина выразительными, распевными мелодическими оборотами. Размашистые интонации Песенки Томского близки русским народным песенным жанрам, а своим весёлым, задорным характером она напоминает молодецкие песни, хотя прямого цитирования Чайковский здесь не применяет. Народные истоки ощущаются и в куплетной форме Песенки, и в сочетании сольного запева с хоровым припевом – точнее, в данном случае функцию припева выполняет оркестровый проигрыш после каждого куплета, к которому присоединяется и хор.

Для того чтобы передать психологическое состояние Томского и его «напускное» веселье, Чайковский тщательно отбирает музыкально-выразительные средства. Песенка Томского излагается в тональности *F-dur* и размере 2/4, ее инструментальное вступление предвосхищает основную мелодию вокальной партии, но звучит живо (*Andante*) и более обострённо за счёт

использования пунктирных ритмов. Подобный комплекс выразительных средств придает музыке танцевальный, удалой, веселый характер. Собственно вокальная тема Томского звучит медленнее, чем вступление (*Adagio*), с выразительными агогическими отклонениями, что подчеркивает вальяжный характер пения героя. Мелодия начинается с затактового пунктирного ритма и строится на простых поступенных интонациях с небольшим терцовым скачком на звук «с¹» в конце фразы. Начальная вокальная фраза повторяется дважды и переходит в заключительный нисходящий гаммообразный пассаж, излагающийся шестнадцатыми длительностями, который выполняет функцию мелодического завершения, закругления. Подобная масштабно-синтаксическая структура демонстрирует органическую неквадратность строения, чем напоминает народные песни. Для того чтобы компенсировать эту неквадратность, Чайковский дополняет вокальную партию четвертой фразой у гобоя, которая в точности повторяет третью фразу Томского.

Сопровождает мелодию простой аккордовый аккомпанемент струнных, причём партия первых скрипок дублирует мелодию Томского. Простота оркестрового сопровождения своеобразно подчёркивает ту напускную простоту и вальяжность, с которой Томский развлекает своих друзей, и в то же время воссоздаёт правдивую звуковую атмосферу в игорном доме, где подобное спонтанное выступление одного из игроков могло бы сопровождаться аккомпанементом гитар или других распространённых в быту инструментов.

Вторая половина куплета звучит более оживлённо и представляет собой варьированное изложение первого предложения темы с некоторыми мелодическими и гармоническими преобразованиями. Сначала мелодия переходит в параллельный минор (*d-moll*), затем в тональность *g-moll* (по принципу восходящей секвенции), наконец, в суммирующей третьей фразе изложение музыкальной мысли возвращается в основную тональность, но внезапно останавливается на красочной гармонии трезвучия VI **низкой ступени** (превращенная каденция). Этот выразительный аккорд, за которым следуют паузы в сопровождении, является подготовкой к кульминации всей партии Томского – выдержанному на фермате звуку «f¹». После этого экспрессивного кульминационно-

го момента звучит завершающая каденционная фраза, состоящая из октавного мелодического хода и нисходящего гаммообразного движения к тонике. Как правило, эта часть куплета трактуется вокалистами в подчеркнуто шутовом, даже ироничном ключе. Исполняя самый высокий звук Песенки, Томский словно красуется перед друзьями, окончательно покоряя их своим выступлением. Хор живо реагирует на происходящее, выкрикивая Томскому: «Браво, bravo! Ах, спой ещё куплет!».

Второй куплет имеет новый, не менее фривольный текст и идентичную первому куплету музыкальную структуру, однако по уже сложившейся традиции певцы здесь исполняют кульминационный звук «*f*» громче и дольше, чем в первом куплете. После второго куплета хор восторгается: «Браво, bravo! Это славно! Вот так песня! Молодец!» и повторяет за Томским окончание куплета, а он, в свою очередь, ещё раз солистно исполняет каденционную фразу с максимальной динамикой и намеренно пролонгированным удержанием ферматы. Таким всеобщим весельем и оканчивается Песенка, а ее бодрое и ироничное звучание резким контрастом оттеняет предстоящую сцену трагической развязки оперы. Это излюбленный драматургический приём Чайковского, который наиболее выразительно проявился именно в «Пиковой даме»: острейшие конфликтные ситуации чередуются с «отвлекающими» жизнерадостными эпизодами, причём развитие идёт в направлении всё большего напряжения и сгущения мрачных, зловещих тонов. Так, светлые по колориту хоры в Летнем саду (первая картина) предшествуют роковой встрече Германа и Лизы, зловещей балладе Томского и сцене грозы. В третьей картине жизнерадостная пастораль «Искренность пастушки» оттеняет бурно развивающуюся драму между главными героями. Так и в финале – Песенка Томского выполняет важную функцию усиления трагизма развязки оперы «Пиковая дама».

Мировая оперная практика продемонстрировала множество удачных интерпретаций образа Томского в опере «Пиковая дама». Партию Томского в разные годы исполняли Ф. Шаляпин, С. Лейферкус, А. Батулин, А. Иванов, А. Маринкович, М. Киселёв, Г. Акобян, В. Валайтис, Н. Путилин и другие известные баритоны со-

временности. Чаще всего данный персонаж трактован либо в «благородном ключе», когда подчёркивается знатное происхождение Томского, его дружеское отношение к Герману, осведомлённость в тайнах знати; либо Томский уподобляется весельчаку и ловеласу, склонному к забавам, мифам и мистификациям; в редких случаях исполнители обнаруживают и раскрывают скрытый смысл образа как некоего «проводника рока». С точки зрения вокальной интерпретации партии Томского, отметим, что её диапазон («*d*» – «*f*») наиболее органичен для исполнения лирическим или же лирико-драматическим баритоном, но с хорошо развитыми верхними звуками диапазона. В связи с ограниченной занятостью певца в масштабах оперы исполнитель роли Томского по традиции также поёт партию Златогора в Интермедии «Искренность пастушки» в третьей картине. В целом партия Томского обычно не вызывает серьёзных затруднений у исполнителей, а масштабность сольных номеров не требует особой выносливости голоса. Тем не менее в Песенке Томского наличествуют определённые трудности, которые требуют отдельного рассмотрения.

Очевидная проблема в интерпретации Песенки Томского «Если б милые девицы...» связана с тем, что обычно её трактуют как однозначно юмористическую, шуточную. Но воспоминания П. Чайковского, история создания оперы, особенности её драматургии с контрастно-оттеняющими эпизодами перед трагическими моментами – всё это свидетельствует о том, насколько важен этот номер и как глубок его смысл. Исполнителю нужно не только передать настроение Томского, который ещё минуту назад сидел погружённый в раздумья, а затем согласился на уговоры приятелей спеть что-то весёлое, но и показать нравы общества того времени – именно к этому стремился Чайковский. В оперной постановке есть возможность передать нужный подтекст не только интонационно, но и за счёт мимики, жестов и взаимодействия с хором.

Ещё одна важная проблема исполнения Песенки Томского – сугубо вокальная. Несмотря на то что данный номер не имеет ни большого диапазона, ни сложных интонационных или ритмических оборотов, в конце каждого куплета всё же присутствует один трудный для исполнения момент – кульминационный звук «*f*», который и

придаёт Песенке особую эффектность. Это одновременно и тот звук, который в интонационной структуре номера является главным, к которому стремится всё развитие в куплете, и тот звук, который по традициям оперного жанра позволяет солисту продемонстрировать свои вокальные таланты, «покрасоваться» перед публикой. Нота «*f*» относится к высокой баритоновой тесситуре, при этом её положение в диапазоне баритона неоднозначно: данный звук попадает либо на самое начало головного регистра, либо вообще в переходную зону между грудным и головным регистром. В обоих случаях это доставляет массу проблем для исполнения. Если «*f*» является звуком головного регистра – то нужно очень быстро и естественно на него переключиться, для чего рекомендуется взять небольшую цезуру или сделать *ritenuto*. Это вполне осуществимо, так как перед ним мелодия оканчивается на октаву ниже, а на самом кульминационном звуке поставлена фермата. Гораздо сложнее тем баритонам, у кого этот звук приходится на переходную зону. Обычно в методической литературе называют переходными звуки «*c*¹», «*d*¹» и «*e*¹», но у многих певцов к этой зоне относится и «*f*¹». Механика звукообразования и положение связок в этой зоне меняется, здесь труднее всего чисто интонировать, тембр может приобрести другое качество. Для преодоления этих трудностей важно расширить зону микстового регистра, добиться того, чтобы переходная нота звучала тембрально более близкой к основному баритоновому качеству голоса. Можно рекомендовать специальные распевки и упражнения, которые позволяют работать над регистровыми зонами, расширять их, сглаживать границы между ними, и главное – делать это постепенно, в медленном темпе, без напряжения гортани или мышц шеи.

Кроме вышеописанных трудностей, в Песенке Томского «Если б милые девицы...» есть ещё ряд исполнительских особенностей, которым вокалисту следует уделить внимание. Во-первых, это кантиленное звучание в целом: в Песенке нет резких акцентов или отрывистых нот на *staccato*, поэтому звучание должно быть плавным, связным, с аккуратной и правильной фразировкой, грамотно расставленным дыханием. Логично брать дыхание между фразами, а в самой мелодии каждой фразы первые и последние звуки исполнять чуть тише и аккуратнее.

Во-вторых, при всей простоте мелодии и неспешном темпе, в ней есть несколько мест, где широкие скачки требуют особого внимания к чистоте интонирования. Например, в третьей фразе куплета («...на моих сидеть ветвях») есть несколько последовательных скачков. Эта сложность – сугубо техническая, её можно отработать заранее на основе упражнений, где будут использоваться широкие интервалы (например, пение арпеджио, ломаных арпеджио и т. д.).

В-третьих, из-за наличия затактов в мелодии, которые ещё и выписаны в виде пунктирных ритмических групп, возникает риск спеть их слишком грубо, как бы «выталкивая» звуки. Это недопустимо, так как затакт находится на слабом времени и, к тому же, в начале мелодической фразы. Рекомендация может быть только одна – помнить об этом важном моменте и контролировать звук во время исполнения. Если даже не получилось достаточно аккуратно спеть затакт – важно это сразу же заметить и спеть следующий мотив чуть громче и активнее, что позволит сгладить ошибку.

В-четвёртых, в нотах Чайковского очень скупо проставлены динамические оттенки, поэтому исполнителю нужно продумать заранее, какие нюансы использовать, чтобы Песенка Томского звучала выразительно и не слишком однообразно. Здесь нужно опираться на стандартную рекомендацию: во фразах с восходящим мелодическим движением делать небольшое усиление звука, с нисходящими интонациями – наоборот, постепенно приглушать нюанс. Звенья секвенции также должны отличаться в динамике – более высокие логично исполнить чуть громче, а самое низкое «минорное» звено («я желал бы быть...») спеть тише. Главная динамическая волна должна приходиться на кульминацию: перед звуком «*f*¹» следует сделать крещендо, а после него – небольшое диминуэндо. Наиболее выразительная и динамически яркая кульминация должна быть помещена в окончании номера – то есть в последнем сольном припеве Томского после общего звучания хора.

Наконец, последнее замечание, относящееся к исполнительским особенностям Песенки Томского, касается дикции. Так как значительная доля юмористического смысла и всего музыкального образа песни заложена именно в тексте – очень

важно чётко и внятно его артикулировать, чтобы слушателю было ясно каждое слово. Дикцию и артикуляцию можно отрабатывать как на специальных упражнениях, так и на основе самой Песенки Томского: выбирать небольшой отрывок и повторять его несколько раз в медленном темпе с утрированно чётким произношением слов.

Предложенные в статье методические рекомендации будут полезны и педагогам, и исполнителям-вокалистам – причём как в работе над Песенкой Томского, так и над образом графа в целом. Преодоление всех вышеуказанных сложностей позволит исполнителю раскрыть идею композитора, которая заключается в двух

ключевых аспектах: драматургической идее противопоставления жизнерадостной Песенки последующему трагическому финалу и реалистичной художественной передаче нравов тех времён, когда происходят события оперы «Пиковая дама». Кроме того, глубокое понимание персонажа Томского и его неоднозначной роли в музыкальной драматургии оперы способствует убедительному сценическому воплощению образа графа и интерпретации его сольных номеров. При качественном исполнении и правильном эмоционально-образном наполнении Песенки Томского «Если б милые девицы...» она способна стать украшением репертуара любого баритона современности.

Литература

1. Алышванг А. А. П. И. Чайковский. – М.: Музыка, 1970. – 816 с.
2. Лысенко С. Ю. Опера П. Чайковского «Пиковая дама» как феномен художественной интерпретации: синергетический аспект // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2013. – № 23. – С. 139–147.
3. Поморцева Н. В., Протасова Н. Г. Формирование интерпретационной культуры музыканта в процессе исполнительской деятельности // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2019. – № 49. – С. 58–63.
4. Пономарева Е. В. Мифопоэтика и интертекстуальность в позднем творчестве П. И. Чайковского: автореф. дис. ... канд. искусствоведения. – Саратов: Саратов. гос. консерватория им. Л. В. Собинова, 2012. – 25 с.
5. Ушуллу И. И. Истоки вокального творчества П. И. Чайковского // Художественное образование России: современное состояние, проблемы, направления развития: мат-лы V Всерос. науч.-практ. конф. – Волгоград: Волгоград. науч. изд-во, 2011. – С. 88–93.
6. Ушуллу И. И. Оперная и романсная музыка П. И. Чайковского: жанрово-стилистические параллели // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопр. теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2012. – № 7 (21), ч. I. – С. 202–206.
7. Шмид В. «Пиковая дама» как метатекстуальная новелла // Шмид В. Проза как поэзия. Пушкин. Достоевский. Чехов. Авангард. – СПб.: ИНАПРЕСС, 1998. – С. 103–145.

References

1. Alshvang A.A. *P.I. Chaykovskiy [P.I. Tchaikovsky]*. Moscow, Muzyka Publ., 1970. 816 p. (In Russ.).
2. Lysenko S.Yu. Opera P. Chaykovskogo "Pikovaya dama" kak fenomen khudozhestvennoy interpretatsii: sinergeticheskiy aspekt [Tchaikovsky's Opera "Queen of Spades" as the Phenomenon of Artistic Interpretation: Synergetic Aspect]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts]*, 2013, no. 23, pp. 139-147. (In Russ.).
3. Pomortseva N.V., Protasova N.G. Formirovanie interpretatsionnoy kul'tury muzykanta v protsesse ispolnitel'skoy deyatel'nosti [Formation of the Interpretive Culture of a Musician in the Performing Activity]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts]*, 2019, no. 49, pp. 58-63. (In Russ.).
4. Ponomareva E.V. *Mifopoetika i intertekstual'nost' v pozdnem tvorchestve P.I. Chaykovskogo: avtoref. dis. ... kand. iskusstvovedeniya [Mythopoetics and intertextuality in the late work of P.I. Tchaikovsky. Author's abstract of diss. PhD in Art History]*. Saratov, Saratov State Conservatoire Publ., 2012. 25 p. (In Russ.).
5. Ushllu I.I. Istoki vokal'nogo tvorchestva P.I. Chaykovskogo [The origins of the vocal work of P.I. Tchaikovsky]. *Khudozhestvennoe obrazovanie Rossii: sovremennoe sostoyaniye, problemy, napravleniya razvitiya: materialy V Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii [Art education in Russia: current status, problems, development directions. Materials of the V All-Russian Scientific and Practical Conference]*. Volgograd, Volgogradskoe nauchnoe izdatel'stvo Publ., 2011, pp. 88-93. (In Russ.).
6. Ushllu I.I. Opernaya i romansnaya muzyka P.I. Chaykovskogo: zhanrovo-stilisticheskie paralleli [Opera and romance music P.I. Tchaikovsky: genre-stylistic parallels]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie nauki, kul'turologiya*

i iskuststvovedenie. Voprosy teorii i praktiki [Historical, philosophical, political sciences, cultural studies and art history. Issues of theory and practice]. Tambov, Gramota Publ., 2012, no. 7 (21), part I, pp. 202-206. (In Russ.).

7. Schmid V. "Pikovaya dama" kak metatekstualnaya novella ["The Queen of Spades" as a Metatextual Novel]. *Schmid V. Proza kak poeziya. Pushkin. Dostoevskiy. Chekhov. Avangard [Prose is like poetry. Pushkin. Dostoevsky. Chekhov. Vanguard].* St. Petersburg, INAPRESS Publ., 1998, pp. 103-145. (In Russ.).

УДК 781

REFLECTION OF CHRIST'S MONOGRAM AND CHRISTIANITY IN MUSIC¹

Danijela Stojanovic, PhD in Pedagogy, Professor, Vice-dean for Art and Science of Faculty of Arts, University of Nis (Nis, Republic of Serbia). E-mail: danijela63@yahoo.com

Natasha Nagorni Petrov, PhD in Pedagogy, Professor, Faculty of Arts, University of Nis (Nis, Republic of Serbia). E-mail: cairni@ni.ac.rs

A significant place in history took place in 2013, marking the celebration of the 1700th anniversary of adopting the Edict of Milan, the victory of Christianity over the paganism. Niš, as the birthplace of Constantine the Great, was therefore honored to hold the central celebration of the year. Many historians, scientists and artists have contributed to the great event. One of them, contemporary Serbian composer Dragan Tomić, inspired by this historical event, wrote a composition "Constantine Fugue" for the string ensemble on this occasion.

The paper is based on a short analytical presentation of the composition, with a special emphasis on the polyphonic and harmonic means used by the composer to reflect Christ's monograph in this piece. The choice of vertical and horizontal elements initiated the fugue as a piece form, while imitation, variation and chromaticization of the theme, as well as polyphonic techniques of stretto and inversion, are the elements used to achieve the symbol reflection in this musical piece. A special aspect of the paper regarding the reflection of Christ's monograph is the analysis of the piece symmetry, which is applied through the Fibonacci number, in the form of a golden cross-section.

Keywords: Dragan Tomić, Christ's monograph, polyphonic elements, golden cross-section.

ОТРАЖЕНИЕ МОНОГРАММЫ ХРИСТА И ХРИСТИАНСТВА В МУЗЫКЕ

Даниела Стоянович, кандидат педагогических наук, профессор кафедры музыкального искусства, заместитель декана по художественно-научным вопросам факультета искусств, Университет в Нише (г. Ниш, Республика Сербия). E-mail: danijela63@yahoo.com

Наташа Нагорни Петров, кандидат педагогических наук, профессор кафедры музыкального искусства факультета искусств, Университет в Нише (г. Ниш, Республика Сербия). E-mail: cairni@ni.ac.rs

В 2013 году произошло знаменательное событие в истории – празднование 1700-летия принятия Миланского эдикта, победы христианства над язычеством. Поэтому город Ниш, как место рождения Константина Великого, имел честь провести центральное празднование юбилея. Многие историки, ученые и художники внесли свой вклад в столь великое событие. Одним из них является современный сербский композитор Драган Томич. Вдохновленный таким грандиозным историческим событием, он написал по этому поводу сочинение «Фуга Константина» для струнного ансамбля.

Данная статья основана на кратком аналитическом изложении композиции, с особым акцентом на полифонические и гармонические средства, которые композитор использовал для отражения монограм-

¹ The paper was created as part of the project of the SASA Branch in Niš, *Music heritage of South-eastern Serbia, contemporary creativity and taste education* (0-10-17).

мы Христа в своем произведении. Выбор вертикальных и горизонтальных элементов положил начало фуге как форме произведения, в то время как подражание, вариация и хроматизация темы, а также полифонические методы стретто и инверсии использовались для отражения символа в этом музыкальном произведении. Отдельная особенность статьи, касающаяся отражения монограммы Христа, – это анализ симметрии произведения, которая применяется через число Фибоначчи, в виде золотого сечения.

Ключевые слова: Драган Томич, монограмма Христа, полифонические элементы, золотое сечение.

DOI: 10.317773/2078-1768-2020-50-126-137

INTRODUCTION. The Roman State represents a unique example of a constant long duration in history, of a total of 12 centuries, with occasional rises and falls. As the most powerful empire, politically, economically, and militarily, the Roman Empire was at the height of its power in the 1st and 2nd centuries. The enormous economic potential of the state made it possible to enormously enrich the Roman aristocracy, in favor of which the citizens enjoyed. The Romans forced the conquered countries and nations to accept the Roman system, with the cult of the gods, and the Latin language as official and public [9]. The Romans did not impose other changes on subordinate nations, except when domestic religion or ruler advocated anti-Roman policy. Until Galerius' Edict of religious tolerance from 311, great persecutions were carried out against Christians for seven years, by three emperors: Maximus, Deacon, and Diocletian [13]. On the basis of Galerius' published edict, repressive measures against Christians have been abolished, allowing them to live in their own faith, build churches provided they do not violate the state order and pray to their God for the good of the emperor, the state and their own good. In Edict, Galerius' recognition that the policy of force against Christians was a mistake and a wrong move was conceived. The Roman Empire was divided into the East, ruled by Licinius, a legitimate August, and Maximinus Daia, an arbitrary ruler, and into the West, which was divided between the two Augusts, Constantine and Maxentius, an illegitimate one and another one who was a usurper. Their conflict was unavoidable, because the victor would rule the entire western part of the Roman Empire. During the war preparations, Constantine made an alliance with Licinius, a legitimate August, making him a fiancée

to his sister Constantia, there by securing his support. [9] In the desire to be the only ruler of the Western Roman Empire, Constantine confidently moves towards Rome, subduing all the cities on that road.

1. INSPIRATION FOR COMPOSITION OF CONSTANTINE FUGUE

The city of Niš (Naissus), as the birthplace of Constantine the Great (Flavius Valerius Aurelius Constantinus), was chosen as the central place for the celebration of the 1700th anniversary of the proclamation of the *Milan Edict*. Contribution to this great event was given by many historians, scientific researchers, visual art and music artists, inspired by the historical events in 312 and 313 (Constantine's victory at the Milvian Bridge in October 312 and the proclamation of the Milan Edict on religious tolerance in 313). Among them is the contemporary composer from Niš, Dragan Tomić, a professor at the Faculty of Arts in Niš, who inspired by the historical figure of Constantine the Great and the symbolism of Christ's monogram, composed the one-movement program work of *Constantine Fugue*.

The composition was premiered in 2012 by *Concertante* String Orchestra in Moscow at the 5th Euroorchestra Festival, under the conductorship of Milena Injac, PhD, professor at the Faculty of Arts in Niš. The next year, in 2013, within the framework of the project "Niš composers," the composition was recorded on a CD, in the performance of the string ensemble *Fairy sounds*, under the conductorship of Zoran Stanisavljević, MA, a professor at the Faculty of Arts in Niš. Among these presentations, on the occasion of the celebration of the 1700th anniversary of the Milan Edict, the composition *Constantine*

Fugue has been so far performed a great many times for various manifestations, both in Serbia and abroad, and by many different performers. These data indicate that the composition has timeless character, because it possesses all the predispositions for unlimited existence, just like the very historical event that still inspires many artists today to create new works, equally in all segments of art.

2. CONSTANTINE'S DREAM – CHRIST'S MONOGRAM

The news that Constantine was invincible quickly rushed to Rome. The historical moment for Christianity is the Battle of the Milvian Bridge in October 312, when, after months of war, Constantine's army was exhausted and without hope of victory. Then, in a dream, after appealing to God, a sign with the inscription "With this sign you will win" (lat. *In hoc signo vinces*) appeared in the sky to Constantine. The sign in the form of Christ's monogram was composed of the Greek initial letters of Christ's name X and P, placed one over the other and crossed [3]. The record of Constantine's biographer Evgenius of Caesar, to whom Constantine told his experience also testified to this event: "He said that at about noon, when the day began to calm down, he saw with his own eyes a light sign in the form of a cross in the sky, in the form of the sun, with the inscription "For this victory." He was amazed by this scene, and also was his army, which testified this miracle. And as he contemplated the significance of that vision, the night fell suddenly, then Jesus Christ appeared to him in the dream with the same sign that he had already seen in the sky, asking him to make a similar sign and to use it as a protection in all the encounters with the enemy" [3].

The conviction of Constantine's dream and the uncritical nature with which it is accepted makes it still alive and current. The dream confirms and extends the message of the meaning of Christ's monogram with the mystical element of Christ's immediate experience and his recommendation for marking the shields of Constantine's soldiers. With the positive significance of the symbol in the vision before the battle and the announcement of the outcome of the event, Constantine's dream belongs to the prophetic dreams and represents the publication of the divine

secret that encourages interpretation [3]. Inspired by the divine sign, in the battle of the Milvian Bridge, Constantine convincingly defeated Maxentius' army.

The dream Constantine had dreamed of and that had envisioned his victory, converted him into a Christian. Perhaps that dream did not determine Constantine's conversion, but it proves that he himself just decided to convert or if he had already been converted to publicly state it [1]. Critics in historiography take a different stand on the question of Constantine's acceptance of Christianity. In discussing possible motives for his conversion, critics have cited several: voluntary acceptance of Christianity, political benefit, religious conviction, progress and rebellion against the old system (Edward Gibbon). Critic Palank thinks that Constantine accepted the pagan monotheism of his father, and that, only for the benefit, he wanted to articulate Christianity in this religious system. Although he was a turning point between pagan and Christian civilization and the empire, most saw him as a true believer who initiated a new way of thinking and created a new mentality among people in the whole empire [14].

Figure 1. Christ's Monogram

As the winner and the undisputed ruler of the Western Roman Empire, the next year, in 313 he meets with Licinius, a legitimate August in Milan to keep his promise, as he promised his sister as a pledge of alliance. Then an agreement was reached between them, known as the Milan Edict, which represents the edict of religious tolerance, which allows Christians to confess freely and to no longer fear the persecutions that were marked by the three previous centuries. In the Church history, the text of Evgenius about the *Milan Edict* was recorded:

“Since the two of us, I, Constantine August and myself, Licinius, a legitimate August, happily met in Milan, and since we considered everything related to the public good, among all the things that seemed to us to be useful in many things for all, we decided to give priority, and to put first what is related to the respect of gods and godliness, and to allow both Christians and everyone else the freedom to follow the religion they want, so that everything that is in heaven as benevolent to us and to all those who are under our authority. Today, therefore, we have made a salutary and just decision that absolutely no right be denied the right to choose and follow the divine service of the Christian religion, and that everyone should be free to turn his mind to the religion he considers to be in accordance with his attitude, so that the deity is benevolent to us, takes care of us and gives us the care and protection. Following this principle, we have agreed to bring this recipe so that what is in our previous decisions concerning Christians and which are devoted to your devotion, and which seems completely opposite and strange to our mildness, he abolished and that at the same time everybody of those who have the above-mentioned commitment to protect Christian religion, he can freely and easily hold it without difficulty” [9].

3. ANALYTICAL PRESENTATION OF THE COMPOSITION

The composition *Constantine Fugue* is of a program character, written for string ensemble. It can be divided into three main parts, each of them containing fewer parts:

- 1) Introduction (Fanfare, Coral part and Word part),
- 2) Central part (Fugue: exposition, development part and ending part) and
- 3) Code (Coral Part and Word part).

To create a composition, the author chooses a fugue as a form, the most adequate form whose musical means can “tell” the historical event – Constantine’s winning battle at the Milvian Bridge, as well as with the selected harmonic and polyphonic elements provided by the fugue, displays the Christ’s monogram and demonstrates the influence of this symbol on Constantine, his victory and conversion into Christianity.

The introductory part of the composition (1-11. t) was entrusted to solo cello, on the tonal basis of d-moll, melodic line of ambitus of which is less than two octaves (quartdecime). Punctuated rhythms and trio movements in melody are the means by which the sound of a fanfare is conveyed to mark the beginning of the battle. At the same tonal basis (d-moll) in the Coral section (12-23. t), with the completion of the entire string ensemble, the chord-harmonic structure is formed, in which the cello and the double bass perform the role of a pedal per ton D, while above them in the sections of violin and viola unfolds the downward chromaticity in the moll quintachord, from the Gis to Dis tones. Through the facture of the Coral Part of the composition, Constantine’s dream and his vision of the symbol of Christ’s monogram are conveyed bydynamic, rhythmic and harmonic means. The third part of the composition introduction (23-35. t) entrusted to the cello (Vc 1), with the melody volume in the interval of reduced quart (Gis-c), as well as the rhythmic move in the eighths and the longer note values at the end of the phrase, give to this piece the role of Word part of modulating character (from d-moll in a-moll). Symbolically, the Word part represents the text appearing to Constantine in the sky “With this sign you will win.” Believing that this symbol symbolizes immortality and the victory over death, in this way is painted his decision to turn to a Christian, his own conviction that God will provide him with a victory that will be the victory of Christ, the true commander

Example 1

A schematic presentation of composition Constantine Fugue

INTRODUCTION	CORAL PART	WORD PART	FUGUE			CORAL PART	WORD PART
Fanfare			exposition	development part	ending part		
1-11.	12-22.	23-35.	36-74.	75-125.	126-167.	168-176.	177-184.

of his army [1]. Above the Word part in the cello section, the modulation is complemented by colored chromatic elements in the violin and viola sections, announcing the central part of the composition Fugue.

To describe Constantine's battle, the author uses a polyphonic form of fugue, in which the elements necessary for the reflection of a historical event in musical arts are applied: imitation, stretto, inversion, variation of the theme, pedal. The Fugue (36-167. t) begins with the a-moll tonality and contains all three

standard parts: exposition, development part, and ending part.

The exposition (36-75. t) is presented in as four-voice, in the form of a dux and comes, with a shorter interval movement between the third and fourth theme expositions. The theme for the fugue is of a heterophone-doubling structure [12], because its core is divided into two melodies, one on the lying tone A in the form of a pedal, and the second one containing the second movement.

Example 2

Theme (dux in a-moll)

The repetition of the theme exposition is regular, from the deepest to the highest voice, and the imitation interval is the second:

1) Dux - cello 2 and double bass 2 (a-moll)

2) Comes - double bass 1 and cello 1 (h-moll)

3) Dux - Violin 2 and Viola (cis-moll)

4) Comes - violin 1 (dis-moll).

Table 1

Schematic presentation of the Fugue exposition

tact	36-42.	43-44.	45-50.	51.	53. STRETO	60-64. Interval movement	65-74.
Vln 1							THEME (in Dis) varied II part of theme
Vln 2					THEME (in Cis)	♪	CP
Vla					THEME (in Cis) varied II part of theme	♪	doubled THEME in 8
Vc 1			THEME (in H II part)	KS	THEME (in Cis)	♪	CP
Vc 2	THEME (in A)	KS	KS	CP	THEME (in Cis)	♪	doubled THEME in 8
Cb 1		THEME (in H)		KS	THEME (in Cis)	♪	CP
Cb 2	THEME (in A)	KS	KS	CP	THEME (in Cis)	♪	doubled THEME in 8

With the chosen harmonic and polyphonic elements, the beginning of the battle, the manifold of Constantine's army, is conceived. The appearances of the dux and comes represent the attack and the attack of dense first ranks of easier infantry, as well as other ranks of infantry with heavy weapons. The creation of a tension of fighting, depicting the collision of conflicting parties, a swarm of swords and shards of shields, in addition to the second imitation of the theme, was achieved also by complexing the facture by completing the entire performer's apparatus. In the third appearance of the theme in the form of a dux in violin 2 and viola, the stretto technique was applied with the cello 1 and 2 sections and double bass 1 and 2, with a two-tact interval. Using this polyphonic technique, a picture of the very fight of the first rows of infantry and the lateral rows of the cavalry, which was mounted on the wings of the army, is shown [4]. The fourth appearance of the theme as comes in dis-moll, in violin section 1, is reinforced by doubling of

the theme in violins, violoncelloes 2 and contrabasses 2, while the other part of the theme varies, which can symbolically convey the redeployment of the ranks of the army after the loss imposed to the opposite side.

The development part (75-125 t), as the central and most extensive part of the fugue, represents the culmination of the battle using different polyphonic means. By homorhythmic facture at the beginning of the development part, with motifs from the theme of the second-downward movement in doubles, confident Konstantin, the unique organization of the army and readiness for victor were painted. The application of stretto technique on the one hand, in the cello sections of violoncello 1 and 2 and contrabass 1 and 2, and, on the other hand, in violin sections 1 and 2 and viola, was organized through three links, in the form of a modulatory second-downward sequence, in eis-moll, e-moll, and dis-moll, leading to the culmination of the piece, the reflection of the symbol of Christ's monograma.

Table 2

Stretto in the development part

tact	75-84.	85-87.	88.	STRETO				
				89-91.	92.	93.	94.	95-96.
Vln 1		(for 2↑)	KS	THEME (in Eis)		THEME (II part in E)		THEME (II part in Dis)
Vln 2			KS	THEME (in Eis)		THEME (II part in E)		THEME (II part in Dis)
Vla			KS	THEME (in Eis)		THEME (II part in E)		THEME (II part in Dis)
Vc 1			THEME (in Eis)		THEME (II part in E)		THEME (II part in Dis)	KS
Vc 2			THEME (in Eis)		THEME (II part in E)		THEME (II part in Dis)	KS
Cb 1			THEME (in Eis)		THEME (II part in E)		THEME (II part in Dis)	KS
Cb 2			THEME (in Eis)		THEME (II part in E)		THEME (II part in Dis)	KS

The final part of the fugue (125-167. t) represents the reminiscence of the introductory part of the composition, because it begins with a motif that reflects the sound of fanfare, marking the victory. The theme is presented in total four times, as well as in the exposition, with a smaller difference in tonality and fidelity of exposition. All four times violoncellos 1 and 2 and contrabass 1 and 2 bring the

theme, for the first time in a-moll, the second time in h-moll, with a chromatized theme, the third time in cis-moll, and the fourth time again in a-moll. At the fourth exposition of the theme, theme reversal in the violin 1 and 2 violin sections was simultaneously applied. At all times, the pedal is in the viola section, which is still in duration from development part.

Table 3

The ending part of the fugue

tact	126-134.	135-139.	140-147.	Interval movement 148-155.	155-164.	Interval movement 165-167.	CORAL PART 168-176.	WORD PART 177-184.
Vln 1	fanfare		CP		THEME in inversion			
Vln 2	fanfare		CP		THEME in inversion			
Vla	pedal	pedal	pedal	pedal	pedal			
Vc 1	THEME (in A)	THEME (varied I part of theme)	THEME (in Cis)		THEME (in A)			
Vc 2	THEME (in A)	THEME (varied I part of theme)	THEME (in Cis)		THEME (in A)			
Cb 1	THEME (in A)	THEME (varied I part of theme)	THEME (in Cis)		THEME (in A)			
Cb 2	THEME (in A)	THEME (varied I part of theme)	THEME (in Cis)		THEME (in A)			

The end of the composition (168-184. t) is presented in the form of the Coral Part, the homophonic facture in d-moll, with which the composition began, and the Word part, completely identical melody lines as in the introductory part of the composition. The reprise in the final part, as a reminiscence of the introductory part, symbolically

represents the confirmation of Constantine's faith in the victory before the beginning of the battle and its positive outcome in the end.

The symbol of Christ's monogram is depicted in the development part of the fugue in the form of a fragment, which appears five times in total, in varied forms, in the section of the first violin (100-125. t).

Table 4

A schematic presentation of the culmination part and reflection of Christ's monogram

tact	100-108.	109.	110.	111.	112-113.	114-117.	118-119.	120-125.
Vln 1	fragment	fragment		fragment		 as fanfare	fragment	fragment
		THEME (I part)			THEME (II part)		THEME (in D)	
Vln 2		THEME (I part)			THEME (II part)	 as fanfare	THEME (in D)	
Vla		pedal		pedal		pedal	pedal	pedal
Vc 1			THEME (II part)				THEME in inversion	
Vc 2			THEME (II part)				THEME in inversion	
Cb 1			THEME (II part)				THEME in inversion	
Cb 2			THEME (II part)				THEME in inversion	

The culmination part of the fugue, and the entire composition, is depicted through the reflection of Christ's monogram, as the moment of the most fierce struggle, in which the Constantine's army is, believing that the symbol engraved on their shields will bring victory to them.

For the reflection of the symbol of Christ's monogram, which contains five arms, the author repeats the musical fragment five times in total, in accordance with the monogram. Every time the fragment is shown in a different way, with a variety

of accompanying sections, which makes all the total facture different each time. The melody line of the fragment is basically built from the motif of the theme and motif from the introductory part of the composition.

Forms of reflecting the symbol of Christ's monogram:

1) First symbol arm - first exposition of the fragment (100-108. t):

fragment (Vln 1) + theme motifs in other sections = homophone facture.

Example 3

First exposition of the fragment

2) Second symbol arm - second exposition of the fragment (109-110. t):

Shortened fragment (Vln 1) + first part of the theme (Vln 1, Vln 2) + pedal (Vla) + the second part

of the theme (Vc1, Vc 2, Cb 1, Cb 2) in the third part of the fragment = polyphonic facture.

Example 4

Second exposition of the fragment

3) Third symbol arm - third exposition of the fragment (111-117. t):

Shortened fragment (Vln 1) + stretto with the other part of the theme (Vln 1, Vln 2) + motif fanfare

(golden cross-section 113. t) + pedal (Vla) + theme motifs (Vc1, Vc 2, Cb 1, Cb 2) = polyphonic facture.

Example 5

Third exposition of the fragment

4) Fourth symbol arm - Fourth exposition of the fragment (118-119. t):

Shortened fragment (Vln 1) + theme (Vln 1, Vln 2) + pedal (Vla) + theme in inversion (Vc1, Vc2, Cb 1, Cb 2) = polyphonic facture.

5) Fifth symbol arm - fifth exposition of the fragment (120-125. t):

Varied fragment from previous exposition (Vln 1) + pedal (Vla) + theme in inversion (Vc1, Vc2, Cb 1, Cb 2) = polyphonic facture + extension = homophonous facture leading to the final part of the fugue.

Example 6

Fourth exposition of the fragment

Example 7

Fifth exposition of the fragment

Example 8

Fragments in the role of the reflection of Christ's monogram

Starting from the thesis that art is a question of the balance and relation of parts to the whole, the problem of proportionality is shown as one of its key factors. Hemenway [2] points out that paintings, sculptures, architectural and musical achievements in their appearance are organized according to a hidden meaning for proportions. Therefore, the task of interpreting the influence and effects of this proportion within a certain work is set.

In the domain of music, the golden section and the Fibonacci series (0, 1, 1, 2, 3, 5, 8, 13, 21, 34, 55, 89, 144 ...) are considered from the aspect of the structure of instruments, acoustics and compositional structure. Another aspect of the observation of the golden cross-section in music refers to the perception of their effects in a particular composition. Although this process can be applied to almost all of the music

components, consideration of the correlation between this proportion and the formal pattern is a particularly important analytical field, since to the greatest extent it indicates the balance, the harmonious proportionality and the uniqueness of the concept of work [2].

The golden cross-section can be expressed numerically as a constant whose size is 1.6180339 ..., but its meaning in nature is not so much in its numerical value as in the proportion it determines. The only natural arithmetic scale or proportion that can be obtained with only two elements is expressed by the formula $a:b = (a+b):a$, where the smaller size, according to the greater, is in relation as larger according to the sum of both sizes. This proportion is called the **Golden proportion**.

And the composition *Constantine Fugue* has a golden cross-section. It can be noticed in the second

part of the 114th tact, or more precisely 113.75 tact of the composition, between the third and fourth exposition of the fragment. If we take into account that the golden cross-section constant is 1.6180339..., and that the composition has a total of 184 tacts, it is easy to see the golden cross-section. We will set the

equation by determining that $a = 113.75$, $b = 70.25$. The obtained equation of the golden cross-section will be:

$$\frac{(113.75 + 70.25)}{113.75} = 1.617582 \dots = 1.618$$

Example 9

The golden cross-section of the composition

The image displays a musical score for an orchestral fugue, titled 'Constantine Fugue'. The score is written for six staves: Violin I (Vln. I), Violin II (Vln. II), Viola (Vla.), Violoncello I (Vc. 1), Violoncello II (Vc. 2), and Contrabass I (Cb. 1). A vertical yellow line is drawn through the score at the 113.75-tact mark, indicating the golden cross-section. The score is in 2/4 time and features complex polyphonic textures with various musical notations such as triplets, slurs, and dynamic markings like 'mf'.

The composition *Constantine Fugue* is an example of a reflection of a historical event and symbols in musical art. The victory of Constantine's army at the Milvian Bridge, the conversion of Constantine the Great into a Christian, the symbolism of Christ's monogram, was presented by Dragan Tomić with adequate harmonic and polyphonic means. The composition is written in the form of orchestral fugue. Its formal three-dimensionality was basically achieved by a combination of homophones and polyphonic factures. The theme

of the fugue is exposed in various ways: shortening, variation, chromatization, inversion, in stredo. The pedal, in the way of the Baroque fugue, was applied in the viola sections. The symbol of Christ's monogram is shown, especially with the harmonic-polyphonic means, through the fragmentary structure in different ways, in which the golden cross-section is applied. All of these elements are one of the ways of contemporary musical interpretation of the historical event of the 17th century, thus achieving a very timeless duration.

Literature

1. Ven Pol. Kada je naš svet postao hrišćanski. – Novi Sad: Mediterran Publishing, 2013. – 187 p.
2. Vesić D. Zlatni presek i Fibonačijev niz u muzici – osobenosti Bartokovog stvaralačkog opusa // Zbornik radova Akademije umetnosti. Muzika u nauci i praksi. – Novi Sad: Akademija umetnosti. – 2014. – № 2. – P. 198–209.
3. Јовановић Б. Легенда о Константиновом сну // Зборник радова Ниш и Византија. – Ниш: Универзитет у Нишу, 2013. – № XII. – P. 507–516.
4. Keravica N. Nepobedivi Konstantin. – Beograd: Evoluta, 2011. – 132 p.
5. Костић Г. Хи-Ро: Христов монограм или Константинов астро-код // Зборник радова Развој астрономије код Срба VII. – Београд: Руђер Бошковић, 2014. – № 13. – P. 963–974.
6. Миличић Д., Дрндарски М., Холод А. & Лазић З. Фибоначи и златни пресек у интердисциплинарној настави // Иновације у настави. – 2014. – XXVII, № 4. – P. 86–91.
7. Milojković J. Zlatni presek. Master rad. – Beograd: Matematički fakultet Univerziteta u Beogradu, 2009. – 83 p.
8. Novaković J. Pitagorejska geometrija. Master rad. – Beograd: Matematički fakultet Univerziteta u Beogradu, 2016.
9. Радић Р. Константин Велики – надмоћ хришћанства. – Београд: Еволута. – 2010. – 209 p.
10. Radić R., Stojiljković D. & Zakarija F. Trijumf hrišćanstva. – Beograd: Dan Graf, Zavod za udžbenike, Službeni glasnik, 2013. – 95 p.
11. Sabo A. Ispoljavanje simetrije u muzičkom obliku – pitanja metodologije analize. Doktorska disertacija. – Beograd: Interdisciplinarnе studije, Univerzitet umetnosti u Beogradu, 2012. – 263 p.
12. Скребкова Ф.М. Фактура у музици. – Ниш: Виша музичка школа, 1996. – 72 p.
13. Ферјанчић С. Константин. – Београд: Службени гласник, 2013. – P. 306–337.
14. Чаировић И. Преобраћење и крштење цара Константина // Зборник радова Ниш и Византија. – Ниш: Универзитет у Нишу, 2007. – № VI. – P. 369–378.
15. Чаировић И. Константин Велики као хришћанин-однос неких историографа према њему и његовој вери // Зборник радова Ниш и Византија. – Ниш: Универзитет у Нишу, 2009. – № VIII. – P. 471–478.

References

1. Ven Pol. *Kogda nash mir stal khristianskim [When our world became Christian]*. Novi Sad, Mediterran Publ., 2013. 187 p. (In Serb.).
2. Vesić D. *Zolotoe sechenie i posledovatel'nost' Fibonachchi v muzyke – kharakteristiki tvorchestva Bartoka [The golden ratio and the Fibonacci sequence in music are characteristics of Bartok's work]*. *Trudy Akademii khudozhestv. Muzyka v nauke i praktike [Proceedings of the Academy of Arts. Music in science and practice]*. Novi Sad, Academy of Arts Publ., 2014, no. 2, pp. 198-209. (In Serb.).
3. Jovanović B. *Legenda o mechte Konstantina [The legend of the dream of Constantine]*. *Trudy Nisha i Vizantii [Proceedings of Nis and Byzantium]*. Nis, University of Nis Publ., 2013, no. XII, pp. 507-516. (In Serb.).
4. Keravica N. *Nepobedimyy Konstantin [Invincible Constantine]*. Beograd, Evoluta Publ., 2011. 132 p. (In Serb.).
5. Kostic G. *Hi-Ro: monogramma Khrista ili astrokod Konstantina [Hi-Ro: Christ's monogram or Constantine's astro codex]*. *Trudy razvitiya astronomii u serbov VII [Proceedings Development of Astronomy in Serbs VII]*. Beograd, Руђер Бошковић Publ., 2014, no. 13, pp. 963-974. (In Serb.).
6. Milicic D., Drndarski M., Holod A. & Lazić Z. *Fibonachchi i Zolotoy krest v mezhdistiplinarnom obuchenii [Fibonacci and the Gold Cross in Interdisciplinary Teaching]*. *Prepodavanie innovatsiy [Teaching Innovation]*, 2014, XXVII, no. 4, pp. 86-91. (In Serb.).
7. Milojkovic J. *Zolotoe sechenie. Masterskaya dissertatsiya [Golden ratio. Master's dissertation]*. Beograd, Faculty of Mathematics of the University Publ., 2009. 83 p. (In Serb.).
8. Novaković J. *Pifagoreyskaya geometriya. Masterskaya dissertatsiya [Pythagorean geometry. Master's dissertation]*. Beograd, Faculty of Mathematics of the University Publ., 2016. (In Serb.).
9. Radić R. *Konstantin Velikiy – prevoskhodstvo khristianstva [Constantine the Great as the dominance of Christianity]*. Beograd, Evoluta Publ., 2010. 209 p. (In Serb.).
10. Radić R., Stojiljković D. & Zakarija F. *Triumf khristianstva [The triumph of Christianity]*. Beograd, Dan Graf; Zavod za udžbenike, Službeni glasnik Publ., 2013. 95 p. (In Serb.).
11. Sabo A. *Ispol'zuyemoye metodologicheskoye issledovaniye i analiz metodologii analiza: doktorskaya dissertatsiya [Used methodological research and analysis of the analysis methodology. Diss. of Dr. Sci.]*. Beograd, Interdisciplinary Research, University of the Arts Publ., 2012. 263 p. (In Serb.).
12. Skrebkova F.M. *Faktura v muzyke [The texture of the Music]*. Nish, Higher School of Music Publ., 1996. 72 p. (In Serb.).

13. Ferjanchih S. *Konstantin [Konstantin]*. Beograd, Službeni glasnik Publ., 2013, pp. 306-337. (In Serb.).
14. Chairović I. Preobraženie i kreshchenie tsarya Konstantina [Transfiguration and the baptism of Emperor Constantine]. *Trudy Nisha i Vizantii [Proceedings of Nis and Byzantium]*. Nish, University of Nish Publ., 2007, no. VI, pp. 369-378. (In Serb.).
15. Chairović I. Velikiy kak khristianin – otnosheniye nekotorykh istoriografov k nemu i ego vere [Great as a Christian – the approach of some historiographers to him and his faith]. *Trudy Nisha i Vizantii [Proceedings of Nis and Byzantium]*. Nish, University of Nish Publ., 2009, no. VIII, pp. 471-478. (In Serb.).

УДК 7.747

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ТРАДИЦИИ ДОМАШНЕГО РУКОДЕЛИЯ В ОБЫВАТЕЛЬСКОМ ИНТЕРЬЕРЕ XIX–XX ВЕКОВ

Усанова Алла Леонидовна, доктор искусствоведения, профессор кафедры культурологии и дизайна, Алтайский государственный университет (г. Барнаул, РФ). E-mail: alla_leo@mail.ru

Кирюшина Юлия Владимировна, кандидат искусствоведения, доцент кафедры истории искусства, костюма и текстиля, Алтайский государственный университет (г. Барнаул, РФ). E-mail: ykirushina@mail.ru

В современном искусствознании происходит расширение границ понятия художественной культуры, что позволяет исследователям обращаться к различным аспектам художественной практики прошлого, оставшимся вне поля научного знания. На наш взгляд, художественное убранство обывательского жилища (в историко-сословном контексте определения) представляет особый интерес, в силу численного преобладания данной категории населения как в отечественной истории второй половины XIX, так и в советский период несмотря на коннотационные трансформации понятия «обыватель». В советском искусствознании творческие практики в рамках домашнего рукоделия балансировали в границах народного искусства либо обозначались обтекаемым термином «самодеятельное искусство». Однако современные исследователи дают более точное определение – «нетрадиционное народное творчество», в границах которого и развивался, по выражению О. Балдиной, советский «бытовой дизайн» (см. [4, с. 121]). Его специфика заключалась в ориентации на самые яркие образцы как традиционного народного, так и высокого «элитарного» искусства, их интерпретации и адаптации «для себя». В статье рассматриваются приемы оформления жилого пространства декоративным текстилем, описываются наиболее типичные техники изготовления кружева, лоскутного шитья, вышивки и предметный спектр рукоделия в интерьере XIX–XX веков. Особое внимание уделяется художественно-бытовым традициям Сибирского региона. Стилистический анализ предметов, выполненных в рамках домашнего рукоделия, позволяет сформулировать выводы не только об индивидуальных вкусах и эстетических предпочтениях мастериц, но и о художественных тенденциях домашнего рукоделия XIX–XX веков.

Ключевые слова: домашнее рукоделие, вышивка, кружево, лоскутное шитье, интерьер.

HOME HANDICRAFT ART TRADITIONS OF MIDDLE-BROW INTERIOR OF THE 19TH AND 20TH CENTURIES

Usanova Alla Leonidovna, Dr of Art History, Professor of Department of Culturology and Design, Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: alla_leo@mail.ru

Kiryushina Yuliya Vladimirovna, PhD in Art History, Associate Professor of Department of the History of Art, Costume and Textile, Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: ykirushina@mail.ru

In modern Art History, the boundaries of the concept of artistic culture are expanding, which allows researchers to turn to various aspects of the artistic practice of the past that remain outside the field of scientific

knowledge. In authors' opinion, the artistic decoration of the philistine (in the historical-estate context of the definition) dwelling is of particular interest, due to the numerical predominance of this category of the population in the domestic history of the second half of the 19th century and in the Soviet period despite the connotation transformations of the concept of "philistine." In Soviet art criticism, creative practices within the framework of home needlework balanced within the boundaries of folk art or were denoted by the streamlined term "amateur art." However, modern researchers give a more precise definition of non-traditional folk art, within the boundaries of which the Soviet "household design" developed according to the expression of O. Baldina [4, p. 121]. Its specificity was focused on the most striking examples of traditional folk and high "elite" art, their interpretation and adaptation "for themselves." The article discusses the techniques for decorating living space with decorative textiles, describes the most typical techniques for making lace, patchwork, embroidery and the subject spectrum of needlework in the interior of the 19th and 20th centuries. Particular attention is paid to the artistic and domestic traditions of Siberian region. A stylistic analysis of objects made as part of homemade needlework allows us to formulate conclusions not only about the individual tastes and about aesthetic preferences of the craftswomen but also the artistic trends of home handicraft of the 19th and 20th centuries.

Keywords: homemade needlework, embroidery, lace, patchwork, interior.

DOI: 10.31773/2078-1768-2020-50-137-142

В убранстве жилого интерьера с середины XIX века происходит трансформация традиционных форм народного творчества. Особенно ярко эти тенденции проявились в текстильных изделиях, ориентирующихся на эклектичные формы промежуточной художественной культуры.

События, происходящие в первой четверти XX века – революция, войны, глобальная миграция сельского и городского населения, а также трудности переходного периода, не оказывают существенного влияния на эстетические представления обывателя о красоте и уюте обитаемого интерьера.

В 1930-х годах и послевоенное десятилетие в обществе отмечается возрастающий интерес к произведениям народного декоративно-прикладного искусства, художественных промыслов. Занятие домашним рукоделием, самостоятельное изготовление незатейливых элементов убранства жилища – популярный досуг как у городского, так и сельского населения – активно поощряется государством в условиях неразвитой индустрии быта. Рукотворные предметы декора в интерьере, вышивка, кружево не только не исчезают, но становятся важной стилистической особенностью советского жилого интерьера.

Художественному убранству спального места, кровати уделялось особое внимание. Тради-

ционно аутентичное отношение к данному предмету, определявшееся его статусом еще в крестьянском быту, в 1920–30-х и даже 1950-х годах лишь укрепляется, поскольку нередко в этот период для многих «койко-место» в общежитии становится единственным личным пространством. [7, с. 110]. Традиция художественного убранства и декорирования кровати представляет собой отражение эстетических предпочтений, навыков рукоделия хозяйки и проявление региональной моды.

Кружевные подзоры и техники их изготовления становятся все более разнообразными. Распространенные ранее, особенно в Сибирском регионе, украшения представляли собой вывязанный крючком ленточный орнамент с ромбами, крестами, квадратами, пересекающимися или расположенными рядами, а также изображенными один в другом. Постепенно кружевные подзоры и уголки начинают обогащаться сложным растительным, а иногда и сюжетным изображением.

К середине XX века все большую популярность получают кружевные техники ришелье и мережка, особым изяществом отличалось богато декорированное постельное белье: наволочки, подзоры, уголки и пододеяльники. Нехарактерные для крестьянских мастериц Сибири аристократические техники кружевоплетения были привнесены и адаптированы мастерицами, вы-

ходцами из Прибалтики, немецких поселений Поволжья, Западной Украины в конце XIX – первой половине XX века. Наибольшей популярностью в домашнем рукоделии пользовалась традиционная техника вязания кружев крючком из хлопчатобумажных и льняных нитей [5, с. 47]. Различные по назначению предметы декоративного текстиля, отделанные кружевом (подзоры, занавески, скатерти, накидки на подушки, салфетки и дорожки), которые располагались на поверхности стола, комода и этажерки, сообщали интерьеру жилища атмосферу легкости и праздничности. Особой популярностью пользовался прием диагонального размещения кружевных, вышитых салфеток-дорожек на высокой спинке дивана или на ковре над кроватью.

Композиционная цельность и стилистическая завершенность интерьера обусловлена ансамблевым подходом к изготовлению и использованию кружевного текстиля, что в целом свойственно художественным тенденциям конца XIX – середины XX века.

Не менее популярным и изобретательным видом домашнего рукоделия в художественном оформлении спального места являлось лоскутное шитье. Техника изготовления эффектного предмета интерьера – изделия из лоскутков – предельно проста: по принципу мозаики сшиваются между собой кусочки ткани с разной фактурой, цветом и составом, и создается единое полотно с неповторимым рисунком и композицией [9, с. 10]. Истоки возникновения и популярности данного вида домашнего рукоделия в различных культурах и странах обусловлены очевидными причинами.

Бережливые хозяйки нередко обновляли одежду, латая и перешивая обветшавшие вещи. Одежду, не пригодную для носки, использовали для дальнейшей переработки и изготовления предметов декоративно-бытового назначения. Вещи сортировали и, выбирая пригодные фрагменты ткани, разрезали на лоскуты для шитья одеял и занавесок, совсем ветхие ткани употребляли для плетения напольных дорожек и ковриков. В России традиции лоскутного шитья получили широкое распространение в конце XVIII – начале XIX века, когда фабричные ткани стали предметом повседневного обихода в домах. Во второй половине XIX века благодаря развитию промышленности появился ситец с ярким,

радужным рисунком, значительно украсив быт того времени. Это давало возможность хозяйкам подшивать одежду ставшую детям короткой, а обрезки шли на пошив одеял, покрывал, занавесок. В каждом русском изделии из лоскутов сохранялись общие традиционные подходы к цвету, композиции, к способам его создания [3, с. 33].

Не исключено, что наряду с социально-экономическими причинами идея подбора различных кусочков ткани и составления лоскутных орнаментов берет свое начало от древнего искусства создания мозаичных композиций. Подтверждением является тот факт, что в лоскутных изделиях часто использовали технику аппликации. Аппликация – способ выполнения орнаментов, различных изображений многофигурных композиций путем нашивания, наклеивания на ткань разноцветных и разнофактурных кусочков какого-либо однотипного или чужеродного материала: ткань, мех и т. д. [2, с. 73]. Мастерицы уже на готовое лоскутное изделие накладывали различные кусочки ткани – так появлялись сюжетные композиции. В крестьянском творчестве, особенно в центральной части России, иногда аппликация заменяла вышивку. Яркий лоскуток ситца или сатина мастерица вставляла между вышивкой на полотенце, рукавах рубахи, подоле, фартуке в костюме. Данная техника декорирования была более быстрой, чем трудоемкая мелкая вышивка, и доступной даже малоопытной мастерице.

В конце XIX – первой половине XX века наиболее распространенными предметами текстильного интерьера, выполненными в технике лоскутного шитья, являлись одеяла и декоративные панно. Изготовление стеганых одеял – одна из наиболее распространенных практик домашнего рукоделия. Кусочки ткани сшивались либо в произвольном порядке, либо в виде орнамента. Далее орнаментированная сторона соединялась с утепленной прокладкой – ватином или с подкладочным материалом. Изделие прошивалось, при этом швы представляли собой замкнутую орнаментальную композицию либо определенное узнаваемое изображение. Часто мастерицы обращались к стилизованным изображениям растений и животных, вернее, к их наивным очертаниям, особенно к контурам разных цветов и листьев.

Декоративные панно из лоскутов, и даже целые картины, первоначально получили распро-

странение в Европе в XVIII веке, когда началась популяризация тканей пестрых расцветок – набивных ситцев, привозимых, в основном, из Индии и Персии. Тогда, чтобы сэкономить дорогую модную материю, портнихи часто выполняли из них только узоры, которые нашивали на однотонную ткань. На некоторых вещах, созданных в такой технике, кусочки пестрого ситца, создававшие узор, располагались далеко друг от друга, а однотонный фон просто простегивался фигурными швами, нередко – с прокладыванием шнура для придания шву объема. Подобный вариант шитья получил красноречивое название – «персидская вышивка». Традиционно изделие состоит из трёх слоёв ткани: нижний слой – основа, средний слой – мягкая прокладка и верхний слой – главный. Его суть – аппликация или «смешанная техника»: сочетание накладных лоскутков с вышивкой нитками, коллажами из других материалов и т. д. Все три слоя обязательно простёгиваются, после чего на поверхности изделия образуется рельефный узор, и изделие приобретает объем.

Позднее, в XIX веке и особенно в первой половине XX века, изготовление декоративных панно в технике лоскутного шитья или аппликации получило распространение в России. Как правило, данные изделия использовались в качестве прикроватного коврика, выполняющего не столько утилитарные функции, сколько репрезентативные: обозначение композиционного и смыслового центра интерьера.

В оформлении обывательского интерьера наряду с кружевным декором и лоскутными изделиями большой популярностью пользовался вышитый текстиль. С конца XIX века и особенно в первой половине XX века кроме традиционных рушников мода на вышитый декор распространяется еще на большинство видов интерьерного текстиля – салфетки и скатерти, занавески, покрывала, наволочки, чехлы, накидки, а также подушки-думочки. Широкое распространение в убранстве интерьера приобретают сюжетные декоративные панно, картины в технике вышивки. Качественные изменения в назначении вышитого декора в интерьере повлекли за собой изменения формального свойства: «...сюжеты придавали несвойственную вышивке динамику; возникали новые стилистические приемы, материалы и даже техники исполнения» [1, с. 48]. Наряду с тради-

ционными для крестьянского рукоделия техниками вышивки (крест, полукрест, тамбурный шов) творческий арсенал домашних мастериц пополняется более сложной гладью. В палитре и технике исполнения интерьерной вышивки происходят зримые изменения – от цветового минимума и орнаментальной условности к реалистической цветной глади или фактурному болгарскому кресту. Выраженные перемены претерпевает компоновка изображения: ясность и уравновешенность геометризированного ленточного орнамента сменяется на замкнутую круговую композицию либо асимметричную. Стилизованные и символические изображения утрачивают первоначальное назначение и трансформируются в декоративные элементы, дополняющие или обрамляющие изображения флористических мотивов, пасторальных сюжетов в вышивках 1930–1950-х годов.

В 2013–2014 годах анализировались содержательные аспекты вышитых декоративных панно с сюжетными композициями, представленных в разделе декоративно-прикладного искусства Восточно-Казахстанского музея-заповедника (Усть-Каменогорск), Государственного художественного музея Алтайского края (ГХМАК), и публиковались некоторые результаты исследования, доказывающие выраженную тенденцию перехода данного вида домашнего рукоделия из категории традиционного народного ремесла в область промежуточной культуры. «Тематический круг представленных работ можно условно разделить на хрестоматийные образы из русских сказок, былин и басен; реалистичные сюжеты из повседневной жизни, в которых очень часто встречаются изображения детей. Обилие сказочной и детской тематики в сюжетных композициях не случайно, большинство настенных вышивок предназначалось для украшения детской комнаты. Широко представлены бытовые сюжеты с изображением сельских сцен и романтических образов прошлого. В музейных и частных собраниях часто повторяется сюжет “Девушка с кувшином” с изображением молодой итальянки, сидящей на берегу. Пейзаж как самостоятельный жанр в вышивке встречался довольно редко, в основном вышивали животных на фоне природы. Распространенной техникой в те годы была вышивка крестом и его разновидностями, реже вышивали гладью,

с применением хлопчатобумажных ниток мулине. Для вышивания использовали схемы на бумаге и готовые трафареты с различными рисунками на ткани. Образцы для вышивок прилагались к различным женским журналам, как в дореволюционный период, так и в советское время. Мастерицы редко сами придумывали композицию работы, так как это требовало наличия определенных художественных способностей» [6].

Однако в работе из экспозиции ГХМАК автора А. Хохловой из села Верх-Катунское представлена целая галерея характерных образов односельчан с текстовыми и орнаментальными вставками, выполненная в традиционной технике вышивки крестом [8, с. 446]. Широкая практика использования вышитого текстиля позволяет сделать выводы о его роли и назначении в интерьере, а именно быть цветовой доминантой и олицетворять бытующие представления об уюте, красоте и эстетические притязания хозяев.

Аналитический обзор художественных качеств и техник изготовления предметного ассортимента домашнего рукоделия рассматриваемого периода наглядно демонстрирует изменения формального либо сущностного характера. Так, к середине прошедшего века при изготовлении

кружевного текстиля домашние мастерицы наряду с традиционными техниками активно обращаются к более сложным – мережка, ришелье, при этом геометрический орнамент теснят растительные узоры, иногда сюжетные изображения. Расширяется предметная линейка кружевного декора в интерьере. Изделия, выполненные в технике лоскутного шитья, не только не теряют своей актуальности, но наряду с утилитарным назначением приобретают декоративные функции. В вышивке при всем многообразии техник популярными становятся декоративные панно с сюжетными изображениями и богатыми флористическими мотивами как отражение барочных тенденций в послевоенном декоративно-прикладном искусстве.

Широкая практика применения декоративного текстиля преимущественно собственного, домашнего рукоделия в обывательском интерьере конца XIX – первой половины XX века позволяет говорить о формировании выраженной стилевой тенденции. Однако исследование причин и условий формирования уникального по характеру, но массового по степени распространения принципа оформления интерьера неотделимо от изучения социокультурных и исторических факторов.

Литература

1. Воронов В. О крестьянском искусстве: избр. тр. – М.: Совет. художник, 1972. – 352 с.
2. Кирюшина Ю. В., Степанская Т. М. Искусство художественного текстиля на Алтае. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. – 124 с.
3. Максяшин А. С. Декоративно-прикладное и народное искусство: их сущность и содержание. – Екатеринбург: Урал. гос. юрид. акад., 2012. – 44 с.
4. Народная культура в современных условиях / отв. ред. Н. Г. Михайлова. – М.: Рос. ин-т культурологии, 2000. – 219 с.
5. Оршанский Л. Г. Художественная и кустарная промышленность СССР 1917–1927. – Л.: Акад. художеств, 1927. – 84 с.
6. Романова Е. А. Сюжетная вышивка середины XX века на территории Восточного Казахстана (на основе фондовой коллекции музея-заповедника) [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.vkoem.kz/index.php/ru/2010-03-09-08-54-46/85-2010-03-09-10-07-22/965> (дата обращения: 10.11.2019).
7. Усанова А. Л. Пути формирования отечественного жилого интерьера первой половины XX века. Ситуативный анализ // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2014. – № 27. – С. 110–115.
8. Усанова А. Л. Художественное убранство городского жилища в первой половине XX века // Мир науки, культуры, образования. – 2014. – № 6 (49). – С. 445–449.
9. Чернышева Л. А. Большая энциклопедия. Лоскутное шитье. – М.: АСТ, 2015. – 240 с.

References

1. Voronov V. *O krest'yanskom iskusstve: izbrannye trudy [On peasant art. Selected Works]*. Moscow, Soviet artist Publ., 1972. 352 p. (In Russ.).
2. Kiryushina Yu. V., Stepankaya T. M. *Iskusstvo khudozhestvennogo tekstilya na Altaye [The Art of Textile Art in Altai]*. Barnaul, Altai University Publ., 2005. 124 p. (In Russ.).

3. Maksyashin A.S. *Dekorativno-prikladnoe i narodnoe iskusstvo: ikh sushchnost' i sodержanie* [Decorative and applied and folk art: their essence and content]. Ekaterinburg, Ural State Law Academy Publ., 2012. 44 p. (In Russ.).
4. *Narodnaya kul'tura v sovremennykh usloviyakh* [Folk culture in modern conditions]. Ed. by N.G. Mikhaylova. Moscow, Russian Institute of Culturology Publ., 2000. 219 p. (In Russ.).
5. Orshansky L.G. *Khudozhestvennaya i kustarnaya promyshlennost' SSSR 1917–1927* [Art and handicraft industry of the USSR 1917–1927]. Leningrad, Academy of Arts Publ., 1927. 84 p. (In Russ.).
6. Romanova E.A. *Syuzhetnaya vyshivka serediny XX veka na territorii Vostochnogo Kazakhstana (na osnove fondovoy kollektsii muzeya-zapovednika)* [Story embroidery of the middle of the twentieth century on the territory of East Kazakhstan (based on the stock collection of the museum-reserve)]. (In Russ.). Available at: <http://www.vkoem.kz/index.php/ru/2010-03-09-08-54-46/85-2010-03-09-10-07-22/965> (accessed 10.11.2019).
7. Usanova A.L. Puti formirovaniya otechestvennogo zhilogo inter'era pervoy poloviny XX veka. Situativnyy analiz [Ways of forming a domestic residential interior of the first half of the twentieth century. Situational analysis]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts], 2014, no. 27, pp. 110–115. (In Russ.).
8. Usanova A.L. Khudozhestvennoe ubranstvo gorodskogo zhilishcha v pervoy polovine XX veka [Artistic decoration of urban housing in the first half of the twentieth century]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [World of science, culture, education], 2014, no. 6 (49), pp. 445–449. (In Russ.).
9. Chernysheva L.A. *Bol'shaya entsiklopediya. Loskutnoe shit'e* [Big Encyclopedia. Patchwork]. Moscow, AST Publ., 2015. 240 p. (In Russ.).

УДК 7.072.3

ФАКТОРЫ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КРИТИКИ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ИСКУССТВЕ XIX–XX ВЕКОВ

Безрукова Екатерина Александровна, доцент кафедры дизайна, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ). E-mail: raduga-ket@mail.ru

Дрозд Андрей Николаевич, доцент, профессор кафедры дизайна, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ). E-mail: andrei-drozd@mail.ru

Черданцева Алена Александровна, кандидат технических наук, доцент кафедры дизайна, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ). E-mail: cherdanceva_aa@mail.ru

Астахов Олег Юрьевич, доктор культурологии, доцент, профессор кафедры культурологии, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ). E-mail: astahov_oleg@mail.ru

Критика как явление художественной культуры приобретает особое значение в условиях кардинальных изменений художественных процессов XX века. При рассмотрении факторов развития художественной критики отмечается, что ее современное положение претерпевает серьезные изменения и создает большое проблемное поле, интересное для исследования причин ее трансформации. Авторами анализируются тенденции становления художественной критики в изобразительном искусстве, выявляются особенности ее состояния в свете актуальных проблем современной культуры. Установлено, что историческая необходимость художественной критики диктуется ее ориентированностью на выявление идеалов, определяющих характер стилиобразования в искусстве. И сегодня эта необходимость с целью формирования мнения широкой общественности об искусстве в целом и творчестве отдельных мастеров не утратила своего значения, однако не всегда эти установки реализуются в современной художественной критике. Выявляются факторы, определяющие изменение статуса художественной критики XX века. Отмечается значимость развития арт-рынка, способного формировать новый механизм трансляции идей в художественной коммуникации. В связи с этим особенность положения

критики в современной художественной культуре диктуется появлением ее новых функциональных характеристик, требующих расширения границ влияния на организацию художественных процессов (маркетолог, арт-дилер, куратор и т. д.).

Ключевые слова: художественная критика, художник, творчество, произведение, зритель, современное искусство, арт-рынок.

FACTORS OF FORMING AND DEVELOPING THE ART CRITICISM IN RUSSIAN FINE ARTS OF THE 19TH - 20TH CENTURIES

Bezrukova Ekaterina Aleksandrovna, Associate Professor of Design Department, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: raduga-ket@mail.ru

Drozd Andrey Nikolaevich, Associate Professor, Professor, of Design Department, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: andrei-drozd@mail.ru

Cherdantseva Alena Aleksandrovna, PhD in Techniques, Associate Professor of Design Department, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: cherdantseva_aa@mail.ru

Astakhov Oleg Yuryevich, Dr of Culturology, Associate Professor, Professor of Department of Culturology, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: astakhov_oleg@mail.ru

Criticism as a phenomenon of artistic culture is of particular importance in the conditions of radical changes in the artistic processes of the 20th century. While considering the factors of developing art criticism, the authors focus on seriously changed current situation and this fact creates a large problem field, interesting for analyzing the causes of its transformation. In addition, the authors study the trends for forming the art criticism in visual arts, identify its features within actual problems of modern culture. It is proved that the historical necessity of art criticism is dictated by its focus on identifying the ideals, determining the nature of style formation in art. Moreover, today, the necessity to form public opinion about art in general and about the works of the artists has not lost its importance. However, these attitudes are not always implemented in modern art criticism. The authors reveal the factors defining the changes of art criticism status in the 20th century. The authors note the importance of the art market development, being able to form a new mechanism for transferring the ideas in artistic communication. In this regard, the peculiarities of the criticism position in modern art culture is dictated by the appearance of its new functional characteristics that require the expansion of influence limits for organizing the artistic processes (marketer, art dealer, curator, etc.).

Keywords: art criticism, artist, creativity, work, spectator, modern art, art market.

DOI: 10.317773/2078-1768-2020-50-142-150

Интерес к вопросам динамики художественной критики в изобразительном искусстве является актуальным, и связано это с потребностью анализа рецепции искусства, определяющей характер его развития сквозь призму формирования мировоззренческих установок участников художественной коммуникации. В этом контексте критику необходимо рассматривать как составляющую коммуникативных процессов, реализующихся в изобразительном искусстве. Понимание критики как способа утверждения доминант-

ных мировоззренческих установок отражается в самом содержании этого понятия. Общее понятие «критика» (от греч. kritike) означает суждение, которое является производным от понятия «суд». «Судить, – пишет С. П. Исенко, – это, с одной стороны, значит рассматривать, рассуждать о чем-нибудь, анализировать какой-либо объект, пытаться понять его смысл, приводить его в связь с другими явлениями и т. д., словом, совершать некоторое обследование предмета. С другой стороны, судить означает делать окончатель-

ный квалифицирующий вывод об объекте» [6]. Такого рода критические выводы предполагают установление соответствия изучаемого объекта критериям, которые во многом диктуются характером ценностных установок, сложившихся в системе социокультурных отношений.

Формированию отечественной художественной критики как самостоятельному социальному институту способствовало развитие литературной критики. Первое частное издание в России, в котором публикуются полемические статьи, это журнал «Трудолюбивая пчела» (1759), издателем которого был А. П. Сумароков. В «Московском журнале» (1791–92) появляется специализированный критический раздел, курируемый Н. М. Карамзиным. Развитие журналистики в конце XVIII века способствует формированию системы жанров критических выступлений (статья, рецензия, обозрение, др.). Кроме ориентированности на литературу и журналистику для становления художественной критики значимыми явились и трактаты художников академического круга – это сочинения А. Иванова, И. Урванова, П. Чекалевского.

В начале XIX века общность литературной и художественной критики определила связь критического реализма, народности и т. д., как ключевых характеристик произведений в литературной критике, с жанрами изобразительного искусства (например, бытовая живопись и др.), к анализу которого обращались критики В. В. Стасов, П. Н. Петров, И. И. Дмитриев, П. М. Ковалевский и др. В художественной критике актуализируется полемический и публицистический стиль, определяющий характер понимания искусства. В XIX веке критика входит в художественный процесс как полноправный его участник и начинает обладать влиятельными, авторитетными позициями в художественном сообществе, что определило появление периодики, в которой активно обсуждались творческие эксперименты.

Такие журналы, как «Светопись» (1858–59), «Иллюстрация. Всемирное обозрение» (1858–63), сыграли большую роль в развитии художественной критики. В других изданиях: «Отечественные записки», «Сын Отечества» – появляются отклики на выставочную деятельность Императорской академии художеств, творчество отдельных художников и др.

Показательным примером активной позиции художественной критики в отношении понимания направлений развития искусства явилась дискуссия по поводу картины А. А. Иванова «Явление Христа народу» (1837–57). Несмотря на негативную оценку картины некоторыми представителями академических кругов, ряд независимых критиков отметил эпохальный характер живописного полотна, в котором утверждался новый, реалистический метод искусства. В. В. Стасов, первый русский профессиональный художественный критик, в своих комментариях по поводу картины А. А. Иванова отмечал, что художник преодолевает ограниченность академического искусства, в решении библейской темы обращается к реализму, к глубокой и правдивой передаче натуры и человеческих чувств, к большому философскому содержанию и тем самым прокладывает пути для реалистического искусства, которое понимается как символ прогресса. Его призывы к отказу от требований академического искусства свидетельствовали о росте активности и полемичности художественной критики.

В целом для критиков-искусствоведов 1960-х годов – Н. А. Александрова, И. Ф. Василевского, Г. Г. Урусова и др. – характерно было обращение к социальной проблематике. Как справедливо отмечает С. М. Грачева, в «критике данного периода более важную роль продолжает играть социальный подтекст произведения, его содержание, а не техника исполнения» [3]. Свидетельством антиакадемических настроений, сопровождавших социальный интерес, явились карикатурные сатирические журналы «Искусства», «Искра» (1859–73).

В конце XIX века в спор с В. В. Стасовым вступило поколение новых критиков «Мира искусства»: А. Бенуа, Н. Врангель, И. Грабарь, Г. Лукомский, С. Маковский. Журнал С. П. Дягилева «Мир искусства» (1898–1904) стал значительным этапом развития критики изобразительного искусства рубежа XIX–XX веков. В издании освещались вопросы борьбы против академизма, реализма, передвижников, отрицались идеи общественного служения искусству, эстетические качества и свойства становятся доминирующими характеристиками искусства. Формировалась новая художественная критика, ориентированная на рецепцию, требовавшая актуализации субъективной оценки. В этом случае субъективизацию следует рассматривать как формирование такой

установки, в которой предмет изображения предстает не непосредственно, а лишь сквозь призму настроений, которые этот предмет пробуждает в процессе творческой рефлексии [1].

Начало XX века ознаменовалось радикальными трансформациями в искусстве, что способствовало появлению художественных манифестов. В критико-теоретических трудах представляется новое видение системы художественных координат для оценки искусства. Формируются многочисленные художественные объединения, в которых обсуждаются программы развития нового искусства, способного воплощать ценности будущего общества. Эти вопросы становятся актуальными для В. В. Кандинского, Н. И. Кульбина, М. Ф. Ларионова, К. С. Малевича, К. С. Петрова-Водкина и др. [3]. В начале XX века в отечественной критике отчетливо прослеживается понимание особого статуса искусства, способного преобразовывать не только общественные отношения, но и понимание культурных ценностей. Поэтому критик 1920-х годов – это во многом борец, отстаивающий интересы своего художественного объединения (реалисты, конструктивисты, символисты и др.) как нового способа понимания и воплощения культуры.

В художественной критике середины XX века сохраняются эти установки, но реализуются они уже в соответствии с государственными директивными указаниями. В советской художественной критике фактически актуализировались два жанра – «воспевание» и «разнос», что соответствовало существующим идеологическим установкам. О возможности свободных критических оценок стали говорить только в годы «оттепели» 1960-х годов (А. Каменский, А. Кантор, В. Костин, Д. Сарабьянов, М. Яблонская, А. Ягодковская и др.). Показательным примером в этом отношении явилась критическая реакция в 1962 году на экспозицию «Новая реальность», представленную на выставке, которая была организована в московском Манеже и посвящена 30-летию МОСХа.

Художественная критика в ее современном понимании оформляется в 1980-е годы. Этот период стал переломным во взаимоотношениях художник – зритель. Примерно в это время появляются особые концептуальные произведения, завоевывает позиции «искусство действия», возникают новые жанры визуального искусства, такие как инсталляция, перформанс, хеппенинг.

Художественное произведение начинает жить своей самостоятельной жизнью, а зритель оценивает его, находя те элементы, которые тождественны его мировосприятию. Автор, как индивидуальность, как творец, уходит на второй план, зритель сам расставляет свои акценты в «прочтении», соответственно, зрительское «прочтение» становится многозначным, количественно распадаясь на понятные «цитаты». Становится важным контекстное восприятие «цитаты» как самостоятельной единицы, но и имеющей связь с современностью. Исходя из этого художественная критика приходит к выводу о невозможности утверждения единственно верного знания. Сочинения художественной критики нередко субъективны и не лишены чувства сопричастности автора к современным ему художественным процессам. Меняется сама фигура критика, его функциональное предназначение, методы оценки художественного произведения и понимания аудитории. И все же, художественным критикам в значительной мере отводится роль законодателей в оценке художественных тенденций.

Взаимоотношения искусства, искусствоведа и художественной критики в последние годы становятся все более сложными и неоднозначными. Высказываются многочисленные суждения о роли и значении критики в организации художественного пространства. Согласно одной точке зрения, предполагается, что критик вторичен по отношению к произведению искусства и является помехой для его непосредственного восприятия: «Он не нужен вообще, поскольку его рассуждения ничего не прибавляют существующему произведению искусства» [11]. Поэтому часто критику обвиняют в паразитизме. С позиций другой точки зрения, утверждается, что критики нужны, они выступают как рекламные агенты и бывают полезны в целях популяризации художественного произведения, выставки, художника, тем самым критика работает на творца. Согласно третьей точке зрения, доказывается, что критик играет роль своеобразного художественного переводчика, комментируя произведение искусства, помогает подобрать ключи к его пониманию.

Если в первой половине XX столетия критика была ориентирована на ценностное суждение и выступала в роли социального института, отвечающего за связь профессионального уровня восприятия произведений искусства с обыден-

ным пониманием, то в дальнейшем происходит трансформация системы ценностей и смешение узкоспециализированного, частного и массового восприятия художественных текстов. Все это актуализирует потребность теоретически осмыслить и проанализировать положение критики в современной художественной жизни.

Обращаясь к определению критики современного изобразительного искусства, необходимо вернуться к вопросу: что такое современное изобразительное искусство? По большому счету, это искусство, как мы его понимаем, появилось и прошло путь становления в XX веке, в результате последовательных событий, его сформировавших. Здесь можно выделить четыре этапа. Начало изменений приходится на конец XIX века. Тогда шла борьба за расширение границ художественного пространства, которая привела к появлению ряда новых течений в искусстве, таких как импрессионизм, постимпрессионизм и стиль модерн. Следующий этап занимает первую половину XX века и связан с формированием эстетики модернизма и авангарда, как наиболее радикального его проявления. На третьем этапе появляются концептуализм и действенные художественные практики. Заключительный этап, приходящийся на последнюю треть XX века и захватывающий день сегодняшний, характеризуется развитием постмодернизма. Эти сменяющие друг друга этапы отмечены изменениями в понимании фигуры художника, который вначале выступает как творец, затем как автор коллажа, а потом лишь в качестве соавтора, наравне со зрителем творящего художественное произведение. В самом произведении искусства постоянно смещаются акценты: в начале столетия подчеркнута важным становится поиск новых средств выразительности. Акционизм и постмодернизм переносят акцент на процесс создания художественного произведения, расширяя видовые рамки искусства. Концептуализм возвращает художественному произведению смысловую наполненность, но нивелирует значение средств выразительности, техники, материалов, процессов.

Соответственно, развитие художественной критики идет параллельно развитию современного изобразительного искусства. Роль художественного критика также меняется: он все реже выступает как комментатор и судья в своем изначальном понимании, все чаще походит на ре-

кламного агента, способного привлечь внимание к самым разным художественным явлениям, постепенно становясь кем-то вроде соавтора, причастного к художественному процессу, способного объяснить художественные произведения широкой зрительской аудитории.

В конце XX века обострились следующие вопросы: во-первых, что такое художественный рынок и каковы формы его существования; во-вторых, какова роль художественного музея в современном мире: только как места хранения произведений искусства или как места организации художественного пространства в целом; в-третьих, нужен ли вообще современному обществу художник с индивидуальным взглядом на мир в условиях, когда ценности массовой культуры начинают доминировать. Актуальность современного искусства подчеркивается его дистанцированностью от современной массовой культуры кино, телевидения, рекламы. А раз современное искусство развивается отдельно и таким образом является самостоятельной системой со своей самоорганизацией, то и критика становится одним из элементов этого продукта, превращая неочевидное в очевидное, значимое и понятное, становясь частью творческой художественной деятельности.

Отечественная художественная критика, несмотря на совсем короткий срок существования в условиях формирующегося арт-рынка, так или иначе имеет свою историю. Начиная с середины 1990-х годов и до сегодняшнего дня, происходит становление ключевых оснований отечественного художественного рынка. Очень медленно и постепенно, но выходит российское искусство на арену международного арт-бизнеса, а вслед за ним возникают изменения и в сфере художественной критики.

Можно сказать, что критика в сегодняшнем художественном мире способствует становлению идеалов и стилистических направлений, формированию собственного стиля художника. «В круг ее проблем включаются вопросы собственного жанрового и стиливого, методологического и методического характера, принципов анализа произведений и системы понятий и терминов» [11]. Критика внутри современного искусства, не привязанная к творческому процессу конкретного художника, или группы лиц, объединенных какой-то идеей, больше взаимодействует

с теорией искусства, связывая многочисленные элементы в какое-то подобие целого.

Трудно не согласиться с автором книги «ART TODAY. Актуальное искусство 1970–2005» Брэндоном Тейлором, который утверждает, что основная проблема современной критики заключается в смешении культурных систем микро- и макросреды самими участниками художественного сообщества. Это порождает размытие границ проблемного поля, и «значимость в нем тех или иных практик и артефактов чаще всего определяются не арт-критикой, но претендующими на ее роль газетными репортерами, арт-журналистами» [2]. Также Брэндон Тейлор упоминает о том, что критикой, в частности художественной критикой, называют все, что публикуется в прессе, и не всегда авторы этих публикаций обладают знаниями и навыками, необходимыми для критики художественных процессов. «В результате художественные процессы, которые требуют специальной проработки, специальных навыков, знания истории искусства и квалифицированного знакомства с новейшими тенденциями, сразу же втягиваются в новостной обмен макросреды и канонизируются без всякой экспертизы» [2]. В связи с этим можно сказать, что отчасти художественная критика сегодняшнего дня возвращается к своим истокам, превращаясь из дела профессионалов в оценочные суждения опытных зрителей или, в условиях информационного общества, популярных личностей, инфлюэнсеров.

Еще одна проблема взаимодействия арт-журналистики, художественной критики и искусствознания – это недоверие к коллегам и определенное неприятие друг друга, так как каждый специалист «работает» на определенные слои потребителя. На форуме «Искусство и Реальность» (ноябрь 2011 года, Санкт-Петербург), посвященном проблемам художественной критики в современном мире, прозвучала следующая мысль: «Один из принципов моего поколения критиков – выступать против идентификации критики с суждением. Главная задача критика в наши дни – дисциплинарная или антидисциплинарная. Критик должен решить, как определить границы между категориями искусства и категориями визуальной культуры или как они пересекаются. Это похоже на академическую задачу, но для вас – это задача критика» [9]. Современные художественные критики не воспринимают академизма искусство-

знания, считая его оторванным от современной действительности, так же они не воспринимают и арт-журналистику, которая зависима от многих факторов (политики редакций газет или журналов, актуальности, рейтинга и пр.). Таким образом, состояние художественной критики в современной общественной жизни неоднозначно, противоречиво и вызывает все больше вопросов о его дальнейшем развитии.

В ходе исследования данной темы были проанализированы некоторые высказывания действующих авторитетных критиков по проблемам формирования общественного мнения о современном художественном процессе. Хилтон Крамер, писатель, критик, издатель ежемесячного обзора по искусству *The New Criterion*, редактор и ведущий арт-критик *New York Times*, затем *New York Observer*, считает, что успешность художника зависит от многих критериев: от рейтинга музеев, в чьих собраниях есть его работы (или хотя бы просто, что они есть хоть в каком-либо музее); от имен и статусности коллекционеров и собирателей произведений изобразительного искусства, а также от рецензий в печатных изданиях, причем как положительного, так и критического характера. В данном случае будет уместным вспомнить восточную пословицу, что «не пинают только дохлую собаку». То есть любая, даже негативная информация остается в памяти читателя, вызывая к автору интерес. «Мне нередко приходилось писать восторженные отзывы о художниках, чьи выставки были переполнены, скажем, в течение трех недель, но кто за это время не продал ни одной картины. Были и другие, кого я разносил “в пух и прах”, но которые затем были распроданы. Я также знаю художников, которые молились бы день и ночь за одну возможность быть вскользь упомянутыми в *Нью-Йорк Таймс*» [8]. Таким образом, критику отводится роль дополнительного рекламного источника.

Джин Уэйлен, корреспондент газеты *Wall Street Journal* в Москве, владелец небольшой коллекции русского искусства, считает, что «критика, безусловно, играет важную роль в развитии рынка... Мне кажется, что большинство людей, приобретая товар, ищут оценку эксперта и, как правило, доверяют ей – и в сфере потребительских товаров, и в сфере искусств... Им необходима опора, авторитетное мнение, совет эксперта, поэтому роль критика здесь особенно важна. В Аме-

рике такие люди имеют, конечно, большое влияние. Но мне кажется, что и в России есть много хороших критиков, не только в искусстве, но вообще очень знающие и профессиональные люди пишут для различных изданий по разным темам. Хотя мне трудно судить, насколько они здесь авторитетны. Для того чтобы к ним больше прислушивались, в первую очередь необходимо, чтобы накопилась определенная масса людей, которые хотят и могут покупать. И когда таких людей появится достаточно много, роль критика неизбежно повысится» [8].

Таким образом, мы можем сделать вывод, что, если для западноевропейского и американского искусства, с его давно сформировавшимся арт-рынком, художественной критике отводится ясная и понятная роль как одного из механизмов его функционирования (это некий эксперт, помогающий сделать оценку, влияющий на популярность того или иного художника, галереи, направления в искусстве), то в отечественном художественном пространстве, где арт-рынок находится на стадии формирования, критике отводится место где-то между искусствоведением, журналистикой и литературой. Отечественная художественная критика пока еще только встраивается в механизмы и процессы формирующегося рынка и не обладает достаточной силой влияния, хотя это не умаляет экспертной квалификации ее участников.

Андрей Ковалев, художественный критик, искусствовед, эксперт, автор монографий и публикаций о современном русском искусстве в различных изданиях («Искусство», «Художественный журнал», «Место печати», «Огонек», «Московские новости», «Русский журнал», «Коммерсант», «Итоги», «Независимая газета», «Сегодня», «Heet ragool» (Голландия)), говорит о важной роли печатного издания и соответственно искусствоведческих статей. В XX веке не было электронных носителей информации, рейтинг печатных изданий и доверие к ним были высокими, а художественные критики имели профильное образование и понимали, о чем пишут. В нынешней ситуации художественная критика перешла больше в разряд эпистолярного жанра, в различных блогах о своих впечатлениях может писать любой желающий. В таких публикациях рефлексивные и аналитические высказывания заменяются оценочными суждениями по принципу «нравится – не нравится». Ковалев отмечает, что в России

нет изданий, доверие читателя к которым было бы безусловным, как, например, к Нью-Йорк Таймсу, которую читают несколько поколений американцев.

Выпускавшиеся в Советском Союзе журналы, посвященные различным видам искусства («Художник», «Декоративное искусство», «Театр» и др.), выходили незначительными тиражами и были интересны только специалистам. Статьи и их авторы были известны только узкому кругу лиц. В настоящее время ситуация усугубилась: нет уже тех журналов, нет и критиков соответствующего уровня. Появившиеся в последнее время периодические издания еще не обладают необходимым объемом безусловного доверия читателей, да и уровень публикуемых статей отличается неоднородностью. И можно согласиться с мнением А. Ковалева, что «у нас значение слова “критика” фактически сведено к нулю... В России же мы, критики, пока лишь занимаем нишу, которая зачем-то нам отведена, но функционально она не работает» [8].

Другой эксперт, Михаил Боде, заместитель главного редактора журнала «Искусство», обозреватель «Российской газеты», поднимает тему о влиянии художественной критики в печатных изданиях, как положительного, так и критического характера, на стоимость произведения художника. «Арт-критик только в редких случаях может повлиять на какое-либо событие арт-рынка. Чаще всего это могут сделать критики-газетчики, более оперативные, чем критики, работающие в журналах...» [8]. То есть в отличие от зарубежного арт-рынка, ориентированного на экспертную оценку, наш художественный рынок реагирует на популярность художественного продукта, критика остается в тени, тогда как влияние журналистики чрезмерно велико.

Екатерина Деготь в интервью газете The Art Newspaper Russia описывает свое видение художественной критики следующим образом: «Когда в 2007 году у меня появилась возможность создать собственное СМИ по искусству (страницу искусства на openspace.ru, которая всегда сохраняла определенную автономию от остального ресурса), каким я хотела его видеть, то есть общественно значимым, насколько это возможно в случае визуального искусства (общественным для арт-сообщества хотя бы), то я пыталась вообще изжить арт-критику, то есть рецензирование от-

дельных проектов или тем более поэзию по их поводу, в пользу журналистского исследования социальных и политических контекстов искусства, а также некоего общественного форума» [4].

Анализ мнения действующих критиков показывает, что на данном историческом этапе роль художественной критики в России и за рубежом значительно отличается. На Западе роль художественной критики очень высока, она непосредственно воздействует на арт-рынок, являясь одним из его механизмов, а критик выступает в роли эксперта, оказывая влияние на дальнейшее продвижение художника. В России значение художественной критики в реализации практических интересов гораздо меньше.

Современное отечественное искусство вне зависимости от политической и экономической ситуации не может развиваться изолированно, отдельно от мирового художественного пространства. Это же касается и художественного рынка, потому что в искусстве начала XXI века значительно размылись географические контуры и национальные границы. Развитие информационных технологий в сфере искусства и культуры привело к тому, что художественные процессы, сами произведения искусства и художественная и социокультурная среда, в которую они погружены, становятся почти единой системой, несмотря на специфику отдельных стран и регионов.

В ответ на изменения художественного процесса отечественная художественная критика создает институции, которые позволяют сформировать платформу для собственной адекватной деятельности. В 1991 году Министерством юстиции СССР было зарегистрировано независимое общественное объединение «Ассоциация искус-

ствоведов» (АИС). В 1998 году Министерством юстиции Российской Федерации общество было вновь зарегистрировано как союз искусствоведов и художественных критиков.

Изменения коснулись и роли художественного критика, который вынужден в поисках наиболее гармоничной включенности в художественный процесс примерять на себя различные роли: куратора, маркетолога, ученого-искусствоведа, арт-дилера. Одна из новых форм функционирования художественной критики – многочисленные web-галереи. Это могут быть как персональные сайты художников, так и сайты собственно галерей. В настоящее время даже маленькие провинциальные галереи представлены в интернет-пространстве собственным сайтом или страничками в социальных сетях. А следовательно, появляется и становится все более востребованной фигура критика-блогера.

Взаимоотношения искусства и художественной критики всегда остаются сложными и противоречивыми. Критик находится между продуктом художника и публикой, потребляющей этот продукт, и их взаимоотношения формируют и развивают художественный процесс. В настоящее время критика помимо основных функций становится полноправным членом арт-рынка, способствуя продвижению и продаже произведений искусства. Критика, как вид художественного анализа или художественно-аналитического творчества, это реально сложившийся, исторически устойчивый факт художественной жизни, имеющий связь с различными науками и осваивающий новые области знания. В этом универсальность и определенная значимость критики как формы общественного сознания.

Литература

1. Астахов О. Ю. Творческая рефлексия как форма мироощущения в русском символизме 1890-х гг. // Ярослав. пед. вестн. – 2016. – № 2. – С. 219–224.
2. Брэндон Тейлор. ART TODAY. Актуальное искусство 1970–2005 [Электронный ресурс]. – URL: <http://review3d.ru/tejlorg-b-art-today-aktualnoe-iskusstvo-1970-2005> (дата обращения: 12.01.2019).
3. Грачева С. М. Отечественная художественная критика XX века [Электронный ресурс]: автореф. дис. ... д-ра искусствоведения. – СПб.: СПбГУП, 2011. – 44 с. – URL: <http://cheloveknauka.com/otchestvennaya-hudozhestvennaya-kritika-xx-veka-voprosy-teorii-istorii-obrazovaniya>.
4. Деготь Е., Орлова М. Екатерина Дёготь: «Я стремлюсь к полемике, без этого скучно» [Электронный ресурс] // The Art Newspaper Russia. – 2014. – № 29. – Декабрь. – URL: <http://www.theartnewspaper.ru/posts/1033/> (дата обращения: 05.05.2019).
5. Ильина Л. В. Проблема национальной самобытности искусства в эстетике В. В. Стасова [Электронный ресурс]: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – М.: МГУ им. Ломоносова, 2004. – 131 с. – URL: <http://cheloveknauka.com/problema-natsionalnoy-samobytnosti-iskusstva-v-estetike-v-v-stasova>.

6. Исенко С. П. Критика и реагирование на нее как компоненты коммуникативной компетенции личности [Электронный ресурс] // Концепт. – 2014. – № 05 (май). – URL: <http://e-koncept.ru/2014/14113.htm> (дата обращения: 24.12.2018).
7. Николаева А. А. Художественная критика как феномен художественной жизни Франции эпохи Просвещения [Электронный ресурс]: автореф. дис. ... канд. культурологии. – СПб.: РГПУ им. Герцена, 1997. – 28 с. – URL: <http://cheloveknauka.com/hudozhestvennaya-kritika-kak-fenomen-hudozhestvennoy-zhizni-frantsii-epohi-prosvesheniya>.
8. Роль критика в развитии современного рынка искусств [Электронный ресурс] // Арт-менеджер: электр. журн. – URL: <http://www.artmanager.ru/articles/artforum/163-012.html> (дата обращения: 28.04.2019).
9. Современное состояние арт-критики. Круглый стол [Электронный ресурс] // Диалог искусств: электр. журн. – URL: <http://di.mmoma.ru/news?mid=1715&id=592> (дата обращения: 29.04.2019).
10. Сульберекова М. Г. Критика как орган саморефлексии художественной культуры [Электронный ресурс]: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Великий Новгород: НГУ им. Ярослава Мудрого, 2006. – 28 с. – URL: <http://cheloveknauka.com/kritika-kak-organ-samorefleksii-hudozhestvennoy-kultury>.
11. Туркина О., Мазин В. История и критика [Электронный ресурс] // Худож. журн. – 2003. – 48/49. – URL: <http://xz.gif.ru/numbers/48-49/istoriya-kritika/> (дата обращения: 04.04.2019).

References

1. Astakhov O.Yu. Tvorcheskaya refleksiya kak forma mirooshchushcheniya v russkom simvolizme 1890-kh godov [Creative Reflection as a Form of Attitude in Russian Symbolism in the 1890-s]. *Yaroslavskiy pedagogicheskii vestnik [Yaroslavl Pedagogical Bulletin]*, 2016, no. 2, pp. 219-224. (In Russ.).
2. Brendon Teylor. *ART TODAY. Aktual'noe iskusstvo 1970-2005 [ART TODAY. Actual art 1970-2005]*. (In Russ.). Available at: <http://review3d.ru/tejlor-b-art-today-aktualnoe-iskusstvo-1970-2005> (accessed 12.01.2019).
3. Gracheva S.M. *Otechestvennaya khudozhestvennaya kritika XX veka: avtoref. dis. ... doktora iskusstvovedeniya [Domestic art criticism of the XX century. Author's abstract of diss. Dr of Art History]*. St. Petersburg, SPbGUP Publ., 2011. 44 p. (In Russ.). Available at: <http://cheloveknauka.com/otchestvennaya-hudozhestvennaya-kritika-xx-veka-voprosy-teorii-istorii-obrazovaniya>
4. Degot' E., Orlova M. Ekaterina Degot': «Ya stremlyus' k polemike, bez etogo skuchno». *The Art Newspaper Russia*, 2014, no. 29, December. (In Russ.). Available at: <http://www.theartnewspaper.ru/posts/1033/> (accessed 05.05.2019).
5. Ilyina L.V. *Problema natsional'noy samobytnosti iskusstva v estetike V.V. Stasova: avtoref. dis. ... kandidata filosofskikh nauk [The problem of the national identity of art in the aesthetics of V.V. Stasova. Author's abstract of diss. PhD in Philosophy]*. Moscow, Lomonosov Moscow State University Publ., 2004. 131 p. (In Russ.). Available at: <http://cheloveknauka.com/problema-natsionalnoy-samobytnosti-iskusstva-v-estetike-v-v-stasova>.
6. Isenko S.P. Kritika i reagirovanie na nee kak komponenty kommunikativnoy kompetentsii lichnosti [Criticism and response to it as components of a person's communicative competence]. *Kontsept [Concept]*, 2014, no. 05 (May). (In Russ.). Available at: <http://e-koncept.ru/2014/14113.htm> (accessed 24.12.2018).
7. Nikolaeva A.A. *Khudozhestvennaya kritika kak fenomen khudozhestvennoy zhizni Frantsii epokhi Prosveshcheniya: avtoref. dis. ... kandidata kul'turologii [Art criticism as a phenomenon of the artistic life of France in the Enlightenment. Author's abstract of diss. PhD in Culturology]*. St. Petersburg, Herzen State Pedagogical University of Russia Publ., 1997. 28 p. (In Russ.). Available at: <http://cheloveknauka.com/hudozhestvennaya-kritika-kak-fenomen-hudozhestvennoy-zhizni-frantsii-epohi-prosvesheniya>.
8. Rol' kritika v razvitii sovremennogo rynka iskusstv [Part of Modern Art Market Criticism in Its Development]. *Art-menedzher [Art manager]*. (In Russ.). Available at: <http://www.artmanager.ru/articles/artforum/163-012.html> (accessed 28.04.2019).
9. Sovremennoe sostoyanie art-kritiki. Kruglyy stol [State of Modern Art Criticism in Its Development. Round table discussion]. *Dialog iskusstv [Art dialogue]*. (In Russ.). Available at: <http://di.mmoma.ru/news?mid=1715&id=592> (accessed 29.14.2019).
10. Sulberekova M.G. *Kritika kak organ samorefleksii khudozhestvennoy kul'tury: avtoref. dis. ... kandidata filosofskikh nauk [Criticism as an organ of self-reflection of artistic culture. Author's abstract of diss. PhD in Philosophy]*. Veliky Novgorod, Yaroslav - the - Wise Novgorod State University Publ., 2006. 28 p. (In Russ.). Available at: <http://cheloveknauka.com/kritika-kak-organ-samorefleksii-hudozhestvennoy-kultury>.
11. Turkina O., Mazin V. Istoriya i kritika [History and Critique]. *Khudozhestvennyy zhurnal [Moscow Art Magazine]*, 48/49/2003. (In Russ.). Available at: <http://xz.gif.ru/numbers/48-49/istoriya-kritika/> (accessed 04.04.2019).

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ PEDAGOGICAL SCIENCES

УДК 37.072; 316.4

О КОНЦЕПЦИИ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ, КОМПЕТЕНТНЫХ В СФЕРЕ ИННОВАЦИЙ

Заруба Наталья Андреевна, доктор социологических наук, кандидат педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой государственного и муниципального управления, Кузбасский государственный технический университет им. Т. Ф. Горбачёва (г. Кемерово, РФ). E-mail: znak42@mail.ru

Статья посвящена актуальности разработки концепции подготовки специалиста, востребованного инновационным характером развития российского общества, как совокупности современных и новых идей организации процесса обучения в вузе на основе интегративного подхода, ориентированного на формирование инновационных компетенций выпускников.

В статье обосновывается потребность в её разработке и реализации, что вызвано кардинальными изменениями всех сторон жизни РФ за последние 30 лет, так как на рубеже нового тысячелетия человечество вступило в эпоху бурных перемен, когда все сферы жизнедеятельности человека радикально изменились. В мире также произошли социально-экономическая, научно-техническая и информационная революции, в значительной мере трансформировавшие условия и характер социально-экономического развития общества. В ведущих странах мира складывается постиндустриальная «новая экономика», в которой главным производственным ресурсом выступают знания и человеческий капитал. В статье утверждается положение о том, что в качестве цели интегративного подхода к подготовке специалистов следует рассматривать формирование и развитие их инновационных компетенций на основе системной интеграции (а не формальной и декларируемой) базовых для этого компонентов: научного, образовательного, производственного и инновационного пространств.

В статье предложена инновационно ориентированная образовательная модель, обеспечивающая подготовку специалистов, обладающих инновационной компетентностью, которая представляет собой единое интеграционное производственно-образовательное и научно-производственное пространство вуза, в основу которого положено развитие междисциплинарной и межотраслевой кооперации.

В статье обосновано, что интеграция вуза с макроэкономической средой территории способна, при наличии ряда условий, привести к изменению стратегии развития самого вуза в направлении его перехода с преимущественно образовательной деятельности на научную и инновационную деятельность, востребованную производственной сферой и социумом. В этом случае у вуза возникает способность и возможность оказывать существенное влияние на инновационное развитие региона, отрасли и страны в целом, тем самым выполняя свою основную социальную функцию как элемента социальной системы образования – функцию развития общества.

Ключевые слова: интеграция, интегративный подход, инновации, компетенции, модернизация, инновационная система образования, инновационно ориентированное образовательное пространство вуза, инновационные компетенции, инновационная компетентность.

ON THE CONCEPT OF TRAINING THE SPECIALISTS COMPETENT IN THE FIELD OF INNOVATION

Zaruba Natalya Andreevna, Dr of Sociological Sciences, PhD in Pedagogy, Professor, Department Chair of State and Municipal Administration, T.F. Gorbachev Kuzbass State Technical University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: znak42@mail.ru

The article is devoted to the relevance of developing the concept of training the specialist that is in demand by the Russian society's innovative nature of development, as a combination of modern ideas for organizing the learning process at the university based on integrative approach, focused on formation of innovative competencies of graduates; it is an urgent task for universities.

The article substantiates the need for its development and implementation, which is caused by fundamental changes in all aspects of life in the Russian Federation over the past 30 years, since at the turn of the new millennium, mankind entered an era of rapid modification, when all spheres of human life have radically changed. The world also witnessed the socio-economic, scientific, technical and information revolutions, which significantly transformed the conditions and nature of the socio-economic development of society. In the leading countries of the world, a post-industrial "new economy" is emerging, in which knowledge and human capital are the main production resource.

The article argues that the goal of an integrative approach to training the specialists competent in the field of innovation in higher education should be the formation and development of innovative competencies of future specialists on the basis of system integration (rather than formal and declared) of the basic components: scientific, educational, industrial and innovative spaces. The article proposes a model of the innovation-oriented educational space of the university with the aim of training the specialists with innovative competence, which is a single integration production, educational and scientific-production space, which is based on the development of interdisciplinary and intersectional cooperation.

The article substantiates that the idea of integrating the university with the macroeconomic environment of the territory is capable, subject to a number of conditions, of changing the development strategy of the university itself in the direction of its transition from mainly educational activities to scientific and innovative activities, which are in demand in the production sphere and society. In this case, the university has the aptitude and ability to have a significant impact on the innovative development of the region, industry and country, in general, thereby fulfilling its main social function as an element of the social system of education, the function of the development of society.

Keywords: integration, integrative approach, innovation, competencies, modernization, innovative education system, innovatively-oriented educational space of a university, innovative competencies, innovative competence.

DOI: 10.317773/2078-1768-2020-50-151-162

В современных социально-экономических условиях перед Россией остро стоят вызовы и угрозы в сфере инновационного развития, поэтому, как ответ на них, в науке формируются и развиваются новые направления поддержки инноваций. Учитывая результаты, полученные от реализации инновационной политики в стране в предыдущие годы, в первое десятилетие нового

века, на современном этапе корректируются наиболее существенные недостатки осуществляемой инновационной политики и определяются новые цели и задачи. Эффективная реализация программ, утвержденных такими государственными документами, как «Основные направления политики Российской Федерации в области развития инновационной системы до 2010 года» [5] и

«Стратегия развития науки и инноваций в Российской Федерации до 2015» [8], подтвердила целесообразность и перспективность инновационного характера развития РФ и, вместе с тем, обострила проблему подготовки специалистов, владеющих инновационными компетенциями. Данная проблема остаётся острой и сегодня, несмотря на то что в процессе реализации мероприятий, указанных в этих документах, были определены и частично выполнены многие положения национальной системы развития инноваций, а также успешно осуществлены меры по исследованию и разработке инновационной инфраструктуры российской экономики.

Необходимо согласиться с тем, что в данное время государством эффективно реализуются меры по активизации исследовательской работы преподавателей российских вузов, по поддержке процессов кооперации вуза с предприятием и развитию инновационных структур, по созданию отечественных исследовательских центров, например, НОЦ. Также успешно, например, формируется инфраструктура поддержки деятельности инновационного свойства, которая включает в себя технико-внедренческие экономические зоны, предоставляющие льготы инновационным структурам, наукоградам, технопаркам, бизнес-инкубаторам, центрам трансфера технологий, центрам коллективного пользования оборудованием. Однако многие предпринимаемые меры не дали прогнозируемых положительных результатов, появилась необходимость в иных акцентах развития экономики Российского государства, что обусловлено, на наш взгляд, также и мировым кризисом в экономике.

В связи с этим следующим важным шагом стали документы «Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года» [6] и «Инновационная Россия – 2020» как ориентиры реализации инновационной государственной политики [4]. В соответствии с ними результаты, достигнутые благодаря инновационной политике в предыдущие годы, получили дальнейшее своё развитие, а также подверглись корректировке ее наиболее существенные недостатки. В рамках данной Стратегии разрабатываются

и реализуются такие государственные программы РФ, как «Развитие образования», «Развитие науки и технологий», «Экономическое развитие и инновационная экономика» [6], «Информационное общество» [6], а также другие многочисленные государственные программы, которые направлены на эффективное развитие высокотехнологичных отраслей экономики. Все это требует широкомасштабной и более энергичной подготовки специалистов, необходимых для инновационной экономики, что соотносится с задачами формирования кадрового потенциала для сферы образования, а также предполагает необходимость эффективного осуществления ряда мероприятий, которые были предложены в Стратегии «Инновационная Россия – 2020» [6]. К числу первоочередных мер относятся:

- *создание эффективных стимулов как материальных, так и моральных для привлечения наиболее профессиональных специалистов, энергичных предпринимателей, активной молодежи в реальные сектора экономики, которые, во многом, определяют ее инновационное развитие;*
- *повышение уровня восприимчивости населения к таким явлениям, как инновации и их продукты, к инновационным технологиям;*
- *увеличение числа инновационных предпринимателей и специалистов;*
- *активная пропаганда развития инновационного предпринимательства и научно-образовательной деятельности инновационного свойства;*
- *успешная адаптация отечественной системы образования к инновационным потребностям населения, осуществление для этого уже с детства формирования знаний, способов и моделей поведения, необходимых для инновационной российской системы экономики* [6].

В современных условиях инновационного развития государства, основываясь на достигнутых положительных результатах, полученных в процессе осуществления государственной инновационной политики в предыдущие годы, формируются и развиваются новые направления государственной политики по поддержке инноваций, возникшие в последние годы.

Реализация программ согласно государственным документам [4–8] подтвердила целесообразность и перспективность инновационного характера развития РФ и, вместе с тем, обострила в очередной раз проблему актуальности и важности подготовки специалистов, владеющих инновационными компетенциями.

Несмотря на то что были осуществлены мероприятия, разработанные на основе указанных документов, в которых были заложены основы государственной инновационной системы, а также важные меры по развитию исследований и разработок, направленных на создание инновационной инфраструктуры, на модернизацию экономики на основе применения технологических инноваций, проблема остаётся важной и сложно решаемой по причине как отсутствия инновационных кадров в целом, так и эффективной системы их подготовки.

Можно согласиться с тем, что в настоящее время нашим государством активно реализуются меры по привлечению к инновационной и исследовательской деятельности преподавателей российских вузов. Активная поддержка государством интеграции вузов с предприятиями с целью их дальнейшего совместного развития на основе разного рода инновационных инфраструктур, организация национальных научно-исследовательских или научно-образовательных центров (НОЦ) является неким механизмом реализации политики руководства государства, направленной на инновационное развитие России.

В современных условиях в России активно формируется инфраструктура развития и эффективной поддержки различной социально-экономической инновационной деятельности, включающей в себя зоны технико-внедренческого свойства, зоны социально-экономического развития. Например, это зоны опережающего развития территории, в которых предусматриваются значительные льготы инновационным элементам таких структур, как бизнес-инкубаторы, центры трансфера технологий, технопарки, центры коллективного пользования и др. Однако предпринимаемые меры, несмотря на свою значимость, не дают пока положительных результатов в инновацион-

ной деятельности. В результате появилась необходимость в разработке дополнительных мер развития российской экономики, ориентированных на социальный характер государства, что было также вызвано и мировым кризисом.

В связи с этим существенным шагом реализации инновационной российской государственной политики стала «Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года» [6], которая придала новый импульс характеру инновационных преобразований. Программа «Инновационная Россия – 2020» [4], в соответствии с которой были получены положительные результаты, достигнутые в реализации инновационной политики за эти годы в России, способствовала дальнейшему развитию инновационного вектора, а также неоднократно подвергалась корректировке в наиболее проблемных моментах, что существенно повлияло на её эффективность.

Всё вышеозначенное потребовало широкомасштабной и более энергичной деятельности по подготовке специалистов для инновационной России, что соотносится с решением важной государственной задачи – развитием кадрового потенциала сферы науки, системы образования, сферы технологий и инноваций, а также вызвало необходимость качественного и энергичного осуществления ряда мероприятий, предложенных в Стратегии «Инновационная Россия – 2020» [4]. Их появление привело к следующему:

- была разработана и успешно реализуется эффективная система материальных и моральных стимулов с целью притока в экономику специалистов, которые во многом определяли и определяют её инновационное развитие;

- по данным научных исследований произошло повышение уровня восприимчивости населения к инновациям в виде продуктов и технологий инновационного характера;

- статистика подтверждает увеличение численности предпринимателей в инновационных отраслях экономики;

- существенно возросла активная и эффективная пропаганда идей инновационного предпринимательства и инновационной отечественной научно-технической деятельности;

– система образования РФ была адаптирована в направлении формирования у населения, начиная с детства, компетенций и моделей поведения, необходимых для инновационного общества и инновационной экономики;

– осуществляется формирование инновационно ориентированной системы непрерывного образования и др.

Следует понимать, что необходимым и реальным условием для инновационного развития России является *модернизация и реформирование системы образования, формирование её инновационного характера* как основы для динамичного социально-экономического развития общества, как главного фактора, прежде всего, благополучия граждан, а также безопасности самого государства.

Важным условием развития инновационной системы высшего образования, на наш взгляд, является *вовлеченность студентов и преподавателей в осуществление фундаментальных и прикладных исследований, опытно-экспериментальной и исследовательской деятельности, в процесс создания инновационно ориентированного образовательного пространства вуза и среды*. Это позволяет не только сохранять престиж российской науки, но и развивать ведущие российские научные школы, растить молодое поколение исследователей, которые ориентированы на потребности инновационного общества.

Определенно *экспериментальные и научные исследования* могут стать важным ресурсом и эффективным инструментом овладения студентами, будущими специалистами, компетенциями поиска, анализа, обработки и применения информации и многими другими. Создание непрерывной системы образования по подготовке специалиста для инновационной экономики в виде национальной квалификационной рамки, российской системы сертификации квалификаций, образовательных программ будет способствовать максимально результативному использованию человеческого потенциала и создаст условия для успешной самореализации граждан на основе формирования компетентности в сфере инноваций в течение всей жизни.

Развитие инновационно ориентированного высшего образования (ИОВО) является свидетельством реализации государственной политики в направлении создания инновационной экономики, что, безусловно, подтверждает актуальность научно-образовательного поиска путей подготовки инновационно ориентированных специалистов.

Инновационно ориентированное высшее образование подготовки специалистов для инновационной российской экономики можно трактовать как *интегративную систему образовательных программ разного уровня, а также сеть научных, образовательных, производственных, бизнес и инновационных структур и соответствующих механизмов управления ими*.

Понятие «инновационно ориентированное высшее образование» по своей структуре и содержанию имеет *полисемантический* характер, характерный для интеграционных процессов, и может быть рассмотрено как:

- дидактическая и институциональная *система*, которая включает содержательный, технологический, целевой, организационный и субъективный компоненты;

- *процесс* целенаправленного формирования и развития совокупности компетенций по разработке, распространению и внедрению технических, педагогических и организационных *инноваций* на основе современных способов и средств создания соответствующего содержания, специальных методов и определённых форм обучения с целью освоения *инновационной компетентности будущим специалистом*;

- *результат* целенаправленной деятельности образовательного учреждения – *инновационная компетентность специалистов, создание процессных и продуктовых инноваций по организации подготовки будущих специалистов, необходимых для инновационной экономики* [1–3].

В обобщённом виде *модель* системы ИОВО, нацеленной на формирование совокупности компетенций, необходимых, например, инженерным кадрам для успешной инновационной деятельности, осуществляемой в профессиональной сфере, представлена на рис. 1.

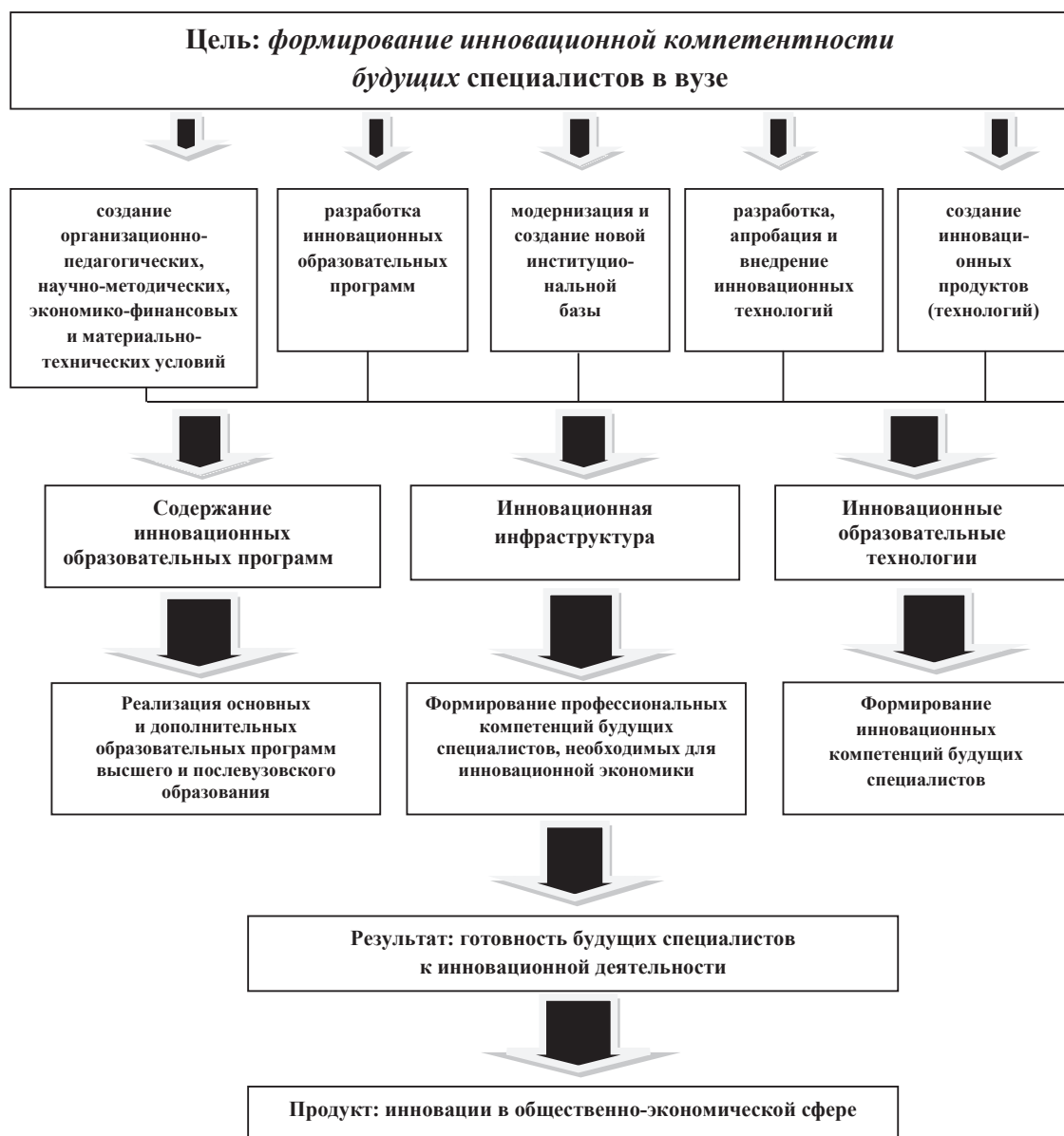

Рисунок 1. Модель инновационно ориентированного образовательного пространства вуза для подготовки специалистов инновационной общественно-экономической сферы

Целью ИОВО можно рассматривать формирование и развитие инновационной компетентности специалистов, включающей комплекс компетенций, необходимых для социально-экономической инновационной деятельности в предметной или профессиональной сфере, подтвержденной нали-

чием личного опыта участия в создании и внедрении инноваций.

Основная задача в ходе достижения данной цели – это создать организационно-педагогические, научно-методические, экономико-финансовые и материально-технические условия для фор-

мирования и развития инновационной компетентности специалистов. ИОВО должно быть направлено также на решение следующих задач:

- разработка образовательных программ инновационного свойства;
- создание и модернизация институциональной базы, которая обеспечивает условия для эффективной реализации образовательных программ инновационного свойства;
- разработка, апробация и внедрение инновационных образовательных технологий в учебный процесс вуза;
- подготовка в вузе будущих специалистов, готовых к инновационной деятельности на основе реализации основных, а также дополнительных образовательных программ;
- разработка и внедрение инновационных продуктов или технологий;
- привлечение студентов и преподавателей к участию в фундаментальных и прикладных исследованиях, опытно-экспериментальной и исследовательской деятельности и др.

Содержание ИОВО представляет собой комплекс инновационно ориентированных программ обучения, реализующих принципы инновационно ориентированного высшего образования, которые нацелены на развитие в вузе опережающей подготовки специалистов, владеющих инновационными компетенциями, и команд, которые профессионально готовы к работе в сфере инноваций

по приоритетным направлениям науки, культуры, техники и технологий [1–3].

Формирование образовательных программ инновационной направленности, на наш взгляд, может осуществляться следующими путями:

- включением в перечень обязательных квалификационных требований к программам высшего профессионального образования «готовности к осуществлению инновационной деятельности» (разные уровни готовности с учётом образовательной ступени);
- реализацией образовательных программ, ориентированных на подготовку специалистов для приоритетных направлений инновационной России → социальный заказ на подготовку специалистов для инновационной деятельности → инновационные виды и направления подготовки специалистов → образовательные программы инновационного свойства;
- включением в учебные планы учебных дисциплин из различных областей инноватики и др.

Подготовка специалиста к инновационной деятельности в вузе может осуществляться на основе формирования и развития инновационной компетентности, как в рамках основной образовательной программы, так и на базе дополнительных образовательных программ, переподготовки и повышения квалификации, что изображено на рис. 2.

Рисунок 2. Возможные уровни вузовских образовательных программ подготовки будущего специалиста к инновационной деятельности

Система ИОВО перманентно открыта научным исследованиям по своей сущности, прежде всего, современной российской экономике и современному российскому обществу, а инновационные образовательные технологии должны преобладать, чтобы система образования, в том числе и высшего, как социальный институт выполняла свою основную функцию – развитие общества и построение его будущего. В ней должны не только реализовываться инновационные образовательные программы, но и активно развиваться такие формы обучения, как проекты, тренинги, стажировки на производстве, сессии в научно-исследовательских организациях и др., а технологическое обеспечение учебного процесса должно соответствовать мировому уровню передовой науки и поддерживаться разного рода ресурсами интегрированных *научно-образовательно-производственных структур. Суть инновационной составляющей высшего образования* состоит в разработке и создании *новых продуктов профессиональной деятельности*, доведённых до вида готовой товарной продукции, которая способна обеспечить *новый социально-экономический эффект*, для чего она должна быть конкурентоспособной, в том числе и на мировом уровне. Значимое место в формировании инновационных компетенций специалиста в вузе занимает *разработка, распространение и внедрение в учебный процесс образовательных технологий инновационного свойства: личностно ориентированных, исследовательских, интерактивных, продуктивных и информационно-коммуникационных технологий*, направленных на активизацию познавательной и исследовательской деятельности будущих специалистов [1–3]. Инновационные образовательные технологии в вузе, по мнению ряда исследователей, следует рассматривать как комплекс *инновационных информационно-образовательных технологий*, а также новых и эффективных форм и методов организации образовательного процесса, приёмов обучения, способов разработки и применения информационно-образовательных ресурсов, ориентированных на формирование *инновационной образовательной среды вуза* для подготовки специалистов, владеющих комплексом профессионально-инновационных и соци-

ально-инновационных компетенций. Исследователи считают предпочтительными в этом плане следующие технологии:

- *когнитивно ориентированные*: когнитивное инструктирование, диалогическое обучение, семинары-дискуссии, проблемно-поисковое обучение, когнитивные схемы и карты, инструментально-логические тренинги и др.;
- *деятельностно ориентированные*: имитационное или игровое моделирование, методы проектов, методы направляющих текстов, комплексные задания, контекстное обучение, технологические карты, организационно-деятельностные игры и др.;
- *личностно ориентированные*: тренинги развития, интерактивные игры, имитационные игры, развивающая психодиагностика и др. [1–3].

Ведущими принципами, положенными в основу концептуального построения *многоуровневой системы подготовки специалистов, компетентных в сфере инноваций*, по мнению ряда исследователей, могут быть следующие:

- *политеоретичности и междисциплинарной основы* как фундамента системы наук о профессиональном образовании;
- *синтетичности* нового и перспективного научного знания о создании специальной системы профессиональной подготовки в вузе специалистов, компетентных в сфере инноваций;
- *стандартизации* образования, ориентации на инновационные идеи прогнозирования и обеспечения научно-учебной и производственной интеграции интеллектуальных, материально-технических, социальных и других возможностей [1–3].

Научный базис предлагаемой *концепции интегративного подхода к подготовке будущего специалиста, компетентного в сфере инноваций*, составляют научные подходы: *системный, деятельностный, интегративный, личностно ориентированный, комплексный и компетентностный*. Так, например, опора на *личностно ориентированный* подход применительно к исследуемой проблеме обоснована многими обстоятельствами. Это обусловлено, например, тем, что высокого уровня инновационной компетентности может достичь не каждый будущий специалист, так

как формирование *инновационного мышления* сложный процесс, овладение которым *требует специальных индивидуальных особенностей специалиста*. Мы полагаем также, что традиционная технология подготовки специалиста в вузе становится неприемлемой, не соответствующей целям и задачам формирования инновационных компетенций современного специалиста.

Важнейшими *направлениями* развития ИОВО могут быть следующие:

- *специальная организация учебной деятельности* студента, будущего специалиста, которая предполагает обязательность обучения на протяжении всех лет учебы в вузе в так называемых комплексных научно-исследовательских коллективах, в которых осуществляется полидисциплинарная или практико-ориентированная деятельность; она представляет собой органичное включение студентов в активную творческую, инновационную деятельность, обеспечение их массового участия в проектных группах и экспериментальной работе, создание целеориентированных и продукто-ориентированных форм обучения. Это может создать предпосылки для эволюционного перехода учебно-образовательного процесса вуза к научно-образовательному или инновационно-образовательному процессу;

- формирование научно-образовательного процесса вуза, например, как творческих мастерских учёных или ведущих специалистов, а также новаторов или исследователей, где сообщество инновационно ориентированных студентов, будущих специалистов, способно создать творческий коллектив (лабораторию, группу по проекту, исследовательский коллектив и др.), в котором на основе методологии инновационно-познавательной деятельности, по образу НИОКР, осуществляется усвоение прогрессивных и инновационных представлений о мире и месте человека в нём, о ценностях и целях научно-инновационной деятельности;

- формирование инновационно-образовательного процесса вуза как системы мастерских, которые должны возглавлять новаторы, где студенты, будущие специалисты, находятся не в академической учебной обстановке, а в атмосфере поиска, риска, проб и ошибок. Они в этих услови-

ях могут быть вовлечены в проведение реальных экспериментов, благодаря чему реализуется интеграция образования и практики, а также формируется система инновационной компетентности специалиста;

- развитие системы лабораторий, инновационных структур (технопарк, кластер, технологическая платформа и др.), в которых активно осуществляется подготовка специалистов для эффективной деятельности в условиях инновационной экономики.

Результатом подготовки студентов, будущих специалистов, компетентных в сфере инноваций, в системе ИОВО является их готовность к следующему:

- к инновационной деятельности в той или иной профессиональной сфере, опирающейся на образовательно-информационную компетентность специалистов в сфере инновационной деятельности, а также на практический опыт апробации разных вариантов ее осуществления;

- к освоению продуктовых и процессных инноваций и к выполнению инновационных проектов в различных профессиональных отраслях;

- к восприятию инноваций, осмыслению потребности инновационной деятельности и к формированию собственного опыта инновационной деятельности;

- к разработке технических, организационных и других видов инноваций;

- к эффективной коммерциализации различных видов инновационной продукции;

- к решению задач по организации инновационной деятельности в соответствии с программами инновационного развития предприятия (организации), региона, страны, мира;

- к организации различных видов инновационной деятельности: научно-технической, производственной, социально-культурной и др.

Процесс разработки и реализации в вузе образовательных программ предполагает, в том числе, в соответствии с ФГОС 3++, определение компетенций и в сфере инновационной деятельности, хотя, в то же время, они имеют в большей степени обобщённый характер, судя по формулировкам профессиональных компетенций. Думается, что их следует конкретизировать

в соответствии с задачами и сущностью самой инновационной деятельности, причем важно для многоуровневых образовательных программ соблюдать преемственность на всех уровнях формирования и развития компетенций. Анализ ряда ФГОС3++, уровня бакалавра, позволяет констатировать, что среди универсальных или общепрофессиональных компетенций не отражены компетенции в сфере инноваций.

Представляется необходимым разработать и предложить некоторые *обобщённые* формулировки компетенций в области инновационной деятельности для будущих бакалавров или магистров творческого, технического или любого другого вуза:

– *универсальные компетенции:*

- способность и готовность понимать роль и значение инноваций в развитии общества или экономики, техники или науки;

- способность и готовность приобретать и использовать в профессиональной деятельности инновационные знания и умения, в том числе в областях, непосредственно не связанных с инновационной сферой деятельности;

- *общепрофессиональные*, например в области техники и технологий:

- способность и готовность к овладению техническими инновациями и к реализации основных этапов инновационных проектов в соответствующей профессиональной отрасли;

- способность и готовность к эффективной разработке и реализации инновационной продукции, к коммерциализации научно-технических достижений, к организации инновационной деятельности в профессиональной отрасли;

- способность и готовность к разработке инноваций, к коммерциализации инновационной продукции, к организации инновационной деятельности в научно-технической сфере;

- способность и готовность к решению комплекса задач инновационной деятельности в профессиональной сфере в соответствии с программами инновационного развития организации (предприятия), региона, отрасли и др.;

- *профессиональные компетенции*, необходимые для специалистов, планирующих зани-

маться инновациями в той или иной профессиональной деятельности, например:

- способность и готовность осуществлять оценку, например, экономического потенциала инноваций;

- способность и готовность к принятию решения при создании новой продукции с учетом требований качества, стоимости, сроков исполнения, конкурентоспособности, экологической безопасности и др.;

- способность и готовность разрабатывать план или программу организации инновационной деятельности, осуществлять необходимое технико-экономическое обоснование различных инновационных проектов и программ и др.

Таким образом, во-первых, концепция *интегративно-компетентного подхода* к подготовке специалистов для инновационных отраслей экономики или общества *определяет* общую методологию, которая процессуально отражает *интеграцию* ее ключевых *компонентов*: науки, бизнеса, производства – с системой высшего образования, направленную на подготовку будущих специалистов в вузе, готовых к осуществлению профессиональной деятельности в сфере инновационной экономики.

В данной концепции, во-вторых, определяется сущность данного подхода, которая, в основном, заключается в реализации основных *целей* современного высшего образования, ориентированных:

- на *интеграцию* ресурсов, в том числе инновационных, с целью эффективной реализации программ высшего образования третьего поколения, которые имеют большой *интегративный потенциал*, заключающийся в том, чтобы результаты подготовки специалистов в вузе были определены по совокупности компетенций. Это требует не только укрепления *междисциплинарных связей*, но и создаёт реальные возможности для *междисциплинарного переноса знаний*, что создаёт ситуацию *усиления взаимодействия*, *актуализации интеграции*, в результате которых может быть сформирована компетентность специалиста в сфере инноваций;

- на *интеграцию* функций дидактики с целью формирования *интегративной природы компе-*

тентности, которая подтверждается тем фактом, что успешное выполнение профессиональных функций будущим специалистом в условиях инновационной экономики предполагает мобилизацию множества инновационных компетенций, которые нужно формировать, не изолируя одну от другой, а объединяя их в целостные структуры, в инновационные комплексы компетентности;

– на интеграцию компонентов, способствующих эффективной подготовке инновационно-компетентных специалистов: системы образования, науки, производства, бизнеса, власти, общества;

– на интеграцию организационных, методических, научных, кадровых, экономических, материально-технических, управленческих и иных усилий и ресурсов, способствующих подготовке инновационно-компетентных специалистов.

В-третьих, инновационную компетенцию (компетентность) студента в рамках данной концепции следует рассматривать как образовательный результат интегративного, инновационно ориентированного образования.

В-четвёртых, интегративно-компетентностный подход к подготовке в вузе инновационно-компетентных специалистов – это системное, комплексное, интеграционное взаимодействие, признаком которого можно считать объединение организационного, содержательного, функционального оснований в образовательном процессе с целью достижения наибольшего соответствия параметров функционирования образовательной системы, ее результатов требованиям, нормам, стандартам и ожиданиям в направлении формирования и развития инновационно-компетентного специалиста.

В-пятых, важно создать организационно-педагогические условия реализации концепции интегративно-компетентностного подхода в условиях ИОВО, к которым можно отнести:

- включенность высшего образования в деятельность региональной или национальной социально-экономических инновационных систем и эффективное взаимодействие с партнёрами (производственными, научными, образовательными, общественными);

- соответствие содержания основных образовательных программ и выпускных квалификационных работ вуза инновационным направлениям развития науки и техники, концепциям и стратегиям социально-экономического развития региона или страны;

- обеспечение реализации инновационной составляющей основных образовательных программ на основе интегрированных научно-образовательно-производственных структур;

- формирование и развитие инновационной культуры преподавателей вуза, их активное и эффективное участие как в разработке, так и распространении и внедрении инноваций;

- создание условий для практического участия студентов и преподавателей в разработке инновационной продукции;

- активное внедрение инновационных образовательных технологий, способствующих повышению эффективности формирования компетенций обучающихся для инновационной деятельности;

- реализация интегративно-компетентностного подхода в организации инновационно ориентированной подготовки будущих специалистов в вузе.

Итак, все вышеизложенное позволяет утверждать, что ИОВО можно трактовать как интегративную совокупность основных образовательных программ вуза, реализуемых в интегрированной системе научных, образовательных, производственных и инновационных структур, а также способов и механизмов управления ими.

В свою очередь, ИОВО имеет полисемантический характер, оно может быть рассмотрено многосторонне, например, как дидактическая и институциональная система, которая имеет целевой, технологический, организационный, содержательный и субъективный элементы. Также его можно понимать и как процесс целенаправленного развития компетентности специалиста в области инноваций на основе соответствующих содержания, методов и форм обучения в вузе. Можно трактовать ИОВО и как результат деятельности вуза в направлении формирования инновационной культуры будущих специалистов на основе инновационной культуры научно-педагогических кадров.

Литература

1. Заруба Н. А. Интегративно-компетентностный подход подготовки специалистов для инновационного сектора угольной отрасли (на примере Кузбас. гос. техн. ун-та им. Т. Ф. Горбачёва). – Кемерово: Кузбас. гос. тех. ун-т им. Т. Ф. Горбачёва, 2013. – 309 с.
2. Заруба Н. А., Егорова Н. Н. Инновационный подход к подготовке специалиста в вузе в условиях реформирования местного самоуправления // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования: науч.-практ. журн. – 2015. – № 2 (7). – С. 115–120.
3. Заруба Н. А., Егорова Н. Н. Подготовка специалиста в вузе в условиях реформ и перемен // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования: науч.-практ. журн. – 2015. – № 1 (6). – С. 43–49.
4. Инновационная Россия – 2020 (Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года) [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.isma.ivanovo.ru/attachments/1770/> (дата обращения: 05.10.2019).
5. Основные направления политики Российской Федерации в области развития инновационной системы на период до 2010 года [Электронный ресурс]. – URL: <https://e-koncept.ru/2016/46130.htm> (дата обращения: 10.11.2019).
6. Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года [Электронный ресурс]. – URL: <http://government.ru/docs/9282/> (дата обращения: 10.10.2019).
7. Стратегия научно-технологического развития России до 2035 года [Электронный ресурс]. – URL: <http://rosmu.ru/activity/events/1339.html/> (дата обращения: 11.10.2019).
8. Стратегия развития науки и инноваций в Российской Федерации на период до 2015 года [Электронный ресурс]. – URL: http://kf.osu.ru/dept/nauch/osnov_doc/strategiya_razvit.pdf (дата обращения: 24.01.2020).

References

1. Zaruba N.A. *Integrativno-kompetentnostnyy podkhod podgotovki spetsialistov dlya innovatsionnogo sektora ugol'noy otrasli (na primere Kuzbasskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta im. T.F. Gorbacheva)* [Integrative and competency-based approach to training specialists for the innovative sector of the coal industry (for example, the T.F. Gorbachev Kuzbass State Technical University)]. Kemerovo, T.F. Gorbachev Kuzbass State Technical University Publ., 2013. 309 p. (In Russ.).
2. Zaruba N.A., Egorova N.N. Innovatsionnyy podkhod k podgotovke spetsialista v vuze v usloviyakh reformirovaniya mestnogo samoupravleniya [An innovative approach to training a specialist in a university under reform of local self-government]. *Innovatsionnaya ekonomika: perspektivy razvitiya i sovershenstvovaniya: nauchno-prakticheskiy zhurnal* [Innovative Economy: Prospects for Development and Improvement. Scientific and practical journal], 2015, no. 2 (7), pp. 115-120. (In Russ.).
3. Zaruba N.A., Egorova N.N. Podgotovka spetsialista v vuze v usloviyakh reform i peremen [Training of a specialist in a university in the context of reforms and changes]. *Innovatsionnaya ekonomika: perspektivy razvitiya i sovershenstvovaniya: nauchno-prakticheskiy zhurnal* [Innovative Economy: Prospects for Development and Improvement. Scientific and practical journal], 2015, no. 1 (6), pp. 43-49. (In Russ.).
4. *Innovatsionnaya Rossiya – 2020 (Strategiya innovatsionnogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii na period do 2020 goda)* [Innovative Russia – 2020 (Innovation Development Strategy of the Russian Federation for the period until 2020)]. (In Russ.). Available at: <https://www.isma.ivanovo.ru/attachments/1770/> (accessed 5.10.2019).
5. *Osnovnye napravleniya politiki Rossiyskoy federatsii v oblasti razvitiya innovatsionnoy sistemy na period do 2010 goda* [The main directions of the policy of the Russian Federation in the field of development of the innovation system for the period until 2010]. (In Russ.). Available at: <https://e-koncept.ru/2016/46130.htm> (accessed 10.11.2019).
6. *Strategiya innovatsionnogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii na period do 2020 goda* [Strategy for innovative development of the Russian Federation for the period until 2020]. (In Russ.). Available at: <http://government.ru/docs/9282/> (accessed 10.10.2019).
7. *Strategiya nauchno-tehnologicheskogo razvitiya Rossii do 2035 goda* [The strategy of scientific and technological development of Russia until 2035]. (In Russ.). Available at: <http://rosmu.ru/activity/events/1339.html/> (accessed 11.10.2019).
8. *Strategiya razvitiya nauki i innovatsiy v Rossiyskoy Federatsii na period do 2015 goda* [The development strategy of science and innovation in the Russian Federation for the period until 2015]. (In Russ.). Available at: http://kf.osu.ru/dept/nauch/osnov_doc/strategiya_razvit.pdf (дата обращения 24.01.2020) (accessed 24.01.2020).

К ВОПРОСУ О ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКЕ ПЕДАГОГОВ ДОШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Чурекова Татьяна Михайловна, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики и психологии, Кемеровский государственный институт культуры, заслуженный работник высшей школы РФ (г. Кемерово, РФ). E-mail: churekova_t@mail.ru

Немчинова Любовь Сергеевна, старший преподаватель, кафедра теории и методики дошкольного образования, Институт детства, Новосибирский государственный педагогический университет (г. Новосибирск, РФ), аспирант межвузовской кафедры общей и вузовской педагогики, Кемеровский государственный университет (г. Кемерово, РФ). E-mail: fppd_dekanat@mail.ru

В статье рассматриваются современные тенденции профессиональной подготовки педагогов дошкольного образования (ДО) в условиях модернизации образовательной системы. Определены основные понятия. Отмечена специфика содержания и технологии обучения будущих педагогов дошкольных учреждений, при которой особое место занимает не только предметная подготовка, но и психолого-педагогическая, требующая освоения специальных знаний, а также определенных профессиональных компетенций, связанных с осуществлением конструктивной коммуникации со всеми участниками дошкольного образования, моделированием ситуаций развития с учетом возможностей и ограничений каждого воспитанника, подбором средств для решения образовательных задач на каждом этапе освоения ребенком конкретной возрастной группы основной образовательной программы.

Модернизация высшего образования, в том числе по профессиональной подготовке педагогов для дошкольной ступени, определила направленность на усиление практической готовности будущих педагогов к выполнению требований профессионального стандарта педагога. Профессиональная готовность педагога ДО, таким образом, в соответствии с содержанием основной образовательной программы педагогического университета по направлению подготовки бакалавров «Педагогическое образование» определяется готовностью выпускников к решению задач профессиональной деятельности следующих типов: педагогических, проектных, методических, организационно-управленческих, культурно-просветительских, сопровождения.

В связи с этим актуализируются следующие тенденции профессиональной подготовки будущих педагогов дошкольного образования: индивидуализация при выборе направления деятельности; практико-ориентированный подход при освоении методик, технологий дошкольного образования; раннее включение в коллективные отношения дошкольных образовательных организаций. Актуальной также становится идея непрерывного профессионального образования выпускника в условиях, связанных между собой логикой профессионального становления будущего педагога в образовательных средах вуза, дошкольной образовательной организации, учреждения дополнительного профессионального образования.

Происходящие изменения в системе образования актуализируют совокупность компетенций, установленных программой бакалавриата, для обеспечения выпускнику готовности и способности решать задачи профессиональной деятельности. Наряду с этим, будущий педагог в процессе подготовки к профессиональной деятельности осваивает теоретический и практический опыт профессии, развивает такие профессиональные качества как: мотивированность на педагогическую деятельность с детьми

разных категорий, толерантность, социальную открытость к взаимодействию с родителями, коллегами, конкурентоспособность, активность, инициативность.

Ключевые слова: профессиональные стандарты, ФГОС 3++, модернизация, профессия, профессиональная подготовка, профессиональное дошкольное образование, профессиональные компетенции.

TO THE QUESTION OF PROFESSIONAL TRAINING THE PRESCHOOL EDUCATION TEACHERS IN THE CONDITIONS OF MODERNIZATION OF THE EDUCATIONAL SYSTEM

Churekova Tatyana Mikhaylovna, Dr of Pedagogical Sciences, Professor, Professor of Department of Psychology and Pedagogy, Kemerovo State University of Culture, Honored Worker of Russia Higher Education (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: churekova_t@mail.ru

Nemchinova Lyubov Sergeevna, Sr Instructor, Department of Theory and Methodology of Preschool Education, Institute of Childhood, Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation), Postgraduate of the Inter-university Department of General Pedagogy and Institutional Pedagogy, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: fppd_dekanat@mail.ru

The article describes current trends in professional training of preschool education teachers in conditions of modernization of the educational system. It defines basic concepts and recognizes specificity of the content and training technology of preschool teachers, where subject training, psychological and pedagogical training are important, require special knowledge and certain professional competencies to create constructive communication with all the participants, modeling the development situations, taking into account the capabilities and limitations of each student, solutions of educational tasks at each stage of the development of children of different age groups.

Modernization of higher education, including professional training the preschool teachers determined that the focus should be on strengthening the practical readiness of the future teachers in order for them to meet the requirements of the pedagogical professional standard. Therefore, professional readiness, according to contents of the Pedagogical University's general educational program for training the bachelors in "Pedagogical education" is determined by the competency of the graduates in solving problems of professional activity of the following types: pedagogical, project, methodological, organizational, cultural, mentoring.

Following tendencies in the professional training the future teachers are updated: individualization in choosing the field of concern; practice-oriented approach in the development of methods, technologies of the preschool education; early inclusion in the collective relations within the field. The actual idea of the graduate's continuous professional education as the future teacher's professional formation in educational environments within higher education institutions, the preschool educational organizations, additional professional education.

The ongoing changes in the educational system actualize the set of competencies established by the bachelor's program to ensure the graduate's readiness and ability to solve professional problems. While training, a future teacher masters theoretical and practical experience of the profession, develops professional qualities like motivation for professional activities with different children, tolerance, social openness to interactions with parents, colleagues, proactive attitude, initiative.

Keywords: professional standards, FSES 3++, modernization, profession, professional training, professional preschool education, professional competence.

В России в сфере образования в последние десятилетия происходят значительные социально-экономические преобразования. Усложнение социокультурной и образовательной среды, динамичное развитие науки и технологий вызвали потребность в педагогических кадрах, способных решать задачи модернизации на всех уровнях образования, включая уровень дошкольного образования. Что, в свою очередь, обуславливает повышение требований к подготовке компетентных специалистов и разработке ряда нормативных документов, задающих эти требования [10; 13; 15; 16; 17]. Так, в Трудовом кодексе РФ статья 195.1 главы 31 дополнена понятием «профессиональный стандарт», который определяется как «характеристика квалификации, необходимой работнику для осуществления определенного вида профессиональной деятельности, в том числе выполнения определенной трудовой функции» [13]. Требования к подготовке педагогических кадров высшего образования для дошкольных образовательных организаций (ДОО), определены профессиональным стандартом педагога, федеральными государственными образовательными стандартами высшего образования направления «Педагогическое образование», профиль «Дошкольное образование» (ФГОС ВО ПО), «Психолого-педагогическое образование», профиль «Психология и педагогика дошкольного образования» (ФГОС ВО ППО). На основании этих документов происходит преобразование профессиональной подготовки студентов, затрагивая цели, содержание образования (изменения в ОПОП, технологиях, учебных планах, рабочих программах дисциплин).

Кроме того, в принятом федеральном государственном образовательном стандарте дошкольного образования (ФГОС ДО) [17] сделан акцент на построение субъект-субъектных взаимоотношений между всеми участниками образовательного процесса, ребенок признан полноценным его участником. Отмечена необходимость создания условий для использования методов и приемов в соответствии с возрастными особенностями и индивидуальными возможностями развития каждого ребенка дошкольного возраста. Особую значимость приобрели статус дошколь-

ного образования и сохранение единства образовательного пространства Российской Федерации в отношении его уровня.

В связи с этим отметим, в ситуации изменений современной образовательной системы ценность подготовки педагогических кадров, ориентированных на деятельность с детьми дошкольного возраста, выступает на первый план, поскольку именно раннее и дошкольное детство, по общепризнанному мнению ученых, специалистов, является наиболее значимым периодом психического развития, приобщения к общечеловеческой культуре, освоения начального уровня образования. Возрастные особенности детей от младенчества до старшего дошкольного возраста предполагают создание особых, вариативных условий для успешной социализации детей и освоения ими основной образовательной программы (ООП). Одним из значимых условий является подготовленный к педагогической деятельности с детьми раннего и дошкольного возраста специалист. Таким образом, профессиональная подготовка педагогов, воспитателей в образовательных учреждениях – одна из центральных задач в сфере образования.

По мнению Л. М. Волобуевой, в настоящее время в системе дошкольного образования существует ряд проблем, требующих пристального внимания. Анализируя статистические данные уровня образования дошкольных педагогов, автор обосновывает профессиональные дефициты и делает акцент на недостаточной профессиональной подготовке в системе высшего педагогического образования [2].

В то же время исследователи А. Г. Гогоберидзе и И. В. Головина, характеризуя модернизацию и стратегии изменений процесса подготовки педагогов дошкольного образования, выделяют условия, на основе которых необходимо строить образовательный процесс в вузе. В качестве маркеров новых образовательных программ предлагаются: «целевые ориентиры, структура и содержание, научно-методическое обеспечение и оценка образовательных результатов освоения образовательных программ подготовки бакалавров и магистров для работы в сфере дошкольного образования» [3, с. 38]. Это позволяет дифферен-

цировать содержание и технологии подготовки педагогов дошкольных учреждений. Особое место наряду с предметной подготовкой занимает психолого-педагогическая. Этот вид подготовки требует знаний общей, возрастной, детской психологии, специальной педагогики и психологии, дошкольной педагогики; определенных профессиональных компетенций, связанных с осуществлением конструктивной коммуникации со всеми участниками дошкольного образования; моделированием ситуаций развития с учетом возможностей и ограничений каждого воспитанника; подбором средств для решения образовательных задач на каждом этапе освоения ООП ребенком конкретной возрастной группы.

Для более полной характеристики сущностного аспекта понятия «профессиональная подготовка» в вузе обратимся к понятию «подготовка». Так, в «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой, «подготовка» трактуется как запас знаний, полученный кем-нибудь [9]. В «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. В. Дмитриева – как создание кем-либо условий для успешного выполнения чего-либо [12]. Е. И. Огарёв [8] характеризует подготовку через процесс и результат обучения, который влияет на формирование способности выполнять определенные действия, заниматься различными видами деятельности, требующей соответствующих установок, знаний, умений и навыков. Таким образом, понятие «подготовка» можно определить как процесс, нацеленный на результат, ключевыми характеристиками которого являются объём и качество имеющихся знаний, умений и навыков, а также соответствующих установок для успешного выполнения различных видов деятельности.

Далее, рассматривая понятие «профессиональная подготовка» педагога, обратимся к сущности определения слова «профессия» и отметим, что в «Большом энциклопедическом словаре» под редакцией С. Ю. Солодникова профессия характеризуется как обычное длительное занятие индивида, дающее ему средства к существованию; это профессиональное занятие, которое, как правило, является и главной деятельностью [1]. По мнению Е. А. Климова, суть профессии – это необходимая

для общества, социально ценная и ограниченная вследствие разделения труда область приложения физических и духовных сил человека, дающая ему возможность получать взамен затраченного труда необходимые средства его существования и развития [6]. В исследованиях Т. Л. Марковой понятие «профессия» определяется как социальное явление, существующее через конкретную реальную деятельность людей, владеющих соответствующими способами действий, способных выполнять свои профессиональные функции [7]. Следовательно, при овладении профессией у человека возникает возможность накапливать и передавать опыт решения проблем разного характера, выполнять ключевые социальные роли, функции и т. д.

Таким образом, основываясь на вышеизложенном теоретическом анализе понятий «профессия» и «подготовка», можно сказать, что профессиональная подготовка является целостным образовательным процессом, направленным на освоение человеком необходимых знаний, умений, навыков, востребованных данной профессией, совершенствование определенных качеств, необходимых при реализации профессиональных функций. Профессиональная подготовка осуществляется посредством приобщения человека к специальным знаниям, накопленным в данной профессиональной области и в культуре общества, ознакомления с обобщенным и конкретным опытом профессионалов, отработки необходимых трудовых действий, развития трудовых умений. Формы профессиональной подготовки варьируются в зависимости от уровня получаемого образования.

В контексте обсуждаемой темы следует обратить внимание на содержание профессиональной деятельности педагога, которая ориентирована на обучение, развитие и воспитание подрастающего поколения и основана на создании условий для передачи элементов культуры, накопленной человечеством.

По мнению Л. Г. Семушиной, Н. Г. Ярошенко [11], успешность профессиональной деятельности находится в прямой зависимости от понимания педагогом сущности педагогического процесса и ориентировки в объекте деятель-

ности. Организация педагогического процесса в дошкольной образовательной организации требует от педагогических работников ДО знаний возрастных и индивидуальных особенностей развития детей на разных этапах и владения способами образования и развития личности. Реализация педагогической деятельности педагога ДО также связана с выполнением ряда функций: воспитательной, образовательно-просветительской, управленческо-организаторской, проектировочной, психодиагностической, прогностически-ориентирующей [5]. Каждая из этих функций предполагает психолого-педагогическую подготовку наряду с предметной, технологической и пр. Модернизация высшего образования, в том числе профессиональной подготовки педагогов для дошкольной ступени, определила направленность на усиление практической готовности будущих педагогов к выполнению требований профессионального стандарта. Профессиональная готовность педагога ДО, таким образом, в соответствии с содержанием основной образовательной программы педагогического университета по направлению подготовки бакалавров «Педагогическое образование», определяется готовностью выпускников к решению задач профессиональной деятельности следующих типов: педагогических, проектных, методических, организационно-управленческих, культурно-просветительских, сопровождения [10].

Согласно требованиям ФГОС ВО к педагогам ДОО [16], у выпускника должны быть сформированы три вида компетенций: общекультурные, общепрофессиональные и профессиональные. В 2018 году утвержден ФГОС ВО 3++ [10], в котором определены общие универсальные компетенции и общепрофессиональные – по направлениям подготовки. Профессиональные компетенции определяются вузом в соответствии с профилем подготовки на основе профессиональных стандартов, то есть результатом освоения ФГОС ВО является обладание необходимыми для профессиональной деятельности компетенциями: ценностно-смысловыми, общекультурными, коммуникативными, информационными, личностного самосовершенствования, социально-трудовыми.

Соглашаясь с исследователями компетентностного подхода И. А. Зимней [4], А. Б. Тумановой [14], А. В. Хуторским [18], Т. М. Чурековой [19], отметим, что совокупность взаимосвязанных качеств личности лежит в основе компетенций, необходимых для осуществления качественной продуктивной деятельности, а проявление личностного отношения составляет сущность компетентности. Педагогическая компетентность определяется нами как интегральная профессионально-личностная характеристика, означающая готовность и способность выполнять педагогические функции в соответствии с принятыми в конкретно-исторический момент нормами, стандартами, требованиями.

Сутью компетентностного подхода в образовании является ориентация на результат, в качестве которого рассматривается не сумма усвоенной информации, а готовность и способность человека действовать в различных профессиональных и нестандартных ситуациях [19, с. 69].

Обобщенно раскрывая содержание универсальных компетенций будущих педагогов [10], отметим, что они направляют человека на определенные действия, связанные с решением задач для качественного осуществления процессов жизнедеятельности всех людей, включенных в общее пространство взаимодействия, в том числе для поддержки безопасности, здоровья, осуществления экологичного, конструктивного взаимодействия. Способность человека эффективно действовать в различных профессиональных и нестандартных ситуациях требует развитой способности осуществлять поиск, критический анализ/синтез информации, определять круг задач в рамках поставленной цели и выбирать оптимальные способы их решения, исходя из действующих правовых норм, имеющихся ресурсов и ограничений. В условиях командной работы педагог должен быть способен осуществлять социальное взаимодействие, выполняя свои функции в команде. Важной универсальной компетенцией является способность педагога управлять своим временем, выстраивать и реализовывать траекторию саморазвития на основе принципов образования в течение всей жизни.

В содержании общепрофессиональных компетенций также отражены психолого-педагогиче-

ские компоненты профессиональной готовности педагогов, а именно при реализации таких компетенций, как способность использовать психолого-педагогические технологии в профессиональной деятельности, необходимые для индивидуализации обучения, развития, воспитания, в том числе обучающихся с особыми образовательными потребностями; способность взаимодействовать с участниками образовательных отношений в рамках реализации образовательных программ.

Отмечая прежде всего психолого-педагогическую составляющую профессиональной готовности педагогов дошкольного образования, мы акцентируем внимание на важности усиления психолого-педагогических практик для расширения опыта квазипрофессиональной деятельности студентов и отработки коммуникативных, игровых умений при контакте с разными группами детей. Участвуя в организованных регулярных наблюдениях групп детей и затем в совместных обсуждениях с опытными педагогами, студент осваивает необходимые компетенции.

Для профессиональных проб в университетах оборудуются специализированные кабинеты для осуществления квазипрофессиональной деятельности студентов при участии педагогов вуза и представителей работодателей.

Современное практико-ориентированное образование предполагает раннее включение бакалавров в среду дошкольного образовательного учреждения и конструктивное взаимодействие с представителями работодателя на разных этапах профессионализации.

Составление индивидуальной траектории профессиональной подготовки предполагает выбор студентами тематики научно-исследовательской работы, получения первичного профессионального опыта применения интересующих его технологий во время образовательных курсов и стажировок на базе дошкольных образовательных организаций.

Соучастие бакалавров в педагогических мероприятиях конкретных коллективов дошкольных образовательных организаций дает представление о взаимодействии в условиях командной работы. Совместное составление планов мероприятий для детей во время практики, подготовка конспектов непосредственной образовательной дея-

тельности с педагогами-наставниками дают опыт освоения как предметно-технологического, так и психолого-педагогического компонентов профессиональной компетенции. Изучение документации педагога ДОО позволяет студенту получить представление о методической составляющей будущей профессиональной деятельности.

Таким образом выделим в качестве актуальных тенденций профессиональной подготовки будущих педагогов дошкольного образования следующие: индивидуализацию при выборе направления деятельности; практико-ориентированный подход при освоении методик, технологий дошкольного образования; раннее включение в коллективные отношения ДОО.

Актуальной также становится идея непрерывного профессионального образования выпускника в соответствии с логикой профессионального становления будущего педагога в образовательных средах вуза, дошкольной образовательной организации, учреждения дополнительного профессионального образования. В этих условиях происходит расширение практического опыта педагога, углубление необходимых знаний и умений, освоение трудовых действий педагога ДО.

Обобщая вышеизложенное, отметим, что изменения, происходящие в системе образования актуализируют совокупность компетенций, установленных программой бакалавриата, для обеспечения выпускнику готовности и способности решать задачи профессиональной деятельности. Наряду с этим будущий педагог в процессе подготовки к профессиональной деятельности осваивает теоретический и практический опыт профессии, развивает профессиональные качества: мотивированность на профессиональную деятельность с детьми разных категорий, толерантность, социальную открытость для взаимодействия с родителями, коллегами, конкурентоспособность, активность, инициативность.

Также отметим, что вопрос профессиональной подготовки педагогов дошкольного образования всегда будет актуальным и значимым, поскольку современное дошкольное образование изменяется в соответствии с тенденциями современного мира, что всегда будет вызывать исследовательский интерес.

Литература

1. Большой энциклопедический словарь: философия, социология, религия, эзотеризм, политэкономика / гл. науч. ред. и сост. С. Ю. Солодников. – Минск: МФЦП, 2002. – 1008 с.
2. Волобуева Л. М. Проблемы кадрового обеспечения и подготовка педагогов дошкольного образования // Педагогическое образование и наука. – 2018. – № 3. – С. 39–43.
3. Гогоберидзе А. Г., Головина И. В. Модернизация процесса подготовки педагогов дошкольного образования: маркеры новых основных профессиональных образовательных программ // Психологическая наука и образование. – 2018. – Т. 23, № 1. – С. 38–45.
4. Зимняя И. А. Ключевые компетентности как результативно-целевая основа компетентностного подхода в образовании. Авторская версия. – М.: Исслед. центр проблем качества подготовки специалистов, 2004. – 40 с.
5. Ильин Е. П. Психология для педагогов. – СПб.: Питер, 2012. – 640 с.
6. Климов Е. А. Введение в психологию труда. – М.: 1988. – 107 с.
7. Маркова Т. Л. Феномен «профессиональная деятельность»: концептуальный анализ [Электронный ресурс] // Мир науки. Социология, филология, культурология. – 2016. – № 3. – URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/04SFK316.pdf> (дата обращения: 15.10.2019).
8. Огарёв Е. И. Непрерывное образование: основные понятия и термины (Тезаурус). – СПб.: ИОВ РАО, 2005. – 148 с.
9. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.
10. Приказ Минобрнауки России от 22.02.2018 № 121 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 44.03.01 Педагогическое образование» [Электронный ресурс]. – URL: <https://rulaws.ru/acts/Prikaz-Minobrnauki-Rossii-ot-22.02.2018-N-121/> (дата обращения: 15.10.2019).
11. Семушина Л. Г., Ярошенко Н. Г. Содержание и технологии обучения в средних специальных учебных заведениях: учеб. пособие для преподавателей учреждений сред. проф. образования. – М.: Мастерство, 2001. – 272 с.
12. Толковый словарь русского языка / под ред. Д. В. Дмитриева. – М.: Астрель АСТ, 2003. – 1578 с.
13. Трудовой кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.trudkod.ru> (дата обращения: 25.01.19).
14. Туманова А. Б. Актуализация понятий «компетенция», «компетентность», «компетентностный подход» в условиях интеграции науки и образования // Вестн. ТГУ. – 2015. – Вып. 1 (1). – С. 39–45.
15. ФГОС ВО 3++ [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.fumoped.ru/kopiya-fgos-vo> (дата обращения: 15.10.2019).
16. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по направлению подготовки 44.03.01 «Педагогическое образование» (уровень бакалавриата), 04.12.2015 (зарегистрирован 11.01.16) [Электронный ресурс]. – URL: <http://fgosvo.ru/news/8/1583> (дата обращения: 13.10.2019).
17. Федеральный государственный образовательный стандарт дошкольного образования: приказ Министерства образования и науки Российской Федерации (Минобрнауки России) от 17 октября 2013 года № 1155, г. Москва [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.rg.ru/2013/11/25/doshk-standart-dok.html> (дата обращения: 15.10.2019).
18. Хуторской А. В. Определение общепредметного содержания и ключевых компетенций как характеристика нового подхода к конструированию образовательных стандартов [Электронный ресурс] // Вестн. Ин-та образования человека – 2011. – № 1. – URL: <http://xn--hlaml1a.xn--p1ai/journal/2011/Eidos-Vestnik2011-103-Khutorskoy.pdf> (дата обращения: 10.10.2019).
19. Чурекова Т. М. Организация самостоятельной работы студентов в контексте реализации компетентностного подхода // Профессиональное образование в России и за рубежом. – Кемерово, 2014. – № 3 (15). – С. 69–73.

References

1. *Bol'shoy entsiklopedicheskiy slovar': filosofiya, sotsiologiya, religiya, ezoterizm, polit-ekonomiya* [Large encyclopedic dictionary: philosophy, sociology, religion, esotericism, political economy]. Ed by S.Yu. Solodnikov. Minsk, MFTSP Publ., 2002. 1008 p. (In Russ.).

2. Volobueva L.M. Problemy kadrovogo obespecheniya i podgotovka pedagogov doshkol'nogo obrazovaniya [Problems of staffing and training of teachers of preschool education]. *Pedagogicheskoe obrazovanie i nauka* [Pedagogical education and science], 2018, no. 3, pp. 39-43. (In Russ.).
3. Gogoberidze A.G., Golovina I.V. Modernizatsiya protsessa podgotovki pedagogov doshkol'nogo obrazovaniya: markery novykh osnovnykh professional'nykh obrazovatel'nykh programm [Modernization of the process of training teachers of preschool education: markers of new basic professional educational programs]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie* [Psychological science and education], 2018, vol. 23, no. 1, pp. 38-45. (In Russ.).
4. Zimnyaya I.A. *Klyuchevye kompetentnosti kak rezul'tativno-tselevaya osnova kompetentnostnogo podkhoda v obrazovanii. Avtorskaya versiya* [Key competencies as a result-target basis of competence approach in education. Author's version]. Moscow, Issledovatel'skiy tsentr problem kachestva podgotovki spetsialistov Publ., 2004. 40 p. (In Russ.).
5. Ilyin E.P. *Psikhologiya dlya pedagogov* [Psychology for teachers]. St. Petersburg, Piter Publ., 2012. 640 p. (In Russ.).
6. Klimov E.V. *Vvedenie v psikhologiyu truda* [Introduction to work psychology]. Moscow, 1988. 107 p. (In Russ.).
7. Markova T.L. Fenomen «professional'naya deyatel'nost'»: kontseptual'nyy analiz [The phenomenon of "professional activity": a conceptual analysis]. *Mir nauki. Sotsiologiya, filologiya, kul'turologiya*. [The world of science. Sociology, Philology, Cultural Studies], 2016, no. 3. (In Russ.). Available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/04SFK316.pdf>.
8. Ogarev E.I. *Nepreryvnoe obrazovanie: osnovnye ponyatiya i terminy (Tezaurus)* [Continuing education: basic concepts and terms (Thesaurus)]. St. Petersburg, IOV RAO Publ., 2005. 148 p. (In Russ.).
9. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. Moscow, Azbukovnik Publ., 1999. 944 p. (In Russ.).
10. *Prikaz Minobrnauki Rossii ot 22.02.2018 № 121 "Ob utverzhdenii federal'nogo gosudarstvennogo obrazovatel'nogo standarta vysshego obrazovaniya – bakalavriat po napravleniyu podgotovki 44.03.01 Pedagogicheskoe obrazovanie"*. (In Russ.). Available at: <https://ruls.ru/acts/Prikaz-Minobrnauki-Rossii-ot-22.02.2018-N-121/> (accessed 15.10.2019).
11. Semushina L.G., Yaroshenko N.G. *Soderzhanie i tekhnologii obucheniya v srednikh spetsial'nykh uchebnykh zavedeniyakh: uchebnoe posobie dlya prepodavateley uchrezhdeniy srednego professional'nogo obrazovaniya* [Content and technology of education in secondary special educational institutions. Textbook for teachers of secondary vocational education]. Moscow, Masterstvo Publ., 2001. 272 p. (In Russ.).
12. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. Ed. by D.V. Dmitriev. Moscow, Astrel' AST Publ., 2003. 1578 p. (In Russ.).
13. *Trudovoy kodeks Rossiyskoy Federatsii* [The labor code of the Russian Federation]. (In Russ.). Available at: <http://www.trudkod.ru> (accessed 25.01.2019).
14. Tumanova A.B. Aktualizatsiya ponyatiy "kompetentsiya", "kompetentnost", "kompetentnostnyy podkhod" v usloviyakh integratsii nauki i obrazovaniya [Actualization of the concepts "competence", "competence", "competence approach" in the conditions of integration of science and education]. *Vestnik TGU* [Bulletin of TSU], 2015, iss. 1 (1), pp. 39-45. (In Russ.).
15. *FGOS VO 3++* [GEF VO 3 ++]. (In Russ.). Available at: <http://www.fumoped.ru/kopiya-fgos-vo/> (accessed 15.10.2019).
16. *Federal'nyy gosudarstvennyy obrazovatel'nyy standart vysshego obrazovaniya po napravleniyu podgotovki 44.03.01 Pedagogicheskoe obrazovanie (uroven' bakalavriata), 04.12.2015 (zaregistririvan 11.01.16)*. (In Russ.). Available at: <http://fgosvo.ru/news/8/1583/> (accessed 13.10.2019).
17. *Federal'nyy gosudarstvennyy obrazovatel'nyy standart doshkol'nogo obrazovaniya: prikaz Ministerstva obrazovaniya i nauki Rossiyskoy Federatsii (Minobrnauki Rossii) ot 17 oktyabrya 2013 goda № 1155, g. Moscow*. (In Russ.). Available at: <http://www.rg.ru/2013/11/25/doshk-standart-dok.html/> (accessed 15.10.2019).
18. Khutorskoy A.V. Opredelenie obshchepredmetnogo soderzhaniya i klyuchevykh kompetentsiy kak kharakteristika novogo podkhoda k konstruirovaniyu obrazovatel'nykh standartov [Definition of General subject content and key competencies as a characteristic of a new approach to the construction of educational standards]. *Vestnik Instituta obrazovaniya cheloveka* [Bulletin of the Institute of human education], 2011, no. 1. (In Russ.). Available at: <http://xn--h1am1a.xn--p1ai/journal/2011/Eidos-Vestnik2011-103-Khutorskoy.pdf> (accessed 10.10.2019).
19. Churekova T.M. Organizatsiya samostoyatel'noy raboty studentov v kontekste realizatsii kompetentnostnogo podkhoda [Organization of independent work of students in the context of the implementation of the competence approach]. *Professional'noe obrazovanie v Rossii i za rubezhom* [Professional education in Russia and abroad], 2014, no. 3 (15), pp. 69-73. (In Russ.).

ПОМОРСКОЕ ИСКУССТВО КАК ЭТНОПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

Сергеева Анна Александровна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры психологии, Мурманский арктический государственный университет (г. Мурманск, РФ). E-mail: aser2001@mail.ru

Статья посвящена рассмотрению этнического педагогического потенциала поморского искусства и творчества. Анализируется историография формирования поморской культуры Кольского Заполярья с точки зрения адаптации, трансформации и интеграции общерусских, финно-угорских и скандинавских этноареалов. Характеризуется этническая идентичность, обозначаются основные детерминанты формирования и развития этнического самосознания поморов Кольского Заполярья.

Поморское искусство и поморская национальная культура в этнопедагогическом контексте представляются на основе народного фольклора (сказки, пословицы, поговорки), декоративно-прикладного и музыкального творчества, обрядовых традиций. В частности, сказочно-поэтический, декоративный, музыкальный и традиционно-обрядовый материал оценивается с точки зрения содержания и формы. В статье предлагаются конкретные примеры поморских пословиц, поговорок и загадок, ключевых фраз из сказок, которые выразительно иллюстрируют этнопедагогический потенциал художественного творчества северного народа. Идеичность и смысловая нагрузка поморских сказок позволяют формировать нравственные качества, пословицы и поговорки влияют на умственное и эмоционально-волевое развитие ребенка, загадки несут в себе непосредственное прикладное значение в формировании представлений об окружающей действительности, декоративно-прикладное и музыкальное искусство поморов оказывают эстетическое влияние, а народная обрядовая среда поморского творчества способствует познавательному развитию детей. Поморское культурное наследие обуславливается ценностями семьи, идеями почитания родителей.

Феномен «народная педагогика», или этнопедагогика, находит свое отражение в потенциальных педагогических возможностях поморского искусства и творчества в условиях современной инновационной поликультурной образовательной среды.

Ключевые слова: этническая идентичность, поморский эпос, музыкальное, декоративно-прикладное и обрядовое творчество поморов, поморская национальная культура, поморская этнопедагогика.

POMERANIAN ART AS THE ETHNOPEDAGOGICAL PHENOMENON

Sergeeva Anna Aleksandrovna, PhD in Pedagogy, Associate Professor, Associate Professor of Psychology Department, Murmansk Arctic State University (Murmansk, Russian Federation). E-mail: aser2001@mail.ru

The article is devoted to the consideration of the ethnic pedagogical potential of the Pomeranian art and creativity. The historiography of the formation of the Pomeranian culture of Kola polar region is analyzed from the point of view of adaptation, transformation and integration of the all-Russian, Finno-Ugric and Scandinavian ethno-reals. The ethnic identity is characterized; the main determinants of the formation and development of ethnic consciousness of the Pomeranians of Kola Arctic are identified.

Pomeranian art and national culture in the ethno-pedagogical context is presented on the basis of folklore (fairy tales, proverbs, sayings), decorative, applied and musical creativity, ritual traditions. In particular, fairy-poetic, decorative, musical and traditional ritual material is evaluated in terms of content and form. The article suggests precise examples of Pomeranian proverbs, sayings and riddles, key phrases from fairytales, which

expressively illustrate ethno-pedagogical potential of Northern peoples' artistic creation. The ideological and semantic load of Pomeranian fairy tales allows to form moral qualities, proverbs and sayings affect the mental, emotional and volitional development of a child, riddles carry a direct applied value in the formation of ideas about the surrounding reality, decorative applied and musical art of Pomeranians have an aesthetic impact, and the folk ritual environment of Pomeranian creativity contributes to the cognitive development of children. Pomeranian cultural heritage is determined by the values of the family, the ideas of honoring parents.

The phenomenon of "folk pedagogy" is reflected in the potential pedagogical opportunities of Pomeranian art and creativity in the modern innovative multicultural educational environment.

Keywords: ethnic identity, Pomeranian epic, musical, decorative, applied and ritual creativity of Pomeranians, Pomeranian national culture, Pomeranian ethnopedagogics.

DOI: 10.317773/2078-1768-2020-50-171-177

Сегодня изучение народных традиций Заполярья является второстепенным и редуцированным. Современные обучающие программы в образовательных учреждениях включают некоторые элементы этнического искусства Кольского полуострова, но не позволяют в полной мере использовать существующий потенциал северного этнотворчества. Вместе с тем этническое искусство малочисленных народов Мурманской области: саамов, поморов и народа коми – является уникальным инструментом для решения большого числа образовательных и воспитательных задач. Более того, применение разнообразных форм работы с этим этническим материалом способствует развитию более продуктивного национального взаимодействия. Региональная общественная организация «Поморы Терского района Мурманской области» традиционно ежегодно проводит ряд мероприятий, способствующих популяризации творчества поморского народа, но они носят скорее социальный характер. Поэтому более локальное использование поморского творчества в педагогическом процессе нуждается в обосновании и доработке.

В историографии становления поморской культуры Арктического региона выделяют три этапа:

- адаптация некоторых общерусских традиций и обычаев, которые привнесли восточные славяне в северную зону (XI–XVII века);
- обособление и трансформация различных этнических стилей;

- неравномерное эволюционирование стилей северного народного искусства по причине тесного взаимодействия с культурой скандинавских и финно-угорских этноареалов.

На сегодняшний день этническая идентичность поморов претерпела изменения: «несомненно, что в XXI веке происходит трансформация культурно-исторической идентичности поморов. Если ранее определяющими были критерии места расселения (Беломорье), новгородское происхождение поморов, приоритет морской культуры, морских промыслов и другие, то сегодня важнее всего ментальное самоопределение, духовно-культурная и психологическая самоидентификация гражданина, где бы он ни проживал, чем бы ни занимался, к какому этносу ни принадлежал. Понятие "поморы" все больше характеризует межэтническую духовно-культурную общность» [3, с. 70–71].

Изучению поморского искусства и творчества Кольского Заполярья посвящены работы авторов: Т. А. Бернштам [1], Ю. Ф. Лукина [3], И. С. Меркурьева [4; 5], Л. Т. Пантелеевой [6], С. В. Сайгушевой [8], В. Ф. Старкова [9], Е. Г. Трудковой [10] и др.

Т. А. Бернштам [1] выделила поморский тип культуры в группу культур северно-русского населения (1970). Другие исследователи относят культуру кольских поморов к западному типу поморской культуры. Исторически сложившиеся тесные контакты и связи (хозяйственные и брачные) с карелами (побережье Кандалакшской губы) и

саамами (Терский берег) сыграли большую роль в формировании поморской культуры. Морская специфика хозяйствования, историческое и культурное взаимодействие с народами саами и коми, карелами и скандинавами нашли свое отражение в промысловых постройках, в сочетании севернорусских и саамских традиций в промысловом комплексе одежды, в заимствовании у саамов и норвежцев промыслового календаря и обрядов, сказочного фольклора, в сочетании севернорусских, карельских и саамских традиций.

Этнопедагогика поморов имеет свою специфику и отличается от педагогических воззрений других северных народов (саамов, коми) своей свободой и индивидуализацией воспитательного и образовательного процессов. Поморский идеал воспитания и развития ребенка имеет свои исторические особенности. Поморские поселенцы осваивали суровый Север будучи свободными людьми, они не сталкивались с державной уздой и крепостничеством, почитали личную независимость и предприимчивость. Их волеизъявление было свободно и индивидуально, они жили в добровольно сложившейся общине. Поэтому личная воля помора становилась волей всей поморской общины. Такая персонифицированная ответственность определяла этническое самосознание поморов, что нашло свое отражение в культурном наследии на основе синтеза искусств: поэтического, музыкального, декоративно-прикладного и традиционно-обрядового. Интеграция искусств позволяет увидеть разные взаимосвязанные и взаимовлияющие стороны национального культурного наследия конкретного народа, что определяет целостную этническую культурно-художественную парадигму: «научный подход к поставленной проблеме осуществляется с привлечением компаративного, семиотического, а также герменевтического методов, что позволило вывести понятие “синтез искусств” на уровень культурно-художественной парадигмы» [11, с. 28].

По представлениям поморов, совершенный человек – это свободный и отважный человек, обладающий такими качествами, как гордость, трудолюбие, независимость, терпеливость, сдержанность. Более того, показателем истинно совершенного человека является чуткость к пре-

красному. Личностное становление такого совершенного человека предопределяло развитие эмоционально-волевых качеств, способствующих формированию морально-нравственных принципов подрастающего поколения. Особенно ярко это отражается в поморских сказках, сказаниях и поэтическом фольклоре.

Помор в своих повествованиях часто вместо «я» употребляет «мы», подчеркивая таким образом уважительное отношение к своему народу, отождествляя себя с ним. Наиболее характерно такая самоидентификация проявляется в употреблении пословиц, маркирующих этническую принадлежность: «Море дает помору жизнь, но и может отнять», «Море – наше поле», «Нечего плясать, когда посылают сети вязать», «Морем живем – ему и песни поем».

Поморский эпос определяется особенными северными сказками, которые отличаются неторопливостью, размеренностью, характерным «цоканьем» (в них часто употребляется частица «дак» в конце фразы): «А невеста твоя за тридевять морей, за тридевять горей, в тридевяти царстве, в восьмом государстве, дак!». Поморские сказки отличаются своим привнесенным местным колоритом. Так, общеизвестная фраза «невзлюбила мачеха падчерицу» в поморском варианте преобразовалась в «не залюбила мацеха – то падчерицу», а «дрова рубить» в «дров секчи».

Необычные поморские формы слов – «невёста», «женитьце», «морей», «горей», «дак», нетипичное начало предложений в виде глаголов и их синтаксис, активная разговорная интонация свидетельствуют о трансформации сказки у поморов. Еще одной характерной особенностью поморской сказки является присутствие рассказчика как действующего лица, что способствует ощущению «говoreния сказки».

Интерес представляют и сюжеты сказок Поморья. Наиболее адаптивные для восприятия и понимания сказки о морском царе («Камень-Латырь»), молодильных ягодах, о богатом и бедном мужике («Агар Агарович»), о медном, серебряном и золотом царствах, о Пульнице-слиннице (Пуля-слиня, опойчата шуба – терская Золушка). Сюжетные линии сказок носят вариативный характер. В одних расцвечиваются разнообразны-

ми художественными красками изобразительные подробности («Заворунушка», «Алешка и Ягишня»); в других акцент ставится на динамичном действии («Котя-Котя», «Девушка и медведь», «Петушок да курочка»). Однако, какой бы по содержанию (о животных, волшебной, бытовой), стилистике и ритмике ни была бы сказка, она, аккумулируя освоенный непростой северный опыт, отражает главную народную философию: жизнь предполагает прохождение различных испытаний и трудностей, добро и зло уравновешены (сказки «Пестреюшко», «Арапулко», «Морской царь», «Марфа-царевна», «Глупый сын»). Достаточное число сказок модифицировано на русской литературной основе. Такие параллели народных сказок отражены в табл. 1.

Таблица 1

Параллели народных сказок

Русская народная поэтика	Поморский эпос
Название сказок	
«Маша и медведь» «Кот и лиса» «Теремок» «Колобок»	«Девушка и медведь» «Котя-Котя» «Мышкин кораблик» «Глиняшка»
Сказочные персонажи	
Жар-птица Баба-яга	Ногуя (сказка «Как в триста три травы рассыпался») Ягишня (сказка «Алешка и Ягишня»)

Вся поморская поэтика пронизана идеей глубокого почитания родителей и искреннего уважения к родительскому дому. Например, обращение сына с просьбой «отческой милости» в сказке «Земляная орда»: «Татушка, матушка, спустите меня по чистому полю погулять». Герой отправляется в дальний путь только с разрешения и отца, и матери. Стоит заметить и то, что родители в поморских семьях имеют равноправное лидерство. Из очевидных достоинств воспитательного процесса следует отметить опосредованные способы наказания детей. Так, при непослушании детей ожидало испытание через героев сюжетных сказочных повествований – животных или людей.

В качестве такого посредника воспитания могли быть предметы живой (неживой) природы и природные явления. Особенным образом этот прием воспитания представлен в сказках «Про стоптанные башмаки» и «Девушка и медведь».

Из наиболее известных сказочных персонажей стоит отметить Ногуя (волшебная птица), Ягишну (Баба-Яга) и Котю (кот). Сюжеты сказок с этими героями основывались на четком соотношении добра и зла, справедливости и несправедливости, дружбы и вражды. То есть благодаря этому сказочному материалу можно влиять на формирование важных личностных качеств ребенка: добропорядочности, уважения к близким и родным, честности и чуткости.

Устное поморское творчество в виде поговорок, пословиц и загадок способствует развитию у детей таких морально-нравственных черт, как товарищество, дружба и взаимопомощь. Так, этические нормы взаимоотношений представлены афоризмами в сказке «Чаккли»: «Если случится беда, чаккли всегда придут, помогут как родные братья», «Пусть дружба наша будет вечна и верна!».

Особый интерес представляют поморские загадки, которые отличаются своеобразным ритмическим рисунком и изысканной игрой слов. Процесс отгадывания проходит путь определения различия и сходства, в результате которого метафора приобретает конкретность, а предмет раскрывается в своей сущности.

Шёл долговяз –	Стоит козел над водой,
В сыру землю увяз	Трясет бородой
(дождь).	(мох на болоте).

Оригинальность поморской загадки определяется ее прикладной направленностью. Отгадывание одной загадки может решить сразу несколько воспитательно-обучающих задач. Во-первых, ознакомление с бытом, природой и социальными условиями поморской действительности. Во-вторых, решение мыслительных операций при отгадывании героя, персонажа и т. п. В-третьих, возникновение эмоциональных ассоциаций между представленным в загадке образом и предметом отгадывания. Так, к примеру, мороз описан в виде

образа маленького трудолюбивого человечка – «малючка»:

Мал маличок, мостил мосток,

Без жердев, без кольев, без топора (*мороз*).

Таким образом, поморский фольклор способствует решению ряда педагогических задач: формированию нравственных качеств личности ребенка (толерантность, гуманное отношение к близким и окружающим людям, доброжелательность, гуманизм), расширению круга эстетических представлений о мире, речевому развитию. «Изучение фольклора жителей Терского берега дает возможность приобщить подрастающее поколение к культуре поморов этого края, расширить кругозор, обогатить словарный запас, воспитывать уважение к другим народам, населяющим Кольский Север, к их национальным особенностям и культуре» [8, с. 34].

Декоративно-прикладная отрасль представлена в поморской культуре плетением политушек для воды, корзин, мячей, игрушек, украшений. Главным национальным достоянием поморской культуры является знаменитый сегодня оберег – деревянная гладкокрылая птица счастья. Технология создания птицы известна с давних времен: куски дерева расщепляются на дранки (полоски) и веером распускаются хвост и крылья.

Поморские деревянные игрушки изготавливались цельнорубленным способом. В процессе развития ребенок использовал мячи с камешками внутри, берестяные трещотки, а позднее – каталки на палочке, изображающие оленей или коней. Последние помогали ребенку в освоении пространства, ходьбы и удерживании равновесия.

Каноническими в плане эстетико-художественной значимости выступали игрушки из ржаного хлеба. Наиболее известная хлебная игрушка – поморская козуля. Она создавалась в виде различных фигурок животных: оленей, бычков, коровок, птичек, тюленей. Форма козуль простая, с монохромной росписью, второстепенные детали в ней отсутствуют; она, скорее, определяет обобщенные контуры животного вообще.

Изначально поморская козуля выполняла обрядовую и магическую функции. Она защищала дом от напастей и злых духов. Современное значение этой игрушки в большей степени обусловлено эстетической и воспитательной функциями.

В Заполярье в поморских семьях и сегодня пекут козуль на торжественные события жизни: свадьбу, новоселье, рождение ребенка («А вот детям и невестам козули из ржаного теста»). При изготовлении поморских козуль у детей формируются практические умения и навыки сразу в трех видах деятельности: игровой, художественной и трудовой.

Поморское музыкальное искусство сосредоточено на песенном творчестве. Детские песни характеризуются оптимистическим и жизнеутверждающим тоном. Они задорные, мажорные, веселые и ритмичные. Музыкальные интонации отличаются стилевой монолитностью и импровизационностью. Поморские частушки и шуточные песни имеют простую ритмику речитативно-декламационного склада, составлены из формульных (типизированных) напевов небольшого звукового объема. Ладовая основа песен определяется наличием в них как диатонических, так и хроматизированных ладов. Песни поморов отличаются развитой системой модуляций на фоне формального строения музыкального произведения. Необычность и оригинальность звучания такого музыкального материала может способствовать развитию креативности, воспитанию эстетических чувств у детей.

Поморские народные игры часто проходили в виде небольших театрализованных представлений. Все игровые движения сопровождались потешками, присказками, считалками и жеребьевками («Федю – в сон, вышел вон»). Почти все игры предполагали сюрпризные моменты. Некоторые игры поморов требовали от участников ловкости, терпения и сноровки, включали элемент соревнования. К таким играм можно отнести поморские развлечения: «Прыжки через нарты», «Капусточка», «Куропатка», «Поймай оленя», «Царевна», «Колпачок», «Просо».

Обрядовые традиции в Поморье представлены праздничными циклами. Среди наиболее отмечаемых на Севере выделяют Святки и Масленицу. Святочный обход дворов поморских семей включал группы детей и взрослых (иногда стариков) и происходил утром, днем и вечером. Назывался такой обход Славленьем. Ведущую роль в Славленьи играли святочные девичьи супятки, игрища,

сборища, оленьи бега, троицко-петровские круги и хороводы, игры в мяч. Масленица в Поморье носила более выраженный общественный характер и во многом была обусловлена исконно русскими традициями. Храмовые праздники в Поморье носили классический характер и посвящались календарным христианским датам – Пасхе, Рождеству Иоанна Предтечи, Успению Богородицы, событиям жития святых (Николая, Петра, Павла и др.).

Поморское художественное творчество и его педагогические идеи в совокупности составляют национальную идею Заполярного края, актуальность изучения и популяризации которой вызваны проблемой этнизации содержания образования в полиэтническом обществе. Феномен «народная педагогика» трактуется как «совокупность знаний и навыков воспитания, передающихся в этнокультурных традициях, народном поэтическом и художественном творчестве, устойчивых формах общения и взаимодействия детей друг с другом и

с взрослыми. Заклучая в себе многовековую бытовую культуру воспитания, народная педагогика сохраняет общие черты, имеющиеся в воспитательных традициях разных народов» [7, с. 20].

В таком понимании народной педагогики фольклорное и музыкальное этнотворчество, изобразительное и декоративно-прикладное искусство Поморья Русской Лапландии личностно ориентируют детей в оценке окружающей действительности, способствуют экологизации социальных установок, развивают национальное мировоззрение. Благодаря внедрению в образовательный процесс элементов поморской культуры у ребят складываются представления об исторической и этнической преемственности в развитии народной культуры. На этом основании решаются важнейшие этнопедагогические задачи эстетического, нравственного, умственного развития подрастающего поколения в свете современных инновационных поликультурных образовательных тенденций.

Литература

1. Бернштам Т. А. Русская народная культура Поморья в XIX – начале XX веков: этнографические очерки. – Л.: Наука, 1983. – 232 с.
2. Латышина Д. И., Хайруллин Р. З. Этнопедагогика. – М.: Юрайт, 2018. – 394 с.
3. Лукин Ю. Ф. Российская Арктика в изменяющемся мире / Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова. – Архангельск: ИПЦ САФУ, 2013. – 281 с.
4. Меркурьев И. С. Пословицы и поговорки Поморья. – СПб.: РИО ИПТ, 1997. – 148 с.
5. Меркурьев И. С. Сказки поморов Мурманской области. – СПб.: РИО ИПТ, 1997. – 156 с.
6. Пантелеева Л. Т., Лявданский Э. К. Храни огонь родного очага. – Мурманск: МГПИ, 1994. – 118 с.
7. Российская педагогическая энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. В. В. Давыдов. – М.: Большая рос. энцикл., 1993. – Т. 1. – 608 с.
8. Сайгушева С. В. Традиционные сюжеты русских народных сказок в поморском фольклоре (сказки о животных) // XII Масловские чтения: сб. науч. ст. / под ред. М. В. Наумлюк, Н. А. Шевченко, О. В. Пожидаевой. – Мурманск: МГГУ, 2014. – 162 с.
9. Старков В. Ф. Духовная культура русских поморов // Наука в России. – 1996. – № 2. – С. 49–55.
10. Трудкова Е. Г. Эстетическое воспитание студентов педагогического вуза средствами поморских народных музыкальных традиций: дис. ... канд. пед. наук. – Мурманск, 1998. – 167 с.
11. Элькан О. Б. Синтез искусств как культурно-художественная парадигма // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2019. – № 47. – С. 27–31.

References

1. Bernshtam T.A. *Russkaya narodnaya kul'tura Pomor'ya v XIX – nachale XX veka: etnograficheskie ocherki* [Russian Folk Culture of Pomors in XIXth – beginning of XXth century: ethnographic essays]. Leningrad, Nauka Publ., 1983. 232 p. (In Russ.).
2. Latyshina D.I., Khayrullin R.Z. *Etnopedagogika* [Ethnopedagogy]. Moscow, Yurayt Publ., 2018. 394 p. (In Russ.).
3. Lukin Yu.F. *Rossiyskaya Arktika v izmenyayushchemsya mire* [Russian Arctic in a dynamic world]. Arhangelsk, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov Publ., 2013. 281 p. (In Russ.).

4. Merkuryev I.S. *Poslovitsy i pogovorki Pomor'ya* [Proverbs and sayings of Pomor]. St. Petersburg, RIO IPT Publ., 1997. 148 p. (In Russ.).
5. Merkuryev I.S. *Skazki pomorov Murmanskoy oblasti* [Fairytale of Murmansk Region Pomors]. St. Petersburg, RIO IPT Publ., 1997. 156 p. (In Russ.).
6. Panteleeva L.T., Lyavdanskiy E.K. *Khrani ogon' rodnogo ochaga* [Keep the fire of a home hearth]. Murmansk, MGPI Publ., 1994. 118 p. (In Russ.).
7. *Rossiyskaya pedagogicheskaya entsiklopediya: v 2 t.* [Russian pedagogical encyclopedia in 2 vol.]. Ed by V.V. Davydov. Moscow, Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya Publ., 1993, vol. 1. 608 p. (In Russ.).
8. Saygusheva S.V. Traditsionnye syuzhety russkikh narodnykh skazok v pomorskom fol'klore (skazki o zhivotnykh) [Traditional plots of Russian folk fairytales in Pomor folklore (fairytales about animals)]. *XII Maslovskie chteniya: sbornik nauchnykh statey* [XII Maslov's readings: collection of scientific articles]. Ed. by. M.V. Naumlyuk, N.A. Shevchenko, O.V. Pozhidaeva. Murmansk, MGGU Publ., 2014, pp. 34-37. (In Russ.).
9. Starkov V. F. Dukhovnaya kul'tura russkikh pomorov [The spiritual culture of Russian Pomors]. *Nauka v Rossii* [Science in Russia], 1996, no. 2, pp. 49-55. (In Russ.).
10. Trudkova E.G. *Esteticheskoe vospitanie studentov pedagogicheskogo vuza sredstvami pomorskikh narodnykh muzykal'nykh traditsiy: dis. ... kand. ped. nauk* [Aesthetic education of pedagogical university's students by the means of Pomor folk musical traditions. Diss PhD in Pedagogy]. Murmansk, 1998. 167 p. (In Russ.).
11. Elkan O.B. Sintez iskusstv kak kul'turno-khudozhestvennaya paradigma [Synthesis of arts as cultural-artistic paradigm]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts], 2019, no. 47, pp. 27-31. (In Russ.).

УДК 378

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ МОТИВАЦИИ СТУДЕНТОВ ВУЗОВ КУЛЬТУРЫ НА НЕПРЕРЫВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Лазарева Маргарита Викторовна, старший преподаватель, кафедра управления и экономики социально-культурной сферы, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ).
E-mail: rita.antropova@yandex.ru

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью подготовки специалистов в системе непрерывного образования, что позволит им оставаться конкурентоспособными на рынке труда. Все это будет возможно только в случае развития мотивации студентов вузов культуры в процессе обучения, посредством создания педагогических условий. В статье проведен анализ подходов к трактовке понятия «педагогические условия». В рамках первого подхода группа исследователей под педагогическими условиями подразумевает совокупность мер педагогического воздействия. Исследователи, придерживающиеся второго подхода, определяют педагогические условия как компонент в процессе проектирования педагогической системы.

В результате автор пришел к выводу, что педагогические условия определяют специфику образовательной среды и педагогической деятельности в рамках непрерывного образования студентов вузов культуры. На основании проведенного анализа выявлены и обоснованы педагогические условия, способствующие развитию мотивации студентов на непрерывное образование, такие как: интеграция дисциплин, мониторинг качества прохождения практики, тьюторское сопровождение. Теоретические и практические выводы по проблеме развития мотивации на непрерывное образование студентов вузов культуры служат научной основой для экспериментального изучения и развития мотивации обучающихся.

Ключевые слова: вузы культуры, мотивация, непрерывное образование, педагогические условия, студенты.

PEDAGOGICAL CONDITIONS FOR DEVELOPMENT OF MOTIVATION OF STUDENTS OF UNIVERSITIES OF CULTURE FOR LIFELONG EDUCATION

Lazareva Margarita Viktorovna, Sr Instructor, Department of Management and Economics of the Socio-cultural Sphere, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: rita.antropova@yandex.ru

The relevance of the research topic is due to the need to train specialists in the lifelong education system, which will allow them to remain competitive in the labor market. All this will be possible only in the case of development of motivation of students of higher educational institutions of culture in the learning process by creating the pedagogical conditions. The article analyzes the approaches to the interpretation of the concept of "pedagogical conditions." In the framework of the first approach, a group of researchers, under pedagogical conditions, means a set of means of pedagogical influence. Researchers, who adhere to the second approach, determine pedagogical conditions as a component in the design process of the pedagogical system.

As a result, the author concluded that pedagogical conditions determine the specifics of the educational environment and pedagogical activity in the framework of lifelong education of students of universities of culture. Based on the analysis of pedagogical conditions, they are identified and justified, which contribute to the development of students' motivation for lifelong education, such as integration of disciplines, monitoring the quality of internships, tutor support.

In conclusion, it would be noted that the lifelong education of students of universities of culture is based on formation of typical motivational behavior with correction of errors in professional formation and creation of universal, general professional competencies. In connection with this the theoretical positions outlined above on the problem of developing the motivation for lifelong education of students of universities of culture serve as a scientific basis for experimental study and development of students' motivation.

Keywords: universities of culture, motivation, lifelong education, pedagogical conditions, students.

DOI: 10.317773/2078-1768-2020-50-177-183

Актуальность исследования определяется тем, что подготовка специалистов в сфере культуры тесно связана с динамикой культурной жизни как всего общества и страны в целом, так и каждого отдельно взятого региона в частности. В связи с чем к основным целям непрерывного образования в сфере культуры целесообразно отнести подготовку конкурентоспособных специалистов на рынке труда и формирование кадровых ресурсов.

«Непрерывное образование рассматривается нами как системно-организованный процесс образования на протяжении всей жизни, в основе которого лежат нормативные предписания, которые обязывают работодателя обеспечить работнику необходимые и достаточные условия для приращения профессиональных знаний и умений всякий раз, когда изменение условий его трудовой деятельности связано с предъявлением ему

новых или дополнительных профессиональных требований» [6].

Развитие мотивации на непрерывное образование связано с актуализацией процесса непрерывного образования студентов вузов культуры в рамках учебной и профессиональной деятельности и требует создания определенных педагогических условий, способствующих формированию потребностей студентов вузов культуры, направленных на непрерывное образование, с учетом возрастных, профессиональных и творческих особенностей и специфики отраслевого функционирования.

В рамках психолого-педагогических исследований понятие «условие» рассматривается как «наличие обстоятельств, способствующих достижению поставленных целей или, напротив, в определенной мере препятствующих их до-

стижению» [3, с. 63]. В. М. Полонский, трактуя понятие «условие», определяет его как «совокупность переменных природных, социальных, внешних и внутренних воздействий, влияющих на физическое, психологическое, нравственное развитие человека, его поведение, воспитание и обучение, формирование личности» [9, с. 36]. В свою очередь, А. М. Новиков, анализируя систему основных понятий педагогики, рассматривает условия как «обстоятельства, обуславливающие появление/развитие того или иного процесса» [8]. Исследователь предпринимает попытку рассмотрения классификации существующих условий и справедливо замечает, что в каждой конкретной ситуации или в каждом конкретном случае группы условий будут иметь свою специфику.

В связи с этим, при рассмотрении формулировки понятия «педагогические условия», нами были проанализированы несколько подходов к трактовке данного понятия.

В рамках первого подхода под педагогическими условиями понимается совокупность мер педагогического воздействия и возможностей материально-пространственной среды (работы В. А. Андреева, В. А. Беликова, А. Я. Найна и др.). Так, В. А. Беликов определяет педагогические условия как «совокупность объективных возможностей содержания, форм, методов и материально-пространственной среды, направленных на решение поставленных в педагогике задач» [1].

Второй подход рассматривает педагогические условия как компонент в процессе проектирования педагогической системы (работы Н. Г. Бондаренко, А. А. Володина, В. Зверева, Н. В. Ипполитова и др.). Н. Г. Бондаренко и А. А. Володин определяют педагогические условия как процесс «целенаправленного отбора, конструирования и применения элементов содержания, методов (приемов), а также организационных форм обучения для достижения целей» [2].

Следовательно, педагогические условия представляют собой, на наш взгляд, совокупность, которая определяется в соответствии с условиями реализуемого процесса, в данном случае – процесса развития мотивации студентов вузов культуры на непрерывное образование.

Разделяя позицию В. А. Беликова, В. И. Кондруха, А. Я. Наина, следует согласиться с тем, что

условия не должны сводиться «только к внешним обстоятельствам, к обстановке, к совокупности объектов, оказывающих влияние на процесс, так как образование личности представляет собой единство субъективного и объективного, внутреннего и внешнего, сущности и явления» (см. [2]). Педагогические условия, в свою очередь, определяют специфику образовательной среды и педагогической деятельности в рамках непрерывного образования обучающихся вузов культуры.

О. В. Нартова в своем диссертационном исследовании, посвященном педагогическим условиям формирования мотивации учебной деятельности обучающихся в открытом образовательном пространстве, к педагогическим условиям мотивации учебной деятельности относит: создание открытого развивающего образовательного пространства; учет индивидуальных психологических и возрастных особенностей обучающихся; построение личностно ориентированного педагогического взаимодействия; владение технологией формирования мотивации учебной деятельности [7].

В. Н. Лабунец, анализируя психолого-педагогические особенности развития мотивации студентов-музыкантов к профессиональному росту в процессе непрерывного образования, выделяет три направления (формирующих основу педагогических условий), в рамках которых необходимо работать педагогам в процессе подготовки: задействовать (актуализировать) как можно большее количество мотивов; увеличить побудительную силу каждого из этих мотивов; актуализировать ситуативные мотивационные факторы [5, с. 55].

О. С. Тимошенкова, рассматривая педагогические условия, уточняет, что в их число входят «использование педагогических технологий в процессе подготовки студентов вуза к реализации творческого подхода в будущей профессиональной деятельности и корректирование педагогической модели подготовки студентов вуза к реализации творческого подхода в будущей профессиональной деятельности» [10, с. 15]. Автор констатирует, что «к числу основных идей определения технологий следует отнести планирование результатов обучения, дифференциацию обучения, психологизацию образовательного процесса, компьютеризацию» [10, с. 16].

На основании вышеизложенных подходов исследователей к определению педагогических условий, частично или полностью направленных на развитие мотивации на непрерывное образование во всех областях и сферах деятельности, можно сделать вывод, что важнейшим условием формирования данной мотивации в образовательной системе вузов культуры является не только обеспечение преемственности его уровней, но и создание таких педагогических условий, которые будут способствовать пониманию образования как непрерывного процесса. Следует учитывать, что в рамках такого подхода увеличивается продолжительность обучения, это впоследствии усиливает значимость освоения различных уровней системы образования и процесса самообразования. Предполагается удовлетворение индивидуальных образовательных интересов не только в системе повышения квалификации и дополнительного образования, но и заметный рост объёмов самостоятельной работы студентов вузов культуры.

Рассматривая педагогические условия, необходимо проанализировать факторы, способные оказывать влияние как на создание данных условий, так и на развитие мотивации на непрерывное образование студентов вузов культуры. Данные факторы нами были условно разделены на две группы: объективные и субъективные. К объективным отнесены те факторы развития мотивации, на которые мы можем оказывать влияние, а к субъективным – те, изменить которые не представляется возможным. На основании анализа указанных групп факторов предлагаются рекомендации по созданию педагогических условий, которые необходимо реализовывать в процессе усиления мотивации студентов вузов культуры на непрерывное образование. Среди них: создание совокупных объективных возможностей и педагогических задач по обеспечению удобных форм и способов обучения (подготовка конспекта лекций, практических заданий, презентации, видео-занятий и т. д.), а также совершенствование организации процесса педагогического взаимодействия и возможностей материально-пространственной среды.

С учетом особенностей профессиональной подготовки студентов вузов культуры и на осно-

вании проведенного анализа педагогических условий в соответствии с федеральным государственным образовательным стандартом высшего образования 3++¹, основной образовательной программой и учебным планом по направлению подготовки «Социально-культурная деятельность» необходимо создать педагогические условия, способствующие развитию мотивации студентов на непрерывное образование и процессу интеграции учебных дисциплин.

Во избежание проблем при введении в учебный процесс вузов культуры интеграции дисциплин базовой и вариативной частей необходимо придерживаться единства содержательно-процессуальной стороны обучения, структурных и логических взаимосвязей между элементами разобщенных дисциплин и разноуровневого подхода к формированию содержания обучения.

Для более полной интеграции дисциплин был разработан курс «Профессиональная культура личности», основанный на дисциплинах, имеющих схожее терминологическое поле, по направлению подготовки «Социальная-культурная деятельность», профилю подготовки «Менеджмент социально-культурной деятельности». Цель данной дисциплины заключается в формировании у обучающихся представления о профессиональной культуре личности, постоянном обогащении личностных характеристик и профессиональных компетенций, способствующих развитию мотивации на непрерывное профессиональное образование. Значимость разработки модулей в структуре образовательной программы, обеспечивающих возможность построения индивидуальных образовательных траекторий, рассматривается в исследовании Н. В. Костюк [4].

Кроме изучения дисциплины «Профессиональная культура личности», основная цель которой направлена на развитие мотивации обучающихся на непрерывное образование, следует особое внимание обратить на мониторинг качества прохождения практики. Данный мониторинг необходимо рассматривать как педагогическое условие развития мотивации обучающихся вузов культуры на непрерывное профессиональное образование, однако с учетом того, что данное условие применимо только для обучающихся по программам бакалавриата.

Для того чтобы прохождение практики способствовало развитию мотивации обучающихся вузов культуры на непрерывное профессиональное образование, необходимо разработать требования к условиям и результатам прохождения каждого вида практики. При определении базы практики нужно учитывать не только соответствие направлению подготовки, но и потребности, интересы и способности каждого конкретного обучающегося.

В связи с этим сочетание требований образовательного и профессионального стандартов, способствующих развитию компетенций, отраженных в ФГОС ВО 3++, и формированию педагогических условий, будет более результативно, если занятия для обучающихся будут проходить совместно с руководителем, сотрудником или назначенным куратором практики от организации сферы культуры и искусства.

На наш взгляд, данное условие позволяет как совершенствовать ресурсное обеспечение образовательного процесса, так и оптимизировать процесс осознания обучающимся необходимости непрерывного профессионального образования, а работодателю – не только передать накопленный опыт, но и определить кандидатуры на имеющиеся в организации вакантные должности.

Создание таких педагогических условий, как учебная стажировка и мониторинг прохождения практики, позволяет обучающимся понять свои возможности и способности развития профессиональных компетенций, укрепить склонность к непрерывному профессиональному образованию за счет применения внешних стимулов.

Реализация тьюторской деятельности преподавателя в процессе непрерывного профессионального образования обучающихся в вузах культуры является еще одним из педагогических условий развития мотивации для всех категорий обучающихся независимо от программ и профилей подготовки.

Основанием для организации данного педагогического условия является наличие двух составляющих: во-первых, возможность самостоятельного выбора обучающимся образовательных программ в соответствии со своими индивидуальными потребностями, сформированными на основании запроса общества; во-вторых, необходимость постоянного освоения новых видов

деятельности в процессе непрерывного профессионального развития. Поэтому перед тьютором ставятся задачи: создание педагогических условий для осознания обучающимися необходимости непрерывного профессионального образования, профессионального роста с целью саморазвития как специалиста в сфере культуры, а также оказание помощи в развитии способностей и профессиональных компетенций при переходе от одного уровня образования к другому.

Активизация процесса непрерывного профессионального образования обучающихся вузов культуры, как педагогического условия, заключается в персональном сопровождении в учебной, профессиональной и творческой деятельности для достижения наилучшего образовательного результата, в «отслеживании» хода обучения и обеспечении «обратной связи» от преподавателя к обучающемуся по итогам выполненных заданий, в поддержке у обучающегося заинтересованности к профессиональной подготовке на протяжении всей жизни.

В ходе исследования на кафедре управления и экономики социально-культурной сферы ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный институт культуры» по направлению подготовки 51.03.03 «Социальная культурная деятельность», профиль «Менеджмент социально-культурной деятельности», были разработаны мероприятия по тьюторскому сопровождению обучающихся в процессе обучения в вузе. Все обучающиеся в ходе эксперимента были закреплены за педагогом-тьютором с целью формирования педагогических условий, направленных на развитие у студентов навыков научной и творческой деятельности как основы для продолжения обучения по программе магистратуры в Кемеровском государственном институте культуры по направлению подготовки 51.03.03 «Социально-культурная деятельность».

Совместная деятельность обучающихся с педагогом-тьютором включает в себя написание научных статей, в дальнейшем публикуемых в сборниках статей по итогам конференций и научных журналах, что позволяет выполнить условия для формирования педагогических условий и развития мотивации на учебную, научную и исследовательскую работу. Педагоги кафедры осуществляют научное сопровождение и поддержку

обучающихся в реализации разработанных проектов (проекты на конкурс «Грант ректора», городские и областные конкурсы), что также оказывает влияние на формирование педагогических условий для развития мотивации студентов вузов культуры на непрерывное образование.

В заключение хотелось бы отметить, что непрерывное образование обучающихся вузов культуры происходит на основе формирования

типового мотивационного поведения с коррекцией ошибок в профессиональном становлении и формировании универсальных, общепрофессиональных компетенций. В связи с этим изложенные выше теоретические позиции по проблеме развития мотивации на непрерывное образование студентов вузов культуры служат научной основой для экспериментального изучения и развития мотивации обучающихся.

Литература

1. Беликов В. А. Образование. Деятельность. Личность [Электронный ресурс]: моногр. – М.: Акад. естествознания, 2010. – 310 с. – URL: <https://www.monographies.ru/ru/book/view?id=76> (дата обращения: 07.05.2019).
2. Володин А. А., Бондаренко Н. Г. Анализ содержания понятия «Организационно-педагогические условия» [Электронный ресурс] // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. – 2014. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-soderzhaniya-ponyatiya-organizatsionno-pedagogicheskie-usloviya> (дата обращения: 07.05.2019).
3. Жемухова Л. З. Формирование профессиональной успешности учителя в системе повышения квалификации: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08. – Владикавказ, 2013. – 190 с.
4. Костюк Н. В. Формирование готовности выпускников учреждений профессионального образования к инновационной деятельности: дис. ... д-ра пед. наук. – Великий Новгород: Новгород. гос. ун-т им. Ярослава Мудрого, 2013. – 425 с.
5. Лабунец В. Н. Развитие мотивации будущего учителя к профессиональному росту в процессе непрерывного образования // Всерос. журн. науч. публикаций. – 2013. – № 2(17). – С. 53–56.
6. Лазарева М. В. К вопросу о развитии непрерывного профессионального образования в сфере культуры и искусств (на примере Краевого научно-учебного центра кадров культуры Министерства культуры Красноярского края) // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2016. – № 37/1. – С. 204–208.
7. Нартова О. В. Педагогические условия формирования мотивации учебной деятельности учащихся в открытом образовательном пространстве: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01. – Барнаул, 2011. – 259 с.
8. Новиков, А. М. Педагогика: слов. сист. основ. понятий [Электронный ресурс]. – М.: ИЭТ, 2013. – 268 с. – URL: http://anovikov.ru/dict/ped_sl.htm (дата обращения: 07.05.2019).
9. Полонский В. М. Словарь по образованию и педагогике. – М.: Высш. шк., 2004. – 512 с.
10. Тимошенкова О. С. Подготовка студентов вуза к реализации творческого подхода в будущей профессиональной деятельности: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08. – Кемерово, 2013. – 22 с.

References

1. Belikov V.A. *Obrazovanie. Deyatel'nost'. Lichnost': monografiya* [Education. Activity. Personality]. Moscow, Academy of Natural History Publ., 2010. 310 p. (In Russ.). Available at: <https://www.monographies.ru/ru/book/view?id=76> (accessed 07.05.2019).
2. Volodin A.A. Analiz soderzhaniya ponyatiya "Organizatsionno-pedagogicheskie usloviya" [Analysis of the content of the concept of "Organizational and pedagogical conditions"]. *Izvestiya TulGU. Gumanitarnye nauki* [News Tula State University. Humanitarian sciences], 2014, no. 2. (In Russ.). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-soderzhaniya-ponyatiya-organizatsionno-pedagogicheskie-usloviya> (accessed 07.05.2019).
3. Zhemukhova L.Z. *Formirovanie professional'noy uspekhnosti uchitelya v sisteme povysheniya kvalifikatsii: dis. ... kand. ped. nauk* [Formation of professional success of a teacher in a continuing education system. Diss. PhD in Pedagogy]. Vladikavkaz, 2013. 190 p. (In Russ.).
4. Kostyuk N.V. *Formirovanie gotovnosti vypusknikov uchrezhdeniy professional'nogo obrazovaniya k innovatsionnoy deyatel'nosti: dis. ... d-ra ped. nauk* [Formation of readiness of graduates of vocational education institutions for innovation. Diss. Dr of Pedagogical Sciences]. Veliky Novgorod, Yaroslav - the - Wise Novgorod State University, 2013. 425 p. (In Russ.).
5. Labunets V.N. *Razvitie motivatsii budushchego uchitelya k professional'nomu rostu v protsesse nepreryvnoy obrazovaniya* [The development of the future teacher's motivation for professional growth in the process of

- continuing education]. *Vserossiyskiy zhurnal nauchnykh publikatsiy [All-Russian Journal of Scientific Publications]*, 2013, no. 2(17), pp. 53-56. (In Russ.).
6. Lazareva M.V. K voprosu o razvitii nepreryvnogo professional'nogo obrazovaniya v sfere kul'tury i iskusstv (na primere Kraevogo nauchno-uchebnogo tsentra kadrov kul'tury Ministerstva kul'tury Krasnoyarskogo kraya) [To the question of the development of continuing professional education in the field of culture and the arts (on the example of the Regional Scientific and Training Center for Culture Personnel of the Ministry of Culture of the Krasnoyarsk Territory)]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts]*, 2016, no. 37/1, pp. 204-208. (In Russ.).
 7. Nartova O.V. *Pedagogicheskie usloviya formirovaniya motivatsii uchebnoy deyatel'nosti uchashchikhsya v otkrytom obrazovatel'nom prostranstve: dis. ... kand. ped. nauk [Pedagogical conditions for the formation of motivation for educational activities of students in an open educational space. Author's abstract PhD in Pedagogy]*. Barnaul, 2011. 259 p. (In Russ.).
 8. Novikov A.M. *Pedagogika. Slovar' sistemy osnovnykh ponyatiy [Pedagogy. Dictionary of the system of basic concepts]*. Moscow, IET Publ., 2013. 268 p. (In Russ.). Available at: http://anovikov.ru/dict/ped_sl.htm (accessed 07.05.2019).
 9. Polonskiy V.M. *Slovar' po obrazovaniyu i pedagogike [Dictionary of Education and Pedagogy]*. Moscow, Vysshaya Shkola. Publ., 2004. 512 p. (In Russ.).
 10. Timoshenkova O.S. *Podgotovka studentov vuza k realizatsii tvorcheskogo podkhoda v budushchey professional'noy deyatel'nosti: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk [Preparing university students to implement a creative approach in future professional activities. Author's abstract of diss. PhD in Pedagogy]*. Kemerovo, 2013. 22 p. (In Russ.).

УДК 008.2

ЦИФРОВИЗАЦИЯ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ: СУЩНОСТЬ, НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ, ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ КАДРОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

Гендина Наталья Ивановна, доктор педагогических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, эксперт НИИ информационных технологий социальной сферы, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ). E-mail: nii@kemguki.ru

Колкова Надежда Ивановна, кандидат педагогических наук, доцент, профессор кафедры технологии автоматизированной обработки информации, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ). E-mail: kolkovani@mail.ru

Рябцева Лариса Николаевна, кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник НИИ информационных технологий социальной сферы, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ). E-mail: nii@kemguki.ru

Рассматриваются подходы к трактовке в справочных изданиях и научных публикациях терминов (понятий) «цифровизация», «оцифровка», «цифровая экономика», «цифровая трансформация», характеризующих существенные социоэкономические преобразования общества не только в нашей стране, но и в мире. Отмечается, что при определении этих терминов (понятий) исследователи предлагают различные решения. При этом в определении понятия «цифровизация» выделяют, как минимум, два уровня рассмотрения понятия: узкое – означающее переход с аналоговой формы передачи, обработки и представления данных (информации) на цифровую, осуществляемую посредством применения соответствующих технологий и платформ, и широкое – олицетворяющее современный общемировой тренд развития общества, приводящий к повышению эффективности экономики и улучшению каче-

ства жизни. Дается оценка соотношения понятий «цифровизация» и «информатизация», называются признаки, указывающие на отличие цифровизации от информатизации. Осуществляется сравнение понятия «цифровизация» с родственными понятиями, близкими по смыслу, но не тождественными (в частности, понятиями «оцифровка», «цифровая экономика», «цифровая трансформация»), отмечается существующее многообразие трактовок этих понятий.

Особое внимание уделяется рассмотрению особенностей развития цифровизации сферы культуры на международном и государственном уровнях. Приводятся результаты анализа нормативно-правовых документов, характеризующих развитие цифровизации в сфере культуры России в 2012–2019 годах. Называются особенности и приоритетные задачи по развитию информатизации и цифровизации в сфере культуры в контексте парламентских слушаний в Государственной думе РФ на тему «Цифровизация в сфере культуры. Законодательство и правоприменительная практика» (2018). Указываются отмеченные в плане деятельности Министерства культуры РФ на 2019–2024 годы целевые показатели (индикаторы) цифровизации сферы культуры РФ в 2020 году.

Среди первоочередных проблем и важнейших факторов развития цифровизации в сфере культуры определяется потребность в целенаправленной работе по формированию кадрового корпуса учреждений культуры, отвечающих требованиям цифровизации. Характеризуется деятельность НИИ информационных технологий социальной сферы (НИИ ИТ СС) КемГИК по двум направлениям, связанным с формированием медийно-информационной грамотности, развитием информационной культуры личности; и с созданием учреждениями культуры качественного цифрового контента. Освещаются особенности системы профессиональной подготовки, повышения квалификации и переподготовки кадров культуры, призванных работать в условиях цифровой трансформации общества.

Ключевые слова: цифровизация, цифровая экономика, оцифровка, нормативно-правовое регулирование, кадровое обеспечение, информационная культура, медийно-информационная грамотность, цифровой контент, электронные информационные ресурсы, учреждения культуры.

DIGITALIZATION IN THE SPHERE OF CULTURE: ESSENCE, REGULATORY REGULATION, PRIORITY DIRECTIONS OF IMPROVEMENT OF HUMAN RESOURCES

Gendina Natalya Ivanovna, Dr of Pedagogical Sciences, Professor, Honorary Worker of Science of the Russian Federation, Expert of R&D Institute of Information Technologies in Social Sphere, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: nii@kenguki.ru

Kolkova Nadezhda Ivanovna, PhD in Pedagogy, Associate Professor, Professor of Department of Technology of Automated Information Processing, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: kolkovani@mail.ru

Ryabtseva Larisa Nikolaevna, PhD in Pedagogy, Sr Researcher of R&D Institute of Information Technologies in Social Sphere, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: nii@kenguki.ru

The approaches to the interpretation of the terms (concepts) “digitalization,” “digitization,” “digital economy,” “digital transformation,” characterizing the significant socio-economic transformations of society not only in our country but also in the world, are considered in reference books and scientific publications. It is noted that in the definition of these terms (concepts) the researchers propose different solutions. In the definition of “digitalization,” there are at least two levels of review concepts: narrow – signifying the transition from analogue forms of transmission, processing and presentation of data (information) on digital, through appropriate technologies and platforms and a wide – embodying the modern global trend of development of society, leading to greater economic efficiency and improve quality of life. The correlation between the

concepts of “digitalization” and “informatization” is estimated, the signs indicating the difference between digitalization and informatization are called. The concept of “digitalization” is compared with related concepts that are close in meaning, but not identical (in particular, the concepts of “digitization,” “digital economy,” “digital transformation”), the existing variety of interpretations of these concepts is noted.

Special attention is paid to the peculiarities of the development of digitalization of the cultural sphere at the international and state levels. The results of the analysis of normative legal documents characterizing the development of digitalization in the sphere of culture of Russia in 2012-2019 are given. The features and priorities for the development of information and digitalization in the sphere of culture in the context of parliamentary hearings in the State Duma on the topic “Digitalization in the sphere of culture. Legislation and law enforcement practice” (2018). It is specified as noted in the action plan of the Ministry of Culture for 2019-2024 the targets (indicators) of digitization in the sphere of culture of the Russian Federation in 2020.

Among the priority problems and the most important factors in the development of digitalization in the field of culture, the need for purposeful work on the formation of a personnel corps of cultural institutions that meet the requirements of digitalization is determined. Activity of research Institute of information technologies of the social sphere KemGIK in two directions connected with formation of media and information literacy, development of information culture of the person; and with creation by cultural institutions of qualitative digital content is characterized. The article highlights the features of the system of professional training, professional development and retraining of cultural personnel, designed to work in the conditions of digital transformation of society.

Keywords: digitalization, digital economy, digitization, legal regulation, staffing, information culture, media and information literacy, digital content, electronic information resources, cultural institutions.

DOI: 10.317773/2078-1768-2020-50-183-197

Стремительное развитие и проникновение во все сферы человеческой жизни информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) носит глобальный характер. Это обусловило появление в современной общенаучной лексике целого ряда новых понятий и терминов. К числу наиболее активно обсуждаемых понятий, характеризующих существенные социоэкономические преобразования не только в нашей стране, но и в мире, относятся «цифровизация», «оцифровка», «цифровая экономика», «цифровая трансформация». Новизну этих понятий косвенным образом отражает их слабая представленность в справочных изданиях, подтверждаемая результатами поиска в массивах интернет-ресурса «Словари и энциклопедии на Академике».

Если исключить интернет-энциклопедию со свободным контентом «Википедия», как источник, не отличающийся надежностью представленных данных, то оказывается, что справочные издания пока еще слабо отражают новые понятия, а понятие «цифровая трансформация» не вошло пока ни в одно из справочных изданий. Помня

о том, что непреложным условием продуктивности научной коммуникации, научных дискуссий и обсуждений является точность используемой терминологии, обратимся к трактовке интересующих нас понятий в научных публикациях.

При определении понятия «цифровизация» исследователи выделяют, как минимум, два уровня рассмотрения понятия – узкое и широкое. Так, по мнению В. Г. Халина и Г. В. Черновой, под «цифровизацией» в узком смысле понимается преобразование информации в цифровую форму, которое в большинстве случаев ведет к снижению издержек, появлению новых возможностей и т. д. [19]. Б. Паньшин также полагает, что в более узком, техническом плане цифровизация означает переход с аналоговой формы передачи, обработки и представления данных (информации) на цифровую, осуществляемую посредством применения соответствующих технологий и платформ. Цифровая экономика формируется на основе цифровизации [15].

Вместе с тем, исходя из масштабности перемен и проникновения цифровой информации во

все сферы экономической и социальной жизни, исследователи подчеркивают превращение цифровизации в драйвер мирового общественного развития. Поэтому под цифровизацией в широком смысле они понимают современный общемировой тренд развития экономики и общества, который основан на преобразовании информации в цифровую форму и приводит к повышению эффективности экономики и улучшению качества жизни. Так, В. А. Плотников рассматривает цифровизацию как современный этап информационной революции, специфика которого состоит в расширении практики использования данных в дискретной (цифровой) форме, и определяет ее «как процесс внедрения цифровых технологий генерации, обработки, передачи, хранения и визуализации данных в различные сферы человеческой деятельности, а не только в экономику». По его мнению, цифровизация – это более широкий феномен по сравнению с «цифровой экономикой» [16].

По мнению В. Г. Халина и Г. В. Черновой, основанием для отнесения цифровизации к трендам эффективного мирового развития является соответствие следующим требованиям: она охватывает производство, бизнес, науку, социальную сферу и обычную жизнь граждан; сопровождается лишь эффективным использованием ее результатов; ее результаты доступны пользователям преобразованной информации; ее результатами пользуются не только специалисты, но и рядовые граждане [19]. Рассматривая цифровизацию в широком смысле, Б. Паньшин определяет ее как длительный, сложный и многоаспектный процесс перевода производственных и управленческих технологий и информационных ресурсов в состояние, пригодное для эффективного применения цифровых устройств и технологий [15].

Таким образом, цифровизация, понимаемая в широком смысле, выступает в качестве глобальной тенденции мирового прогресса или мегатренда – крупномасштабного долгосрочного процесса, определяющего качественное содержание текущего этапа общественного развития [9; 14; 15].

Исходя из масштаба и глубины преобразований, затрагивающих все сферы жизни современного человека, при характеристике цифровизации

важное значение имеет осмысление этого явления не только в технико-технологическом, но и в социальном аспекте.

Говоря о социальных последствиях цифровизации, исследователи отмечают, что она влечет за собой изменение соотношения между физическим и умственным трудом; перестройку структуры, содержания многих видов компетенций и уровней компетентности трудовых людских ресурсов; изменение в подготовке специалистов; неизбежно трансформирует социальные отношения. В целом внедрение цифровизации, как подчеркивает С. И. Неизвестный, – это не техническая проблема, а методологическая и социальная [13].

Выявление сущности понятия «цифровизация» наряду с анализом имеющихся дефиниций предполагает сравнение его с родственными понятиями, близкими по смыслу, но не тождественными.

Так, по мнению М. Ю. Нещерет, следует различать понятия «цифровизация» и «оцифровка». Оцифровка – это процесс преобразования аналоговой информации в цифровую, создание цифровых представлений существующих физических объектов или процессов [14]. Если сравнить это определение с приведенными выше двумя трактовками цифровизации, то становится ясно, что понятие «оцифровка» отражает понимание цифровизации в узком смысле. В качестве примера оцифровки М. Ю. Нещерет приводит осуществляемый повсеместно в библиотеках перевод документов на твердых носителях в электронную форму в целях сохранности оригиналов, раскрытия коллекций, повышения качества обслуживания пользователей. При этом автор подчеркивает, что содержание понятия «цифровизация» нельзя сводить только к переводу информации в «цифру», поскольку речь идет о комплексном решении задач инфраструктурного, управленческого, поведенческого, культурного характера на базе специально разработанных технологических платформ [14].

Еще одним близким по смыслу, но не тождественным цифровизации является понятие «информатизация». На вопрос: как соотносятся понятия «информатизация» и «цифровизация» – в публикациях можно найти два диаметрально противоположных ответа. В первом случае

утверждается, что «информатизация – часть цифровизации» [21]. Эту позицию разделяет Я. Л. Шрайберг, представивший ее в аналитическом докладе на международном профессиональном форуме «Крым – 2019» [21]. Во втором случае, наоборот, подчеркивается, что информатизация – более широкая, по сравнению с цифровизацией, категория, цифровизация – это частное проявление более широкого явления – информатизации общества [16].

Из-за разницы в подходах вытекают и разные оценки цифровизации и информатизации: «Цифровизация пришла на смену информатизации и компьютеризации» [19]; «цифровизация – это современный этап развития информатизации» [16], «цифровизация – это следующий уровень информатизации» [18].

Несмотря на различие в подходах к оценке широты объема понятий, исследователи, тем не менее, пытаются выделить существенные признаки цифровизации, отличающие ее от информатизации. Так, по мнению Д. Свириденко, если в случае информатизации экономики речь шла об использовании вычислительной техники и информационных технологий для решения отдельных экономических задач, то цифровизация экономики означает создание целостных технологических сред «обитания» (экосистем, платформ), в рамках которых пользователь мог бы создавать для себя нужное ему дружественное окружение (технологическое, инструментальное, методическое, документальное, партнерское и т. п.) с тем, чтобы решать уже не отдельные задачи, а классы задач [18]. Это же отличие указано в ряде работ иных авторов [19; 21].

М. Ю. Нещерет подчеркивает, что «цифровизация представляет собой более высокую, по сравнению с информатизацией, ступень технического развития общества и требует применения более сложных технологий. Главное отличие цифровизации от информатизации состоит в том, что она предполагает использование независимых цифровых систем с аналитическими и прогностическими функциями. Это еще не искусственный интеллект, но промежуточное звено между человеческим и искусственным разумом, так как в принятии решений определяющую роль по-прежнему играет человек – его интеллект, опыт, интуиция» [14].

Для того чтобы нагляднее представить отличие цифровизации от информатизации, имеет смысл назвать те «более сложные технологии», о которых идет речь в публикациях, посвященных цифровизации. К их числу исследователи относят:

- облачные вычисления [14; 21];
- «интернет вещей» или промышленный Интернет (IoT) [14; 15; 21];
- технологии больших данных (Big Data) [14; 15; 21];
- искусственный интеллект и нейротехнологии [15; 21];
- технологии виртуальной и дополненной реальности [15; 21];
- технологии блокчейн (криптовалюта, биткоин и блокчейн) [15; 21];
- квантовые технологии; компоненты робототехники и сенсорики; технологии беспроводной связи (внедрение сетей стандарта 5G) [15; 21];
- технологии цифрового моделирования и «цифровых двойников» [21].

Стремясь отразить специфику цифровизации, авторы, в силу новизны и неустоявшейся терминологии, используют разные термины для обозначения сути вышеперечисленных технологий, называя их «основными элементами цифровизации» [14], «сквозными цифровыми технологиями» [15], «элементами основной современной цифровой трансформации» [21].

Таким образом, цифровизация как объективный общемировой тренд обладает следующими признаками, указывающими на ее отличие от информатизации: расширение масштаба решаемых задач (от отдельных задач – к классам задач); усложнение используемых технологий, включая искусственный интеллект; развитие аналитических и прогностических функций цифровых систем.

Введение в научный оборот термина «цифровая экономика» принято связывать с именами двух ученых: Дона Тапскотта (Don Tapscott) и Николаса Негропонта (Nicholas Negroponte). В 1994 году канадский экономист, бизнес-консультант Дон Тапскотт опубликовал книгу «Цифровая экономика» («Digital Economy»), в которой предложил термин «Digital Economy», а в 1995 году Николас Негропонт, американский информатик из

Массачусетского технологического института, в книге «Being Digital» («Цифровое существование») сформулировал концепцию электронной экономики [3]. Как отмечает М. А. Положихина, международное признание понятие «цифровая экономика» получило в 2016 году, после выхода доклада Всемирного банка «Цифровые дивиденды». До этого для обозначения экономических отношений, возникающих благодаря и вокруг использования новых информационно-коммуникационных технологий, применялись другие термины, в том числе «информационная экономика», «электронная экономика» и т. д. [17].

В настоящее время сложился обширный корпус научных публикаций, посвященных цифровой экономике. Однако, как отмечают исследователи, представления о цифровой экономике варьируются от очень узких до чрезвычайно широких [17; 19]. Существующее многообразие трактовок цифровой экономики, характеризующихся нечеткой определенностью их границ, позволяет согласиться с точкой зрения Б. Паньшина о том, что термин «цифровая экономика» – зонтичный. Он используется для описания рынков, которые фокусируются на цифровых технологиях и отражают переход от третьей промышленной революции к Индустрии 4.0, то есть к замене аналоговых электронных и механических устройств в конце XX века на цифровые [15].

Изучение публикаций показывает, что наряду с терминами «цифровизация» и «цифровая экономика» исследователи часто используют термин «цифровая трансформация». Проведенный анализ выявил, что он заимствован из англоязычного источника [22]. Именно на него ссылаются в своих работах А. П. Гарнов, Б. Паньшин, определяя цифровую трансформацию как преобразование деятельности организации (формирование принципиально новых бизнес-моделей и бизнес-процессов, создание инновационных продуктов и услуг) на базе комплекса передовых технологий, таких как облака, мобильность, продвинутая аналитика, социальное взаимодействие, Интернет вещей и т. п. [4; 15]. Это определение существенно отличается от приведенной выше трактовки В. Г. Халина и Г. В. Черновой, которые понимают под цифровой трансформацией ориентацию на переход с аналоговой формы передачи, обработ-

ки и представления данных на цифровую, что совпадает с содержанием понятия «цифровизация» в узком смысле [19].

Наряду с определением сущности понятий «цифровизация», «цифровая экономика», «цифровая трансформация» ученые предпринимают попытки оценить позитивные и негативные последствия этих явлений.

Преимущества цифровизации и цифровой экономики исследователи связывают с рядом экономических и социальных эффектов от цифровых технологий для бизнеса и общества:

- возникновение новых бизнес-моделей и новых форм бизнеса, позволяющих повысить доходность и конкурентоспособность деятельности [16; 17; 19];
- рост производительности труда [17; 19];
- повышение гибкости производства за счет быстрой его перенастройки, динамичного изменения характеристик производственного процесса [16; 19];
- рост качества производимой продукции [16; 19];
- снижение издержек производства [16; 17; 19];
- создание новых рабочих мест [17];
- повышение уровня жизни населения и более полное удовлетворение потребностей людей вследствие цифровизации [7; 17; 19];
- преодоление бедности и социального неравенства [17].

К числу рисков и опасностей, связанных с цифровизацией и становлением цифровой экономики, авторы публикаций относят:

- сокращение рабочих мест и деиндустриализацию, рост социальной нестабильности и углубление социального неравенства [17; 19];
- повышение уровня зависимости производства от используемых цифровых технологий, снижение возможности оперативного влияния производственного персонала на производственные процессы [16];
- цифровое мошенничество; рост масштабов компьютерной преступности [7; 19];
- пиратство и распространение вредоносного контента [17; 19];
- риски несовершенства, неподготовленности нормативно-правовой базы, сопровождающей

и обеспечивающей протекание процессов цифровизации [19];

- риски рынка криптовалюты, реализуемого на основе применения такой цифровой технологии, как блокчейн и др. [7; 19];

- риск утраты цифрового контента и проблема его сохранности [10].

Как отмечают В. Г. Халин и Г. В. Чернова, цифровизации легче поддаются сферы и отрасли, связанные с ИКТ. Наиболее продвинутыми в области применения цифровых технологий в настоящее время являются сфера услуг, связь, разработка программного обеспечения, телекоммуникации, торговля, финансовый сектор экономики – банковский и страховой сегменты, медиабизнес, транспорт, электронная коммерция, автомобильная промышленность, энергетика, госуправление, сектор ЖКХ, строительство, медицина [19]. Нетрудно заметить, что среди этих областей применения цифровых технологий отсутствует сфера культуры. Тем не менее уже в начале XXI века на международном уровне произошло осознание неизбежности и необходимости использования цифровых технологий как важнейшего средства сохранения культурного наследия человечества. Поэтому были разработаны документы международного уровня, среди них:

- Хартия ЮНЕСКО «О сохранении цифрового наследия» (2003);

- Ванкуверская декларация «Память мира в цифровую эпоху: оцифровывание и сохранение» (2012);

- Московская декларация о сохранении электронной информации. Итоговый документ Международной конференции «Сохранение электронной информации в информационном обществе: проблемы и перспективы» (2011).

В России, как и во всем мире, цифровизация сферы культуры потребовала нормативного регулирования и разработки соответствующей нормативно-правовой базы, без которой невозможно эффективное государственное управление данным процессом [8].

Для того чтобы показать векторы развития цифровизации в сфере культуры России, были проанализированы нормативно-правовые документы данной предметной области за период 2012–2019 годов:

- 2012 год – Указ Президента РФ 07.05.2012 № 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики», поручающий Правительству Российской Федерации: ежегодное включение в Национальную электронную библиотеку не менее 10 процентов издаваемых в РФ наименований книг; обеспечение поддержки создания публичных электронных библиотек, сайтов музеев и театров в сети Интернет, а также размещение в свободном бесплатном доступе в сети Интернет фильмов и спектаклей выдающихся режиссеров кино и театра;

- 2014 год – утвержденные Указом Президента РФ 24.12.2014 № 808 «Основы государственной культурной политики» – базовый документ, определяющий главные направления государственной культурной политики для разработки и совершенствования законодательных и иных нормативных правовых актов Российской Федерации, регулирующих процессы культурного развития в Российской Федерации, а также государственных и муниципальных программ. Закрепляет определения понятий «информационная среда», «информационная грамотность»; провозглашает использование цифровых коммуникационных технологий для обеспечения доступа граждан к культурным ценностям независимо от места проживания как одно из средств сохранения и развития единого культурного пространства России;

- 2014 год – Государственная программа РФ «Развитие культуры и туризма» на 2013–2020 годы, утвержденная Постановлением Правительства РФ 15.04.2014 № 317. В качестве ожидаемых результатов реализации в ней определены: перевод отраслей культуры и туризма на инновационный путь развития, превращение культуры и туризма в наиболее развитые и привлекательные сферы общественной деятельности, в том числе через широкое внедрение информационных технологий; обеспечение доступа каждого гражданина к национальным и мировым культурным ценностям через формирование публичных электронных библиотек, музейных и театральных интернет-ресурсов;

- 2016 год – «Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года», утвержденная Распоряжением Правительства

РФ 29.02.2016 № 326-р. Определяет в целях содействия формированию гармонично развитой личности, способной к активному участию в реализации государственной культурной политики, следующие меры: формирование информационной грамотности граждан, в том числе путем повышения качества материалов и информации, размещаемых в средствах массовой информации и сети Интернет; формирование единого российского информационного пространства знаний на основе оцифрованных книжных, архивных, музейных фондов, собранных в Национальную электронную библиотеку и национальные электронные архивы по различным отраслям знаний и сферам творческой деятельности; создание национальной российской системы сохранения электронной информации, в том числе, ресурсов в сети Интернет;

– 2016 год – Федеральный закон РФ «О внесении изменений в Федеральный закон “О библиотечном деле” в части создания федеральной государственной информационной системы “Национальная электронная библиотека”», принятый Государственной думой РФ (с изм. и доп., вступ. в силу с 03.10.2016). В статье 18 данного закона определены цели и задачи, состав и функции Национальной электронной библиотеки;

– 2017 год – «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы», утвержденная Указом Президента РФ 09.05.2017 № 2032. Определяет цифровую экономику как хозяйственную деятельность, в которой ключевым фактором производства являются данные в цифровом виде, обработка больших объемов и использование результатов анализа которых по сравнению с традиционными формами хозяйствования позволяет существенно повысить эффективность различных видов производства, технологий, оборудования, хранения, продажи, доставки товаров и услуг. В качестве одной из целей провозглашается повышение роли России в мировом гуманитарном и культурном пространстве; декларируется, что для формирования информационного пространства знаний необходимо обеспечить создание Национальной электронной библиотеки и иных государственных информационных систем, включающих в себя объекты исторического, научного и

культурного наследия народов РФ, а также доступ к ним максимально широкого круга пользователей;

– 2017 год – Программа «Цифровая экономика Российской Федерации», утвержденная распоряжением Правительства РФ 28.07.2017 № 1632-р. Рассматривает создание системы развития и поддержки деловых и культурных связей с уехавшими за рубеж соотечественниками, работающими в сфере цифровой экономики, как способ мотивации иностранных граждан на участие в развитии цифровой экономики России.

– 2018 год – Указ Президента РФ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» от 07.05.2018 № 204. Предписывает Правительству РФ разработать (скорректировать) совместно с органами государственной власти субъектов РФ национальные проекты (программы) по направлениям: цифровая экономика, культура; обеспечить ускоренное внедрение цифровых технологий в экономике и социальной сфере;

– 2018 год – «Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2024 года», утвержденные Председателем Правительства РФ Д. А. Медведевым 29.09.2018. В качестве ключевых действий в сфере культуры определены: широкое внедрение цифровых технологий в культурное пространство страны, цифровизация услуг (проведение онлайн-трансляций ключевых мероприятий в сфере культуры, экскурсий по крупнейшим выставкам), оцифровка книжных памятников и ресурсов периодической печати; создание модельных библиотек, оснащенных скоростной сетью Интернет, создание виртуальных концертных залов, выставочных проектов с цифровыми гидами;

– 2019 год – Приказ Минкультуры России «Об утверждении плана деятельности Министерства культуры Российской Федерации на 2019–2024 годы» 01.03.2019 № 229. Содержит целевые индикаторы и показатели по реализации следующих документов: «Основы государственной культурной политики», «Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года», «Государственная программа “Развитие культуры и туризма”» на 2013–2020 годы», «Национальный проект “Культура”».

Таким образом, анализ основополагающих документов, отражающих государственную политику Российской Федерации по созданию необходимых условий для развития цифровой экономики России, показывает, что цифровизация в сфере культуры выступает в качестве необходимого условия для создания качественно новой модели формирования нравственной, ответственной, самостоятельно мыслящей, творческой личности.

Значительным событием, стимулирующим цифровую трансформацию в сфере культуры, явились парламентские слушания на тему «Цифровизация в сфере культуры. Законодательство и правоприменительная практика», состоявшиеся 13 февраля 2018 года в Государственной думе РФ. На парламентских слушаниях было объявлено, что одной из приоритетных задач государственной культурной политики в области осуществления всех видов культурной деятельности и развития связанных с ними индустрий является использование цифровых коммуникационных технологий, в том числе для обеспечения доступа граждан к культурным ценностям независимо от места проживания.

На парламентских слушаниях было отмечено, что цифровизация в сфере культуры должна обеспечить активное вовлечение в целевую аудиторию учреждений культуры нового поколения, ориентированного в основном на цифровой формат восприятия информации. Данную аудиторию необходимо вовлекать реальными проектами в области популяризации достижений культуры.

Приоритетными задачами по развитию информатизации и цифровизации в сфере культуры, как было подчеркнуто на парламентских слушаниях, являются развитие материально-технической базы и повышение уровня информатизации учреждений культуры, внедрение информационных систем учета посетителей учреждений культуры и продажи билетов, оцифровка культурного наследия, формирование баз данных, увеличение доли информационных ресурсов о культуре в сети Интернет, в том числе путем создания информационных порталов, виртуальных музеев и внедрения технологий дополненной и виртуальной реальности; формирование единого информационного пространства в сфере культуры. В результате парламентских слушаний в адрес Правительства РФ были подготовлены рекоменда-

ции, важнейшей из которых явилась рекомендация о необходимости дополнения программы «Цифровая экономика Российской Федерации» характеристикой особенностей цифровизации в сфере культуры [20].

На парламентских слушаниях был представлен доклад В. В. Аристархова, первого зам. министра культуры РФ [1], в котором были обозначены следующие направления деятельности Министерства культуры РФ в сфере цифровизации.

Ведение реестров и оказание государственных услуг:

- государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры);
- реестр похищенных, пропавших и утраченных культурных ценностей;
- государственный каталог музейного фонда;
- единая федеральная автоматизированная информационная система сведений о показах фильмов в кинозалах.

Цифровая трансформация госуправления:

- статистика отрасли;
- платформа открытых данных Минкультуры России;
- автоматизированная система «Учет продажи билетов»;
- единая аналитическая система Минкультуры России.

Создание единого информационного пространства в сфере культуры и популяризация культурного наследия:

- Национальная электронная библиотека;
- портал Культура.РФ и единое информационное пространство в сфере культуры;
- виртуальные музеи, виртуальная и дополненная реальность, мобильные приложения.

Следует отметить, что во исполнение Указа Президента РФ от 7 мая № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» Министерством культуры РФ разработан федеральный проект «Цифровая культура», входящий в национальный проект «Культура». Его основной задачей является создание условий для повышения доступности и возможности участия граждан в культурной жизни путем цифровиза-

ции услуг культуры и формирования информационного пространства знаний. С 2019 по 2024 год предусмотрено создание 500 виртуальных концертных залов в городах России, проведение 450 выставочных проектов, снабженных цифровыми гидами в формате дополненной реальности, проведение 600 онлайн-трансляций мероприятий, размещаемых на портале Культура.РФ, пополнение фонда Национальной электронной библиотеки 48 тыс. оцифрованных единиц [12].

Представление о масштабе предстоящих преобразований, связанных с цифровизацией сферы культуры РФ, можно получить, если обратиться к плану деятельности Министерства культуры РФ на 2019–2024 годы, утвержденному приказом Минкультуры России 01.03.2019 № 229. Приведем лишь некоторые целевые индикаторы и показатели цифровизации сферы культуры РФ только на 2020 год (см. табл. 1).

Таблица 1

Показатели цифровизации сферы культуры Российской Федерации

Наименование показателя (индикатора)	Значение показателя
Доля публичных библиотек, подключенных к сети Интернет, в общем количестве библиотек Российской Федерации	100 %
Доля музеев, имеющих сайт в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, в общем количестве музеев Российской Федерации	100 %
Доля театров, имеющих сайт в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, в общем количестве театров Российской Федерации	100 %
Количество спектаклей выдающихся режиссеров, размещенных в бесплатном доступе в сети Интернет	700
Количество созданных виртуальных концертных залов	483
Количество выставочных проектов, снабженных цифровыми гидами в формате дополненной реальности	250
Количество онлайн-трансляций мероприятий, размещаемых на портале Культура.РФ	100

Проведенный анализ публикаций позволяет утверждать, что в настоящее время цифровые технологии на любой территории выступают в качестве важнейшего средства обеспечения доступа людей к культурным ценностям. Цифровизация в сфере культуры признана приоритетным направлением государственной культурной политики, она призвана обеспечить вовлечение в культурную жизнь представителей разных поколений, в равной степени ориентированных как на реальный, так и на цифровой формат восприятия и обработки информации. Государственное управление цифровизацией в сфере культуры усиливает эти процессы, способствуя проникновению цифровых технологий в деятельность всех организаций культуры без исключения.

Масштаб и сложность, новизна и динамичность целей цифровизации в сфере культуры заставляет выделить ряд первоочередных проблем, среди которых главной проблемой цифровой трансформации становится необходимость массового обучения и переобучения людей, по масштабам сопоставимая с изменениями эпохи индустриализации, и, как в тот период, вопрос кадров является решающим, а основным лимитирующим условием выступает время [17].

Следует подчеркнуть, что речь идет, с одной стороны, о необходимости повышения цифровой грамотности потребителей цифровых услуг в сфере культуры, поскольку исследователи указывают на низкий уровень информационной культуры населения России, так как практически 50 % потребителей интернет-услуг или не имеют представления о нормах безопасности, или пренебрегают ими [7]. С другой стороны – цифровизация в сфере культуры ставит особые задачи перед системой профессиональной подготовки кадров культуры. В первую очередь речь идет о формировании новых компетенций через освоение технологий создания и потребления знаний, научной информации, разработку новых стандартов и организацию обучения по ним [2], необходимости обучать работников культуры навыкам работы с компьютерными технологиями и Интернетом, социальными сетями, современными технологиями распространения информации, способам приобщения к культурным благам в виртуальном

пространстве, включая использование цифровых ресурсов сайтов «Культура.рф» и «Госкаталог», виртуальных музеев и т. п. [11].

В НИИ информационных технологий социальной сферы (НИИ ИТ СС) КемГИК на протяжении двух десятилетий ведутся научные исследования и разработки по двум направлениям, связанным с реализацией Программы ЮНЕСКО «Информация для всех». Их результаты нашли широкое практическое применение при профессиональной подготовке и повышении квалификации кадров культуры, призванных работать в условиях цифровой трансформации общества, информатизации и цифровизации сферы культуры.

Первое направление – формирование медийно-информационной грамотности и развитие информационной культуры личности. В рамках данного направления разработан комплекс учебных программ и учебных пособий, ориентированных на разные категории обучаемых: школьников, студентов и аспирантов, учителей, библиотекарей. Подробная характеристика данного направления приводится в монографии [5].

Особое внимание в КемГИК уделяется разработанному в НИИ ИТ СС учебному курсу «Информационная культура личности», который внедрен на всех факультетах КемГИК и обеспечен учебным пособием «Информационная культура личности: технология продуктивной интеллектуальной работы с информацией в условиях интернет-среды». В настоящее время ведется актуализация данного учебного курса, который будет включать следующие разделы:

Раздел 1. Цифровизация культуры и цифровая трансформация информационных ресурсов;

Раздел 2. Трансформация алгоритмов поиска информации в информационной электронной среде;

Раздел 3. Аналитико-синтетическая переработка и критический анализ информации в структуре профессиональной деятельности работников культуры;

Раздел 4. Технологии создания электронных информационных продуктов учреждений культуры в контексте цифровой трансформации отрасли культуры.

Целенаправленное и последовательное осуществление информационной подготовки за счет внедрения специальной учебной дисциплины – «Информационная культура личности» переводит формирование информационной компетентности студентов из области самообразования в разряд профессиональной подготовки.

Второе направление исследований и разработок НИИ ИТ СС КемГИК, результаты которых используются не только при обучении студентов института культуры, но и в системе повышения квалификации и переподготовки кадров, – это создание качественного цифрового контента учреждений культуры. Переход в условиях цифровой трансформации отрасли культуры от эмпирической деятельности на базе интуиции, здравого смысла, проб и ошибок к научно обоснованной разработке цифрового контента учреждения культуры объективно обуславливает потребность в привлечении к ней профессионально подготовленных кадров, владеющих как традиционными технологиями анализа и синтеза информации, так и технологиями представления их результатов в электронной среде. Это обстоятельство формирует социальный заказ на подготовку и повышение квалификации кадров в сфере электронных информационных ресурсов (ЭИР) с позиций новейших методологических, технологических и методических решений. Исходя из него, в НИИ ИТ СС КемГИК разработаны программы обучения и учебно-методические комплексы, раскрывающие технологию создания качественного цифрового контента учреждениями культуры, включая технологию создания контента официальных сайтов учреждений культуры (библиотек, культурно-досуговых центров, музеев, театров и т. п.), а также других генерируемых ими электронных информационных ресурсов.

Опыт решения задачи целевой подготовки в системе повышения квалификации руководящих кадров организаций культуры описан в нашей статье [6].

Принципиальной чертой обучения студентов института культуры, а также слушателей системы повышения квалификации и переподготовки кадров является то, что обучение строится на базе «живого» материала, полученного

сотрудниками НИИ ИТ СС в ходе выполнения реальных исследований и разработок, общения с различными категориями заказчиков; реализуется с предоставлением обучающимся развитого учебно-методического комплекса. Тем самым решаются задачи подготовки кадров, способных на деле решать сложные технологические задачи с учетом особенностей конкретной предметной области, с использованием творческого подхода.

На всех уровнях образовательного процесса для обучаемых любого статуса для нас чрезвычайно важным является понимание того, что решение лежащих в контексте цифровизации задач по созданию электронных информационных ресурсов или цифровых ресурсов, безусловно, требует от их создателей владения соответствующими программными и техническими средствами. Но достижение результатов по созданию качественных ЭИР любого вида прежде всего требует надежного знания предметной области и умения представить ее на уровне семантической и концептуальной моделей.

Ориентированная на решение задач создания цифрового контента сферы культуры система подготовки, повышения квалификации и переподготовки кадров на базе КемГИК не является статичной и непрерывно развивается в соответствии с достижениями теории и практики создания ЭИР. В настоящее время перспективы исследований и разработок, направленных на по-

вышение качества электронных информационных ресурсов учреждений культуры, мы связываем с:

- разработкой научно обоснованного подхода к классификации электронных информационных ресурсов и определению неотъемлемых характеристик каждого их вида;

- диверсификацией разработанного научно обоснованного подхода к созданию электронных информационных ресурсов в соответствии с особенностями их видов;

- подготовкой ориентированных на различные предметные области частных методик формализованного анализа и синтеза электронных информационных ресурсов различных видов, в том числе интернет-ресурсов;

- созданием предметно-ориентированных лингвистических средств, например, проблемных рубрикаторов.

Развитие каждого из реализуемых НИИ ИТ СС КемГИК направлений профессиональной подготовки, повышения квалификации и переподготовки кадров, с нашей точки зрения, призвано стать основой существенного роста достижений учреждений культуры в эпоху цифровизации общества. Но чрезвычайно важным для достижения целей цифровизации в сфере культуры является понимание руководством учреждений культуры того, что реализация задач каждого из этих направлений должна осуществляться с позиций системного подхода.

Литература

1. Аристархов В. В. Доклад об основных направлениях и результатах деятельности Министерства культуры Российской Федерации в 2018 году и задачах на 2019 год [Электронный ресурс] // М-во культуры РФ: офиц. сайт. – URL: <https://www.mkrf.ru/documents/materialy-k-zasedaniyu-itogovoy-kollegii-ministerstva-kultury-rossiyskoy-federatsii-16-aprelya-2018/> (дата обращения: 14.10.2019).
2. Астафьева О. Н., Никонорова Е. В., Шлыкова О. В. Культура в цифровой цивилизации: новый этап осмысления стратегии будущего для устойчивого развития // Обсерватория культуры. – 2018. – Т. 15, № 5. – С. 516–531. DOI 10.25281/2072-3156-2018-15-5-516-531.
3. Басаев З. Л. Цифровизация экономики: Россия в контексте глобальной трансформации // Мир новой экономики. – 2018. – № 12(4). – С. 32–38. DOI: 10.26794/2220-6469-2018-12-4-32-38.
4. Гарнов А. П. Логистическая составляющая цифровой экономики услуг культуры // Рос. эконом. интернет-журн. – 2018. – № 3. – С. 17.
5. Гендина Н. И. Информационное образование и информационная культура как фактор безопасности личности в глобальном информационном обществе: возможности образовательных организаций и библиотек. – М.: Литера, 2016. – 392 с.
6. Гендина Н. И., Колкова Н. И. Создание официальных сайтов и задачи целевой подготовки в системе повышения квалификации руководящих кадров организаций культуры: новый этап реализации идей С. А. Сбитнева // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2018. – № 42. – С. 20–29.

7. Гончаренко Л. С. Цифровая экономика как фактор социально-экономической трансформации России // Вестн. Челябин. гос. ун-та. – 2019. – № 3 (425). – С. 43–49. DOI: 10.24411/1994-2796-2019-10306.
8. Дугужева М. Х., Симаева Е. П. Трансформация законодательства о культуре в условиях цифровизации // Вестн. Перм. ун-та. Юрид. науки. – 2019. – Вып. 44. – С. 190–208. DOI: 10.17072/1995-4190-2019-44-190-208.
9. Кузьмина С. Н. Специфика подготовки кадров творческих индустрий в контексте их цифровой трансформации // Петербург. эконом. журн. – 2018. – № 1. – С. 60–69.
10. Лопатина Н. В., Неретин О. П. Сохранение цифрового культурного наследия в едином электронном пространстве знаний // Вестн. Москов. гос. ун-та культуры и искусств. – 2018. – № 5(85). – С. 74–80.
11. Моисеева Т. А. Цифровые технологии как фактор обеспечения доступа к культурным ценностям // Государственное управление и развитие России: вызовы и перспективы: сб. ст. – Пенза: Пензен. гос. аграр. ун-т, 2018. – С. 50–57.
12. Национальный проект «Культура». Планы и направления // Министерство культуры Российской Федерации: офиц. сайт. – URL: http://www.mkrf.ru/press/news/natsionalnyy_proekt_kultura_plany_i_napravleniya/ (дата обращения: 16.10.2019).
13. Неизвестный С. И. Социально-психологические проблемы перехода к цифровой экономике // Уч. зап. – 2018. – Т. 17, № 2. – С. 50–57. DOI: 10.17922/2071-5323-2018-17-2-5-13.
14. Нещерет М. Ю. Цифровизация процессов обслуживания в библиотеках – это уже реальность // Библиосфера. – 2019. – № 2. – С. 19–25. DOI: 10.20913/1815-3186-2019-2-19-25.
15. Панышин Б. Цифровая экономика: понятия и направления развития // Наука и инновации. – 2019. – № 3(193). – С. 48–55.
16. Плотников В. А. Цифровизация производства: теоретическая сущность и перспективы развития в российской экономике // Изв. С.-Петерб. гос. эконом. ун-та. – 2018. – № 4 (112). – С. 16–24.
17. Положихина М. А. Цифровая экономика как социально-экономический феномен // Экономические и социальные проблемы России. – 2018. – № 1(37). – С. 8–38.
18. Свириденко Д. Принять вызов цифровой экономики // Эксперт Сибирь. – 2017. – № 48–49 (504). – С. 40–41.
19. Халин В. Г., Чернова Г. В. Цифровизация и ее влияние на российскую экономику и общество: преимущества, вызовы, угрозы и риски // Управленческое консультирование. – 2018. – № 10. – С. 46–63.
20. Цифровизация в сфере культуры. Комитет по культуре провел парламентские слушания [Электронный ресурс]. – URL: <http://komitet2-3.km.duma.gov.ru/Novosti-Komiteta/item/15584405> (дата обращения: 16.10.2019).
21. Шрайберг Я. Л. Информационно-документное пространство образования, науки и культуры в современных условиях цифровизации общества. Ежегодный доклад Пятого Международного профессионального форума «Крым – 2019» // Научные и технические библиотеки. – 2019. – № 9. – С. 3–55. DOI 10.33186/1027-3689-2019-9-3-55.
22. How to win at digital transformation. Insights from a global survey of top executives. Hitachi Data System совместно с Forbes insights, 2016 [Электронный ресурс]. – URL: https://images.forbes.com/forbesinsights/hds_digital_maturity/HowToWinAtDigitalTransformation.pdf (дата обращения: 14.10.2019).

References

1. Aristarkhov V.V. Doklad ob osnovnykh napravleniyakh i rezul'tatakh deyatelnosti Ministerstva kul'tury Rossiyskoy Federatsii v 2018 godu i zadachakh na 2019 god [Report on the main directions and results of the Ministry of culture of the Russian Federation in 2018 and tasks for 2019]. *Ministerstvo kul'tury RF: ofitsial'nyy sayt [Ministry of Culture of the Russian Federation]*. (In Russ.). Available at: <https://www.mkrf.ru/documents/materialy-k-zasedaniyu-itogovoy-kollegii-ministerstva-kul'tury-rossiyskoy-federatsii-16-aprelya-2018-/> (accessed 14.10.2019).
2. Astafyeva O.N., Nikonorova E.V., Shlykova O.V. Kul'tura v tsifrovoy tsivilizatsii: novyy etap osmysleniya strategii budushchego dlya ustoychivogo razvitiya [Culture in the Digital Civilization: A New Stage in Understanding the Future Strategy for Sustainable Development]. *Observatoriya kul'tury [Observatory of culture]*, 2018, vol. 15, no. 5, pp. 516–531. (In Russ.). Doi: 10.25281/2072-3156-2018-15-5-516-531.
3. Basayev Z.L. Tsifrovizatsiya ekonomiki: Rossiya v kontekste global'noy transformatsii [The Digitalisation of the Economy: Russia in the Context of Global Transformation]. *Mir novoy ekonomiki [The world of new economy]*. 2018, no. 12(4), pp. 32–38. (In Russ.). Doi: 10.26794/2220-6469-2018-12-4-32-38.
4. Garnov A.P. Logisticheskaya sostavlyayushchaya tsifrovoy ekonomiki uslug kul'tury [Logistics component of digital economy of cultural services]. *Rossiyskiy ekonomicheskii internet-zhurnal [Russian Economics online-journal]*, 2018, no. 3, p. 17. (In Russ.).

5. Gendina N.I. *Informatsionnoe obrazovanie i informatsionnaya kul'tura kak faktor bezopasnosti lichnosti v global'nom informatsionnom obshchestve: vozmozhnosti obrazovatel'nykh organizatsiy i bibliotek* [Information education and information culture as a factor of personal security in the global information society: opportunities of educational organizations and libraries]. Moscow, Litera Publ., 2016. 392 p. (In Russ.).
6. Gendina N.I., Kolkova N.I. Sozdanie ofitsial'nykh saytov i zadachi tselevoy podgotovki v sisteme povysheniya kvalifikatsii rukovodyashchikh kadrov organizatsiy kul'tury: novyy etap realizatsii idey S.A. Sbitneva [Creation of the official sites and the problem of target preparation in the system of professional development of the managing staff of the organizations of culture: the new stage in realization of the ideas of s.a. sbitnev]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts], 2018, no. 42, pp. 20-29. (In Russ.).
7. Goncharenko L.S. Tsifrovaya ekonomika kak faktor sotsial'no-ekonomicheskoy transformatsii Rossii [Innovative factors of social and economic transformation of russia: digital economy]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University]. 2019, no. 3 (425), pp. 43-49. (In Russ.). Doi: 10.24411/1994-2796-2019-10306.
8. Duguzheva M.Kh., Simaeva E.P. Transformatsiya zakonodatel'stva o kul'ture v usloviyakh tsifrovizatsii [Transformation of the legislation on culture in the context of digitalization]. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki* [Perm university herald. Juridical sciences], 2019, no. 44, pp. 190-208. (In Russ.). Doi: 10.17072/1995-4190-2019-44-190-208.
9. Kuzmina S.N. Spetsifika podgotovki kadrov tvorcheskikh industriy v kontekste ikh tsifrovoy transformatsii [Specificity of training the personnel of creative industries in the context of their digital transformation]. *Peterburgskiy ekonomicheskii zhurnal* [Saint-Petersburg Economic Journal], 2018, no. 1, pp. 60-69. (In Russ.).
10. Lopatina N.V., Neretin O.P. Sokhranenie tsifrovogo kul'turnogo naslediya v edinom elektronnom prostranstve znaniy [The preservation of digital cultural heritage in uniform electronic space of knowledge]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of the Moscow state University of culture and arts], 2018, no. 5(85), pp. 74-80. (In Russ.).
11. Moiseeva T.A. Tsifrovye tekhnologii kak faktor obespecheniya dostupa k kul'turnym tsennostyam [Digital technologies as a factor of ensuring access to cultural values]. *Gosudarstvennoe upravlenie i razvitie Rossii: vyzovy i perspektivy* [Public administration and development of Russia: challenges and prospects]. Penza, Penzenskiy gosudarstvennyy agrarnyy universitet Publ., 2018, pp. 50-57. (In Russ.).
12. Natsional'nyy proekt "Kul'tura". Plany i napravleniya [The national project "Culture". Plans and directions]. *Ministerstvo kul'tury RF: ofitsial'nyy sayt* [Ministry of Culture of the Russian Federation]. (In Russ.). Available at: http://www.mkrf.ru/press/news/natsionalnyy_proekt_kultura_planyi_napravleniya/ (accessed 16.10.2019).
13. Neizvestnyy S.I. Sotsial'no-psikhologicheskie problemy perekhoda k tsifrovoy ekonomike [Social and Psychological Problems of Transition to Digital Economy]. *Uchenye zapiski* [Academic notes], 2018, vol. 17, no. 2, pp. 50-57. (In Russ.). Doi: 10.17922/2071-5323-2018-17-2-5-13.
14. Neshcheret M.Yu. Tsifrovizatsiya protsessov obsluzhivaniya v bibliotekakh – eto uzhe real'nost' [Digitization of user service processes in libraries is already a reality]. *Bibliosfera* [Bibliosphere], 2019, no. 2, pp. 19-25. (In Russ.). Doi: 10.20913/1815-3186-2019-2-19-25.
15. Panshin B. Tsifrovaya ekonomika: ponyatiya i napravleniya razvitiya [Digital economy: concepts and directions of development]. *Nauka i innovatsii* [The Science and Innovations], 2019, no. 3(193), pp. 48-55. (In Russ.).
16. Plotnikov V.A. Tsifrovizatsiya proizvodstva: teoreticheskaya sushchnost' i perspektivy razvitiya v rossiyskoy ekonomike [Digitalization of production: the theoretical essence and development prospects in the russian economy]. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta* [Izvestiâ Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta], 2018, no. 4 (112), pp. 16-24. (In Russ.).
17. Polozhikhina M.A. Tsifrovaya ekonomika kak sotsial'no-ekonomicheskii fenomen [The digital economy as a socio-economic phenomenon]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye problemy Rossii* [Economic and Social Problems of Russia], 2018, no. 1(37), pp. 8-38. (In Russ.).
18. Sviridenko D. Prinyat' vyzov tsifrovoy ekonomiki [Embrace the challenge of the digital economy]. *Ekspert Sibir'* [Expert-Siberia], 2017, no. 48-49 (504), pp. 40-41. (In Russ.).
19. Khalin V.G., Chernova G.V. Tsifrovizatsiya i ee vliyanie na rossiyskuyu ekonomiku i obshchestvo: preimushchestva, vyzovy, ugrozy i riski [Digitalization and Its Impact on the Russian Economy and Society: advantages, challenges, threats and risks]. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie* [Administrative Consulting], 2018, no. 10, pp. 46-63. (In Russ.).

20. *Tsifrovizatsiya v sfere kul'tury. Komitet po kul'ture provel parlamentskie slushaniya [Digitalization in the sphere of culture. The culture Committee held parliamentary hearings].* (In Russ.). Available at: <http://komitet2-3.km.duma.gov.ru/Novosti-Komiteta/item/15584405> (accessed 16.10.2019).
21. Shrayberg Ya.L. Informatsionno-dokumentnoe prostranstvo obrazovaniya, nauki i kul'tury v sovremennykh usloviyakh tsifrovizatsii obshchestva. Ezhegodnyy doklad Pyatogo mezhdunarodnogo professional'nogo foruma "Krym-2019" [Information and document space in education, science and culture in the contemporary context of society digitalization. The annual paper presented at the Fifth World Professional Forum "Crimea-2019"]. *Nauchnye i tekhnicheskie biblioteki [Scientific and Technical Libraries]*, 2019, no. 9, pp. 3-55. (In Russ.). Doi: 10.33186/1027-3689-2019-9-3-55.
22. *How to win at digital transformation. Insights from a global survey of top executives. Hitachi Data System in association with Forbes insights, 2016.* (In Engl.). Available at: https://images.forbes.com/forbesinsights/hds_digital_maturity/HowToWinAtDigitalTransformation.pdf (accessed 14.10.2019).

УДК 378

КВЕСТ КАК СРЕДСТВО ОРГАНИЗАЦИИ КОНТРОЛЯ И ПРОВЕРКИ ЗНАНИЙ СТУДЕНТОВ В СФЕРЕ МЕДИЙНО-ИНФОРМАЦИОННОЙ ГРАМОТНОСТИ И ИНФОРМАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ

Стародубова Галина Александровна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры технологии документальных коммуникаций, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ). E-mail: tdk@kemguki.ru

Косолапова Елена Витальевна, кандидат педагогических наук, научный сотрудник НИИ информационных технологий социальной сферы, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ). E-mail: nii@kemguki.ru

Приводится сущностная характеристика квеста как современной образовательной интерактивной технологии. Выявляются истоки зарождения и основные этапы развития квестов. Предлагается обобщенная многоаспектная классификация квестов по различным основаниям деления: по степени реальности, форме проведения, способу прохождения, типу заданий, доминирующей деятельности игроков, предметному содержанию, информационной образовательной среде, месту проведения, продолжительности, уровню сложности, целевой возрастной категории, форме работы, жанру сюжета и т. д. Выделяются обязательные компоненты образовательного квеста. Характеризуются особенности применения квестов в современной досуговой, информационно-библиотечной и образовательной сфере. Выявляются достоинства и недостатки практического использования квестов. Представлен опыт применения квестов как средства контроля знаний студентов первого курса очного отделения по направлению подготовки 51.03.06 «Библиотечно-информационная деятельность», профили подготовки «Информационно-аналитическая деятельность» и «Технология автоматизированных библиотечно-информационных систем» Кемеровского государственного института культуры. Приводится содержание информационно-интеллектуального квеста, посвященного столетнему юбилею выдающегося советского и российского ученого, специалиста в области информационно-библиотечной деятельности, основателя библиотечного факультета Кемеровского государственного института культуры профессора С. А. Сбитнева. Рассматривается технология организации и проведения интегрированного интеллектуально-поискового квеста по дисциплинам «История документальных коммуникаций» и «Основы информационной культуры личности», приуроченного к Общероссийскому дню библиотек.

Ключевые слова: квест, классификация квестов, образовательный квест, информационная культура, медийно-информационная грамотность, профессиональное образование, Кемеровский государственный институт культуры.

QUEST AS A MEANS OF ORGANIZING CONTROL AND VERIFICATION OF STUDENTS' KNOWLEDGE IN THE FIELD OF MEDIA AND INFORMATION LITERACY AND INFORMATION CULTURE

Starodubova Galina Aleksandrovna, PhD in Pedagogy, Associate Professor, Associate Professor of Department of Documentary Communications Technology, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: tdk@kemguki.ru

Kosolapova Elena Vitalyevna, PhD in Pedagogy, Researcher of R&D Institute of Information Technologies in Social Sphere, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: nii@kemguki.ru

The essential characteristic of the quest as a modern educational interactive technology is given. The origins and main stages of quest development are revealed. A generalized multi-aspect classification of quests is proposed according to various division bases: by the mode and the form of conducting, the method of passing, type of tasks, dominant activity of players, subject content, information educational environment, location, duration, difficulty level, target age category, form of work, story genre, etc. Required components of the educational quest are considered. The features of the application of quests in the modern leisure, information, library and educational field are characterized. The advantages and disadvantages of the practical use of quests are revealed. The experience of applying quests as a means of controlling the knowledge of first-year students of the full-time department in the field of preparation "51.03.06 – Library and Information Activities" of the training profiles "Information and Analytical Activities" and "Technology of Automated Library and Information Systems" of Kemerovo State Institute of Culture is presented. The content of the informational and intellectual quest, which is dedicated to the centennial of outstanding Soviet and Russian scientist, specialist in the field of information and library activities, founder of the Library Department of Kemerovo State Institute of Culture Professor S.A. Sbitnev is given. The article discusses the technology of organizing and conducting an integrated intellectual search quest in the disciplines "History of documentary communications" and "Fundamentals of Personal Information Culture" dedicated to the All-Russian Library Day.

Keywords: quest, quest classification, educational quest, information culture, media and information literacy, professional education, Kemerovo State University of Culture.

DOI: 10.317773/2078-1768-2020-50-197-211

Актуальность проблемы

Динамично трансформирующаяся медиасреда информационного общества, насыщенная информационными технологиями и многообразием видов информации (традиционной, электронной, медийной) не только радикально меняет различные аспекты жизнедеятельности людей, но и предусматривает изменение содержания их информационной подготовки. Речь идет о том, что информационная подготовка предполагает овладение широким спектром информационных компетенций, которые основаны на медийно-информационной грамотности и неразрывно связаны с формированием информационной культуры личности. Эти информационные ком-

петенции простираются от знания всего многообразия современных ресурсов, умения вести поиск информации и критически ее анализировать до способности эффективно использовать преимущества современной медиасреды и защищаться от ее негативного воздействия, решать возникающие проблемы на основе обобщения и интерпретации значительных объемов противоречивой информации.

Повышение уровня медийно-информационной грамотности и информационной культуры населения неразрывно связано с результативностью деятельности социальных институтов общества, ответственных за решение этой задачи. Наряду с образовательными учреждениями значительную

роль в повышении уровня информационной культуры граждан призваны сыграть библиотеки [3].

Превращение библиотекаря в ключевую фигуру реализации новой парадигмы медийно-информационной подготовки и повышения уровня информационной культуры актуализирует вопрос не только о новом векторе деятельности самой библиотеки, но и профессионализме библиотекаря. Для того чтобы современный библиотекарь мог содействовать повышению информационной культуры различных категорий читателей, необходимо изменение информационно-образовательной среды вузов, осуществляющих обучение будущих специалистов в сфере медийно-информационной грамотности и информационной культуры.

В Кузбассе такая профессиональная подготовка будущих специалистов реализуется в рамках высшего библиотечного образования на базе Кемеровского государственного института культуры, а также через региональную и муниципальную систему повышения квалификации библиотекарей при участии сотрудников НИИ информационных технологий социальной сферы (ИТ СС) КемГИК [16; 17].

Новые требования к высшему образованию, обусловленные социально-экономическими преобразованиями в нашей стране, глобальным характером цифровизации и внедрением информационно-коммуникационных технологий во все сферы жизни современного человека, предопределяют иную организационную траекторию обучения, ориентированную на внедрение инновационных образовательных технологий. Полагаем, что одним из перспективных педагогических технологий может рассматриваться квест.

Прежде чем показать возможность практического использования квест-технологии, потенциал которой, по нашему мнению, еще не в полной мере освоен в системе высшего информационно-библиотечного образования, рассмотрим основные вехи в истории зарождения и развития квестов.

Квест: сущность, истоки зарождения, основные этапы развития

В буквальном переводе с английского языка слово «квест» (quest) трактуется как «поиск чего-либо или кого-либо», «поиск приключений»,

«исполнение рыцарского обета». Появление слова «квест» связано с литературой. В мифологии и художественной литературе на английском языке понятием «квест» изначально обозначался один из способов построения сюжета текста, то есть о путешествии героя к конкретной цели через преодоление определенного набора трудностей. На пути следования героям встречаются различные персонажи, которые в одном случае выступают в качестве помощников, в другом – мешают, усложняя и затрудняя процесс продвижения героя к цели. Классическими примерами, на которые ссылаются исследователи, являются миф о Персее и 12 подвигов Геракла [1].

Герои, как правило, выполняют квест, руководствуясь личной выгодой или другими многообразными мотивами. Однако многие поступки, как правило, связаны с решением нравственно-этических задач. В качестве примера могут служить сюжеты рыцарских романов. Самым распространенным и знаменитым из них является квест рыцарей Круглого Стола – поиски Святого Грааля.

В XX веке литературный квест начинает активно использоваться в жанре фэнтези (например, Дж. Р. Р. Толкиен «Хоббит», «Властелин Колец», цикл романов М. Семеновича о Волкодаве). Как правило, квест в фэнтези представляет собой описание пути героя, которое характеризуется тремя составляющими: путь героя изображается как перемещение в пространстве, перемещение определяется конкретной целью, происходит внутреннее качественное изменение героя в процессе пути [1].

Квесты широко распространены и в современной литературе, но если раньше это было связано с внутренней характеристикой сюжета, общей канвой произведения, то сегодня слово «квест» выносится уже в название серий (например, серия «Роман-квест» издательства «АСТ», основанная в 2009 году), в заголовки определенных произведений (например, А. А. Маринина «Горький квест»). Понятие «квест» активно используется в массмедиа: в заголовках статей на актуальные темы, в сюжетах популярных телесериалов и т. д.

Вторая половина XX века знаменует новый этап в истории квестов: происходит расширение сферы их применения и аудитории участников,

стремительными темпами растет их популярность в разных странах. Во многом этот процесс определяется бурным развитием компьютерных технологий. Так, с 1970-х годов XX века термин «квест» заимствуют разработчики компьютерных игр, которые начинают его использовать для определения особого жанра игр. Суть компьютерной игры-квеста заключается в движении игроков к определенной цели по виртуальному миру. Для достижения этой цели игроки, как и в традиционном литературном квесте, должны преодолеть препятствия – через решение задач, поиск и использование предметов и взаимодействие с другими персонажами квеста. Сюжет компьютерной игры-квеста представляет собой набор ситуативных заданий, которые постепенно усложняются по мере продвижения персонажа к заданной точке. В составе заданий присутствуют как головоломки (логические задачи), так и захватывающие приключения (в данном случае речь идет о ситуационных задачах) для геймера [6].

В середине 90-х годов XX века виртуальный мир квестов пополняется новым жанром квестовых онлайн-игр «выход из комнаты». Их автором является японский разработчик и создатель онлайн-игр Тошимицу Такаги. Суть игры заключается в следующем: нужно найти выход из запертого помещения, используя различные предметы для решения нестандартных задач [6].

Исследователи отмечают новое содержательное наполнение квестов в середине 1990-х годов, когда они начинают использоваться как педагогическая технология, направленная на обучение интеллектуальным поисковым навыкам. Так, в 1995 году в педагогическую практику входит образовательный веб-квест. Придумали термин и разработали технологию использования образовательного веб-квеста в учебном процессе профессора государственного университета Сан-Диего (США) Берни Додж и Томас Марч [5]. Они создали концепцию веб-квестов, то есть квестов, базирующихся на использовании сети Интернет и технологий гипертекстовой разметки.

Б. Додж и Т. Марч определяют веб-квест как исследовательски ориентированную технологию, в которой вся используемая для создания конечного продукта (учебного реферата, проекта, доклада, презентации и т. д.) информация добывается

из Интернета. Их идеи активно продолжают развивать и современные российские исследователи, занимающиеся вопросами типологии веб-квестов и расширения их функциональных возможностей [5; 12; 13].

В начале 2000-х годов наряду с компьютерными (виртуальными) квестами появляются так называемые «живые», или ролевые квесты. Их отличие заключается в том, что выполнение заданий связано с реальными предметами и полным погружением участников в игровую реальность. Так, в «живом» квесте «Выйти из комнаты» игроки должны выйти из запертой квест-комнаты за счет решения определенного количества сложных задач и головоломок. При этом время, которое отведено на поиск решения, строго ограничено. В «живом» ролевом квесте участники игры становятся персонажами с определенным характером и набором умений. Общение участников и выполнение заданий происходит в режиме реального времени.

«Живые» квесты начинают динамично распространяться по всему миру, привлекая внимание новых участников.

Первые квест-комнаты, то есть специально приспособленные игровые помещения, открываются в 2007 году в Японии, Китае, Европе. В России это происходит в 2013 году. В Кузбассе живые квесты появляются в 2014 году. В настоящее время в Кемеровской области квест-комнат, отличающихся по уровню сложности и возрастной аудитории участников, насчитывается уже несколько десятков. Таким образом, «живые» квесты используются как вид городского досуга и как популярная форма проведения свободного времени [1; 4; 6; 18; 20].

Самостоятельно развивающимся направлением среди «живых» квестов сегодня являются городские квесты и квесты-экскурсии, которые охватывают участников в возрасте от 6 до 60 лет. В отличие от замкнутого пространства квест-комнаты, городские квесты в реальности предусматривают прохождение определенного маршрута по улицам, площадям, скверам и строениям города. Сюжеты городских квестов и квест-экскурсий могут быть тематическими, связанными с историей города, юбилеями знаменитых граждан и т. д. [4].

Осмысление практики использования квестов в библиотеках и образовательных учреждениях

В последние годы квесты получили широкое распространение не только в досуговой сфере, но и в информационно-библиотечной и образовательной практике.

Изучение публикаций, посвященных описанию опыта использования квестов в условиях библиотеки, показывает, что в настоящее время в информационно-библиотечной сфере наблюдаются разные подходы как к трактовке понятия «квест», так и к характеристике сущности квестов. Анализ методических разработок или сценариев проведения квестов в библиотеке позволяет утверждать, что, к сожалению, у работников библиотек нет четкого понимания специфики библиотечных квестов, их отличительных особенностей и характеристик. Из-за калькированного использования сценариев «живых» квестов, организуемых специализированными фирмами по досугу граждан, нарушения технологии их проведения в условиях библиотеки, как правило, не достигаются заявленные цели. Зачастую сценарии квестов в профессиональных изданиях (например, «Игровая библиотека», «Читаем, учимся, играем») представляют собой традиционные библиотечные викторины, «особенность» которых заключается только в том, что вопросы задаются в разных отделах библиотеки [14].

Более подробное освещение в публикациях получил опыт использования квестов в как

в общем, так и в профессиональном образовании. Изучение работ, посвященных возможностям применения квестов в вузовском обучении, свидетельствует, что все они, как правило, имеют сугубо прикладной характер и не содержат теоретических обобщений. Так, наиболее часто описывается опыт использования квестов при изучении отдельных учебных дисциплин [2; 7; 8], при организации исследовательской деятельности будущих бакалавров и магистров [10], при формировании профессиональных компетенций студентов гуманитарных вузов [11; 13].

Таким образом, в профессиональной литературе практически отсутствуют фундаментальные работы, связанные с теоретическим осмыслением сущности образовательных квестов, содержащие обобщенную характеристику квеста как современной интерактивной технологии.

Безусловным достижением следует считать появление первых попыток разработки классификации квестов. Особый интерес представляют работы В. А. Ионовой, Н. А. Левочкиной, Е. В. Подоприморы, К. В. Чистяковой, Т. Ю. Щукиной, Н. Югриновой [6; 9; 18; 19; 20]. Наиболее полной и удачной, с нашей точки зрения, является классификация квестов, разработанная И. Н. Сокол [15]. Ею предложена убедительная развернутая модель педагогических квестов.

Обобщив все существующие материалы по классификации квестов, всё их многообразие можно представить следующим образом (табл. 1).

Таблица 1

Классификация квестов

Основания для классификации	Типы (виды)
1. По степени реальности (по режиму проведения)	1.1. Реальные («живые») квесты. 1.2. Виртуальные квесты. 1.3. Комбинированные квесты
2. По форме проведения	2.1. Компьютерные игры-квесты. 2.2. Веб-квесты. 2.3. QR-квесты. 2.4. Медиаквесты. 2.5. Комбинированные квесты
3. По способу прохождения (по форме построения сюжета, по структуре сюжетов)	3.1. Линейные квесты. 3.2. Нелинейные квесты (матричные). 3.3. Кольцевые квесты

Продолжение таблицы 1

Основания для классификации	Типы (виды)
4. По типу заданий (по типу задач)	4.1. Интеллектуальные. 4.2. Поисковые. 4.3. Экстремальные
5. По доминирующей деятельности игроков	5.1. Исследовательские квесты. 5.2. Информационные квесты. 5.3. Поисковые квесты. 5.4. Творческие квесты. 5.5. Ролевые квесты
6. По предметному содержанию	6.1. Моноквесты (охватывающие отдельную проблему, тему или учебный предмет). 6.2. Межпредметные квесты
7. По информационной образовательной среде	7.1. Традиционная образовательная среда. 7.2. Виртуальная образовательная среда
8. По месту проведения	8.1. Квесты в объектах социальной инфраструктуры (музеях, школах, университетах, библиотеках и т. д.). 8.2. Квесты на местности (на заброшенных территориях, в парках, по городу). 8.3. Квесты в замкнутом помещении (квест-комнаты). 8.4. Квесты на природе
9. По территории (по масштабности)	9.1. Квесты по микрорайону. 9.2. Квесты по городу. 9.3. Квесты по области (региону). 9.4. Квесты по стране. 9.5. Квесты по зарубежью
10. По времени суток	10.1. Дневные квесты. 10.2. Ночные квесты
11. По продолжительности (по длительности выполнения)	11.1. Краткосрочные квесты (от 30 минут до нескольких часов). 11.2. Среднесрочные (несколько дней). 11.3. Долгосрочные (от одного месяца до полугода)
12. По уровню сложности	12.1. Квесты элементарного уровня («лайт-версия» для новичков). 12.2. Квесты универсального уровня («стандарт-версия») 12.3. Квесты профессионального уровня (для продвинутых пользователей). 12.4. Квест гиперсложного уровня
13. По возрасту (по целевой возрастной категории)	13.1. Детские. 13.2. Подростковые. 13.3. Молодежные. 13.4. Универсальные
14. По тематике	14.1. Календарно-тематические квесты. 14.2. Квесты, приуроченные к знаменательным датам. 14.3. Квесты, приуроченные к праздникам. 14.4. Квесты, посвященные отдельным темам
15. По форме работы	15.1. Групповые квесты. 15.2. Индивидуальные квесты / одиночные квесты

Основания для классификации	Типы (виды)
16. По характеру финансирования	16.1. Коммерческие квесты. 16.2. Бесплатные квесты
17. По источнику финансирования	17.1. Благотворительные фонды. 17.2. Физические лица. 17.3. Юридические лица. 17.4. Образовательные и культурно-досуговые организации
18. По объекту организации квеста	18.1. Социально-культурные учреждения. 18.2. Образовательные учреждения. 18.3. Коммерческие организации. 18.4. Физические лица
19. По жанру сюжета	19.1. Квест-приключение. 19.2. Фантастический квест. 19.3. Квест-фэнтези. 19.4. Квест-триллер. 19.5. Квест-хорор. 19.6. Квест-детектив
20. По средству передвижения (по способу перемещения)	20.1. Пешие (все пешеходные экскурсионные квесты). 20.2. Автомобильные. 20.3. Комбинированные

Проведенный анализ публикаций, разработка многоаспектной классификации квестов позволяют говорить о том, что квесты – это современная интерактивная технология, используемая в образовательных учреждениях различного уровня (от общеобразовательных до высших учебных заведений). Образовательные квесты используются в процессе преподавания различных дисциплин: информатики, иностранного языка, биологии, литературы, истории. Образовательные квесты могут охватывать отдельную проблему, учебный предмет, тему (темы), могут иметь межпредметный характер.

Использование образовательного квеста предусматривает наличие следующих обязательных компонентов:

- 1) введение (изложение темы, обоснование значимости проекта),
- 2) формулировка заданий,
- 3) распределение ролей,
- 4) описание процесса работы,
- 5) руководство к действиям,

6) оценка полученных результатов,

7) заключение (суммирование познавательных навыков, акцентирование возможностей их применения в других областях) [7].

Отсутствие какого-либо одного из перечисленных компонентов сказывается на конечном результате.

Как отмечают Е. А. Игумнова и И. В. Радецкая, в образовательном процессе общего и высшего образования в последнее десятилетие стали применяться не только веб-квесты (виртуальные – в сети Интернет), но и реал-квесты («живые» квесты – на природе, в классе, музее и др.), которые зачастую сочетают виртуальный поиск с деятельностью в реальном мире [5]. По мнению авторов, квест-технология носит интегрированный характер, поскольку:

- алгоритм квеста строится в логике технологии проблемного обучения – от постановки проблемы до путей ее решения, представления результата и рефлексии, что направлено на развитие обучающегося как активного субъекта жизнедеятельности;

- образовательные «продукты», выполняемые индивидуально или в группе в результате прохождения квеста, могут быть различными: от решения поставленной проблемы в виде ответа на вопрос до созданных мультимедиапрезентаций, роликов, сайтов, буклетов и др.;

- интрига и сюжет, привнесенные в эту технологию, являются элементами игрового обучения – ролевой или приключенческой игры, которая по сущности носит командный характер;

- использование специальных компьютерных программ, информационных возможностей сети Интернет как в ходе выполнения, так и в представлении результата квеста и обмене мнениями характеризует эту технологию как информационно-коммуникационную [5].

Таким образом, можно сделать вывод о многофункциональности квестов в образовании. Они могут использоваться в образовательном процессе и как средство обучения, и как средство контроля и проверки знаний.

Квест как педагогическое средство диагностики уровня информационной подготовки студентов

На факультете информационных и библиотечных технологий Кемеровского государственного института культуры уже накоплен определенный опыт разработки и использования в учебном процессе различных видов квестов как средств контроля и проверки знаний студентов.

Охарактеризуем содержание нескольких квестов, разработанных нами для проверки уровня информационной подготовки студентов 1-го курса очного отделения по направлению подготовки 51.03.06 «Библиотечно-информационная деятельность», профили подготовки «Информационно-аналитическая деятельность» и «Технология автоматизированных библиотечно-информационных систем».

Рассмотрим информационно-интеллектуальный квест «Судьба страны – судьба личности». Организация и проведение этого квеста были приурочены к празднованию столетнего юбилея выдающегося советского и российского ученого, специалиста в области информационной и библиотечной деятельности, основателя библиотечного факультета Кемеровского государственного института культуры профессора С. А. Сбитнева.

Основные характеристики квеста:

- **название квеста:** «Судьба страны – судьба личности»;

- **вид квеста:** линейный тематический квест;

- **форма проведения квеста:** информационно-интеллектуальный квест в рамках мероприятий вуза, связанных с празднованием столетнего юбилея профессора С. А. Сбитнева;

- **цель квеста:** проверка знаний и умений студентов 1-го курса в сфере медийно-информационной грамотности и информационной культуры личности, а также формирование профессионального самосознания, повышение мотивации к обучению библиотечной профессии, повышение уровня духовно-нравственной культуры первокурсников посредством изучения биографических сведений о выдающемся отечественном ученом, основателе библиотечного факультета Кемеровского государственного института культуры, человеке, внесшем значительный вклад в информационно-библиотечное образование и библиотечное дело Кузбасса и России;

- **участники квеста:** студенты очной формы обучения факультета информационных и библиотечных технологий;

- **сюжетная линия:** участникам предстояло познакомиться с основными вехами биографии выдающегося ученого, проследить истоки его формирования как Личности, Гражданина, Воина, осмыслить наиболее яркие черты характера, передающие неповторимость образа этого человека и делающие его запоминающимся для новых поколений будущих специалистов библиотечной сферы;

- **время проведения:** 2,5 часа;

- **количество заданий:** 20.

Одной из главных задач квеста стало не только формирование у студентов 1-го курса духовно-нравственных ориентиров, патриотического сознания, чувства верности и беззаветной преданности своему делу, воспитание на примере жизни и деятельности выдающегося ученого профессионального корпоративного духа, но и диагностика уровня личной медиаграмотности и информационной культуры. Участникам предлагалось пройти 4 станции, последовательно раскрывающие многогранный образ выдающегося ученого и педагога. Общее представление о содержании заданий квеста дает табл. 2.

Таблица 2

Содержание заданий квеста «Судьба страны – судьба личности»

№ станции	Название станции	Описание заданий	Назначение
Станция I	«Этапы большого пути: листая страницы биографии»	Найти информацию о различных фактах из жизни С. А. Сбитнева на сайте электронного архива, посвященного юбиляру	Проверка умений пользоваться электронным архивом, владения навыками просмотрового чтения, выделения наиболее важной информации из большого массива текста
		Найти информацию о родине С. А. Сбитнева при помощи сервиса «Google Карты»	Проверка умений пользоваться сервисом «Google Карты»
		Найти в Интернете по фотографии информацию о здании, с которым связана судьба С. А. Сбитнева в г. Кемерово	Проверка умений поиска по фотографии в поисковой системе Интернета
		Найти информацию о наградах С. А. Сбитнева, используя специализированные сайты, содержащие фактографическую информацию об участниках Великой Отечественной войны	Проверка знаний специализированных информационных ресурсов, посвященных участникам Великой Отечественной войны
Станция II	«Ученики»	Найти информацию об учениках С. А. Сбитнева при помощи электронного архива юбиляра	Проверка умений пользоваться электронным архивом
Станция III	«Соратники, коллеги»	При помощи поисковой системы «Яндекс» осуществить поиск по фотографии, на которой изображены его ближайшие соратники и коллеги, и назвать их фамилии	Проверка умений поиска информации о лицах, изображенных на фотографии, при помощи поисковой системы «Яндекс»
Станция IV	«Документированные свидетельства замыслов и свершений С. А. Сбитнева»	На основе электронного архива, посвященного С. А. Сбитневу, выполнить уточняющий запрос о трудах С. А. Сбитнева и его учеников	Проверка умений пользоваться электронным архивом, формирование целостного представления о С. А. Сбитневе как исследователе и выдающемся библиотековеде

Данный квест не предусматривал выявление команды-победителя. Основным критерием оценивания успешности его выполнения выступала целостность представления об образе С. А. Сбитнева. В данном квесте рефлексия может осуществляться как в письменной, так и в устной форме. Целесообразным считаем использование устной формы рефлексии, в рамках которой происходило обсуждение отдельных черт личности С. А. Сбитнева, приводилась характеристика

его вклада в отечественное библиотековедение. У каждого участника была возможность высказать собственную точку зрения о его деятельности, отметить интересные факты из его биографии.

Еще одним разработанным и проведенным нами квестом является интегрированный квест по дисциплинам «История документальных коммуникаций» и «Основы информационной культуры личности» со студентами 1-го курса факуль-

тета информационных и библиотечных технологий. Он был приурочен к Общероссийскому дню библиотек.

Задания квеста носили интегрированный характер, то есть базировались на знаниях и умениях студентов, полученных в процессе освоения двух учебных дисциплин.

Основные характеристики квеста:

- **название квеста:** интеллектуально-поисковый квест «Дорогами исторических знаний»;

- **вид квеста:** линейный квест;

- **форма проведения квеста:** интегрированный интеллектуально-поисковый квест в рамках проведения экзамена по дисциплинам «Информационная культура личности» и «История документальных коммуникаций»;

- **цель квеста:** проверка знаний студентов 1-го курса по дисциплинам;

- **участники квеста:** две группы студентов 1-го курса очной формы обучения факультета информационных и библиотечных технологий;

- **сюжетная линия:** участники, пользуясь подсказками, должны были в ходе прохождения испытаний найти преподавательскую книжку,

спрятанную в одной из локаций. Заинтересованность студентов в удачном поиске книжки преподавателя заключалось в том, что в ней были зафиксированы результаты их семестрового прохождения курса «История документальных коммуникаций»;

- **время проведения:** 3 часа;

- **количество заданий:** 10.

Участникам квеста при выполнении заданий предстояло пройти несколько локаций, включая читальный зал научной библиотеки КемГИК, справочно-библиографический отдел библиотеки, электронный читальный зал, учебную аудиторию. В каждой локации участникам необходимо было провести поиск определенной информации в различных источниках, как традиционных, так и электронных. Правильно определить нужный источник информации студентам помогало использование подсказок, представленных в виде QR-кодов, размещенных на стенах локации. Участники должны были считать информацию из QR-кода при помощи своих смартфонов и получить на него текст подсказки (табл. 3).

Таблица 3

Содержание заданий квеста «Дорогами исторических знаний»

№ станции	Название станции	Описание заданий	Назначение
Станция 1	«Старые знакомые»	При помощи справочных и учебных изданий необходимо назвать фамилии книговедов, библиотековедов и библиографоведов, с деятельностью которых связано развитие отечественных библиотек, книжной культуры и конкретных видов библиографии	Проверка знания выдающихся деятелей отечественной книжной культуры, библиотечного дела и библиографии, а также диагностика умений работать с традиционными источниками информации
Станция 2	«Библиографическая»	При помощи учебной и справочной литературы составить список отечественных библиографов, с именами которых связано становление и развитие методики создания конкретных видов библиографической информации	Проверка знаний выдающихся деятелей отечественной библиографии, а также диагностика умений работать с традиционными источниками информации
Станция 3	«Персональная»	При помощи Интернет-ресурсов необходимо указать, о каком деятеле отечественной истории документальных коммуникаций идет речь в представленном участникам фрагменте текста	Проверка знаний о деятелях отечественной истории документальных коммуникаций, а также диагностика умений осуществления поиска по цитате в поисковой системе «Яндекс»

№ станции	Название станции	Описание заданий	Назначение
Станция 4	«Исторические тропы» 1. Тропа библиотечная	Установить авторство представленной цитаты, связанной с требованиями, предъявляемыми к профессии библиотекаря	Проверка умений осуществления поиска по цитате в поисковой системе «Яндекс»
	2. Тропа библиографическая	Выполнить фактографическую справку, связанную с деятельностью известного отечественного библиографа	Проверка навыков эффективного поиска информации в Интернете
	3. Тропа библиотечно-библиографическая	Установить, кто из известных отечественных библиотековедов и библиографоведов изображен на представленных фотографиях	Проверка навыков поиска «по картинке» в поисковой системе «Яндекс»
Станция 5	«Из глубины веков»	При помощи Интернета установить состав княжеской семьи на миниатюре из книги, датированной XI веком	Проверка навыков поиска «по картинке» в поисковой системе Интернета
Станция 6	«Профессиональная»	При помощи текста предисловия к указателю известного библиографа выявить его отношение к профессии библиотекаря	Проверка умений поиска документа в Интернете по определенным признакам и наличия навыков просмотрового чтения
Станция 7	«Книгопроизводительная»	При помощи учебных изданий по истории книги выявить орнаментальные стили, которые использовались в производстве рукописных книг на Руси	Проверка знаний справочно-поискового аппарата учебного издания
Станция 8	«Учебная»	При помощи учебных изданий установить местонахождение первых датированных древнейших памятников отечественной книжной культуры	Проверка навыков фактографического поиска и скорости просмотрового чтения учебной литературы

Успешное выполнение всех заданий, достижение заявленной цели стало наглядным свидетельством качества полученных знаний и умений по дисциплинам «Информационная культура личности» и «Истории документальных коммуникаций».

Следует отметить, что выполнение каждого из рассмотренных квестов завершалось рефлексией участников. На этом этапе студентам предлагалось несколько вопросов, связанных с их представлением о квесте и отношением к их использованию в процессе обучения в вузе. Ответы свидетельствовали, что первокурсники не только имели представление о квесте по информации в

масс-медиа, но и сами уже ранее принимали участие в «живых» квестах до поступления в вуз.

Все участники дали высокую оценку проведенным квестам, позитивно отметили личное участие в них и одобрили такую форму работы. Они считают, что квесты отличаются особой привлекательностью как нестандартные формы проверки знаний. Атмосфера творчества, креативности, интеллектуального азарта и т. д., царящая во время такого формата проверки знаний и умений, отличается от страха, волнения, тревоги, которые, как правило, по их мнению, студенты испытывают во время проведения традиционной формы зачетов и экзаменов. Квесты являются хорошим

способом не только проверки знаний, но и вовлечения участников в разнообразные виды деятельности. Это действенное средство, направленное на организацию внимания, развитие смекалки и активной мыслительной деятельности, и возможность продемонстрировать интеллектуальные и творческие способности студента. Участники отмечали, что выполнение сложных заданий на основе учебной литературы, уже знакомой им в процессе изучения курса, позволило по-другому посмотреть на ее содержание и оценить качество используемых интернет-ресурсов. По мнению студентов, такая форма особенно важна для первокурсников, поскольку участие в квесте помогает командам сплотиться, лучше узнать друг друга, а каждому отдельному участнику проявить себя, продемонстрировать свои знания и умения.

Выводы

Сегодня библиотечное образование предусматривает не только существенное обновление и изменение содержания, но и активное внедрение в образовательный процесс современных методов и средств обучения. В качестве одного из таких средств мы рассматриваем квест. По нашему мнению, образовательный квест является не только инновационным методом обучения, но и действенным средством проверки знаний и умений. Вместе с тем обобщение накопленного опыта использования образовательных квестов и процесс теоретического осмысления квеста как современной интерактивной образовательной технологии пока еще находятся в стадии становления.

Опыт использования квеста в образовании показывает, что, как и любому другому средству, ему присущи и достоинства, и недостатки.

К достоинствам квеста как средства организации контроля и проверки знаний можно отнести следующее:

1. Квест позволяет развить, закрепить и систематизировать знания, полученные ранее студентами в процессе освоения учебной дисциплины.

2. Квест обеспечивает надежность знаний, поскольку они получены студентами в процессе самостоятельного поиска, а не выданы преподавателем в готовом виде во время лекционных занятий.

3. Разнообразие заданий квеста позволяет студентам по-другому взглянуть на содержание учебной дисциплины, осмыслить ее под другим углом зрения. Для первокурсников это также и возможность нового взгляда на выбранную профессию.

4. Участие студентов в квесте стимулирует познавательный интерес и мотивацию на дальнейшее углубленное изучение профессиональных дисциплин.

5. Выполнение заданий квеста базируется на равной активности всех участников, включенности каждого из них в процесс поиска нужной информации, ее осмысления и синтеза нового знания.

6. Квест позволяет развить у студентов навыки, необходимые для человека XXI века: умение ориентироваться в огромном потоке информации, отбирать, оценивать, анализировать получаемые сведения, самостоятельно мыслить, объективно оценивать свои достижения.

Положительно оценивая квест как средство организации контроля и проверки знаний, необходимо также помнить, что ему могут быть присущи не только позитивные черты, но и некоторые недостатки. К их числу можно отнести следующие:

1. Использование квестов в образовательном процессе является гораздо более трудоемким для педагога с точки зрения интеллектуальных и временных затрат, нежели традиционные формы организации занятий.

2. Не каждую тему, раздел учебной дисциплины можно представить в виде квеста.

3. Нарушение принципа целесообразности использования квестов, погоня за современными модными трендами может привести к понижению эффективности квеста как средства обучения. Возникает опасность превалирования досуговой функции, когда разработчики образовательных квестов идут по линии наименьшего сопротивления, делая ставку в заданиях на развлекательность, облегченность, привлекательность. В этом случае квест воспринимается его участниками как ни к чему не обязывающая игра, развлечение, приятное времяпрепровождение, а полученные в процессе выполнения заданий знания и умения носят кратковременный характер и легко забываются после его завершения.

Литература

1. Алексеева Н. Д., Рябова Е. В. Квест-экскурсия как инновационная форма экскурсионной деятельности // Концепт: науч.-метод. электрон. журн. – 2015. – № 520. – С. 21–25.
2. Багузина Е. И. Разработка веб-квестов и преимущества их использования в процессе обучения // Вестн. Костром. гос. ун-та. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. – 2010. – Т. 16. – С. 9–13.
3. Гендина Н. И. Информационное образование и информационная культура как фактор безопасности личности в глобальном информационном обществе: возможности образовательных организаций и библиотек: моногр. – М.: Литера, 2016. – 392 с.
4. Горошко Н. В., Пацала С. В., Шарапова К. В. Применение квест-технологии в образовательных экскурсиях // Географическая наука, туризм и образование: современные проблемы и перспективы развития: мат-лы V Всерос. науч.-практ. конф. – Новосибирск. – Новосиб. гос. пед. ун-т, Новосиб. регион. отд-ние Всерос. обществ. организации «Рус. геогр. об-во», Ин-т почвоведения и агрохимии Сиб. отд-ния РАН, 2016. – С. 187–191.
5. Игумнова Е. А., Радецкая И. В. Квест-технология в контексте требований ФГОС общего образования [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования: электрон. науч. журн. – 2016. – № 6. – URL: <https://science-education.ru/pdf/2016/6/25517.pdf>.
6. Ионова В. А., Подопригра Е. В. Об индустрии квест-игр и квесте в реальности «Человек VS Интернет» [Электронный ресурс] // Homo Cyberus: электрон. науч.-публицист. журн. – 2016. – № 1. – URL: http://journal.homocyberus.ru/Ionova_podoprighora_chelovek_vs_internet.
7. Калугина Ю. В., Мустафина Д. Р. Анализ образовательного квеста как педагогической технологии // Наука, образование, культура. – 2016. – № 4. – С. 253–259.
8. Кичерова М. Н., Ефимова Г. З. Образовательные квесты как креативная педагогическая технология для студентов нового поколения [Электронный ресурс] // Мир науки: интернет-журн. – 2016. – Т. 4, № 5. – URL: <http://mir-nauki.com/PDF/28PDMN516.pdf>
9. Левочкина Н. А. Молодежный квест как средство воспитания и культурного общения [Электронный ресурс] // Современные исследования социальных проблем: электрон. науч. журн. – 2016. – № 9(65). – URL: <http://journal-s.org/index.php/sisp/article/view/9470>.
10. Майкова Н. С., Федотова В. С. Веб-квест технологии в организации исследовательской деятельности бакалавров и магистрантов гуманитарных направлений на занятиях по информатике // Царскосельские чтения. – 2012. – Т. IV, вып. XVI. – С. 135–139.
11. Малиновская М. П. Образовательный квест в формировании профессиональных компетенций студентов педагогического вуза // Символ науки: междунар. науч. журн. – 2017. – № 04. – С. 164–170.
12. Напалков С. В., Первушкина Е. А. Web-квест как средство развития инновационной стратегии образования // Приволж. науч. вестн. – 2014. – № 8–2(36). – С. 51–53.
13. Осадчук О. Л. Использование веб-квест-технологии в самостоятельной работе студентов педагогического вуза по дисциплинам профессионального цикла // Педагогическое образование в России. – 2012. – № 2. – С. 175–180.
14. Пахорукова А. И., Потанина Е. А. Библиотечно-информационные квесты: особенности и специфика // Вестн. культуры и искусств. – 2018. – № 1 (53). – С. 17–21.
15. Сокол И. Н. Классификация квестов // Молодой ученый. – 2014. – № 6(09). – С. 138–140.
16. Стародубова Г. А., Косолапова Е. В. Повышение компетенций библиотекарей школьных и муниципальных библиотек Кузбасса в сфере медиаграмотности и информационной культуры в контексте требований социальной среды информационного общества // Моргенштерновские чтения – 2018. Информационное обслуживание библиотек в меняющейся социальной среде: тенденции, новации, перспективы: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. – Челябинск: Челяб. дом печати, 2018. – С. 186–193.
17. Стародубова Г. А., Косолапова Е. В. Формирование медийно-информационной грамотности как важной составляющей профессиональной компетентности библиотекарей школьных и муниципальных библиотек Кузбасса // Тр. ГПНТБ СО РАН. – 2018. – № 13–1. – С. 189–198.
18. Чистякова К. В. Причины популярности квестов как формы досуга современных россиян // Человек в мире культуры. – 2013. – № 2. – С. 20–22.
19. Щукина Т. Ю. Квест-игра в детской библиотеки // Наука и образование: новое время. – 2016. – № 4. – С. 304–308.
20. Югринова Н. Игра престольной // Бизнес-журнал. – 2015. – № 8. – С. 20–24.

References

1. Alekseeva N.D., Ryabova E.V. Kvest-ekskursiya kak innovatsionnaya forma ekskursionnoy deyatel'nosti [Quest tour as an innovative form of excursion activity]. *Kontsept: nauchno-metodicheskiy elektronnyy zhurnal [Concept. Scientific and methodological electronic journal]*, 2015, no. 520, pp. 21-25. (In Russ.).
2. Baguzina E.I. Razrabotka veb-kvestov i preimushchestva ikh ispol'zovaniya v protsesse obucheniya [Development of web quests and the benefits of their use in the learning process]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika [Bulletin of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics]*, 2010, vol. 16, pp. 9-13. (In Russ.).
3. Gendina N.I. *Informatsionnoe obrazovanie i informatsionnaya kul'tura kak faktor bezopasnosti lichnosti v global'nom informatsionnom obshchestve: vozmozhnosti obrazovatel'nykh organizatsiy i bibliotek: monografiya [Information education and information culture as a factor of personal security in the global information society: the possibilities of educational organizations and libraries]*. Moscow, Litera Publ., 2016. 392 p. (In Russ.).
4. Goroshko N.V., Patsala S.V., Sharapova K.V. Primenenie kvest-tekhnologii v obrazovatel'nykh ekskursiyakh [Application of quest technology in educational excursions]. *Geograficheskaya nauka, turizm i obrazovanie: sovremennye problemy i perspektivy razvitiya: materialy V Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii [Geographical science, tourism and education: current problems and development prospects: materials of the V All-Russian scientific-practical conference]*. Novosibirsk, Novosibirskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet, Novosibirskoe regional'noe otdelenie vserossiyskoy obshchestvennoy organizatsii "Russkoe geograficheskoe obshchestvo", Institut pochvovedeniya i agrokhimii Sibirskogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk Publ., 2016, pp. 187-191. (In Russ.).
5. Igumnova E.A., Radetskaya I.V. Kvest-tehnologiya v kontekste trebovaniy FGOS obshchego obrazovaniya [Quest technology in the context of the requirements of GEF of general educations]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya: elektronnyy nauchnyy zhurnal [Modern problems of science and education. Electronic scientific journal]*, 2016, no. 6. (In Russ.). Available at: <https://science-education.ru/pdf/2016/6/25517.pdf>.
6. Ionova V.A., Podoprighora E.V. Ob industrii kvest-igr i kveste v real'nosti "Chelovek VS Internet" [On the industry of quest games and quest in reality "Man VS Internet"]. *Homo Cyberus: elektronnyy nauchno-publitsisticheskii zhurnal [Homo Cyberus. Electronic journalistic journal]*, 2016, no. 1. (In Russ.). Available at: http://journal.homocyberus.ru/ionova_podoprighora_chelovek_vs_internet.
7. Kalugina Yu.V., Mustafina D.R. Analiz obrazovatel'nogo kvesta kak pedagogicheskoy tekhnologii [Analysis of the educational quest as a pedagogical technology]. *Nauka, obrazovanie, kul'tura [Science, education, culture]*, 2016, no. 4, pp. 253-259. (In Russ.).
8. Kicherova M.N., Efimova G.Z. Obrazovatel'nye kvesty kak kreativnaya pedagogicheskaya tekhnologiya dlya studentov novogo pokoleniya [Educational quests as a creative pedagogical technology for students of a new generation]. *Mir nauki: internet-zhurnal ["World of Science". Internet magazine]*, 2016, vol. 4, no. 5. (In Russ.). Available at: <http://mir-nauki.com/PDF/28PDMN516.pdf>.
9. Levochkina N.A. Molodezhnyy kvest kak sredstvo vospitaniya i kul'turnogo obshcheniya [Youth quest as a means of education and cultural communication]. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem: elektronnyy nauchnyy zhurnal [Modern studies of social problems. Electronic scientific journal]*, 2016, no. 9 (65). (In Russ.). Available at: <http://journal-s.org/index.php/sisp/article/view/9470>.
10. Maykova N.S., Fedotova V.S. Veb-kvest tekhnologii v organizatsii issledovatel'skoy deyatel'nosti bakalavrov i magistrantov gumanitarnykh napravleniy na zanyatiyakh po informatike [Web-quest technology in the organization of the research activities of bachelors and graduate students in the humanities in computer science classes]. *Tsarskosel'skie chteniya [Tsarskoye Selo Reading]*, 2012, vol. IV, iss. XVI, pp. 135-139. (In Russ.).
11. Malinovskaya M.P. Obrazovatel'nyy kvest v formirovani professional'nykh kompetentsiy studentov pedagogicheskogo vuza [Educational quest in the formation of professional competencies of students of a pedagogical university]. *Simvol nauki: mezhdunarodnyy nauchnyy zhurnal [Symbol of Science. International scientific journal]*, 2017, no. 04, pp. 164-170. (In Russ.).
12. Napalkov S.V., Pervushkina E.A. Web-kvest kak sredstvo razvitiya innovatsionnoy strategii obrazovaniya [Web-quest as a means of developing an innovative educational strategy]. *Privolzhskiy nauchnyy vestnik [Volga Scientific Herald]*, 2014, no. 8-2(36), pp. 51-53. (In Russ.).
13. Osadchuk O.L. Ispol'zovanie veb-kvest-tekhnologii v samostoyatel'noy rabote studentov pedagogicheskogo vuza po distsiplinam professional'nogo tsikla [The use of web-quest technology in the independent work of students

- of a pedagogical university in the disciplines of the professional cycle]. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii [Teacher Education in Russia]*, 2012, no. 2, pp. 175-180. (In Russ.).
14. Pakhorukova A.I., Potanina E.A. Bibliotечно-informatsionnye kvesty: osobennosti i spetsifika [Library and Information Quests: Features and Specifics]. *Vestnik kul'tury i iskusstv [Bulletin of Culture and Arts]*, 2018, no. 1 (53), pp. 17-21. (In Russ.).
 15. Sokol I.N. Klassifikatsiya kvestov [Classification of quests]. *Molodiy vcheniy [Young scientist]*, 2014, no. 6(09), pp. 138-140. (In Russ.).
 16. Starodubova G.A., Kosolapova E.V. Povyshenie kompetentsiy bibliotekarey shkol'nykh i munitsipal'nykh bibliotek Kuzbassa v sfere mediagramotnosti i informatsionnoy kul'tury v kontekste trebovaniy sotsial'noy sredy informatsionnogo obshchestva [Improving the competencies of librarians of school and municipal libraries of Kuzbass in the field of media literacy and information culture in the context of the requirements of the social environment of the information society]. *Morgenshternovskie chteniya – 2018. Informatsionnoe obsluzhivanie bibliotek v menyayushchey-sya sotsial'noy srede: tendentsii, novatsii, perspektivy: materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii [Morgenstern Readings – 2018. Library Information Services in a Changing Social Environment: Trends, Innovations, Prospects: Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference]*. Chelyabinsk, Chelyabinskiy dom pechati Publ., 2018, pp. 186-193. (In Russ.).
 17. Starodubova G.A., Kosolapova E.V. Formirovanie mediyno-informatsionnoy gramotnosti kak vazhnoy sostavlyayushchey professional'noy kompetentnosti bibliotekarey shkol'nykh i munitsipal'nykh bibliotek Kuzbassa [Formation of media and information literacy as an important component of the professional competence of librarians of school and municipal libraries of Kuzbass]. *Trudy GPNTB SO RAN [Transactions of GPNTB SB RAS]*, 2018, no. 13-1, pp. 189-198. (In Russ.).
 18. Chistyakova K.V. Prichiny populyarnosti kvestov kak formy dosuga sovremennykh rossiyan [The reasons for the popularity of quests as a form of leisure for modern Russians]. *Chelovek v mire kul'tury [Man in the world of culture]*, 2013, no. 2, pp. 20-22. (In Russ.).
 19. Shchukina T.Yu. Kvest-igra v detskoj biblioteki [Quest game in the children's library]. *Nauka i obrazovanie: novoe vremya [Science and education: a new time]*, 2016, no. 4, pp. 304-308. (In Russ.).
 20. Yuginova N. Igra prestol'noy [Game of the throne]. *Biznes-zhurnal [Business magazine]*, 2015, no. 8, pp. 20-24. (In Russ.).

УДК 378

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПОТЕНЦИАЛА ЭЛЕКТРОННЫХ БИБЛИОТЕЧНЫХ СИСТЕМ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВУЗА

Голубева Екатерина Александровна, кандидат физико-математических наук, доцент кафедры прикладной информатики, Павловский филиал Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского (г. Нижний Новгород, РФ). E-mail: golubeva_e_a@mail.ru

Смагина Марина Владимировна, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и права, Павловский филиал Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского (г. Нижний Новгород, РФ). E-mail: maru777@mail.ru

Электронные библиотечные системы в настоящее время занимают уверенную позицию в пространстве обучающих и познавательных ресурсов для вузов и библиотек. Благодаря современным информационно-коммуникационным технологиям сегодня у библиотекаря есть возможность и разнообразить уже имеющиеся формы работы, и внедрить новые виды взаимодействия со студентами. Авторами представлены те сервисы и программы, которые позволяют образовательным учреждениям, в том числе и библиотекам, найти новейшие способы донесения информации и достичь более плотного

и разнообразного контакта с обучающимися. В статье рассматривается опыт работы высшего учебного заведения с такими библиотечными системами, как «Лань», «Юрайт», «Знаниум» и «Консультант студента», дается анализ их контента и технической стороны каждой из перечисленных систем. Авторами анализируется опыт подключения библиотеки филиала вуза к электронным библиотечным системам, представлены мнения пользователей об этих библиотечных системах в виде результатов опроса студентов. Установлено, что для студентов предпочтительнее использование электронных учебников по сравнению с их печатными версиями, они имеют доступ к книгам и журналам в любое время суток даже вне читального зала библиотеки. Студенты, принявшие участие в опросе, чаще всего пользуются учебной литературой и хотели бы иметь доступ к полнотекстовым материалам ЭБС с мобильных устройств. Они отметили нехватку художественной литературы, периодических изданий и практических пособий в библиотечных системах. Также в статье приведены положительные и отрицательные стороны использования электронных библиотечных систем в вузе, обозначенные участниками опроса.

Ключевые слова: электронная библиотечная система, электронный ресурс, информационный ресурс, электронные средства обучения, библиотечные ресурсы, требования современного образовательного процесса, современная библиотека.

USING THE POTENTIAL OF ELECTRONIC LIBRARY SYSTEMS IN THE EDUCATIONAL ACTIVITIES OF UNIVERSITIES

Golubeva Ekaterina Aleksandrovna, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor of Applied Informatics Department, Pavlovo Branch of the National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russian Federation). E-mail: golubeva_e_a@mail.ru

Smagina Marina Vladimirovna, PhD in Economics, Associate Professor of Economics and Law Department, Pavlovo Branch of the National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russian Federation). E-mail: maru777@mail.ru

Electronic library systems currently occupy a confident position in the space of learning and cognitive resources for universities and libraries. Thanks to modern information and communication technologies, now the librarian has the opportunity to diversify already existing forms of work and introduce new forms of interaction with students. The authors present those services and programs that allow educational institutions, including libraries, to find the newest ways of conveying information and achieve a more dense and diverse contact with students. The article discusses the experience of a higher education institution with such library systems as “Lan”, “Yurayt”, “Znanium” and “Student Consultant”, provides an analysis of their content and technical side of each of these systems. The authors analyze the experience of connecting the university branch library to electronic library systems, present the opinions of users about these library systems in the form of student survey results. It has been established that it is preferable for students to use electronic textbooks in comparison with their printed versions, they have access to books and journals at any time of the day, even outside the library reading room. Students participated in the survey most often use educational literature and would like to have access to the full text materials of electronic library systems from mobile devices. They noted the lack of fiction literature, periodicals and practical manuals in library systems. The article also presents the positive and negative aspects of the use of electronic library systems at the university, indicated by the survey participants.

Keywords: electronic library system, electronic resource, information resource, electronic learning tools, library resources, requirements of the modern educational process, modern library.

Внедрение новых информационных технологий в библиотечное дело привело к созданию электронных библиотечных систем (ЭБС). Электронная библиотечная система – это предусмотренный федеральными государственными образовательными стандартами высшего профессионального образования (ФГОС ВПО) России обязательный элемент библиотечно-информационного обеспечения учащихся вузов, представляющий собой базу данных, которая содержит издания учебной, учебно-методической и иной литературы, используемой в образовательном процессе, и соответствует содержательным и количественным характеристикам, установленным приказом Росособнадзора от 05.11.2012 № 1953 [6, с. 105]. В настоящее время ЭБС стремительно развиваются и распространяются во всём мире. Всё большее число преподавателей рекомендуют литературу из библиотечных систем своим студентам для освоения дисциплины, и все большее число обучающихся предпочитают электронные библиотеки обычным в своей образовательной деятельности.

Образ библиотеки в век информатизации кардинально изменился. Компьютерные и телекоммуникационные технологии существенно расширили возможности библиотек, предоставив читателям доступ к сетевым электронным ресурсам.

Компьютер в настоящее время является важным инструментом в работе библиотекаря. Благодаря современным информационно-коммуникационным технологиям у библиотекарей появилась возможность разнообразить уже имеющиеся формы работы и даже внедрить новые способы взаимодействия с читателями [4; 9]. Достичь более плотного и разнообразного контакта с обучающимися библиотекам позволяют следующие сервисы и программы:

- компьютерные программы, предназначенные для создания печатной продукции: книг, буклетов, брошюр;
- презентационные программы, с помощью которых можно оформлять портфолио или презентации;
- онлайн-сервисы, ориентированные на совместную работу над файлами нескольких пользователей (например, google docs);
- вики-сервисы, предназначенные для разработки сайтов;

- блоги для создания дискуссий, обсуждений, рекомендаций;
- веб-квесты, позволяющие формировать навыки аналитической деятельности;
- социальные медиасервисы для повышения мотивации к учёбе;
- подкастинги, развивающие навыки устной речи [5].

На сегодняшний день без применения информационных технологий невозможно представить многие виды библиотечной деятельности [8, с. 124]. К ним относятся:

- организация электронных каталогов, локальных или корпоративных, и поддержание их функционирования;
- создание и поддержка электронных библиотечных систем;
- редакционно-издательская деятельность;
- создание и поддержка баз данных различного содержания;
- обмен информацией и взаимодействие с другими библиотеками по созданию совместных электронных ресурсов;
- обслуживание читателей с использованием медиатеки;
- приобретение новой литературы в интернет-магазинах;
- доставка документов с помощью телекоммуникационных технологий;
- сканирование книг, журналов, газет и т. д.

Применение техники и информационных технологий значительно упрощает деятельность библиотеки, однако своей обратной стороной имеет уменьшение интереса к чтению. Несомненно, это ведёт к вопросу об интеграции новых технологий и традиционных форм работы с читателями. В такой системе обе стороны должны удачно дополнять друг друга.

В настоящее время книги перестали быть единственным источником информации. Современные дети и подростки могут легко получить нужные им сведения с использованием сети Интернет. Вопрос в том, какого качества эти материалы, соответствуют ли они действительности. Основная задача библиотек на сегодняшний день – быть ориентиром для современного читателя и цензором для огромного количества информации на просторах Интернета.

Способность ориентироваться в многообразии существующих информационных ресурсов, осуществлять оперативный поиск информации, ее оценку и эффективное использование для создания на этой основе нового знания является одной из самых важных компетенций человека в новой информационно-коммуникационной среде общества XXI века. Овладение знаниями, информацией и умение их добывать, по мнению ведущих мировых экспертов, являются основными задачами человека в текущем столетии и одними из главенствующих компонентов профессиональной подготовленности. Таким образом, использование в работе электронных ресурсов – одна из важнейших компетенций, необходимых в современном мире. Библиотека при этом подходе должна являться главным ресурсным и обучающим центром молодежи. Перед современной библиотекой стоит важная и сложная задача: сделать информатизацию общества максимально гуманной.

Библиотека Павловского филиала ННГУ им. Н. И. Лобачевского предоставляет возможность читателю использовать литературу как в традиционном печатном виде, так и в электронной форме. Объем печатного фонда составляет 25383 экземпляра, из них учебная литература – 17930 экземпляров, в том числе учебно-методическая литература – 7134 экземпляра и 140 экземпляров – научная литература. В библиотеке есть издания для всех реализуемых направлений подготовки, по всем преподаваемым дисциплинам [7].

Кроме привычных бумажных изданий в библиотеке Павловского филиала ННГУ им. Н. И. Лобачевского есть доступ к электронным библиотечным системам. По требованиям ФГОС литература, используемая в процессе обучения, должна быть издана не позднее 5 лет, поэтому многие вузы, в том числе ННГУ им. Н. И. Лобачевского, заключают договоры с ЭБС [7]. В филиале студенты имеют дело с такими библиотечными системами, как «Лань», «Знаниум», «Консультант студента» и «Юрайт». Рассмотрим основные черты каждой из этих библиотечных систем.

В ЭБС «Лань» книги ведущих издательств учебной и научной литературы сгруппированы по отраслям знаний: эта библиотека предоставляет бесплатный доступ к классическим трудам по истории, философии, социологии, литературоведению, экономике, праву, психологии, педагогике

и другим наукам, а также доступ к художественной, в том числе зарубежной литературе на языке оригинала. Всего в библиотеке представлены более 100 000 экземпляров изданий как крупных издательств («Лань», «Феникс», «Дашков и К» и т. д.), так и издательств высших учебных заведений, среди которых учебники и учебные пособия, практикумы, справочники, сборники научных трудов и конференций, выпускные квалификационные работы и т. д. Всем коммерческим подписчикам предоставляется также бесплатный доступ к сотням научных журналов.

После регистрации в Личном кабинете пользователей доступны следующие сервисные возможности:

- создание закладок, конспектов;
- создание заметок на странице документа;
- графическое выделение текста (подчеркивание, заливка);
- цитирование текстовых фрагментов;
- добавление книг в «Избранное»;
- управление разделом «Избранное» (возможность сортировать его содержимое по папкам);
- автоматическая генерация правильной библиографической записи;
- копирование и печать текстовых фрагментов.

Так же, как и в ЭБС «Лань», в ЭБС «Юрайт» электронные издания сгруппированы по отраслям знаний: бизнес и экономика, гуманитарные науки, естественные науки, медицина, информатика, математика, право и т. д. Это значительно упрощает работу пользователя по поиску книг. Электронная библиотека «Юрайт» предоставляет доступ к текстам всех изданий издательства «Юрайт», некоторые из которых доступны только в ЭБС. Фонд библиотеки насчитывает больше 9 000 наименований от ведущих научных школ, предназначенных для всех уровней образования с соблюдением новых требований ФГОС. Он представлен учебниками, учебными пособиями, монографиями, сборниками трудов и лекций, словарями, кодексами и периодически дополняется, так как издательство «Юрайт» стремится к высокому качеству образовательного контента. Кроме того, читателям обеспечивается комфортное обучение за счёт наличия различных сервисов для отбора изданий.

Отличительной особенностью данной электронной библиотеки являются следующие сервисы:

- виртуальная выставка всего ассортимента книг издательства «Юрайт». Любой, даже не зарегистрированный пользователь бесплатно может познакомиться как с аннотацией книги, так и с частью её текста (в режиме ознакомления доступно 10 % текста);

- виртуальный читальный зал изданий по многочисленным категориям знаний. Корпоративная подписка для учебных заведений позволяет предоставить доступ к тем учебным материалам из множества имеющихся изданий, которые одобрены преподавателями и библиотекарями.

Единое виртуальное образовательное пространство для библиотеки, студентов и преподавателей предоставляет ЭБС «Znanium.com». Как и в описанных выше электронных библиотеках, в «Znanium.com» для читателей издания доступны круглосуточно, все они соответствуют требованиям ФГОС. Издания, предоставляемые данной библиотечной системой, охватывают следующие отрасли знаний: экономика, право, гуманитарные науки, религия, искусство, естественные науки, прикладные науки, педагогика и т. д.

Фонд библиотеки формируется с учетом всех изменений образовательных стандартов и включает учебники, учебные пособия, УМК, монографии, авторефераты, диссертации, энциклопедии, словари и справочники, законодательно-нормативные документы, специальные периодические издания и издания, выпускаемые издательствами вузов.

Здесь имеются расширенные возможности для навигации: по ОККО, по наименованию, по автору, тематике, издательству, ISBN. Кроме того в ЭБС «Znanium.com» доступны: постраничное копирование текста в пределах заданного лимита, персональная статистика для библиотек (посещаемость, книговыдача и т. д.), формирование списка литературы и система рекомендательных списков.

Тематические коллекции многопрофильной межиздательской ЭБС для вузов «Консультант студента» очень широки и охватывают такие области знаний, как математика, физика, экономика и управление, история, электронная техника, иностранные языки, юриспруденция, философия, социальные науки, психология, естественные

науки, международные отношения и др. Библиотечная система полностью соответствует требованиям ФГОС ВО 3+ к комплектованию библиотек, в том числе электронных, в части формирования фондов основной и дополнительной литературы, для среднего и высшего образования и аспирантуры.

ЭБС «Консультант студента» предоставляет доступ к более 10 000 монографий, учебников и учебных пособий, изданных за последние 10 лет, а также к более 50 научным журналам. Здесь представлено 45 издательств («Аспект-Пресс», «Владос», «Физматлит», «Финансы и статистика», «Бином», ИД «Высшая школа экономики», «Спецлит» и др.).

Навигация предоставляет возможность поиска необходимых для работы студента издательских и тематических комплектов, сортировку по типу издания и году выпуска. Создание собственных списков литературы, наличие аудиокниг и широкие возможности использования адаптивных технологий для обучения людей с ограниченными возможностями, в частности незрячих и слабовидящих, делает эту библиотечную систему многопрофильной и удобной в использовании.

Доступ предоставлен по IP-адресам ННГУ им. Н. И. Лобачевского со всех компьютеров, имеющих выход в сеть. Необходима персональная регистрация в библиотеке университета, чтобы получить доступ в ЭБС и возможность пользоваться ею из любой точки, где есть Интернет. Процедура регистрации достаточно пройти только один раз [6].

Для анализа пользования ЭБС библиотеки Павловского филиала ННГУ им. Н. И. Лобачевского среди студентов 1-го курса был проведён опрос, результаты которого представлены ниже. Всего было опрошено 42 человека.

1. Что для Вас предпочтительнее: использовать учебники, представленные в бумажном формате, или иметь доступ к электронным библиотекам?

Студенты-первокурсники Павловского филиала ННГУ им. Н. И. Лобачевского предпочитают пользоваться электронными библиотечными системами (100 % ответов), так как для них такой способ изучения литературы более привычен, удобен и доступен.

2. Есть ли у Вас возможность пользоваться ЭБС вне читального зала библиотеки Павловского филиала ННГУ им. Н. И. Лобачевского?

100 % опрошенных подтвердили, что доступ к сети Интернет в домашних условиях у них имеется круглосуточно. Однако использование ЭБС на мобильных устройствах связано со значительным количеством технических проблем (нехватка интернет-трафика на мобильном устройстве – 48 %, отсутствие подключения к сети Интернет на мобильном устройстве – 13 %, отсутствие мобильного устройства или отсутствие доступа к Интернет на мобильном устройстве – 3 %).

3. Какую литературу Вы чаще ищете в ЭБС?

Анализ ответов показал, что студенты, принявшие участие в опросе, чаще пользуются учебной литературой (94 % опрошенных) и учебно-методической литературой (83 % опрошенных), научные статьи и монографии используют 2 % и 3 % опрошенных соответственно.

4. Что бы Вы изменили или добавили в организацию ЭБС?

Установлено, что студентам хотелось бы иметь доступ к полнотекстовым материалам ЭБС

с мобильных устройств. Это, по их мнению, позволит более продуктивно использовать ресурсы учебной и учебно-методической литературы непосредственно на занятиях.

5. Какою литературу Вы бы хотели видеть в ЭБС?

Обучающиеся отметили недостаток классической и современной художественной литературы (в том числе и зарубежной), периодических изданий и практических пособий в электронных библиотечных системах.

6. Какой из четырёх ЭБС Вы отдаете большее предпочтение?

Приоритетом среди обучающихся 1-го курса Павловского филиала ННГУ им. Н. И. Лобачевского пользуется ЭБС «Знаниум», так как она, по мнению опрошенных, проще и удобнее в использовании, в ней имеются книги по всем направлениям и происходят более частые обновления базы данных книг. При подписке на определенную категорию книг студентам приходит оповещение на электронную почту о появившихся новинках. Результат анализа полученных ответов представлен на рис. 1.

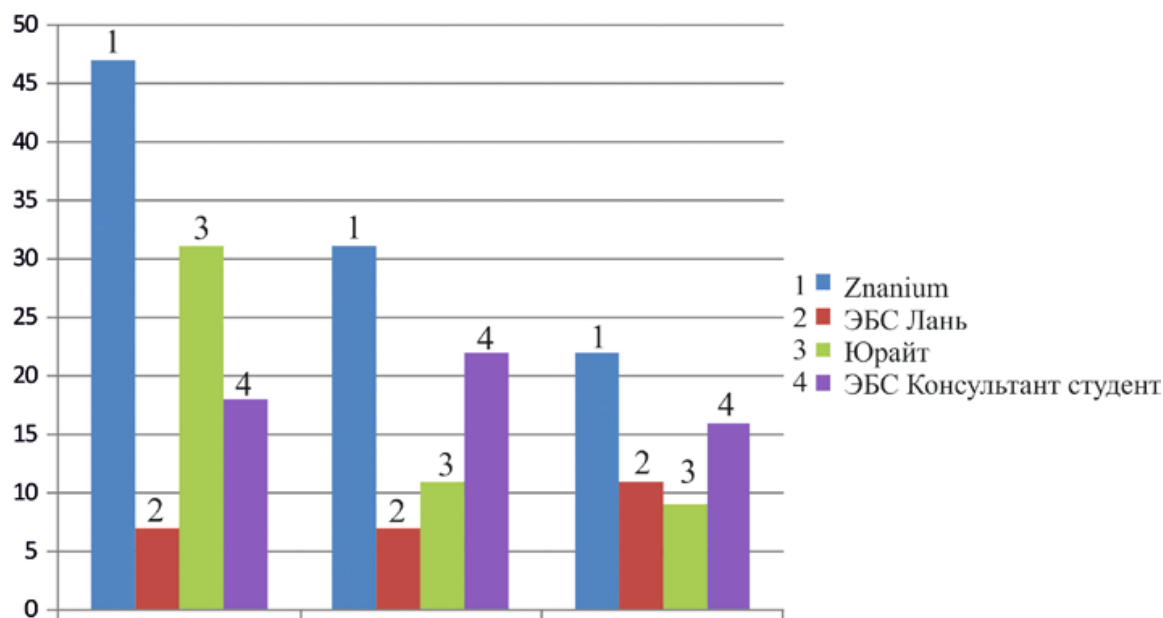

Рисунок 1. Приоритетность использования ЭБС библиотеки Павловского филиала ННГУ им. Н. И. Лобачевского студентами 1-го курса

Показатели на рисунке выражены в процентном соотношении.

7. Каковы положительные и отрицательные стороны использования электронных учебников в вузе?

К положительным сторонам использования электронных книг в университете студенты отметили следующие моменты:

- электронные книги более привлекательны, так как информация в них представлена в разных формах: в виде аудио- и видеороликов, с использованием анимации и спецэффектов; здесь имеется возможность быстрого доступа к смежной информации за счёт наличия гиперссылок;

- электронные книги предоставляют возможность для самопроверки;

- при использовании ЭБС студенты совершенствуют навыки работы с современной техникой и информационными ресурсами, что в будущем может оказаться очень полезным.

Однако применение электронных книг имеет некоторые недостатки, среди которых студенты Павловского филиала отметили следующие:

- использование электронных книг не обеспечивает активного участия студентов в образовательном процессе;

- диалог преподавателя и студента при использовании ЭБС занимает меньшее время по сравнению с традиционными формами обучения.

Кроме того, необходимо отметить, что тестовая проверка знаний, доступная в электронных учебниках, поверхностна и не способствует глубокому усвоению материала [2]. Тем не менее плюсы от использования электронных книг в уни-

верситете сильно перевешивают минусы. Описанная форма представления учебных материалов в настоящее время очень востребована, так как позволяет быстрее, чем в традиционном печатном виде, получить учебные материалы [3]. Электронные издания доступны в любое время в любой точке интернет-пространства. Время пользования книгой, а также количество одновременно читающих её пользователей неограниченно. Однако очевидным является тот факт, что использование информационных технологий в образовании будет иметь положительный результат при условии, что преимущества устоявшихся форм обучения будут сохранены [1].

Конечно, библиотека, как и раньше, остается основным местом информационного обмена, точкой отсчета новых идей. Библиотека должна существовать, но она обязана быть привлекательной для современного человека и соответствовать времени. Роль библиотеки в информационном обществе огромна – она должна быть ориентиром к истинному знанию. Применение электронных библиотечных систем в вузе позволяет осуществлять дифференцированный подход в обучении, использовать разноуровневые задания, выбирать индивидуальную траекторию обучения. Кроме того, в ЭБС содержится огромное количество материалов для самообучения. Несомненно, за электронными библиотечными системами будущее, ведь в современном мире невозможно иметь широкий кругозор, соответствующий требованиям образовательного стандарта, без использования электронных средств обучения.

Литература

1. Барилловская В. М. Анализ использования и востребованности электронных информационных ресурсов в библиотеках вузов ФСКН России и МВД России // Вестн. Сибир. юрид. ин-та МВД России. – 2013. – № 2 (13). – С. 141–144.
2. Боброва Е. И. Анализ работы с электронной библиотечной системой «КнигаФонд» в вузе культуры и искусств // Библиосфера. – 2013. – № 2. – С. 97–100.
3. Голубева Е. А., Шобонов Н. А. Электронные учебники в школе // Современные Web-технологии в цифровом образовании: значение, возможности, реализация: сб. ст. участников V Междунар. науч.-практ. конф. (17–18 мая 2019 года). – Арзамас: Арзамас. фил. ННГУ, 2019. – С. 181–184.
4. Иванов С. Г. Новые возможности электронно-библиотечных систем для современной библиотеки // Теория и практика общественно-научной информации. – М., 2014. – Вып. 22. – С. 91–94.
5. Коготков Д. Я. Библиографическая деятельность библиотеки: организации, технология, управление. – СПб.: Профессия, 2014. – 304 с.

6. Маниковский П. М. Формирование представлений об электронных образовательных ресурсах и их текущее состояние (на примере научной библиотеки Забайкальского государственного университета) // Гуманитарный вектор. Сер.: Педагогика, психология. – 2013. – № 33. – С. 104–108.
7. Павловский филиал ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского» [Электронный ресурс]: офиц. сайт. – URL: <http://www.unn.ru/cdo/Pavlovo/org/fdo-rpn.php>.
8. Ринчинова С. Б. Интеграция электронных библиотечных систем в учебный процесс БФ ФГОБУ ВПО СибГУТИ // Отечественная и зарубежная педагогика. – 2013. – № 6 (15). – С. 123–127.
9. Саханский Ю. В., Касаева Д. Р. Современные электронные библиотеки: задачи их деятельности и современные пути их развития // Инновационная наука. – 2017. – № 12. – С. 58–61.
10. Федеральный закон от 29.12.1994 № 78-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О библиотечном деле» [Электронный ресурс]. – URL: <https://base.garant.ru/103585/>.

References

1. Barilovskaya V.M. Analiz ispol'zovaniya i vostrebovannosti elektronnykh informatsionnykh resursov v bibliotekakh vuzov FSKN Rossii i MVD Rossii [Analysis of the use and demand for electronic information resources in the libraries of universities of the Federal Drug Control Service of Russia and the Ministry of Internal Affairs of Russia]. *Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii [Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia]*, 2013, no. 2 (13), pp. 141-144. (In Russ.).
2. Bobrova E.I. Analiz raboty s elektronnoy bibliotечноy sistemoy “KnigaFond” v vuze kul'tury i iskusstv [Analysis of work with the electronic library system “Book Fund” at the university of culture and arts]. *Bibliosfera [Bibliosphere]*, 2013, no. 2, pp. 97-100. (In Russ.).
3. Golubeva E.A., Shobonov N.A. Elektronnye uchebniki v shkole [Electronic textbooks at school]. *Sovremennye Web-tehnologii v tsifrovom obrazovanii: znachenie, vozmozhnosti, realizatsiya: sb. st. uchastnikov V Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (17-18 maya 2019 goda) [Modern Web-technologies in digital education: value, opportunities, implementation: a collection of articles by participants of the V International Scientific and Practical Conference (May 17-18, 2019 goda)]*. Arzamas, Arzamasskiy filial NNGU Publ., 2019, pp. 181-184. (In Russ.).
4. Ivanov S.G. Novye vozmozhnosti elektronno-bibliotечnykh sistem dlya sovremennoy biblioteki [New features of electronic library systems for a modern library]. *Teoriya i praktika obshchestvenno-nauchnoy informatsii [Theory and Practice of Social Scientific Information]*, 2014, iss. 22, pp. 91-94. (In Russ.).
5. Kogotkov D.Ya. *Bibliograficheskaya deyatel'nost' biblioteki: organizatsii, tekhnologiya, upravlenie [Bibliographic activity of the library: organizations, technology, management]*. St. Petersburg, Professiya Publ., 2014. 304 p. (In Russ.).
6. Manikovskiy P.M. Formirovanie predstavleniy ob elektronnykh obrazovatel'nykh resursakh i ikh tekushchee sostoyanie (na primere nauchnoy biblioteki Zabaykal'skogo gosudarstvennogo universiteta) [Formation of ideas about electronic educational resources and their current state (on the example of the scientific library of the Trans-Baikal State University)]. *Gumanitarnyy vektor. Seriya: Pedagogika, psikhologiya [Humanitarian vector. Series: Pedagogy, Psychology]*, 2013, no. 33, pp. 104-108. (In Russ.).
7. *Pavlovskiy filial federal'nogo gosudarstvennogo avtonomnogo obrazovatel'nogo uchrezhdeniya vysshego obrazovaniya «Natsional'nyy issledovatel'skiy Nizhegorodskiy gosudarstvennyy universitet im. N.I. Lobachevskogo»: ofitsial'nyy sayt [Pavlovo Branch of the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education “National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod”. Official Website]*. (In Russ.). Available at: <http://www.unn.ru/cdo/Pavlovo/org/fdo-rpn.php>.
8. Rinchinova S.B. Integratsiya elektronnykh bibliotечnykh sistem v uchebnyy protsess BF FGOBU VPO SibGUTI [Integration of electronic library systems in the educational process of the BF FSBEI HPE SibGUTI]. *Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika [Domestic and foreign pedagogy]*, 2013, no. 6 (15), pp. 123-127. (In Russ.).
9. Sakhanskiy Yu.V., Kasaeva D.R. Sovremennye elektronnye biblioteki: zadachi ikh deyatel'nosti i sovremennye puti ikh razvitiya [Modern digital libraries: tasks of their activity and modern ways of their development]. *Innovatsionnaya nauka [Innovative science]*, 2017, no. 12, pp. 58-61. (In Russ.).
10. *Federal'nyy zakon ot 29.12.1994 № 78-FZ (red. ot 03.07.2016) «O bibliotечnom dele» [The Federal law from 29.12.1994 № 78-FZ (edition of 03.07.2016) “On librarianship”]*. (In Russ.). Available at: <https://base.garant.ru/103585>.

УДК 76.021

ЛЕТНЯЯ ПРАКТИКА ДЛЯ СТУДЕНТОВ 1–5-Х КУРСОВ ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ «ГРАФИКА» КАК ИСТОЧНИК РАСКРЫТИЯ ТВОРЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ОБУЧАЮЩИХСЯ

Покровская Наталья Викторовна, доцент, доцент кафедры социально-гуманитарных наук и истории искусств, Сибирский государственный институт искусств имени Дмитрия Хворостовского (г. Красноярск, РФ). E-mail: galjuta@mail.ru

Шаламова Елена Владимировна, доцент, профессор кафедры графики, Сибирский государственный институт искусств имени Дмитрия Хворостовского (г. Красноярск, РФ). E-mail: elena_shhal1964@mail.ru

Предметом исследования является методика преподавания летней практики, а также творческая деятельность и учебная работа студентов 1–5-х курсов специальности «Графика» в Сибирском государственном институте искусств имени Дмитрия Хворостовского (СГИИ). Особенность проведения практики заключается в условиях образовательного процесса: предельно короткое время, всего 54 учебных часа с преподавателем на заданной территории. Метод исследования основан на анализе результативной методики работы графика-педагога Е. В. Шаламовой. В статье излагается суть методов работы, направленных на раскрытие творческого потенциала обучающегося в сжатые сроки. Научная новизна исследования, его целей и задач считается в умении мобилизовать творчество обучающегося, выборе методических задач, обновлении классических стандартов преподавания, ведь определённый контингент студентов не имеет предварительной специальной подготовки. В основе исследования рассматривается совокупность принципов и приёмов работы на летней практике с 1997 года преподавателя кафедры «Графика» Красноярского государственного художественного института (КГХИ), затем СГИИ. Ценным фактором воздействия и воспитания является личность педагога Е. В. Шаламовой, обладающей творческим опытом, психолого-педагогическими и предметными знаниями, которые составляют комплексный подход в учебной деятельности. Осуществляется коллективный (групповой) и индивидуальный принципы работы, что способствует положительному решению комплексно поставленных задач.

Ключевые слова: летняя практика, пленэр, натурный метод познания, художественное мышление, воображение, образ, искусство, графика, этюд, пастель.

SUMMER PRACTICE FOR STUDENTS OF 1-5TH COURSES ON THE SPECIALTY “GRAPHICS” AS A SOURCE OF DISCLOSURE OF THE CREATIVE POTENTIAL OF A STUDENT’S

Pokrovskaya Natalya Viktorovna, Associate Professor, Associate Professor of Department of Social and Human Sciences and History of Arts, Dmitri Hvorostovsky Siberian State Academy of Arts (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: galjuta@mail.ru

Shalamova Elena Vladimirovna, Associate Professor, Professor of Department of Graphics, Dmitri Hvorostovsky Siberian State Academy of Arts (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: elena_shhal1964@mail.ru

The subject of the study is the methodology of teaching the summer practice, creative activity and academic work of students of 1-5th courses of the specialty “Graphics” at Dmitri Hvorostovsky Siberian State Academy of Arts. A feature of the practice is the conditions of the educational process, an extremely

short time, only 54 teaching hours with a teacher in a given territory. The research method is based on the analysis of the effective methodology of the work of the graphic teacher E. Shalamova. The article outlines the essence of working methods aimed at revealing the student's creative potential in a short time. The scientific novelty of the study, its goals and objectives, are read in the ability to mobilize the student's creativity, the choice of methodological tasks, updating the classical teaching standards, because a certain contingent of students does not have preliminary special training. The basis of the study is a set of principles and methods of working in summer practice since 1997 as a teacher at the Department of Graphics, Krasnoyarsk State Art Institute, then Dmitri Hvorostovsky Siberian State Academy of Arts. A valuable factor in the impact and upbringing is the personality of E. Shalamova, a teacher, combining the creative experience, psychological, pedagogical and subject knowledge, which constitute a comprehensive approach to educational activities. Collective (group) and individual principles of work are being carried out, which contributes to the positive solution of complex tasks.

Keywords: summer practice, open air, natural method of knowledge, artistic thinking, imagination, image, art, graphics, etude, pastel.

DOI: 10.317773/2078-1768-2020-50-219-230

Предметом исследования данной статьи является материал по программе Е. В. Шаламовой, а именно – летняя практика в Красноярске, которую она проводила с 1997 года как преподаватель кафедры «Графика» Красноярского государственного художественного института (КГХИ), затем Сибирского государственного института искусств имени Дмитрия Хворостовского (СГИИ). В статье обращается внимание на практический аспект работы, авторские исследования, ориентирующие нас на решение конкретных творческих задач студентами с первого по пятый курсы. Нам хотелось подчеркнуть единую модель курса развития «сибирской школы», в которой обоснование выбора одного из ведущих графиков считается оправданным. Шаламова Елена Владимировна (доцент – с 2001, профессор – с 2009 года) активно использует многообразие методов познания, художественные способы преобразования действительности, хотя сжатые сроки (в основном, ежегодно 54 учебных часа с преподавателем) и насыщенная программа усложняют обучение по работе с натуры. В исследовании рассматривается совокупность принципов и приёмов работы, разработанных в художественной практике с 1990-х по 2010-е годы графиком, мастером пастели Шаламовой, а также вопросы творческой дисциплины. Одним из важных этапов специального образования будущего художника, его

саморазвития является летняя практика, во время которой осуществляется непосредственная работа с натуры. Её тема, статус и проведение способствуют переходу на следующую ступень обучения. Поэтому летней практике уделяется особое внимание. В статье последовательно излагаются творческая программа педагогической деятельности Е. В. Шаламовой, применяемые ею методы работы, почерпнутые на практике. Знание о пастели, одном из ведущих материалов в «красноярской школе» на летней практике, имеет первостепенное значение. Специфичность работы в «красноярской школе» предполагает конкретные задания, определённый визуальный ряд и другие особенности летней практики студентов. Программа Е. В. Шаламовой по специальности «Графика» суммирует опыт академической школы с опорой на знакомство с музейными коллекциями, их изданиями [6–9] и собственные наработки на практике, дополняется новыми программами, методической литературой, данными информационной системы вуза, ведь определённый контингент студентов не имеет предварительной специальной подготовки. Изучаются и анализируются исследования по истории вопроса [1–10], выявляются особенности интерпретации экспериментов внутри традиций, формулируется их историческое значение. Изучением экспериментов по творческой и летней практике занимались

М. В. Галкина, Н. В. Михайлов [1], К. М. Зубрилин, И. Ю. Руднев [2], Т. С. Леонтьева [3], О. О. Лысенкова [4], Е. В. Сеничкина [5], они дают обширный материал, подробную информацию по основным этапам работы со студентами. Излагаются цели и задачи, осуществляется поиск путей их достижения, что, безусловно, актуализирует приёмы и способы получения результата. Образовательные, развивающие, воспитательные задачи и планируемые результаты практики расширяют представления обучающихся о пленэре, знания, умения и навыки, получаемые в процессе работы с натуры.

Можно говорить о постепенном сложении и укреплении фундаментальной программы по созданию всех ступеней художественного образования в Красноярске. Путь Е. В. Шаламовой от студента в годы учёбы до педагога, профессора стал возможен благодаря сложившейся в Сибири системе художественного образования. Е. В. Шаламова активно продолжает традиции «сибирской школы». Она завершила обучение в Красноярском художественном училище имени В. И. Сурикова (1986), Красноярском художественном институте под руководством профессора В. Н. Петрова-Камчатского (1994), а также Творческих мастерских Российской академии художеств в Красноярске под руководством профессора Н. Л. Воронкова (1998). Шаламова Е. В. имеет дипломы Академии художеств РФ (1998, 2004), Всероссийской выставки «Пастель России» (Омск, 2011), зарубежных выставок (Италия, 2002–2003; Харбин, 2005). Личные качества мастера-педагога, предоставляющего свободу выбора для успешной реализации практики в новых условиях, помогают адаптации студентов. Прямой диалог наставника Е. В. Шаламовой и ученика, а также индивидуальный и коллективный принцип работы, развеска произведений дают желаемый результат. Сверхзадачей, оптимальным результатом всей работы становится формирование личности будущего творца (см. Приложение, рис. 1а, 2).

Выезду на пленэр, изучению специфики учебной программы отводится первостепенная роль в общем художественном образовании молодёжи. География поездок по городу и краю регулярно уточняется и прорабатывается, добавляются новые места.

Анализ позволяет обобщить опыт проведения практики с момента основания кафедры «Графика» в 1988 году, когда были заложены профессиональные и творческие идеи В. Н. Петрова-Камчатского, М. Ф. Гладунова, В. П. Теплова, Г. С. Паштова.

В художественной среде Сибирского региона известны имена художников-графиков: В. И. Переятенца, В. И. Рогачёва, Е. В. Шаламовой, С. В. Тимохова, О. В. Косенко. Выставочная, конкурсная, педагогическая деятельность кафедры создает творческую атмосферу для профессионального развития студентов. Шаламова Е. В. уточняет, что именно исторические и культурные особенности красноярских территорий способствуют реально достигаемым результатам, ведь переломный момент в осуществлении проверки у студентов профессиональных знаний, умений и навыков, полученных во время учебных семестров, наступает на практике.

Занимаясь авторской программой по летней практике, Е. В. Шаламова считает, по опыту предыдущих лет, что каждый из вариантов места проведения пленэра имеет свои плюсы и минусы. При проведении практики на базе института, в городе Красноярске, не нужны большие финансовые затраты на проезд до места назначения и обратно, оплату жилья, питания и др. Руководитель практики может заранее выстроить чёткий план проведения пленэра: расписать темы и задачи практических заданий, выбрать изображаемые объекты, подготовить беседы по ним со студентами, спланировать посещение выставок, музеев, выезды в окрестности города (заповедник «Столбы», зоопарк «Роев ручей», город Дивногорск). С изображаемыми объектами у студентов уже сложились свои ассоциации, со знакомыми формами проще работать в плане образного решения, чтобы избежать механической фиксации на плоскости листа. Таким образом, пленэр становится органичным продолжением учебного процесса, позволяет научить студентов отображать характерные черты окружающей действительности, проявляя своё отношение к изображаемой форме. Шаламова Е. В. утверждает, что конкретный способ изучения натуры становится основополагающим методом в летней практике студентов-графиков. Решение фундаментальных задач может иметь

прикладной характер, отзываться в конкретных ситуациях, творческих работах на летней практике. На практике формируются первые темы, осуществляемые на десяти листах, дополненные линейными панорамными зарисовками усадьбы Сурикова, вокзалов, городских строений Красноярска, архитектуры его мостов, арок, дворов. При прохождении практики устанавливается внутренняя упорядоченность, согласованность во взаимодействии педагога и ученика, что способствует накоплению знаний, умений и навыков в учебно-творческом процессе.

Обучение профессиональному мастерству по предметам «Рисунок» и «Живопись» в курсовых семестрах происходит при помощи учебных постановок, в них студенты приобретают знания, умения, навыки по рисунку и живописи, предусмотренные общей программой обучения. Их познания в области художественного исследования обогащаются на летней практике следующими понятиями: образ, пленэр, натура, тон, цвет, пятно, перспектива, художественное воображение, интуиция. Шаламова Е. В. уточняет, что важны и выездные практики, например в г. Томск и другие сибирские города, имеющие свои специфические отличия, «лицо» памятного места. Они дают студентам навыки работы в командировке: оформление проездных документов, ведение отчетно-финансовых бумаг, дневника практики, умение быстро наладить бытовые условия и организовать рабочее место в другом городе, селе, в походных условиях. Студент должен самостоятельно, на основе методических рекомендаций руководителя и вводных бесед по темам, составить индивидуальный план работы и выполнить практику. Главная задача студента – это отказ от поверхностного ознакомления с изображаемыми формами, которое даёт в результате «репортажное», а не образное рисование: в набросках, зарисовках и этюдах отсутствует художественный образ, «лицо» того места, где они проходили практику, собранный материал хаотичен, пустоват, использование его в дальнейшем в композиции невозможно. Объединяющим моментом в развитии профессионального образования во время выполнения семестровых заданий и на работе в пленэре становится специфика художественного мышления, осуществляемая на учебной и летней практике.

Одной из основных задач практики является сбор материала (от трех десятков и более графических листов). Рисуется архитектурные фрагменты окон, дворов, ворот, арок, крылец (см. Приложение, рис. 1а, б, в). Работает художественное воображение в конкретных жизненных обстоятельствах, для самостоятельного применения своих дарований не существует противодействий. Рисование с натуры становится объективным методом работы, неисчерпаемым источником вдохновения и познания, творческий труд студентов наполняется интересными находками. Затем пишутся этюды, изображающие состояния природы в городской среде (солнечно, пасмурно, ветрено, дождливо) и время суток (рассвет, утро, день, вечер, закат, ночь), также делаются наброски, зарисовки с фигуры человека, групп людей в интерьере и экстерьере, портретные зарисовки, этюды в количестве пятидесяти листов. Таким образом, летняя практика органично входит в общий процесс художественного образования студентов. Все промахи в учебном процессе анализируются. Учитель Е. В. Шаламова обращает внимание студентов на создание художественного образа, позволяющего почувствовать себя в творческом процессе. Она считает, что выявление особенностей творческого стиля каждого студента – это сложно выполняемая задача, предполагающая самостоятельную работу студента.

На основе собранного летнего материала студентам предстоит выполнить композицию в следующем семестре, своеобразное обобщение опыта проведенной практики. Лучшей наградой для студента становится коллективное обсуждение работ, выполненных на практике. Художественная развеска помогает подвести итоги, увидеть и осознать результат всех студентов и свой собственный. Подытоживая осуществление педагогической программы «красноярской школы», академический опыт российской традиции, Е. В. Шаламова резюмирует: «Предлагается художественная развеска, разложение художественного материала на местах. Анализ этапов работы студентов и самоанализ обучающимися своих художественных трудов закрепляют полученные знания и творческие умения на практике» (см. Приложение, рис. 1а, б). Важен критический настрой в восприятии опыта работы на пленэре.

Осознание собственных ошибок, неудач лишь подталкивает к серьёзному и обоснованному анализу.

Целенаправленно Е. В. Шаламова знакомит с историческими особенностями места, на основе которых складываются разнообразные впечатления: в летней практике возможны изображения непарадных объектов, ярких видовых пейзажей. Используют такие материалы и инструменты, как бумага, карандаш, пастель, тушь, соус, уголь. Шаламова Е. В. уточняет, что работу следует выполнить на десяти листах формата А3, ведь «благодаря ознакомлению с тематикой и исполнению на натуре суммируются воображение и художественные знания, осуществляется сопричастность к приобретению и развитию студентами творческого начала». Поэтому её методические рекомендации по воспитанию художественного воображения актуализируются в конкретных обстоятельствах, с использованием определенных техник и материалов (картон и пастель). Другие задания предполагают панорамные зарисовки, линейные и тоновые, пастелью на картоне на десяти листах формата А3: городская архитектура Красноярска, музей-усадьба В. И. Сурикова, железнодорожный вокзал, Органный зал, речной вокзал, Николаевская гора, Покровская сопка, район Базаихи в г. Красноярске, г. Дивногорск. При компоновке в заданном формате обращается внимание на пропорции изображаемой формы здания, а также на характерные детали здания, элементы его декора, которые можно зарисовывать отдельно. Желательно вводить в композиции фигуры и группы людей, деревья, транспорт. Сбор материала для композиции осуществляется по выбору: архитектурные фрагменты окон, дворов, ворот, арок, крылец (зарисовки зданий, имеющих «свое лицо», – индивидуальность мотива, запоминающиеся силуэты объектов с проработкой их характерных деталей). Личностные умения студентов помогают осознать красоту и силу искусства, творчески осмыслить художественный материал, собранный во время работы на практике, воспитывают трепетное и ответственное отношение к своему делу, профессии. Наброски, зарисовки, этюды людей, животных, городского пейзажа служат для выполнения композиции на заданную тему, таким образом на летних практиках у студентов складываются коммуникативные умения.

В статье приводятся отдельные выдержки из индивидуальной программы, в которых Е. В. Шаламова скрупулезно обобщает опыт проведения практик. Следующие задания выполняются по живописи в количестве пятидесяти работ: этюды в технике пастели, отображающие состояния природы и время суток в городском пространстве. Для всех этюдов разрабатывается одна композиция. В каждой работе должны быть изображены в правильном отношении друг к другу небо, земля, архитектурное строение. Важно увидеть изменения одной изображаемой формы в городской среде. Это могут быть домашние заготовки по месту проживания. Предлагается написать три этюда городского пейзажа с одного и того же места – утром, вечером, днем. Умение студента выстроить логическую цепочку в наблюдении и фиксации состояния городской среды, а полученный опыт ежедневно повторять и закреплять – таков определённый акцент педагога Е. В. Шаламовой в работе с молодёжью. Пластические формы (людей, животных, птиц) могут выступать как масштаб к архитектуре, доминанта, через которую строится композиция. Создать образ города и деревни можно через наброски и зарисовки, которые включают фигуру человека, выполняющего различную работу, группы людей в интерьере и экстерьере, в динамике и статике. Учитываются и портретные зарисовки, этюды, наброски. В основном используется метод практического обучения – обращается внимание на влияние природной среды на модель (натуру), на законы воздушной перспективы, чтобы уметь изображать планы пейзажа, чтобы устранять путаницу в их писании, когда задний план начинает «выворачиваться» или опрокидываться, а передний план «пропадать». Уточняются все графические материалы (бумага, простые и цветные карандаши, тушь, фломастер, пастель) для зарисовки животных, птиц, рептилий и насекомых в зоопарке «Роев ручей», заповеднике «Столбы» (Красноярск). Акварель, темпера, акварельная бумага, кисти круглые и плоские также используются в рисовании в формате А4 и А5. Все аннотации Е. В. Шаламовой к практическим занятиям составляются, реализуются в конкретных условиях. Многоэтапные подходы педагога, применяемые на практических занятиях, мотивируют всю учебную деятельность.

Студенты 4–5-х курсов трудятся по индивидуальному плану, утверждённому руководителем мастерской и заведующим кафедрой В. П. Тепло-вым. Большое внимание уделяется сбору мате-риала к «малому диплому» – серии графических листов (не менее 5 композиций). Первостепенное значение для студентов старших курсов приобре-тает психологическая характеристика изображае-мого человека, групп людей в городском пейзаже, передача их пластической взаимосвязи. В компо-зиционных разработках всё должно работать на создаваемый образ: формат, выбор выразитель-ных средств, характерных деталей. Вектором дальнейшей работы являются поиски ответов на определённые проблемы, заинтересованность в поиске их решения, тем самым придаётся цель-ность и единство всему практическому занятию. Шаламова Е. В. рекомендует выполнять архи-тектурные зарисовки – этюды двух типов: крат-ковременные и длительные, в которых требуется убедительно передать пространство, состояние погоды, нюансы освещения и детально прорабо-танные формы (см. Приложение, рис. 3, 4). Дли-тельные работы создаются в несколько сеансов, в одни и те же часы дня, при одинаковом состоянии погоды (см. Приложение, рис. 2, 5, 6). Кратковре-менные этюды помогают развить чувство цело-го, избежать сухости и вялости в работе. Размер этюдов должен быть ограничен, что позволяет закончить работу в короткое время. Очень полез-ны в этом смысле краткосрочные зарисовки, где основным принципом в работе является рисо-вание пластики цветовых пятен. Первые этюды – это студии с предельно законченными формами; следующие этюды пишутся широко и сочно. Каж-дая местность, где у студентов проходит летняя практика, имеет неповторимый силуэт и колорит. Линией обозначают границы предмета на фоне среды, пятном решают декоративные задачи ри-сунка, тоном моделируют форму, объединяют детали и весь рисунок. При рисовании применя-ется широкий ассортимент материалов: пастель (см. Приложение, рис. 1а, 2, 4), карандаш (графит-ный, угольный, цветной), перо (стальное, трост-никовое, гусиное), сангина, соус, тушь.

Знание художественного языка графики, его особенностей формирует у студентов целостное представление о дисциплине. Данные знания

имеют практический характер, когда самостоя-тельно создаются графические работы. Рисунок экстерьера – не чертёж и перспективное построе-ние, а передача свойств различных материалов, фактуры камня, бетона, дерева. Шаламова Е. В. выделяет особое место в программе практики работе над экстерьером: «Экстерьер может вы-ступать в работах как главный герой (в город-ском, в деревенском, в урбанистическом пейзаже) либо быть стаффажем (в портрете, жанровой, исторической картине, станковом листе). Данное задание продолжает развивать вопросы понима-ния большого пространства, сочетание объёмно-пластических масс архитектуры с деревьями, мо-тивы, передающие особенности уголка города и его бытовые стороны. При компоновке изобража-емого объекта оставляется свободное место внизу, выше нижнего края листа, что служит введением в композицию». Она уточняет, что изображаются фрагментарно камни, предметы, люди, животные, фактура земли, чтобы здание осталось «главным героем», центром композиции, всё остальное под-чиняется ему, направляет взгляд зрителя. На всех этапах зарисовки проверка ранее взятых пропор-ций и тональных отношений обязательна, учиты-ваются специфические особенности предложен-ного материала, пастели. Степень насыщенности первого плана по тону должна быть достаточно плотной, что даёт возможность тоньше промоделировать остальные планы. Однако первый план может быть светлым, с хорошо посматривающи-мися объёмами, с чётко видимыми рефlekсами, границами падающих теней. Дополнения к ар-хитектуре в виде каменных, гипсовых орнамен-тов, настенной росписи, мраморных и бронзовых скульптур не нарушают единства. Работа ведётся от общего к частному, на основе понимания сущ-ности деталей, их значения в большой форме. Делая этюды цветом, следует наметить лёгким то-ном тени, потом цветом обозначить освещённые места, включая уже проложенные тени, что сразу подчеркнёт объём сооружения. В солнечный день будут холодные тени на самом здании, а рефlek-сы останутся тёплыми (по аналогии с отражени-ем солнечного света на земле, листьях, траве). Е. В. Шаламова настаивает: «Выполнение твор-ческих заданий и углублённая работа над компо-зицией составляют кульминацию специальных

требований для студентов. Обсуждение работ студентов закрепляет знания, умения и навыки. Важным этапом летних встреч становится суммирование всех достоинств и недостатков». Создание условий для активной деятельности студентов, педагогическая культура и такт, навыки ремесла и мастерство Е. В. Шаламовой предоставляют массу возможностей для самостоятельной работы при освещении учебной программы.

Ключевым моментом становится усвоение знаний о художественном языке графики, его особенностях, в частности пастели, сложнейшей технике исполнения, а также вопросы, рассуждения, собственные впечатления и аргументации студентов. Творческая самостоятельная работа с пастелью выявляет разнообразие подходов, характеристик, индивидуальных стилей студентов. Творческая переработка видимой информации включает анализ и интерпретацию впечатлений, предполагает непосредственную работу над развитием творческого мышления. В процессе практических занятий студенты приобретают первичные и закрепляют приобретённые умения и навыки работы с пастелью, расширяют и углубляют их, развивая восприятие техники мастеров. В пастели уточняется точка, линия, пятно, композиция, цвет, колорит, световой и цветовой контраст. Поэтому планируемые результаты обучения предполагают сформированность у обучающихся представления и критического мышления о технике пастели, умения анализировать и систематизировать получаемые знания. Технические приемы в работе с пастелью зависят от предпочтения художника и поставленных им задач. В качестве материала используют плотный переплетный картон (балахна), замшу, пастелмат и другие виды картона. Штрихи, локальное пятно, сухая или мокрая кисть создают линии, контрастные цветовые сочетания. Пальцы художника – это универсальный инструмент для растушевки пятна. Выбирается тональность листа по самым темным местам в пейзаже: глубоких, темных оттенков в пастели мало, разнообразие светлых оттенков доминирует. Пастель как техника уязвима и сильна. С одной стороны, мелки легко повреждаются и осыпаются (закрепляются фиксатором), с другой – техника пастели позволяет быстро решать художественные задачи в этюде, перекрывать

большие поверхности, в любой момент начинать и прекращать работу, смешивать слои, не ожидая их высыхания. Рисунок пастелью отличается мягкостью, тонкостью переходов и богатством тонов.

Актуальность тем практик обусловлена необходимостью повышения эффективности образовательного процесса, внедрением в процесс обучения традиционных и новейших технологий, способствующих развитию системного мышления и художественно-эстетическому воспитанию личности. Работа с натуры воспитывает, развивает, расширяет эмоциональную отзывчивость, восприимчивость, личностно ориентированное общение, создает психологически комфортную атмосферу. Полученная информация визуализируется и резюмируется, она помогает представить сложившийся образ, этапы его развития в соответствии с художественным мышлением, не исключает интуитивного подхода в индивидуальном задании. Каждое задание с первого по пятый курсы сопровождается набросками с различных точек зрения на выявление характера натуры. Набросок – великий учитель для художника любого возраста. В процессе работы над рисунком необходимо обращать внимание студентов на композицию изображаемой формы в листе, её пропорции, образную сторону объекта. Первые наброски в пастели остаются схематичными, в них не нужно искать сходства с объектом, точности пропорций, отбора характерных деталей (см. Приложение, рис. 3, 4, 7). На данном этапе важно «количество набросков, которое должно перерасти в качественное решение». Постепенно учитывается совместимость изображаемых архитектурных форм с пейзажем или интерьером, скрупулёзно и последовательно заостряется внимание на пропорциях, характерных деталях, усиливающих образ объекта. Изучается масштабная и пластическая связь между объектами, сочетание силуэтов при общем освещении.

На летней практике, от курса к курсу, повышается требовательность к графическому исполнению рисунков. Три итоговых графических листа выполняются в формате А3, А4 на 1–2-м курсах на основе собранного материала. На 3–5-м курсах на предложенные темы дается задание выполнить пять-семь итоговых графических листов в формате А2. Используются все графические

материалы при передаче природных феноменов, они становятся живой информацией, приводят к положительному результату, накоплению личного опыта. На основе полученных впечатлений студент составляет образ природы, в лаконичной форме и авторской рефлексии. Для воспроизведения увиденного архитектурного пейзажа студенты проводят самостоятельный анализ, сравнение, выбор мотива (сюжетного), подбирают технику исполнения, цветовую гамму. Работа с художественным материалом расширяет поставленные цели, знакомит с процессом логической последовательности от этапа к этапу, с удачами, неудачами. Но через личный опыт, возвращение и повторение уже пройденных этапов студент пытается улучшить свой результат.

Методы обучения и формы проведения занятий различны. Интерактивный метод помогает на практике усваивать творческие задания, сохраняя положительную или активно-позитивную атмосферу. Совет учителя важен, Е. В. Шаламова уточняет: «Роль педагога огромна в постановке задачи, призванной активизировать, заинтересовать, мотивировать студента на работу». Намечается единая доминанта в создании ассоциативных связей с имеющимися знаниями и поиском ответа. Сама по себе такая постановка задачи является объединяющим моментом всего учебного занятия, его главной нитью. Оценка результатов осуществляется по итогам самостоятельной работы студента, выполнения творческих заданий и через самоанализ занятий по практике. Открывается последовательная цепочка учёта всех этапов. Для достижения хорошего результата освещаются, учитываются, прогнозируются возрастные и индивидуальные особенности студентов.

Творческая деятельность и учебная работа во время летней практики студентов 1–5-х курсов специальности «Графика» в Сибирском государственном институте искусств имени Дмитрия Хворостовского предполагает самостоятельное заключение, подведение итогов и индивидуальные выводы. С 1-го по 5-й курсы проводятся учебная, производственная, творческая, пленэрная, музейная, преддипломная (научно-исследовательская) практики. Согласно общегосударственному плану всех практик, для самостоятельной работы студентов-графиков отводится 270 часов (5 не-

дель), с преподавателем – 108 часов (2 недели). Используемые в летней практике методы обеспечивают программе Е. В. Шаламовой реальные результаты. Они совпадают с прогнозируемыми целями и задачами, способствуют положительному решению комплексно поставленных вопросов. Опорные моменты учебной программы Шаламовой визуализируют непосредственную работу с художниками-студентами. В настоящее время выделяется 54 часа занятий под руководством преподавателя (1 неделя) на 3-м и 4-м курсах. Для самостоятельной работы студента отводится 162 часа (3 недели). Определённость и ясность, чёткость и реальность педагогических решений учат студентов активно мыслить художественными образами. Подбор форм и методов работы, творческий потенциал педагога, профессиональное мастерство, умение работать в контексте новых традиций «красноярской школы» служат подтверждением реально высоких результатов. Учитываются современные тенденции в педагогике, методиках, культуре и искусствах. Произведённый анализ процесса обучения во время летней практики служит основанием для вывода о том, что вариативность используемой методики прививает художественное мышление обучающемуся. В программе учитываются особенности контингента студентов, поэтапно выстраивается образовательный процесс. Летняя практика для студентов 1–5-х курсов по специальности «Графика», как источник раскрытия творческого потенциала обучающегося, полностью реализуется. К безусловным удачам автора учебной программы Е. В. Шаламовой, а также и всей «красноярской традиции» относятся большой объем информативного материала, конструктивный подход к сохранению творческой атмосферы, отсутствие монотонности в каждодневной практике. Анализ творческого материала позволяет говорить об отличном уровне педагогической программы «красноярской школы». В числе ее достоинств выделяются: актуальность тем, включающих классику и современность и оригинальность их прочтения, результативность при работе с обучающимися, профессиональная последовательность и умеренность, самостоятельность и воодушевлённость, непосредственная живость целей и задач, говорящих о любви к профессии.

ПРИЛОЖЕНИЕ

а

б

в

Рисунок 1. «Просмотр. Угол мастерской». Картон. Пастель

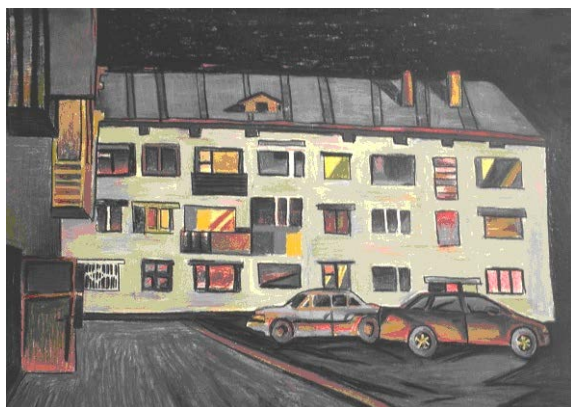

Рисунок 2. «Ночной двор». Картон. Пастель. 40х60

Рисунок 3. «Дом». Картон. Пастель. 20х30

Рисунок 4. «Улица». Картон. Пастель. 20х30

Рисунок 5. «Городская история». Картон. Пастель. 40х60

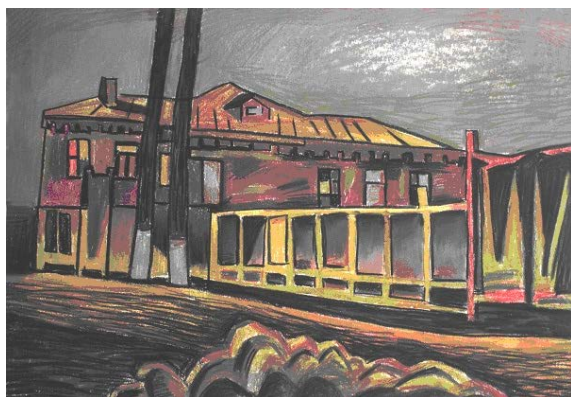

Рисунок 6. «Уголок города». Картон. Пастель. 40х60

Рисунок 7. «Зарисовка». Картон. Пастель. 20х30

Литература

1. Галкина М. В., Михайлов Н. В. Практика студента отделения декоративно-прикладного искусства на производстве // Вестн. Москов. гос. обл. ун-та. Сер. «Педагогика». – 2014. – № 1. – С. 100–103.
2. Зубрилин К. М., Руднев И. Ю. Роль пленэра в системе художественного образования // Наука и школа. – 2016. – № 6. – С. 175–180.
3. Леонтьева Т. С. Эксперимент в творческой и учебной практике художника-педагога Академии акварели и изящных искусств Алексея Юрьевича Кравченко // Современное художественное образование: пед. аспекты оптимизации: сб. науч. тр. междунар. науч.-практ. конф., 26–27 нояб. 2015 года. – М., 2015. – С. 129–133.
4. Лысенкова О. О. Опыт творческих пленэров студентов СПГХПА им. А. Л. Штиглица в Республике Карелия, в Национальном парке «Водлозерский» // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестн. МГХПА. – 2015. – № 4. – С. 270–279.
5. Сеничкина Е. В. Графический пленэр в городской среде // Концепт. науч.-метод. электрон. журн. – 2017. – № 5. – С. 56–61.
6. Рисунок и акварель в России: XVIII век / Русский музей. – СПб., 2005. – 176 с.
7. Рисунок и акварель в России: вторая половина XIX века / Русский музей. – СПб., 2005. – 160 с.
8. Рисунок и акварель в русской культуре: первая половина XIX века / Е. Петрова; Русский музей. – СПб., 2005. – 388 с.
9. Рисунок и акварель в России. XX век / Русский музей; авт. ст. Н. Козырева. – СПб., 2008. – 207 с.
10. Теплов В. П., Воронова М. В. Универсальные качества пастели как материала, позволяющего решать сложные графические и живописные задачи в процессе обучения по специальности «Графика» // Искусство глазами молодых: мат-лы XI Междунар. науч. конф. 28–29 марта 2019 года / Сибир. гос. ин-т искусств имени Дмитрия Хворостовского; ред.: Н. В. Перепич, М. В. Саблина. – Красноярск: СГИИ им. Д. Хворостовского, 2019. – 292 с. – С. 153–156.

References

1. Galkina M.V., Mikhaylov N.V. Praktika studenta otdeleniya dekorativno-prikladnogo iskusstva na proizvodstve [Student practice at the department of arts and crafts in production]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya "Pedagogika" [Bulletin of Moscow State Regional University. Series "Pedagogy"]*, 2014, no. 1, pp. 100-103. (In Russ.).
2. Zubrilin K.M., Rudnev I.Yu. Rol' plenera v sisteme khudozhestvennogo obrazovaniya [Role of the open air in the system of art education]. *Nauka i shkola [Science and School]*, 2016, no. 6, pp. 175-180. (In Russ.).
3. Leontyeva T.S. Eksperiment v tvorcheskoy i uchebnoy praktike khudozhnika-pedagoga Akademii akvareli i izyashchnykh iskusstv Aleksey Yuryevicha Kravchenko [An experiment in the creative and educational practice of the artist-teacher at the Academy of Watercolors and Fine Arts Alexei Yuryevich Kravchenko]. *Sovremennoe khudozhestvennoe obrazovanie: pedagogicheskie aspekty optimizatsii: sb. nauch. tr. mezhduunar. nauch.-prakt. konf., 26-27 noyabrya 2015 goda [Contemporary art education: pedagogical aspects of optimization: Sat. scientific tr Int. scientific-practical Conf., November 26-27, 2015]*. Moscow, 2015, pp. 129-133. (In Russ.).
4. Lysenkova O.O. Opyt tvorcheskikh plenerov studentov SPGHPA im. A.L. Stiglitza v Respublike Kareliya, v Natsional'nom parke "Vodlozerskiy" [Experience of creative open-air students of SPGHPA them. A.L. Stieglitz in the Republic of Karelia in the Vodlozersky National Park]. *Dekorativnoe iskusstvo i predmetno-prostranstvennaya sreda. Vestnik MGHPA [Decorative art and spatial environment. Bulletin of MGHPA]*, 2015, no. 4, pp. 270-279. (In Russ.).
5. Senichkina E.V. Graficheskiy plener v gorodskoy srede [Graphic open air in the urban environment]. *Kontsept: nauchno-metodicheskiy elektronnyy zhurnal [Concept. Scientific and methodological electronic journal]*, 2017, no. 5, pp. 56-61. (In Russ.).
6. Risunok i akvarel' v Rossii: XVIII vek [Drawing and watercolor in Russia: XVIII century]. *Russkiy muzey [Russian Museum]*. St. Petersburg, 2005. 176 p. (In Russ.).
7. Risunok i akvarel' v Rossii: vtoraya polovina XIX veka [Drawing and watercolor in Russia: the second half of the nineteenth century]. *Russkiy muzey [Russian Museum]*. St. Petersburg, 2005. 160 p. (In Russ.).
8. Risunok i akvarel' v russkoy kul'ture: pervaya polovina XIX veka [Drawing and watercolor in Russian culture: the first half of the nineteenth century]. *Russkiy muzey [Russian Museum]*. Ed by E. Petrova. St. Petersburg, 2005. 388 p. (In Russ.).
9. Risunok i akvarel' v Rossii. XX vek [Watercolor and drawing in Russia. XX century]. *Russkiy muzey [Russian Museum]*. Ed by N. Kozyreva. St. Petersburg, 2008. 207 p. (In Russ.).

10. Teplov V.P., Voronova M.V. Universal'nye kachestva pasteli kak materiala, pozvolyayushchego reshat' slozhnye graficheskie i zhivopisnye zadachi v protsesse obucheniya po spetsial'nosti "Grafika" [Universal qualities of pastels as a material that allows solving complex graphic and pictorial problems in the process of training in the specialty "Graphics"]. *Iskusstvo glazami molodykh: materialy XI Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, 28-29 marta 2019 goda [Art through the eyes of young people: materials of the XI International Scientific Conference, March 28-29, 2019 city]*. Krasnoyarsk, Dmitri Khvorostovsky Siberian State Academy of Arts, 2019, pp. 153-156. (In Russ.).

УДК 378

THE ROLE AND PURPOSES OF THE THEORY COURSES IN THE ACADEMIC CURRICULA OF THE FACULTY OF ARTS IN NIS¹

Natasa Nagorni Petrov, PhD in Pedagogy, Professor of Department of Musical Arts of the Faculty of Arts, University of Nis (Nis, Republic of Serbia). E-mail: cairni@ni.ac.rs

Danijela Stojanovic, PhD in Pedagogy, Professor of Department of Musical Arts of the Faculty of Arts, University of Nis (Nis, Republic of Serbia). E-mail: danijela63@yahoo.com

Danijela Ilic, PhD in Arts History, Professor of Department of Musical Arts of the Faculty of Arts, University of Nis (Nis, Republic of Serbia). E-mail: danijelailic1@yahoo.com

The teaching process at the Department of Music Art at the Faculty of Arts in Niš is realized through the accredited study programs for Bachelor's degree studies (BA) and Master's degree studies (MA). The theory courses Harmony and Harmonic Analysis, Counterpoint and Musical Forms belong to a group of theoretical courses. They are taught at all levels of study within different study programmes. Starting from the theoretical basis, through the acquisition and development of skills, the analytical approach to compositions of different stylistic epochs, students are enabled to monitor the development of musical thinking, compositional practices, styles and genres through the opus of a large number of composers, as well as to have the possibility of pedagogical approach to different music-theoretical disciplines.

This paper analyzes the structure of the study programmes and teaching contents of Harmony and Harmonic Analysis, Counterpoint and Musical Forms, as theoretical disciplines. The importance of these theoretical courses is also encouraged by their correlation with other music disciplines. The academic courses Harmony and Harmonic Analysis, Counterpoint and Musical Forms are taught at Master's degree academic studies as mandatory courses, but also at the study programme of Theory Courses Teaching Methods.

Keywords: harmony and harmonic analysis, counterpoint, musical forms, theory courses, teaching methods, pedagogical approaches to teaching.

ЦЕЛЬ И ЗАДАЧИ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ КУРСОВ В АКАДЕМИЧЕСКОЙ УЧЕБНОЙ ПРОГРАММЕ ФАКУЛЬТЕТА ИСКУССТВ В НИШЕ

Наташа Нагорни Петров, кандидат педагогических наук, профессор кафедры музыкального искусства факультета искусств, Университет в Нише (г. Ниш, Республика Сербия). E-mail: cairni@ni.ac.rs

Даниела Стоянович, кандидат педагогических наук, профессор кафедры музыкального искусства, заместитель декана по художественно-научным вопросам факультета искусств, Университет в Нише (г. Ниш, Республика Сербия). E-mail: danijela63@yahoo.com

Даниела Илич, кандидат искусствоведения, профессор кафедры музыкального искусства факультета искусств, Университет в Нише (г. Ниш, Республика Сербия). E-mail: danijelailic1@yahoo.com

¹ The paper was created as part of the project of the SASA Branch in Niš, *Music heritage of South-eastern Serbia, contemporary creativity and taste education* (0-10-17).

Учебный процесс на кафедре музыкального искусства факультета искусств в Нише осуществляется через аккредитованные учебные программы на уровне бакалавриата (БА) и магистратуры (МА). Курсы «Гармония и гармонический анализ», «Контрапункт» и «Музыкальные формы» относятся к группе теоретических курсов. Они преподаются на всех уровнях обучения в рамках различных учебных программ. Исходя из теоретической основы, путем приобретения и развития навыков аналитического подхода к композициям разных стилистических эпох, студенты получают возможность отслеживать развитие музыкального мышления, композиционных практик, стилей и жанров через анализ произведений множества композиторов. Студенты также имеют возможность осваивать педагогические подходы к преподаванию разных музыкально-теоретических дисциплин.

В данной статье анализируется структура учебных программ и содержания курсов «Гармония» и «Гармонический анализ», «Контрапункт» и «Музыкальные формы» как теоретических дисциплин. Важность этих теоретических курсов подтверждается также и их соотношением с другими музыкальными дисциплинами. Академические курсы «Гармония и гармонический анализ», «Контрапункт» и «Музыкальные формы» преподаются на академических курсах магистратуры в качестве обязательных предметов, а также в рамках учебной программы по методике преподавания теоретических курсов.

Ключевые слова: гармония и гармонический анализ, контрапункт, музыкальные формы, теоретические курсы, методика преподавания, педагогические подходы к преподаванию.

DOI: 10.317773/2078-1768-2020-50-230-237

INTRODUCTION

The Faculty of Arts in Nis is one of the thirteen faculties of the University of Nis. It comprises the Department of Music Art, the Department of Visual Arts and the Department of Applied Arts. Respecting the purposes of the higher education which is based: “on the principles of academic freedom, autonomy, synthesis of pedagogical and artistic or research and scholarly work, students’ participation in the faculty management bodies and affirmation of competition in the field of education and research with the purpose of creating a more efficient higher education system of reputable standard” [4], the Faculty of Arts in Nis has defined its unique goals pertaining to its own educational and academic mission:

- “1 to transfer artistic, scholarly and expert knowledge and skills;
- 2 to improve the artistic creation and further develop of the scientific knowledge of art;
- 3 to recruit young artists, scholars and experts;
- 4 to offer equal opportunities to all individuals willing to acquire higher education and to pursue the life-long education” [4].

The Faculty of Arts in Nis offers a variety of fully accredited study programmes implemented at the level of Bachelor’s degree and Master’s degree.

The Department of Music Art at the Faculty of Arts in Nis offers eight (8) study programmes at the levels of Bachelor’s degree (BA) studies and two (2) study programmes at the Master’s degree academic studies (MA). The Bachelor’s degree study programmes are the following: Music Theory and Pedagogy, Piano, Solo-singing, String Instruments, Wind Instruments, Guitar, Accordion and Percussion Instruments. The Master’s degree study programmes are the following: Music Theory and Pedagogy and Performing Arts comprising twelve (12) modules.

The paper analyzes the study programmes offered at the Department of Music of the Faculty of Arts in Nis and the role of the main theory courses – Harmony and Harmonic Analysis, Counterpoint and Musical Forms. Some other theory courses are also discussed, such as Music Piece Analysis, Harmony and Harmonic Analysis seminar, Counterpoint seminar, Musical Forms seminar and Theory Courses Methods [3]². All the aforementioned courses are taught at various study programmes and levels of study as mandatory and/or elective courses.

² “The study programme comprises mandatory and elective academic courses, or fields of study, in other words, together with their outlined curricula that qualify students to acquire a corresponding academic degree” (Statute of the Faculty of Arts, article 109).

**THEORY COURSES
AT THE DEPARTMENT OF MUSIC ART
AT THE FACULTY OF ARTS IN NIS**

Three theory courses occupy a very significant position in the system of secondary music education in Serbia: Harmony, Counterpoint and Musical Forms. The official curricula require that pupils at all departments of secondary music schools attend the courses in Harmony (0+3+2+2)³ and Musical Forms (0+1+1+2) starting from the second grade, and the course in Counterpoint (0+0+2+2) from the third grade. These courses provide the essential expert and theoretical knowledge [2].

The theory courses knowledge is further improved at the level of higher or academic education. The courses Counterpoint and Musical Forms retain their names whereas the study materials and programmes are changed. The course Harmony becomes Harmony and Harmonic Analysis with modified study programmes and ultimate educational goals. Harmony and Harmonic Analysis is a new subject studied at the faculty, which is based upon the secondary music school education of this subject. According to Despic, the author of the textbook for the course in Harmony and Harmonic Analysis, used in the educational system of the Republic of Serbia⁴, the purpose of this newly created course is "...to expand, upgrade and integrate the students' previously acquired knowledge related to harmony in three ways: theoretical, stylistic-historic and practical, the last one including the 'creative' and analytical approach" [7].

The course in Harmony and Harmonic Analysis taught at the Faculty of Arts in Nis is a mandatory

course in the Bachelor's degree studies for the following study programmes: Music Theory and Pedagogy, Piano, Accordion, Guitar and Percussion Instruments. The course duration and the accredited curricula are different.

Music Theory and Pedagogy students attend the course in Harmony and Harmonic Analysis for three academic years during which time they learn about the origin and development of the harmonic language throughout the long history of the art of music – from the foundations of the harmonic dimension of music up to the latest issues in the music of XX century. Students are obliged to attend both theoretical and practical lectures, write term papers and take midterm tests so as to be better acquainted with the chronological and interesting harmonic developments pertaining to the particular periods of music, such as Baroque, Classicism, Romanticism, Impressionism and harmony of XX century. Being qualified to resolve each complicated situation characteristic of a particular style within a specific piece of music, students demonstrate proficiency in particular harmonic occurrences present in a certain style. Students also gain practical knowledge and skills of the harmonic occurrences characteristic for a particular style of music, practical and skillful reconstruction of the harmonic language of a particular epoch and its representatives. The analysis of fragments and/or whole compositions belonging to various genres enables students to integrate the acquired harmonic and theoretical music knowledge and thus create their own analytical concepts. The goals of the course Harmony and Harmonic Analysis are aimed at developing the knowledge and skills through an independent, practical, analytical and theoretically based approach to music referential materials from the point of view of both creation and practice [1].

Music Theory and Pedagogy students attend the course in Counterpoint during their first and second academic year in the course of the Bachelor's degree studies. The students are qualified to master the counterpoint techniques both analytically and practically, the techniques characteristic for the Renaissance and Baroque style, through the analysis of carefully selected examples of music pieces and

³ The number of classes per week and grades.

⁴ Dejan Despic (1930-), composer, music scholar, theoretician and pedagogue is one of the most inventive creative individuals from the second half of XX century and also the author of the textbooks for various music subjects: *Основи науке о музици* (1979), *Музички инструменти* (1989), *Увод у савремено компоновање* (1991), *Хармонска анализа* (1970), *Тонски слог. Мелодика* (1973), *Тонски слог. Двоглас* (1974), *Тонски слог. Вишегласје* (1974), *Тонски слог. Вишегласни аранжмани* (1975), *Музички инструменти* (1976), *Хармонија са хармонском анализом* (1997), *Теорија музике* (1997), *Музички стилови* (2004).

students' individual composition work. The starting point is the mastering of the specific counterpoint elements of a particular style (Renaissance, Baroque), extending and increasing the already acquired knowledge and the analysis of the counterpoint procedures in the defined (determined) polyphonic piece. Practical work naturally enables students to individually compose fragments or complete pieces of the Renaissance or Baroque music: two-part or three-part models, two-part inventions, fugues [1].

Music Theory and Pedagogy students attend the course in Musical Forms during the second and third academic year in the course of the Bachelor's degree studies. The course is not taught in the first academic year of study since it is believed that students should acquire certain experience in music theory and gain additional knowledge in the field of music prior to attending this academic course. The primary goals of the course are mastering the elements of the musical forms and their interaction in order to create a desirable music flow, as well as the introduction into the general principles of forms (regardless of the formal model). Students are expected to learn and understand the musical forms typology from the point of view of the analysis of a piece of music, since it is the most significant teaching method [9]. Moreover, students are expected to analyze the musical forms elements, to understand and to individually interpret the music flow. The visual and audio materials related to the fragments and complete compositions belonging to various music genres and epochs enable students to individually analyze the forms of the song, rondo, sonata, as well as different intertwined formal models. Students are also expected to present their critical opinion and generalize the obtained analytical results. During the final, fourth semester students individually analyze the cyclical compositions belonging to various music genres and periods. In addition, they take an active part in the interpretation of the forms characteristic for the contemporary techniques of composition [1].

Music Theory and Pedagogy students choose one of the offered elective courses in the fourth academic year of study: Harmony and Harmonic Analysis seminar, Counterpoint seminar, Musical Forms seminar. All three academic courses have

a common educational cause – to qualify students for their individual and independent scholarly and research work and to enable them to master the teaching methods and techniques of writing an academic paper. The selection of one of the offered electives, Harmony and Harmonic Analysis seminar, Counterpoint seminar and Musical Forms seminar, means that a student shows their inclination to the analytical and historical research, defining the subject matter, its methods and goals. It presupposes the focus on the subject matter of the research. Writing of the seminar or term paper comprises the following: analysis of the selective composition, completion of the paper content, clear formulation of the main idea and its realization, proper selection and presentation of reference materials, application of adequate methods, writing the first draft and preparation of the paper defense. The elective academic courses Harmony and Harmonic Analysis seminar, Counterpoint seminar and Musical Forms seminar are the subjects that prepare students for another level of study, which is the Master's degree study programme [1].

The theory courses Harmony and Harmonic Analysis, Counterpoint and Musical Forms are part of the accredited curriculum of the study programme Music Theory and Pedagogy in the Master's degree academic studies (MA) at the Faculty of Arts in Nis. The selection of one of the three offered theory courses, the choice of the field of study and the particular topic and final thesis represent an opportunity for students to exhibit the acquired knowledge in the process of preparing, writing and defending their final paper. Students are also expected to individually specify the subject matter of their research and to produce their own seminar paper [6]. They are provided some necessary expert help to define their ideas, use properly the methods and the scholarly paper techniques. Master's degree studies organized at the Faculty of Arts in Nis within the study programme of Music Theory and Pedagogy qualify students for an independent scholarly and academic work in the field of music theory and analysis as well as for adequate pedagogical work in the defined field [1].

The academic course Theory Courses Teaching Methods is the mandatory course in the study programme Music Theory and Pedagogy at the

Master's degree academic studies. The goals of the course are acquiring knowledge concerning the secondary music education in theory courses and the methods of teaching theory courses, such as Music Theory, Harmony, Counterpoint and Musical Forms. Students are inspired to develop an interest in the pedagogical work and to educate themselves for teaching theory subjects. On the other hand, students are expected to develop a critical and analytical approach towards these courses, to understand the theory courses teaching methods, to form a comparative and analytical approach regarding the necessary reference materials. In the process of learning theory and practical skills, the focus is on the development of creativity in teaching as an imperative for the future individual teaching of theory courses [1]. Experienced educator and teacher of Theory Courses Teaching Methods at the Faculty of Music Art in Belgrade and renown author Zivkovic deliberates that, "The crucial aim of this subject is not offering ready-made solutions on how to transfer knowledge and skills in the best possible way but qualifying future teachers for the analysis of both their and other persons' methods and for an adequate assessment of the effects of such procedures, as well as for the analysis of the pedagogical reference materials in their selected field of study" [8]⁵.

Academic education acquired by studying Theory Courses Teaching Methods is aimed at learning the essential and obligatory elements pertaining to the teaching of particular subjects as well as at "...inspiring students to create clearer ideas regarding the importance of teaching these subjects in secondary schools and to accept their own

independent ideas about the most convenient ways of applying the learned procedures accordingly, which will offer them a proper direction and make their classes more interesting, colorful and dynamic" [5].

Students of the study programmes Piano, Guitar, Accordion and Percussion Instruments attend the academic courses Harmony and Harmonic Analysis and Counterpoint in the first year of the Bachelor's degree studies. This represents a certain qualitative recapitulation of the knowledge and skills attained during the previous course of music education, but also some augmentation and preparation for the attendance of the academic course Music Analysis. The study of the most significant elements of the classicist harmony and the elements of the analytical harmony leads to the acquisition of the independent soprano and bass melody harmonization and an analytical approach to the works composed by various composers belonging to different music styles and epochs. The Counterpoint classes are structured so as to enable students to master the counterpoint techniques of the Renaissance and Baroque style through the analysis of the selected and exemplary music pieces and the individual composition work (two-part inventions) [1]⁶.

Students studying performing arts start attending a new course in the second year of study, the course Music Analysis, which represents an intermingling of the elements of all theory courses. A theoretical and analytical approach to the composed works from different music epochs and genres enables students of performing arts to apprehend analytically the music reference materials that they perform within their major courses, chamber music and orchestra courses. The three-year academic study of the course Music Analysis aims at qualifying students of performing arts to understand the importance of the analytical observations in the shaping of their own individual interpretative concept, as well as to relate the studied materials with the materials learned in other courses and with the scholarly reference materials [1].

⁵ Mirjana Zivkovic (1935-), composer, author of music textbooks, theoretician and pedagogue, author of a great number of textbooks in the field of various theory disciplines: *Хармонија у оквиру музичких стилова*, study notes (1978), *Хармонија на клавиру: адаптација збирке Пола Видала и Нађе Буланже* (1979), *Методика теоријске наставе*, study notes (1979), *Хармонија*, secondary music school textbook (valid for university students) (1990), *Хармонија за II разред*, *Хармонија за III и IV разред* (valid for university students) (2001), *Инструментални контрапункт*, secondary music school textbook (valid for university students) (1991), *Бахове четворогласне хармонизације корала* (1996).

⁶ The following are the authors of the theory subjects textbooks: M. Tajcevic. *Општа теорија музике* (1982), D. Skovran, V. Pericic. *Наука о музичким облицима* (1991), M. Mihajlovic. *Музички облици* (1989), V. Pericic. *Вокални контрапункт* (1992).

Table 1

Theory courses in the study programmes at the Faculty of Arts in Nis

Academic course	Level of study	Study programme	Year of study	Course status
Harmony and Harmonic Analysis	Bachelor's degree academic studies (BA)	Music Theory and Pedagogy	I, II, III	M ⁷
		Piano	I	M
		Accordion	I	M
		Guitar	I	M
		Percussion Instruments	I	M
	Master's degree academic studies (MA)	Music Theory and Pedagogy	I	E ⁸
Counterpoint	BA	Music Theory and Pedagogy	I, II	M
		Piano	I	M
		Accordion	I	M
		Guitar	I	M
		Percussion Instruments	I	M
	MA	Music Theory and Pedagogy	I	E
Musical Forms	BA	Music Theory and Pedagogy	II, III	M
	MA	Music Theory and Pedagogy	I	E
Harmony and Harmonic Analysis seminar	BA	Music Theory and Pedagogy	IV	E
Counterpoint seminar	BA	Music Theory and Pedagogy	IV	E
Musical Forms seminar	BA	Music Theory and Pedagogy	IV	E
Music Analysis	BA	Piano Solo Singing Guitar Accordion String Instruments Wind Instruments Percussion Instruments	II, III, IV	M
Theory Courses Teaching Methods	MA	Music Theory and Pedagogy	I	M

⁷ M – mandatory, required courses.

⁸ E – elective courses.

CONCLUSION

The theory academic courses studied at the Faculty of Arts in Nis are the following: Harmony and Harmonic Analysis, Counterpoint and Musical Forms. The study of theory courses is beneficial to students since they acquire necessary theoretical knowledge and skills regarding their analytical approach to music pieces composed by various composers and belonging to different music genres and epochs.

Harmony and Harmonic Analysis, Counterpoint and Musical Forms are studied as both mandatory and elective academic courses in different study programmes of Bachelor's degree studies and Master's

degree studies at the Faculty of Arts in Nis. The study of the theory courses at the level of Bachelor's degree studies and the selection of the offered elective seminars (Harmony and Harmonic Analysis seminar, Counterpoint seminar and Musical Forms seminar) represent a carefully designed programme, leading to the Master's degree studies and a more comprehensive and detailed exploration of the practical, theoretical and analytical knowledge and skills within one of the theory disciplines. The academic teaching continuity, a wide range of offered courses and study materials and the period necessary for their realization represent a model for a long-term process of creating and shaping the personality of a music pedagogue, theoretician and performer.

Literature

1. Course overview. – Niš: Faculty of Arts, 2012.
2. Regulations on alterations and amendments of the Regulations on the four-year secondary education in the field of culture, art and media. – Belgrade, 1996.
3. Regulations on the fields of study of the Faculty of Arts in Nis. – Niš, 2012.
4. Statute of the Faculty of Arts. – Nish, 2012.
5. Anđelković-Protić Jasminka. Analitički pregled postupaka u radu na metodici teorijske nastave // Zbornik katedre za teorijske predmete. – Beograd: Fakultet muzičke umetnosti, 2004. – P. 123–128.
6. Damjanović Milan. Mesto teorijskog rada u okviru univerziteta umetnosti. – Beograd: Univerzitet umetnosti u Beogradu, 1976.
7. Despić Dejan. Harmonija sa harmonskom analizom. – Beograd: Zavod za udžbenike i nastavna sredstva, 2002.
8. Živković Mirjana. O metodici nastave teorijskih predmeta na Fakultetu muzičke umetnosti u Beogradu (Ili: Kako je počelo) // Interakcija muzike i vremena. Zbirka tekstova. – Beograd: Fakultet muzičke umetnosti, 2014. – P. 387–391.
9. Нагорни Петров Наташа, Стојановић Данијела. Важност уџбеника у холистичком приступу настави уџестручних предмета на Факултету музичке уметности // Холистички приступи у васпитању. – Пирот: Висока школа струковних студија за образовање васпитача у Пироту, 2013. – P. 38–46.

References

1. *Obzor kursa [Course overview]*. Nish, Faculty of Arts Publ., 2012. (In Engl.).
2. *Polozhenie o vnesenii izmeneniy i dopolneniy v Polozhenie o chetyrehletnem srednem obrazovanii v oblasti kul'tury, iskusstva i media [Regulations on alterations and amendments of the Regulations on the four-year secondary education in the field of culture, art and media]*. Belgrade, 1996. (In Engl.).
3. *Polozhenie o napravleniyakh obucheniya fakul'teta iskusstv v Nishe [Regulations on the fields of study of the Faculty of Arts in Nish]*. Nish, 2012. (In Engl.).
4. *Ustav fakul'teta iskusstv [Statute of the Faculty of Arts]*. Nish, 2012. (In Engl.).
5. Anđelković-Protić Jasminka. Analitiki v poiskakh knigi po metodike teorii nastavljeniya [Analysts in search of a book on methods of theory of guidance]. *Sbornik kafedry po teoreticheskim predmetam [Collection of the Department of theoretical disciplines]*. Beograd, Fakultet muzičke umetnosti, 2004, pp. 123-128. (In Serb.).
6. Damjanovic Milan. *Mesto teoreticheskoy raboty v universitete iskusstv [Place of theoretical work within the University of the Arts]*. Belgrade, Belgrade University of Art Publ., 1976. (In Serb.).
7. *Despic Dejan. Garmoniya s garmonicheskim analizom [Harmony with harmonic analysis]*. Belgrade, Institute for Textbooks and Teaching Aids Publ., 2002. (In Serb.).
8. Zivkovic Mirjana. O metodike prepodavanija teoreticheskikh predmetov na muzykal'nom fakul'tete v Belgrade (ili: Kak eto nachalos') [About the Teaching Methods of Theoretical Subjects at the Faculty of Music in Belgrade

- (Or: How it started)]. *Vzaimodeystvie muzyki i vremeni: sbotnik* [The interaction of music and time. Collection of texts]. Belgrade, Faculty of Music Arts Publ., 2014, pp. 387-391. (In Serb.).
9. Nagorny Petrov Natasha, Stojanović Danijela. Vazhnost' uchebnikov v tselostnom podkhode k prepodavaniju osnovnykh predmetov na muzykal'nom fakul'tete [The importance of textbooks in a holistic approach to teaching the core subjects at the Faculty of Music]. *Tselostnye podkhody v obrazovanii* [Holistic Approaches in Education]. Pirot, College of Professional Studies for the Education of Teachers in Pirot Publ., 2013, pp. 38-46. (In Serb.).

УДК 37.036

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОБРАЗ КАК ОСНОВА ПРОЕКТНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ОБЛАСТИ ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОГО ИСКУССТВА

Ткаченко Людмила Анатольевна, кандидат искусствоведения, доцент, доцент кафедры дизайна, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ). E-mail: ludmilatk@bk.ru

Ткаченко Андрей Викторович, кандидат искусствоведения, доцент, доцент кафедры декоративно-прикладного искусства, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ). E-mail: andreitk64@gmail.com

Мхитарян Гагик Юрикович, доцент, профессор кафедры дизайна, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ). E-mail: gagmag@mail.ru

Привалова Галина Федоровна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры социально-культурной деятельности, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ). E-mail: privalova-gf@mail.ru

В статье рассматривается проектирование в художественном творчестве и важная категория искусства – художественный образ, создаваемый в проектной деятельности. Выявляются особенности художественного образа в искусстве, а также специфика его проявления в прикладном искусстве, в изделиях и произведениях художественной керамики. Развитие способности создавать художественные образы авторы рассматривают как одно из важных условий становления профессиональной культуры и подготовки художника-прикладника. Статья призвана доказать основополагающее значение создания художественного образа в изделии и произведении декоративно-прикладного искусства в результате проектно-художественной деятельности.

Обращаясь к понятию «проектная деятельность», авторы анализируют разные трактовки близких по значению терминов «проект», «проектирование», «проектная культура» и более подробно исследуют роль художественного образа в проекте-документе, проекте-объекте, проекте-процессе. Процесс проектирования рассмотрен в трех основных направлениях работы: художественном, технологическом, техническом. Выделяются компоненты в процессе проектирования: периоды (разработка идеи, концепции, установление целей и задач проекта, создание плана, расчет ресурсов деятельности, организация деятельности по реализации проекта, осмысление проекта); направления (работа по сбору материала: теоретического (исторического, искусствоведческого, этнографического) и практического (знание технологии)); этапы (подготовительный, осмысления и интуитивного выполнения, фиксации в художественно-графическом варианте); стадии, свойственные декоративно-прикладному искусству (начальная стадия; стадия разработки; стадия реализации; завершающая стадия). Более подробно рассмотрены стадии и соответствующие им специфические процессы создания художественного образа и даны их условные названия «мысленный», «конкретизирующий», «практический», «обобщающий».

Авторы обращаются к различным аспектам создания художественного образа в процессе проектной деятельности, рассматривают эти процессы на примере работ студентов кафедры декоративно-прикладного искусства Кемеровского государственного института культуры.

Подчеркивается значительная роль технологии производства в проектной деятельности будущих художников-керамистов и ее влияние на создание художественного образа. Творческий процесс создания произведений искусства в настоящее время называют проектной художественной деятельностью. Авторы приходят к выводу, что создание художественного образа в изделии и произведении декоративно-прикладного искусства в результате проектно-художественной деятельности имеет основополагающее значение, и дают свое определение проектно-художественной деятельности.

Ключевые слова: проект, проектирование, проектная деятельность, проектно-художественная деятельность, художественный образ в декоративно-прикладном искусстве, проектирование художественной керамики.

ARTISTIC IMAGE AS THE BASIS OF DESIGNING THE PROJECTS IN DECORATIVE ART

Tkachenko Lyudmila Anatoyevna, PhD in Art History, Associate Professor, Associate Professor of Department of Design, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: ludmilatk@bk.ru

Tkachenko Andrey Viktorovich, PhD in Art History, Associate Professor, Associate Professor of Department of Design, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: andreitk64@gmail.com

Mkhitaryan Gagik Yurikovich, Associate Professor, Professor of Department of Design, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: gagmag@mail.ru

Privalova Galina Fedorovna, PhD in Pedagogy, Associate Professor, Associate Professor of Department of Sociocultural Activity, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: privalova-gf@mail.ru

The article discusses designing projects as a part of artistic creation and one of the important categories of art, an artistic image created as a result of designing. There have been revealed the substantial features of an artistic image, as well as the peculiarities of its implementation in decorative art, in ceramics works.

Clarifying the concept of “designing project,” the authors analyze different interpretations of the related terms “project,” “design,” “project culture” and study in more detail the role of the artistic image in the design of a document, design of an object, designing process. The authors have distinguished the components of the design process, such as periods, namely developing ideas, concepts, setting goals and objectives of designing, creating the plan, calculating the resources of activities, organizing the activities for implementation of the project, making sense of the project. Directions, which include work on collecting the material: theoretical (historical, art history, ethnographic) and practical (knowledge of technology). Stages, such as preparatory, comprehension and intuitive execution, fixation in an artistic-graphic version and stages characteristic of arts and crafts i.e. initial stage; development stage; implementation stage; final stage. The authors have examined those stages and corresponding the specific processes of creating the artistic image in more detail and have given them conventional names “mental,” “concretizing,” “practical,” “generalizing.”

The authors study various aspects of creating the artistic image in designing projects, and consider the works of students of the department of decorative art of Kemerovo State Institute of Culture as an example of these processes.

The authors come to a conclusion that creating the artistic image in decorative art as a result of artistic activity has a fundamental meaning and give their own definition of the art designing project.

Keywords: design, designing, project activities, art designing project, artistic image in decorative art, ceramics designing.

Анализу разнообразных проблем, освещению различных вопросов проектной деятельности в искусстве (в том числе декоративно-прикладном искусстве) исследователи уделяют значительное внимание. Можно назвать целый ряд ученых и педагогов, которые обращаются к вопросу организации проектной деятельности в образовательных учреждениях разного уровня. Среди них можно назвать И. С. Исламбекову, С. Ю. Камневу, А. В. Князеву, Т. М. Криво, А. С. Максяшина, М. В. и М. С. Соколовых, Е. А. Сысоеву, А. Л. и И. М. Файзрахмановых. Одни исследователи анализируют процесс активизации проектной деятельности как условие успешной творческой работы [6]. Другие рассматривают вопросы методологического характера в области проектной деятельности и индивидуализации обучения [3; 7; 8]. Некоторые ученые интересуются художественно-творческим потенциалом проектной деятельности, относя её к инновационным процессам [4]. Много внимания уделяется проблеме развития воображения посредством проектной деятельности [12; 15]. О специфике художественного образа в декоративно-прикладном искусстве (ДПИ) пишет М. С. Соколов [11], но он не касается проблемы создания художественного образа в проектной деятельности. Актуальность темы статьи обусловлена отсутствием исследований, посвященных рассмотрению художественного образа в аспекте его значения для художественно-проектной деятельности.

В статье рассматривается проектирование художественной керамики, одного из видов декоративно-прикладного искусства.

Каждый вид искусства имеет свои способы осмысления мира, которые отражаются в художественных образах. Художественный образ – это эстетическая категория, выражающая способ и форму освоения и преобразования действительности. Существуют разные определения художественного образа в искусстве: «отражение, изображение, отображение внешней действительности» [9, с. 43]; «специфическая, присущая искусству форма отражения действительности, раскрывающая общее через конкретное, индивидуальное и осуществляемая в творческом процессе художника» [1, с. 153].

Художественный образ – это некая субстанция, созданная фантазией художника на основе переработки и осмысления различных объектов,

явлений, процессов. Рожденный художником, он не только отражает, но и обобщает действительность и производит при этом новый, вымышленный мир. Определенный художественный образ связан с внутренним миром творца и его представлениями о жизни. Главное предназначение художника – создание образов, это условие и основной признак таланта. «Кто не одарен творческой фантазией, способною превращать идеи в образы, мыслить, рассуждать и чувствовать образами, тому не помогут сделаться поэтом ни ум, ни чувство, ни сила убеждений и верований, ни богатство разумно исторического и современного содержания» [2, с. 591].

Раскрытие понятия «художественный образ» в прикладном искусстве представляет значительные трудности, потому что трактовки данного понятия, сложившиеся в искусствознании и литературоведении, мало приложимы к этому виду художественного творчества.

Произведения искусства и изделия художественной керамики являются принципиально разными объектами, поэтому понятие «художественный образ», применяющееся к произведениям станкового характера и изделиям прикладного искусства, различно. Изделия ДПИ не отображают мир: «образное отражение ими действительности не носит характера непосредственного воспроизведения явлений, изображения в собственном смысле слова» [9, с. 46]. Изделия художественной керамики – блюда, сосуды, вазы – представляют собой предметы определенной формы. В художественной вещи прикладного характера система образов будет представлена цветом, линией, объемом.

Понятие «образ» станковых произведений (декоративная скульптура, декоративные панно) связывается с представлением о типичном, выраженном в конкретном и неповторимо-индивидуальном. Художественный образ в таких произведениях выражается реалистическим изображением человека и животных. Два направления – орнаментально-бытовое, представленное изделиями первой группы, и декоративно-сюжетное, представленное произведениями второй группы, – отличаются друг от друга идейной значимостью и соотношением формы и украшений. В обоих случаях художественная образность непременно присутствует, хотя и в разном качестве [13, с. 62–64].

Формирование умения и развитие способности создавать художественные образы – это одно из важных условий становления профессиональной культуры и подготовки художника, в том числе художника декоративно-прикладного искусства в области художественной керамики.

Обратимся к понятию «проектно-художественная деятельность». Это деятельность человека по созданию проекта, то есть прототипа, прообраза, предполагаемого или возможного объекта [10]. Проектная деятельность является инновационной творческой, ибо она предполагает преобразование реальности и строится на базе соответствующей технологии, которую можно унифицировать, освоить и усовершенствовать [7, с. 3]. Это понятие связано с множеством родственных терминов: «проект», «проектирование», «проектная культура».

Рассмотрим данные понятия. Проектирование представляет собой «процесс описания, создания изображения или модели несуществующего объекта с заданными свойствами. Это целенаправленная деятельность, которая обладает последовательностью процедур, ведущих к достижению эффективных решений» [10]. «Проектирование как категория преобразовательной деятельности является специфической формой сознания, которую нельзя отнести только к его логической или эмоциональной, субъективной или объективной формам, которая совмещает в себе черты всех вышеуказанных форм и опирается на способность продуктивного воображения» [10, с. 12].

Проанализировав словосочетание «проектная культура» в разных источниках, остановимся на определении, что это «профессионально личностное качество, включающее совокупность профессиональных знаний, соответствующих современному уровню развития художественной культуры, науки и общества, адекватные им функциональные умения и навыки проектирования, психологическую готовность проявлять в практическом проектировании инновационные подходы, находить нестандартные и креативные решения художественно-проектировочных задач» [15].

Обратимся к более подробному анализу понятия «проект». Слово «проект» имеет несколько значений. Рассмотрим три из них, которые применимы к проектной художественной деятельности: 1) проект – комплект документации,

предназначенный для создания определённого объекта (проект изделия, здания, сооружения), 2) проект – объект, результат какой-либо особой деятельности-проектирования, 3) проект – программа, план действий, комплекс работ, подлежащих воплощению, уникальный набор процессов, имеющих цель и предполагаемый результат.

Необходимо отметить, что процесс проектирования при создании объектов художественной керамики соединяет три направления работы: художественное, технологическое, техническое [12, с. 219]:

- художественное направление выражается определённым стилем изделия или произведения, стилизацией элементов или всего объекта, организацией пространства и среды посредством художественного объекта, композицией, пропорциями, пластикой, ритмом, объемом, цветом, контрастом и нюансом;

- технологическое проявляется в знании технологии изготовления и обжига изделий, создания поверхности и фактуры (декорирование поверхностей);

- техническое состоит в знании особенностей эскиза, проекта, чертежа, плана и умении их создавать, осознать конструкцию.

Первые два определения слова «проект» имеют непосредственное отношение к созданию изделий и произведений художественной керамики, так как означают последовательные этапы работы. В первом случае студенты изображают на бумаге или в компьютерной программе некий объект или композицию, которую принято называть проектом. Студенты работают в двух направлениях: художественном и техническом. На этом этапе происходит создание художественного образа будущего произведения или изделия в графическом варианте. Начальный этап проектирования художественного образа является основополагающим. В это время закладывается базис (сущность, первооснова) художественного образа, который будет постепенно развиваться, усиливаться, совершенствоваться в процессе проектной деятельности.

Художественный образ, сформированный на бумаге или в компьютерной программе, не всегда может воплотиться в реальном объекте. Как известно, в искусстве есть множество гениальных проектов, которые не могут быть осуществлены в материале при современных технологиях.

Во втором случае объект создается из конкретных керамических материалов, и его также называют проектом. При этом деятельность осуществляется в художественном и технологическом направлении. Можно считать, что именно в таком проекте-объекте происходит непосредственное возникновение художественного образа. В этот момент благодаря глубокому погружению автора в неизведанное, проникновению в суть вещи, воплощению мыслей, раздумий, размышлений происходит рождение, сотворение произведения, наделенного той самой субстанцией – художественным образом. «Воплощение всякого художественного образа зависит не только от способностей, знаний, умений художника, но и от объективных возможностей материала. Один и тот же предмет, например, кувшин, будет по-разному выглядеть, если его выполнить из различных керамических материалов: фарфора, фаянса, терракоты, каменной массы. То же самое можно сказать о декорировании изделий: росписи, покрытии цветными глазуриями, нанесении различных фактур и рельефов. Задачей художника-керамиста в его отношении к материалу становится максимальное использование всех специфических художественных возможностей и особенностей этого материала» [13, с. 32]. При изготовлении керамических объектов большое значение имеет знание технологии. Будущий художник обязан знать, как достичь художественного эффекта, чтобы наиболее полно выразить определенный художественный образ.

В керамическом производстве возможно получить необыкновенный художественный эффект, особенно при обжиге изделий, который часто невозможно повторить. Однако на подобные случайные эффекты не стоит надеяться. Поэтому знание технологии – это залог успеха в декоративно-прикладном искусстве [14]. В этом случае можно говорить о создании произведения искусства, в котором читается определенный художественный образ.

Остановимся более подробно на третьем определении: проект как набор процессов, имеющих цель и предполагаемый результат. Обратим внимание, как первые два значения слова «проект» входят в содержание третьего определения – «проект-процесс». Именно оно наиболее близко к смысловому наполнению проектной ху-

дожественной деятельности. Это творческий процесс, направленный на создание принципиально нового, уникального объекта (проекта). При этом обязательным условием является наличие заранее выработанных представлений о конечном продукте. Деятельность по созданию продукта состоит из нескольких периодов и стадий. К периодам относят разработку идеи, концепции, установление целей и задач проекта, создание плана, расчет доступных и оптимальных ресурсов, организацию работы по реализации проекта, осмысление результатов проекта. Проектная деятельность помогает «почувствовать практическую значимость получаемых знаний... научиться ориентироваться в достаточно распространенных источниках информации, систематизировать свои знания, полученные при изучении других предметов, развивать свой творческий потенциал» [6, с. 122].

Для рассмотрения каждой стадии обратимся к деятельности студентов кафедры декоративно-прикладного искусства Кемеровского государственного института культуры по созданию творческой работы. В учебном плане направления подготовки «Декоративно-прикладное искусство и народные промыслы», профиль подготовки «Художественная керамика», содержится несколько дисциплин, таких как «Проектирование», «Композиция по керамике», «Конструирование и макетирование», которые связаны с реализацией студентами собственных проектов художественных изделий, наделенных художественным образом. Практическая работа по созданию этих произведений происходит при изучении первых двух дисциплин.

В жизненном цикле каждого проекта существует несколько стадий: начальная стадия; стадия разработки; стадия реализации; завершающая стадия, причем на каждой идет процесс создания художественного образа. Рассмотрим подробнее каждую стадию в учебном процессе.

На *начальной стадии* происходит определение студентом цели, поиск первоначальной идеи, формирование замысла, темы будущего проекта. Тема является интеллектуально-творческим ядром проекта. Выбор темы зависит от интересов каждого студента, его картины мира, философской основы, предрасположенности к какому-то керамическому материалу и технологии изго-

товления. При этом оцениваются возможности студента по выполнению работы. Происходит осмысление того, как при помощи технических средств керамической технологии создать изделие или произведение. Создается общая концепция проекта и план. На этой стадии будущий художник обдумывает образ произведения – это «мысленный» художественный образ.

На *стадии разработки* основное внимание уделяется развитию уже принятой концепции проекта и отдельных ее аспектов. Этот процесс можно условно разделить на направления и этапы. Одним направлением является работа по сбору исторического (события, территориальное размещение), искусствоведческого (стилистика), этнографического (легенды, мифы, образы предков), музейного материала. Другим направлением работы можно считать знакомство с творчеством керамистов, современных и живших ранее, картина мира которых схожа с картиной мира студента. Это позволяет студенту познакомиться с задачей художественного образа в творчестве признанных художников. Такая деятельность помогает развитию творческого потенциала студентов, расширяет их представление о выразительных возможностях данного вида декоративного искусства, побуждает к экспериментам и поискам, мотивирует творческую деятельность.

К третьему направлению можно отнести освоение технологии, когда студенты осознают возможности керамики. Перечисленные три направления составляют *подготовительный этап*.

Возможно, какое-то из данных направлений на начальном этапе будет отсутствовать и осуществится на следующем этапе, который можно назвать *этапом осмысления и интуитивного выполнения*. На этом этапе студент создает зарисовки, эскизы, занимается поиском вариантов форм предмета и декора, придумывает композиционное и цветовое решение, выбирает материал, из которого будет выполнено изделие, а также технику исполнения. Если студент ощущает недостаток каких-то знаний и умений, он возвращается к подготовительному этапу. В это же время может быть выполнен эскиз в материале. Стадия разработки завершается выполнением проекта на планшете или в компьютере. В этот момент происходит выбор студентом одной идеи и ее фиксация. Назовем его *этапом фиксации*

в художественно-графическом варианте. Выше мы говорили о втором значении слова «проект» как об объекте, результате проектирования, – теперь он выполнен, и художественный образ будущего изделия проявляется в зрительной форме. Воплощение художественного образа на стадии разработки можно условно назвать «конкретизацией» образа.

В декоративно-прикладном искусстве наличие проекта еще не гарантия его исполнения в материале. Технология исполнения часто не позволяет в точности повторить графический проект. Изделие после обжига может не удовлетворить создателя, а может превзойти все его ожидания. Поэтому часто графическое изображение на планшете выполняется после того, как проект уже выполнен в материале. На этой же стадии происходит расчет доступных и оптимальных ресурсов деятельности, если это касается крупного итогового задания.

Обратимся к *стадии реализации*. На этой стадии деятельность студента заключается в воплощении найденных решений. Начинается творческая работа в материале. Студент создает художественное произведение – лепит изделие из глины или шамота. «Для создания художественного изделия будущему художнику недостаточно изучить традиции и овладеть необходимыми технологиями, важно обладать развитыми композиционными способностями, которые обеспечивают возможность создания оригинальных современных изделий» [4].

Далее студент декорирует свою работу, применяя различные варианты фактур или рельефного декора, расписывает ангобами или глазурями. При обжиге огонь завершает работу создателя. Это момент, когда керамический объект превращается в произведение искусства, наделенное незримой субстанцией – художественным образом. Образ проявляется в объемной форме. Студент создал проект-объект. На этой стадии «практической» реализации художественного образа будущий художник воплощает предполагаемый образ в материале.

Содержанием *завершающей стадии* в проектной деятельности является окончательное достижение поставленных целей (завершение одного из семестровых заданий, курсового проекта, выпускной квалификационной работы). Происходит подведение итогов, осмысление результа-

тов проекта, анализ и оценка работы. Обратимся к еще одному аспекту проектной деятельности студентов – участию в творческих выставках. Выставка является «проектом, у которого есть своя структура, этапы подготовки, организации и проведения» [5, с. 362]. На выставке могут выставляться лучшие работы студентов, обладающие богатым художественным образом. Реализацию художественного образа на последней стадии можно считать «обобщающей». Таким образом, можно дать определение понятию «проектно-художественная деятельность» – это деятельность человека по созданию проекта, модели, прототипа, прообраза, предполагаемого или возможного объекта содержащего в себе художественный образ.

Способность создания художественного образа развивается неодинаково у студентов учебного заведения, несмотря на то что они находятся в одних и тех же условиях. Это зависит от индивидуальных творческих способностей, вдохновения, таланта человека.

Можно отметить, что процесс создания произведений искусства, наделенных художественным образом, всегда существовал в истории искусства, но его называли другими терминами – создание композиции, творческий процесс, со-творение художником произведения. В настоящее время такой процесс обозначают термином «проектная художественная деятельность».

Таким образом, рассматрив значение трех определений слова «проект» в художественном творчестве (считая значение этого слова основой понятия «проектная художественная деятельность»): проект-документ, проект-объект, проект-процесс, – мы определили, что в каждом присутствует незримая субстанция – художественный образ. Каждый объект декоративно-прикладного искусства – это синтез идеи, мастерства, знания технологии студентом-художником. Такой объект превращается в произведение искусства, если в нем присутствует художественный образ.

Проектная художественная деятельность состоит из нескольких направлений, этапов, периодов и стадий. Более подробно были рассмотрены стадии в учебном процессе КемГИК при обучении студентов-керамистов. Каждая стадия – это специфический процесс создания художественного образа, которые условно можно назвать «мысленным», «конкретизирующим», «практическим», «обобщающим».

Рассмотрев все составляющие проектно-художественной деятельности, приходим к выводу, что создание художественного образа в издании и производстве декоративно-прикладного искусства имеет основополагающее значение. Авторы определяют современную проектно-художественную деятельность как процесс создания изделий и произведений искусства, наделенных художественным образом.

Литература

1. Аполлон. Изобразительное и декоративное искусство. Архитектура: терминолог. слов. – М.: Эллис Лак, 1997. – 736 с.
2. Белинский В. Г. Полное собрание сочинений. – М.: АН СССР, Ин-т рус. лит., 1956. – Т. 6. – 799 с.
3. Исламбекова И. С. Технологизация формирования проектной культуры личности // Изв. Дагестан. гос. пед. ун-та. – 2009. – № 1. – С. 121–126.
4. Камнева С. Ю. Формирование проектной культуры как инновационный подход [Электронный ресурс] // Соврем. исслед. соц. проблем. – 2012. – № 10 (18). – URL: <http://www.sisp.nkras.ru/e-ru/issues/2012/nol0.html>.
5. Князева А. В. Выставка произведений декоративно-прикладного искусства как средство коммуникации в современной проектной деятельности // Модернизация культуры: порядки и метаморфозы коммуникации: мат-лы III Междунар. науч.-практ. конф. – 2015. – С. 361–363.
6. Криво Т. М. Технология развития художественно-творческого потенциала студентов педвуза посредством проектной деятельности (в сфере декоративно-прикладного искусства) // Вестн. ТГПУ. – 2012. – № 117, вып. 2. – С. 121–125.
7. Максяшин А. С. Теория и методология проектирования художественных изделий. – Екатеринбург: РГППУ, 2015. – 123 с.
8. Мещерякова Е. В. Технологический процесс педагогического проектирования индивидуализации учебного процесса в вузе // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. – Новосибирск: Центр развития науч. сотрудничества, 2014. – № 36. – С. 116–121.

9. Салтыков А. Б. Проблема образа в прикладном искусстве // Некоторые вопросы теории изобразительного искусства: сб. – М.: Искусство, 1957. – С. 43–48.
10. Словари и энциклопедии на Академике [Электронный ресурс]. – URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/282193> (дата обращения: 01.11.2019).
11. Соколов М. С. Профессиональная подготовка художника декоративного искусства на основе активизации проектной деятельности // Педагогическое образование в России. – Екатеринбург: УрГПУ, 2015. – № 11. – С. 43–46.
12. Сысоева Е. А. Проектирование в системе обучения художественной керамике // Омск. науч. вестн. – 2012. – № 3. – С. 219–221.
13. Ткаченко Л. А. Художественная керамика Западной Сибири на рубеже XX–XXI веков. – Кемерово: КемГИК, 2012. – 160 с.
14. Ткаченко Л. А., Ткаченко А. В. Освоение современных и традиционных технологий производства как основа профессионального образования художника-керамиста // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2019. – № 46. – С. 246–255.
15. Файзрахманова А. Л., Файзрахманов И. М. Развитие проектной культуры талантливой молодежи в области декоративно-прикладного искусства // Современ. наукоемкие технологии. – 2016. – № 1–1. – С. 197–201.

References

1. *Apollon. Izobrazitel'noe i dekorativnoe iskusstvo. Arkhitektura: terminologicheskii slovar [Apollo. Visual and decorative art. Architecture. The dictionary of terms]*. Moscow, Ellis Lak Publ., 1997. 736 p. (In Russ.).
2. Belinskiy V.G. *Polnoe sobranie sochineniy [Full collection of works]*. Moscow, AN SSSR, In-t rus. lit. Publ., 1956, vol. 6. 799 p. (In Russ.).
3. Islambekova I.S. Tekhnologizatsiya formirovaniya proektnoy kul'tury lichnosti [Technology of forming a project personality]. *Izvestiya Dagestanskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta [Bulletin of Dagestan state pedagogical university]*, 2009, no. 1, pp. 121–126. (In Russ.).
4. Kamneva S.Yu. Formirovanie proektnoy kul'tury kak innovatsionnyy podkhod [Forming a project culture as a novation approach]. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem [Modern studies of social issues]*, 2012, no. 10 (18). (In Russ.). Available at: <http://www.sisp.nkras.ru/e-ru/issues/2012/nol0.html>.
5. Knyazeva A.V. Vystavka proizvedeniy dekorativno-prikladnogo iskusstva kak sredstvo kommunikatsii v sovremennoy proektnoy deyatel'nosti [An exhibition of decorative art works as the way to communicate in the modern project reality]. *Modernizatsiya kul'tury: poryadki i metamorfozy kommunikatsii: materialy III Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii [Modernization of culture: the orders and the metamorphoses of communication. Papers of the third international scientific and practical conference]*, 2015, pp. 361–363. (In Russ.).
6. Krivo T.M. Tekhnologiya razvitiya khudozhestvenno-tvorcheskogo potentsiala studentov pedvuza posredstvom proektnoy deyatel'nosti (v sfere dekorativno-prikladnogo iskusstva) [Technology for the development of the artistic and creative potential of pedagogical university students through project activities (in the field of arts and crafts)]. *Vestnik TGPU [Bulletin of TGPU]*, 2012, no. 117, iss. 2, pp. 121–125. (In Russ.).
7. Maksyashin A.S. *Teoriya i metodologiya proektirovaniya khudozhestvennykh izdeliy [Theory and methodology of designing art products]*. Ekaterinburg, RGPPU Publ., 2015. 123 p. (In Russ.).
8. Meshcheryakova E.V. Tekhnologicheskii protsess pedagogicheskogo proektirovaniya individualizatsii uchebnogo protsessa v vuze [The technological process of pedagogical design of the individualization of the educational process at the university]. *Psikhologiya i pedagogika: metodika i problemy prakticheskogo primeneniya [Psychology and pedagogy: methodology and problems of practical application]*. Novosibirsk, Tsentr razvitiya nauchnogo sotrudnichestva Publ., 2014, no. 36, pp. 116–121. (In Russ.).
9. Saltykov A.B. Problema obraza v prikladnom iskusstve [The problem of image in applied art]. *Nekotorye voprosy teorii izobrazitel'nogo iskusstva [Some questions of the theory of fine art]*. Moscow, Iskusstvo Publ., 1957, pp. 43–48. (In Russ.).
10. *Slovari i entsiklopedii na Akademike [Dictionaries and encyclopedias on Academic]*. (In Russ.). Available at: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/282193> (accessed 01.11.2019).
11. Sokolov M.S. Professional'naya podgotovka khudozhnika dekorativnogo iskusstva na osnove aktivizatsii proektnoy deyatel'nosti [Vocational training for a decorative artist based on intensified project activities]. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii [Pedagogical education in Russia]*. Ekaterinburg, UrGPU Publ., 2015, no. 11, pp. 43–46. (In Russ.).

12. Sysoeva E.A. Proektirovanie v sisteme obucheniya khudozhestvennoy keramike [Designing projects in teaching art ceramics]. *Omskiy nauchnyy vestnik [Omsk scientific bulletin]*, 2012, no. 3, pp. 219-221. (In Russ.).
13. Tkachenko L.A. *Khudozhestvennaya keramika Zapadnoy Sibiri na rubezhe XX–XXI vekov [Art ceramics of western Siberia on the edge of 20-th – 21-st centuries]*. Kemerovo, KemGIK Publ., 2012. 160 p. (In Russ.).
14. Tkachenko L.A., Tkachenko A.V. Osvoenie sovremennykh i traditsionnykh tekhnologiy proizvodstva kak osnova professional'nogo obrazovaniya khudozhnika-keramista [Mastering modern and traditional production technologies as the basis for professional education of a ceramic artist]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of Kemerovo state university of culture and arts]*, 2019, no. 46, pp. 246-255. (In Russ.).
15. Fayzrakhmanova A.L., Fayzrakhmanov I.M. Razvitie proektnoy kul'tury talantlivoy molodezhi v oblasti dekorativno-prikladnogo iskusstva [Development of project culture of the talented youth in the field of arts and crafts]. *Sovremennye naukoemkie tekhnologii [Modern high technology]*, 2016, no. 1-1, pp. 197-201. (In Russ.).

УДК 372.881.161.1: 378.147: 37.02

КОМПЬЮТЕРНЫЕ ПРОГРАММЫ ПО ОБУЧЕНИЮ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ (ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ В ИНОСЛАВЯНСКОЙ АУДИТОРИИ)¹

Трапезникова Ольга Александровна, кандидат филологических наук, старший преподаватель, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ), лектор русского языка Философского факультета, Университет в Нише (г. Ниш, Республика Сербия). E-mail: trapeznikova-olg@mail.ru

Благоевич Ненад, доктор филологических наук, доцент Департамента русского языка и литературы Философского факультета, Университет в Нише (г. Ниш, Республика Сербия). E-mail: nenad.blagojevic@filfak.ni.ac.rs

Илич Велимир, доктор филологических наук, доцент Департамента русского языка и литературы Философского факультета, Университет в Нише (г. Ниш, Республика Сербия). E-mail: velimir.ilic@filfak.ni.ac.rs

В современных условиях всеобщей цифровизации и информатизации образования, развития электронной дидактики компьютерные программы становятся одним из наиболее востребованных средств обучения в различных областях знаний. На сегодняшний день лингводидактикой накоплен значительный опыт по разработке и использованию данных образовательных ресурсов в преподавании как родного, так и неродного языка. При этом отмечается заметная диспропорция в использовании компьютерных программ на занятиях по русскому языку для его носителей и для иностранцев. Разработка и использование программ по обучению русскому языку как иностранному (РКИ) не получили широкого распространения в образовательной практике, что обусловлено множеством факторов, часть из которых рассматривается в работе. Статья посвящена анализу дидактического потенциала компьютерных программ, рекомендованных фондом «Русский мир» для изучения русского языка как иностранного, а также возможностей их включения в учебный процесс на Философском факультете Университета в Нише. Выделены основные характеристики программ, описаны их методические функции с учетом специфики инославянской аудитории. Авторы приходят к выводу, что программы по РКИ не могут в полной мере обеспечить комплексное освоение предмета обучающимися с родным славянским языком, что обуславливает необходимость разработки специализированных программ для данной ауди-

¹ Статья выполнена в рамках внутреннего проекта Философского факультета Университета в Нише «Разработка и применение системы мотивации учеников и студентов к изучению русского языка как иностранного в образовательной системе на юго-востоке Сербии» («Разрада и примена sistema motivacije učenika i studenata za učenje rusog kao stranog jezika u obrazovnom sistemu na jugoistoku Srbije»).

тории. Тем не менее результаты исследования могут служить в качестве практических рекомендаций по использованию имеющихся программ по РКИ в работе с инославянскими студентами.

Ключевые слова: обучение русскому языку как иностранному, электронные средства обучения, компьютерные программы в обучении, методика преподавания русского языка как инославянского, программы-репетиторы.

TRAINING COMPUTER PROGRAMS IN TEACHING THE RUSSIAN LANGUAGE AS A FOREIGN (FROM TEACHING EXPERIENCE IN SECOND SLAVIC AUDIENCE)

Trapeznikova Olga Aleksandrovna, PhD in Philology, Sr. Instructor, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation), Lecturer of the Russian Language at the Faculty of Philosophy of the University of Nis (Nis, Republic of Serbia). E-mail: trapeznikova-olg@mail.ru

Blagojevic Nenad, Dr of Philological Sciences, Associate Professor at Department of the Russian Language and Literature of the Faculty of Philosophy, the University of Nis (Nis, Republic of Serbia). E-mail: nenad.blagojevic@filfak.ni.ac.rs

Ilic Velimir, Dr of Philological Sciences, Associate Professor at Department of the Russian Language and Literature of the Faculty of Philosophy, the University of Nis (Nis, Republic of Serbia). E-mail: velimir.ilic@filfak.ni.ac.rs

In modern environment of universal digitalization and informatization of education, as well as development of electronic didactics, computer programs become one of the most sought-after learning tools in various fields of knowledge. To this date, linguodidactics has accumulated considerable experience in development and use of these educational resources in teaching both native and foreign languages. At the same time, there is a noticeable imbalance in the use of computer programs in teaching the Russian language to native speakers and to foreigners. Computer programs for teaching Russian as a foreign language are still not widely used in teaching practice due to many factors, some of which are considered in this work. The article is devoted to the analysis of the didactic potential of computer programs recommended by the “Russian World” Foundation for the study of Russian as a foreign language, as well as the possibilities of their inclusion in the educational process at the Faculty of Philosophy of the University of Nis. The main characteristics of these programs are highlighted and their methodological functions are described from the point of view of the second Slavic language audience. The authors conclude that computer programs for teaching Russian as foreign cannot fully provide comprehensive mastery of the subject for those students, who speak different Slavic language, which necessitates development of specialized programs for this audience. Nevertheless, the results of the study can serve as practical recommendations on the use of existing computer programs for teaching Russian as foreign in the process of work with student, speaking different Slavic language.

Keywords: teaching Russian as a language, e-learning, computer programs in teaching, methods of teaching Russian as a foreign Slavic language, tutoring programs.

DOI: 10.317773/2078-1768-2020-50-245-253

Электронные образовательные ресурсы являются частью учебного процесса на протяжении уже многих лет. Об эффективности их использования в методике преподавания различных дисциплин писали не раз (см. работы Ю. А. Воронина, С. П. Новикова, О. Б. Воронковой, Г. К. Селевко,

В. П. Кулагина и др.). В области лингводидактики основоположниками данного направления, предусматривающего широкое использование информационно-коммуникационных технологий, по праву считаются Г. А. Азимов, О. И. Руденко-Моргун, Т. В. Васильева, Е. А. Власов, В. С. Фа-

деев и др., ставшие одними из разработчиков первых обучающих программ по русскому языку как иностранному. По прогнозам исследователей, компьютерные средства должны были коренным образом преобразовать процесс обучения, в частности, изменить характер самостоятельной и аудиторной работы учащихся. Однако в настоящее время в области преподавания русского языка как иностранного электронные ресурсы не получили столь широкого распространения, как, например, в обучении родному языку, что обусловлено целым рядом факторов, прежде всего отсутствием государственного заказа на их разработку, использованием непрофессиональных программных оболочек и др. Тем не менее компьютерное обучение русскому языку как иностранному с каждым годом становится все более востребованным и продолжает оставаться в фокусе внимания ученых (Э. Г. Азимова, М. А. Бовтенко, А. Н. Богомолова, Е. С. Полат, О. П. Крюковой и др.).

Целью данной статьи является анализ дидактических свойств и методических функций² ряда компьютерных программ по обучению русскому языку как иностранному и способов их интеграции в образовательный процесс в инославянской аудитории.

Компьютерная, или, точнее, электронная, лингводидактика³ уходит своими корнями в 60-е годы XX века, когда появляются первые программы на университетских центральных ЭВМ, и развивается параллельно с разработкой и распространением электронно-вычислительной тех-

ники. В англоязычной литературе обучающие компьютерные программы по языку получили обозначение CALL (от англ. computer-assisted language learning) [14, с. 11].

В России, как известно, данное направление начинает активно развиваться с конца 80-х годов XX века. Обучающие программы разрабатываются частными компьютерными фирмами совместно с преподавателями русского языка как иностранного. В этот период издаются такие программы, как «100 компьютерных упражнений по русскому языку» (А. П. Журавлев, О. Н. Григоров, Д. Дэвидсон, В. А. Попов, Н. А. Фокина, 1989), «Падежный детектив» (О. И. Руденко-Моргун, Т. В. Васильева, В. Власов, 1991), «Слушай, читай, смотри – говори!» (О. И. Руденко-Моргун, Т. В. Васильева, 1991), «Калинка» (Ю. Г. Овсienko, 1993), «Русский язык с самого начала» (Т. Е. Владимирова, В. Л. Иванова, М. И. Нахибина, 1998) и др. Однако указанные программы не переиздавались и на сегодняшний день труднодоступны. Как отмечают исследователи, в связи с последующим спадом интереса к русскому языку за рубежом IT-компании были вынуждены отказаться от подобных проектов [9, с. 275].

С другой стороны, с конца 90-х – начала 2000-х годов отмечается стремительный рост сетевой инфраструктуры и развитие Интернета, в результате чего компьютерные программы теряют свою популярность в пользу таких платформ и мобильных приложений, как *Duolingo*, *Memrise*, *Busuu*, *Mondly*, *Rosetta Stone*, *Easy Ten*, *Babbel*, а также многочисленных веб-сайтов, разработанных ведущими российскими вузами, общественными организациями и частными лицами.

Безусловно, Интернет «является неограниченным источником информации на изучаемом языке (охватывая при этом и данные культурологического характера), что дает возможность организации виртуального обучения в коммуникативном пространстве и является источником обогащения лексического фонда новыми словами, новой терминологией, новыми вариантами разговорного стиля, новыми возможностями эпистолярного жанра и т. д.» [2, с. 15]. Но именно в силу такого обилия информации, представленной в Интернете, обучающиеся (а зачастую и преподаватели) оказываются в сложной ситуации выбора и не всегда могут грамотно проана-

² Под дидактическими свойствами, вслед за Е. С. Полат, мы понимаем «основные характеристики, признаки конкретных технологий, отличающие одни от других, существенные для дидактики как в плане теории, так и в плане практики» [6, с. 184]. Методические функции (в методике обучения иностранным языкам), по определению П. В. Сысоева, – это реализация общих дидактических свойств компьютерной технологии в процессе формирования и развития конкретных видов речевой деятельности и (или) определенных языковых умений и навыков (произносительных, лексических, грамматических) [11; 12].

³ Термин «компьютерная лингводидактика» ввиду своей противоречивости и тесной связи прежде всего с техническими средствами обучения сегодня все чаще заменяется термином «электронная лингводидактика», репрезентирующим значимый аспект дисциплины – особый формат обучения.

лизировать и интерпретировать представленный материал. В основе же большинства мобильных приложений лежит карточная система заучивания слов и готовых фраз, что не дает пользователю глубоких знаний о функционировании языка. Компьютерные программы в этом отношении имеют определенные преимущества, поскольку разрабатываются как целостные механизмы обучения РКИ, обеспечивающие системный подход к изучению языка, и не требуют от пользователя дополнительных временных затрат на поиск и анализ информации. В последние годы компьютерные программы все чаще представлены собственными мобильными и сетевыми версиями, что свидетельствует о востребованности данных ресурсов.

Современные компьютерные программы, предназначенные для обучения иностранному языку, – это мультимедийные (совмещающие различные форматы подачи материала: текст, звук, графика, анимация, видеоряд) интерактивные программы, направленные на формирование и развитие языковых и речевых умений и навыков, страноведческих знаний, а также на контроль уровня их сформированности.

Как отмечают исследователи (О. Н. Морозова, А. А. Прибыткова, А. В. Попова), большинство программ, разработанных в конце XX – начале XXI века, акцентировали внимание на тестовых компонентах и использовались преимущественно для контроля иноязычной компетенции. Собственно обучающие программы, различающиеся в зависимости от уровня владения языком, начинают создаваться приблизительно с 2005 года.

Материалом настоящего исследования служат компьютерные программы, представленные в библиотеке Русского центра в Белграде, открытого фондом «Русский мир» в партнерстве с ведущими мировыми образовательно-просветительскими учреждениями: «Русский для всех! 1000 практических упражнений», «Профессор Хиггинс. Русский без акцента!», «Русский язык с компьютером. Шаг 1», изданные компанией «ИстраСофт»⁴, а также «1С: Репетитор. Русский как иностранный». Указанные программы, в отличие от других мультимедийных изданий фонда, предназначены для изучения русского языка как иностранного и, соответственно, имеют одну целевую аудиторию.

⁴ Версии программ ЗАО «ИстраСофт» выпускаются издательствами «1С» и «Intellect».

Компьютерный курс русского языка для начинающих «Русский язык с компьютером. Шаг 1» (авторы: А. Л. Архангельская, Л. А. Дунаева, О. И. Руденко-Моргун) знакомит иностранных учащихся с основами русской фонетической и грамматической систем, что играет ключевую роль на начальном этапе освоения неродного языка. Программа включает 5 модулей: «Уроки», «Тренажер», «Словарь», «Справочник», «Методические материалы». Особое внимание уделяется постановке правильной артикуляции русских звуков (чему способствуют предложенные схемы речевого аппарата, а также функции проверки собственного произношения), особенностям ударения и характеристике основных типов интонационных конструкций. Материал распределяется по следующим разделам: «Звуки», «Слово», «Интонация», «Стихи». Приемы визуализации, разработанные авторами, существенно облегчают освоение теоретического и практического материала. Данный курс используется в учебном процессе в Российском университете дружбы народов (РУДН) [5].

«Профессор Хиггинс. Русский без акцента!» представляет собой мультимедийный справочник-тренажер, позволяющий независимо от начального уровня знаний научиться говорить по-русски и понимать разговорную речь. В качестве эталона служит московская норма произношения. Несомненным достоинством программы является возможность проверки правильности произношения путем сравнения с эталоном и отображением результатов в виде 2D- и 3D-графиков. Как и первая программа, «Профессор Хиггинс» строится по принципу постепенного усложнения материала: от звука к слову, от слова к фразе. Но в отличие от вводно-фонетического и вводно-грамматического курса программы «Русский язык с компьютером. Шаг 1», справочник-тренажер содержит богатый лексический материал, заключенный в пословицах, скороговорках, стихотворениях и рассказах. Теоретические сведения даются комплексно и сжато (правила, схемы, примеры). Особого внимания заслуживает наличие словаря омонимов. Программа рекомендована Институтом информатизации образования Российской академии образования [3].

«Русский для всех. 1000 заданий» – это обучающая программа, созданная ЗАО «ИстраСофт» по заказу фонда «Русский мир» и нацеленная на

«формирование базового уровня владения русским языком в соответствии с концепцией владения иностранным языком, разработанной комиссией по языкам Совета Европы» [4]. Курс включает три уровня подготовки. На первом – «элементарном» – уровне обучающиеся учатся воспринимать русскую речь на слух (аудирование), а также порождать собственные высказывания в соответствии с фонетическими и грамматическими нормами русского языка (развитие речи). Как и другие продукты компании «ИстраСофт», данная программа использует систему визуализации звуковых объектов. По своим основным характеристикам она сближается с курсом «Русский язык с компьютером. Шаг 1».

На втором уровне расширяется грамматический и лексический материал, отрабатываются и закрепляются грамматические умения, произносительные навыки (произношение звуков в потоке речи) и навыки аудирования, формируются умения просмотрового и аналитического чтения, письменные умения (через знакомство с речевой композицией писем различных жанров и диктанты).

Третий, завершающий, уровень, призванный подготовить учащегося к обучению в вузе с преподаванием на русском языке, строится на базе текстов, используемых в реальном учебном процессе. В соответствии с этим в фокусе внимания оказывается научная речь (ее ритмика и конструкции), общенаучный текст и общенаучная лексика. Учащиеся учатся писать заявление, формируют умения общения в учебной среде.

Каждый раздел программы «Русский для всех. 1000 заданий» рассчитан на 72 академических часа. Программа ориентирована на подготовку студентов в соответствии с Общеввропейскими компетенциями владения иностранным языком.

Программа «1С: Репетитор. Русский как иностранный» – это обучающе-контролирующие тесты, сгруппированные по разделам: «Лексика», «Грамматика», «Чтение», «Письмо», «Аудирование», «Говорение». Программа, в первую очередь, предназначена для подготовки к тестированию по русскому языку как иностранному (Первый сертификационный уровень. Общее владение РКИ). Обучающий потенциал программы реализуется в процессе анализа проделанной работы: допущенные ошибки сопровождаются комментариями и пояснениями, правильные ответы можно

прослушать в режиме диалога. Отличительная особенность программы – возможность апелляции в случае несогласия с предложенным комментарием [13].

Все рассмотренные программы обладают основными дидактическими свойствами, присущими современным мультимедийным программам: наглядностью, интерактивностью, сбалансированностью и аутентичностью материала, многоуровневостью и системностью (подробнее о дидактических свойствах см. [1; 7; 8]). Разнообразные аудиовизуальные и технические возможности данных образовательных ресурсов положительно влияют на мотивацию обучающихся, развитие их познавательных способностей.

Системный подход к обучению иностранному языку, лежащий в основе данных программ, позволяет использовать их и в качестве самоучителя, и в качестве дополнения к занятиям в группе под руководством преподавателя. Включение таких программ в учебный процесс может осуществляться:

- 1) при объяснении новой темы;
- 2) при закреплении полученных знаний, отработке новых умений и навыков;
- 3) при проведении текущего и (или) итогового контроля;
- 4) в ходе самостоятельной работы обучающихся.

Указанным этапам работы соответствуют определенные алгоритмы обучения (для формирования и развития речевых умений) и (или) комплексы упражнений (для формирования и развития языковых навыков).

Все современные компьютерные программы, предназначенные для обучения русскому языку как иностранному, включая рассмотренные выше, адресованы прежде всего англо- и франкоговорящим учащимся, а также учащимся из Китая. На это указывают как интерфейсы программ, так и само содержание курсов и предлагаемая методика по их освоению. Родной язык обучающихся используется только при изложении теоретического материала, постановке задач и выполнении заданий, связанных с переводом. Всё это необходимо учитывать при работе в славянской аудитории, поскольку значительная близость родного и неродного языков требует особого подхода как в использовании подобных ресурсов, так

и в обучении в целом. Не-случайно в последние годы все чаще говорят о выделении в общей методике преподавания РКИ специализированной области – методики преподавания русского языка как инославянского (термин Б. Станковича).

Рассмотрим возможности использования компьютерных программ, рекомендованных фондом «Русский мир», в подготовке студентов, изучающих русский язык на Философском факультете Университета в Нише (Республика Сербия). При этом следует учесть, что факультет готовит будущих филологов неродного языка, вследствие чего их обучение предполагает углубленное изучение всех разделов грамматики и стилистики русского языка, истории русской литературы и культуры. В связи с этим данные электронные ресурсы могут быть использованы только в качестве вспомогательного материала на начальном этапе языковой подготовки.

Одним из наиболее разработанных во всех рассмотренных нами программах является вводно-фонетический курс русского языка. Данный раздел, содержащий основные сведения о звуковой системе языка и снабженный разнообразными иллюстрациями и анимациями, может стать незаменимым помощником в изложении теоретического материала по дисциплине «Фонетика и фонология русского языка». Схемы речевого аппарата позволяют наглядно представить, какую роль выполняют те или иные органы речи при произнесении звуков. Графическое представление ритмико-интонационных конструкций, сопровождающееся их звуковым воплощением, способствует закреплению знаний по теме. Благодаря техническим возможностям преподаватель может выделить наиболее важную информацию и ключевые понятия курса.

Большинство звуков русского и сербского языков произносится одинаково, поэтому у студентов-сербов нет необходимости обращаться к целому ряду упражнений из данных программ. Особое внимание необходимо обратить только на произношение звуков [ы], [щ] (ввиду их отсутствия в сербском языке), а также согласных, образующих пары по твердости – мягкости (по причине отсутствия подобного противопоставления в родном языке обучающихся⁵). Рассмотренные

программы позволяют выбирать группы слов или фраз, объединенные конкретным правилом произношения звуков, что является одним из несомненных достоинств данных продуктов. Для отработки указанных звуков могут использоваться также скороговорки и стихи из программы «Профессор Хиггинс. Русский без акцента!», сгруппированные по преобладающим звукам. Наибольший интерес при этом вызывают у студентов упражнения, призванные корректировать собственное произношение на основе сравнения с эталоном. Подобные упражнения воспринимаются ими как игровые, что усиливает их мотивацию и познавательную активность.

Перечисленные звуки нередко вызывают у сербских студентов затруднения, связанные с их восприятием на слух. В преодолении данных затруднений неоценимую помощь оказывают диктанты, которые программы также позволяют подбирать в зависимости от целей. При этом методические функции этого вида работы не ограничиваются отработкой навыков аудирования. Диктанты способствуют формированию и развитию навыков письменной речи. Как известно, в русском языке графический облик слова зачастую не совпадает с фонетическим, тогда как в сербском языке, наоборот, действует принцип «пиши, как говоришь, и читай, как написано». В связи с этим диктанты являются неотъемлемой частью практических занятий по фонетике и самостоятельной работы студентов. При этом все рассмотренные программы позволяют обучающимся отслеживать статистику правильных и неправильных ответов.

Ритмические и интонационные модели русского языка могут отрабатываться на примере стихотворений и диалогов, предложенных в программах. Однако данные диалоги, построенные на основе лексического минимума элементарного уровня, как правило, оказываются для сербских студентов слишком простыми, поскольку значительная часть их словарного состава имеет совпадения в сербском языке. Как справедливо заметил сербский лингвист Р. Кошутиф, «методика русского языка для нас (как и для других славян, изучающих русский или любой другой славянский язык) естественно формулируется так: *учить русский – это значит, в основном, учить значение неизвестных слов, а для слов, одинаковых или похожих по форме, улавливать различие между своим языком и русским*» (цит. по [10, с. 9–10]).

⁵ В сербском языке согласные бывают или только твердыми, или только мягкими.

Более усложненный вариант для совершенствования навыков аудирования, умения воспринимать целые фразы, с постепенным увеличением темпа речи, расширения словарного запаса и подготовки к эффективному общению предоставляет программа «Профессор Хиггинс. Русский без акцента!» в разделе «Разговорник». Некоторые упражнения этого раздела выполняются на занятиях, большая часть отводится для самостоятельной работы учащихся. Значимость данной программы для сербских студентов увеличивается также за счет использования в ней рассказов из русской литературы, озвученных профессиональными дикторами. Некоторые из этих рассказов входят в курс русской литературы, обязательный для освоения на факультете.

Расширению словарного запаса сербских студентов, совершенствованию их навыков письменной и устной речи способствует и программа «Русский для всех. 1000 заданий» второго и третьего уровней. Упражнения программы предусматривают некоторые разговорные темы, а изученная лексика и грамматика используются в процессе непосредственного общения в аудитории.

Системы грамматических упражнений, включенные в программы «Русский для всех. 1000 заданий», «1С: Репетитор. Русский как иностранный», служат отличным тренажером для закрепления необходимых языковых навыков. Их применение, на наш взгляд, более целесообразно в ходе самостоятельной работы учащихся, а также для осуществления контроля.

Мнения самих студентов об использовании данных компьютерных программ, разделились: большинство из них (78 % из 50 опрошенных) не используют в своей подготовке программы по РКИ (по причине их простоты), привлекая для решения некоторых дидактических задач другие программы (например, «Фраза», «1С: Репетитор. Русский язык», «1С: Репетитор. Тесты по орфографии», разработанные для носителей языка); и только 22 % обращаются к указанным программам, причем проходят их чаще всего выборочно и непоследовательно. Такая несколько противоречивая ситуация сложилась, на наш взгляд, потому, что в последние годы вузовское обучение русскому языку в Нише стало доступным и для учащихся, не имеющих начальной языковой подготовки. В связи с этим основными пользователями специализированных программ по РКИ

становятся именно студенты 1-го курса, которым для дальнейшей учебы необходимо в максимально короткие сроки освоить элементарный уровень владения языком.

Как видим, в сербской языковой среде рассмотренные программы могут быть использованы только на начальном этапе. Более того, будучи ориентированными на учащихся с родным неславянским языком, они даже на этом этапе имеют ограниченное применение, что обусловлено, прежде всего, спецификой самой аудитории.

На сегодняшний день методика преподавания русского как инославянского находится в стадии становления. В связи с этим отсутствуют и специализированные программы, разработанные для обучающихся с родным славянским языком. Такие программы должны учитывать следующее:

- овладение элементарным уровнем осуществляется у инославян значительно быстрее и легче, чем у неславян;
- наибольшие затруднения у обучающихся вызывают прежде всего те лексические и грамматические явления, которые различаются в родном и неродном языках. Так, на уровне лексики это касается, в первую очередь, семантизации общеславянской лексики, случаев омонимии, синонимии и паронимии; на уровне грамматики – разного глагольного и именного управления, несовпадения падежных окончаний, особых форм, отсутствующих в родном языке учащихся;
- интерфейс с выбором одного из славянских языков позволит обучающимся полноценно использовать словарь, а также выполнять упражнения, связанные с переводом; сегодня эти функции для них недоступны без языка-посредника.

Таким образом, компьютерные программы по обучению русскому языку как иностранному обладают значительным дидактическим потенциалом и могут быть использованы в качестве вспомогательного учебного материала как в аудиторной работе, так и в ходе самостоятельной подготовки студентов. Однако значительная близость родного и изучаемого языков обуславливает необходимость разработки особого типа компьютерных программ (и других электронных ресурсов), предназначенных для обучения русскому как инославянскому. Необходимость в этом продиктована как внутренними, так и внешними обстоятельствами и, прежде всего, цифровизацией образования.

Литература

1. Кохендерфер Ю. В. Методика формирования иноязычной коммуникативной компетенции учащихся на основе языковых мультимедийных программ (основная и старшая школа, немецкий язык): автореф. дис. ... канд. пед. наук. – М., 2013. – 25 с.
2. Марковић Д. Коришћење интернета у настави руског језика и књижевности. – Ниш: Филозофски факултет Универзитета у Нишу, 2015. – 152 с.
3. Обучающая компьютерная программа «Профессор Хиггинс: русский без акцента» [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.istrasoft.ru/ru/programmy/professor-higgins-russkij-bez-akcenta.html> (дата обращения: 18.12.2019).
4. Обучающая компьютерная программа «Русский для всех: 1000 заданий» [Электронный ресурс]. – URL: <https://istrasoft.ru/ru/programmy/russkij-dlja-vseh-1000-prakticheskikh-uprazhnenij.html> (дата обращения: 18.12.2019).
5. Обучающая компьютерная программа «Русский язык с компьютером. Шаг 1» [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.istrasoft.ru/ru/programmy/russkij-jazyk-s-kompjuterom-shag-1.html?start=1> (дата обращения: 18.12.2019).
6. Полат Е. С., Бухаркина М. Ю., Моисеева М. В., Петров А. Е. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования. – М.: Академия, 2008. – 272 с.
7. Попова А. В. Формирование навыков техники чтения у студентов на основе языковых мультимедийных программ // Вестн. Тамбов. ун-та. – Сер.: Гуманитар. науки. – 2015. – Вып. 4 (144). – С. 108–115.
8. Прибыткова А. А. Методика формирования навыков произношения у студентов на основе мультимедийных программ (английский язык, направление подготовки «Лингвистика»): автореф. дис. ... канд. пед. наук. – М., 2013. – 25 с.
9. Руденко-Моргун О. И., Архангельская А. Л., Апакина Л. В., Аль-Кайси А. Н. Самостоятельная работа студентов в электронной среде при обучении РКИ: миф и реальность // Язык. Культура. Перевод. Коммуникация: сб. науч. тр. – 2018. – Вып. 2. – С. 274–277.
10. Станкович Б. О целесообразности формирования методологии изучения и методики преподавания русского языка как инославянского // Русский язык как инославянский. – Белград: Славист. о-во Сербии, 2009. – Вып. I. – С. 9–12.
11. Сысоев П. В. Индивидуальная траектория обучения: что это такое? // Иностр. языки в школе. – 2014. – № 3. – С. 2–12.
12. Сысоев П. В. Система обучения иностранному языку по индивидуальным траекториям на основе современных информационных и коммуникационных технологий // Иностр. языки в школе. – 2014. – № 5. – С. 2–11.
13. Ямских Т. Н. Интеграция продуктов «1С» в обучение русскому языку как иностранному [Электронный ресурс] – URL: <http://obr.1c.ru/methodically/inostrannye-yazyki/rol-sovremennyh-kompyuternyh-tehnologij-pri-izuchenii1/> (дата обращения: 18.12.2019).
14. Levy M. CALL: context and conceptualization. – Oxford: Oxford University Press, 1997.

References

1. Kokhenderpfher Yu.V. *Metodika formirovaniya inoyazychnoy kommunikativnoy kompetentsii uchashchikhsya na osnove yazikovykh mul'timediynykh programm (osnovnaya i starshaya shkola, nemetskiy yazyk): avtoref. dis. ... kand. ped. nauk* [Methodology for the formation of foreign language communicative competence based on multimedia language programs. Author's abstract of Diss. PhD in Pedagogy]. Moscow, 2013. 25 p. (In Russ.).
2. Markovich D. *Korishchenye interneta u nastavi ruskog yezika i kn'izhevnosti* [The use of internet in teaching Russian language and literature]. Nis, Faculty of Philosophy, University of Nis Publ., 2015. 152 p. (In Serb.).
3. *Obuchayushchaya komp'yuternaya programma "Professor Khiggins: russkiy bez aktsenta"* [Training computer program "Professor Higgins: Russian without accent"]. (In Russ.). Available at: <https://www.istrasoft.ru/ru/programmy/professor-higgins-russkij-bez-akcenta.html> (accessed 18.12.2019).
4. *Obuchayushchaya komp'yuternaya programma "Russkiy dlya vseh: 1000 zadaniy"* [Training computer program "Russian for all: 1000 tasks"]. (In Russ.). Available at: <https://istrasoft.ru/ru/programmy/russkij-dlja-vseh-1000-prakticheskikh-uprazhnenij.html> (accessed 18.12.2019).
5. *Obuchayushchaya komp'yuternaya programma "Russkiy yazyk s komp'yuterom. Shag 1"* [Training computer program "Russian language with computer. Step 1"]. (In Russ.). Available at: <https://www.istrasoft.ru/ru/programmy/russkij-jazyk-s-kompjuterom-shag-1.html?start=1> (accessed 18.12.2019).

6. Polat E.S., Bukharkina M.Yu., Moiseeva M.V., Petrov A.E. *Novye pedagogicheskie i informatsionnye tekhnologii v sisteme obrazovaniya* [New pedagogical and information technologies in education system]. Moscow, Akademiya Publ., 2008. 272 p. (In Russ.).
7. Popova A.V. Formirovanie navykov tekhniki chteniya u studentov na osnove yazykovykh mul'timediynykh program [The formation of reading technique skills in students based on multimedia language programs]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki* [Bulletin of Tambov University. Series Humanitarian sciences], 2015, iss. 4 (144), pp. 108-115. (In Russ.).
8. Pribytkova A.A. *Metodika formirovaniya navykov proiznosheniya u studentov na osnove mul'timediynykh program (angliyskiy yazyk, napravlenie podgotovki "Lingvistika")*: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk [Methodology of formation of speech technique in students based on multimedia programs (English language, teaching direction "Linguistics". Author's abstract of PhD in Pedagogy]. Moscow, 2013. 25 p. (In Russ.).
9. Rudenko-Morgun O.I., Arkhangel'skaya A.L., Apakina L.V., Al'-Kaysi A.N. Samostoyatel'naya rabota studentov v elektronnoy srede pri obuchenii RKI: mif i real'nost [The individual work of students in electronic environment when teaching Russian as foreign: fiction and reality]. *Yazyk. Kul'tura. Perevod. Kommunikatsiya: sbornik nauchnykh trudov* [Language. Culture. Translation. Communication: collection of scientific papers], 2018, iss. 2, pp. 274-277. (In Russ.).
10. Stankovich B. O tselesoobraznosti formirovaniya metodologii izucheniya i metodiki prepodavaniya russkogo yazyka kak inoslavyanskogo [On the feasibility of forming a methodology for studying and teaching methods of Russian language as second Slavic]. *Russkiy yazyk kak inoslavyanskiy* [Russian language as second Slavic]. Belgrade, Slavist association of Serbia Publ., 2009, pp. 9-12. (In Russ.).
11. Sysoev P.V. Individual'naya traektoriya obucheniya: chto eto takoe? [Individual trajectory of education: what is that?]. *Inostrannye yazyki v shkole* [Foreign languages in school], 2014, no. 3, pp. 2-12. (In Russ.).
12. Sysoev P.V. Sistema obucheniya inostrannomu yazyku po individual'nym traektoriyam na osnove sovremenykh informatsionnykh i kommunikatsionnykh tekhnologiy ([The system of teaching a foreign language on individual trajectories based on modern information and communication technologies]. *Inostrannye yazyki v shkole* [Foreign languages in school], 2014, no. 5, pp. 2-11. (In Russ.).
13. Yamskikh T.N. *Integratsiya produktov "IC" v obuchenie russkomu yazyku kak inostrannomy* [The integration of products of "IC company" in teaching Russian language as foreign]. (In Russ.). Available at: <http://obr.lc.ru/methodically/inostrannye-yazyki/rol-sovremennyh-kompyuternyh-tehnologij-pri-izuchenii/> (accessed 18.12.2019).
14. Levy M. *CALL: context and conceptualization*. Oxford, Oxford University Press, 1997. (In Engl.).

УДК 379.822

ЭКСКУРСИЯ С ЭЛЕМЕНТАМИ ИННОВАЦИИ КАК ПЕРСПЕКТИВНАЯ ФОРМА ОРГАНИЗАЦИИ КУЛЬТУРНО-ДОСУГОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МОЛОДЕЖИ

Лукьянова Наталья Алексеевна, кандидат педагогических наук, старший преподаватель, кафедра теории и методики туризма и рекреации, Сибирский государственный университет физической культуры и спорта (г. Омск, РФ). E-mail: Lukyanova0602@yandex.ru

Кравчук Татьяна Анатольевна, кандидат педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и методики туризма и рекреации, Сибирский государственный университет физической культуры и спорта (г. Омск, РФ). E-mail: kravchukt@mail.ru

Статья посвящена проблеме изучения инновационных форм в экскурсионной деятельности. Развитие досуговой сферы, в том числе и в Омской области, актуализирует создание условий для проектирования инновационного продукта в экскурсионной деятельности с учетом предпочтений различных возрастных групп. Студенческая молодежь – это самая активная группа современного общества, отличающаяся динамичностью, стремлением к самостоятельности и саморазвитию, финансовой

зависимостью, ограничением правовыми рамками, испытывающая влияние современных веяний (Интернет, СМИ) и др. Все эти факторы свидетельствуют о необходимости организации специфической культурно-досуговой деятельности, с использованием предпочтительных для молодежи форм и методов ее проведения. Цель исследования – выявить мнения будущих специалистов в области организации досуга о перспективных для молодежи формах проведения экскурсий. В основу исследования были положены методы контент-анализа и опроса (анкетирование). При изучении мнения о популярных направлениях в экскурсионной деятельности было выявлено, что наиболее востребованными формами могут стать экскурсии с элементами инновации (интерактивная, мультимедийная, виртуальная, квест, экстрим). Анализ перспектив развития досуговой сферы в Омской области позволяет рекомендовать разработку и проектирование экскурсий с элементами экстремальных видов досуга как перспективное направление для молодежной среды. Экскурсия с элементами инновации, как компонент культурно-досуговой деятельности, несомненно, будет активно влиять на молодое поколение: объединяя студенческую молодежь в группы по интересам; пропагандируя здоровый образ жизни; развивая коммуникативные навыки; стимулируя процессы самосовершенствования; формируя осознанность в рациональном использовании свободного времени и активном насыщении своего досуга.

Ключевые слова: досуговая деятельность, инновационные формы экскурсионной деятельности, студенческая молодежь.

EXCURSION WITH ELEMENTS OF INNOVATION AS A PERSPECTIVE FORM OF ORGANIZATION OF CULTURAL AND LEISURE ACTIVITIES OF YOUTH

Lukyanova Natalya Alekseevna, PhD in Pedagogy, Sr Instructor, Department of Theory and Methodic of Tourism and Recreation, Siberian State University of Physical Education and Sports (Omsk, Russian Federation). E-mail: Lukyanova0602@yandex.ru

Kravchuk Tatyana Anatolyevna, PhD in Pedagogy, Professor, Department Chair of Theory and Methodic of Tourism and Recreation, Siberian State University of Physical Education and Sports (Omsk, Russian Federation). E-mail: kravchukt@mail.ru

The article is devoted to the problem of studying the innovative forms in excursion activities. The development of the leisure sector, including Omsk region, actualizes the creation of conditions for the design of an innovative product in excursion activities, taking into account the preferences of various age groups. Student youth is the most active group in modern society, characterized by: dynamism, desire for independence and self-development, financial dependence, legal restriction, influence of modern trends (Internet, media), etc. All these factors testify to the need to organize specific cultural and leisure activities using the forms and methods that are preferable for young people. The purpose of the study is to identify the opinions of future experts in the field of leisure activities on promising the forms of excursions for young people. The study was based on the methods of content analysis and survey (questionnaire). When studying the opinions on popular destinations in excursion activities, it was revealed that excursions with innovation elements (interactive, multimedia, virtual, quest, extreme) could become the most popular forms. Analysis of the prospects for the development of the leisure sector in Omsk region allows us to recommend the development and design of excursions with elements of extreme types of leisure as a promising direction for the youth environment. An excursion with elements of innovation, as a component of cultural and leisure activities, will have an influence to the young generation: by uniting the student youth in interest groups; promoting a healthy lifestyle; developing the communication skills; stimulating the self-improvement processes; forming the awareness in the rational use of free time and active saturation of one's leisure.

Keywords: leisure activities, innovative forms of excursion activities, students.

В настоящее время происходит активная модернизация досуговой сферы. Рынок предъявляет новые требования к специалистам в организации культурно-досуговых мероприятий: знания и учет запросов и предпочтений различных групп населения; инновационный подход не только к подготовке и организации мероприятий, но и к процедуре, методам и качеству их проведения. Эти требования нашли свое отражение и в процессе разработки инновационной концепции подготовки таких организаторов культурно-досуговых мероприятий, как специалисты направления 43.03.02 «Туризм», в условиях федерального государственного образовательного стандарта 3++ и нового профессионального стандарта «Экскурсовод (гид)» [3; 8; 9].

На основе сформированных профессиональных компетенций выпускник туристского профиля должен уметь: моделировать культурные туристско-экскурсионные программы; использовать имеющийся сценарий или создавать свой собственный; комбинировать многодневные транспортные экскурсии, организовывать маршруты «выходного дня», проектировать спортивные (пешеходные, горные, водные, лыжные и др.) туры [8]. Таким образом, современный специалист в области индустрии туризма является важнейшим звеном в организации культурного досуга.

Исследования, посвященные научным подходам к определению и сущности специфики досуга, позволяют нам выделить ряд концепций: досуг как состояние свободы, условие существования человека (Дж. Пикер) и путь к радости и счастью (Б. Рассел); досуг как средство реабилитации (Т. Веблен, Д. Рисмен); досуг как свободная и добровольная деятельность, предоставляющая возможность творчества (М. Вебер) [5]. В нашем исследовании мы будем рассматривать досуг как часть нерабочего времени, оставшуюся от исполнения непроизводственных обязанностей.

Известно, что формы проведения досуговой деятельности (индивидуальные, групповые и массовые) напрямую зависят от возрастных особенностей. Молодежный досуг значительно отличается от досуга других возрастных групп и характеризуется: физической подвижностью, повышенной эмоциональностью, визуальной восприимчивостью, потребностью в самовыражении и влечении ко всему новому [10; 11].

Для достижения поставленной цели было проведено исследование на базе двух вузов г. Омска: Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Сибирский государственный университет физической культуры и спорта», кафедра теории и методики туризма и рекреации (n=134), и Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Омский государственный технический университет», кафедра туризма, гостиничного и ресторанного бизнеса (n=72). Исследование проходило в сентябре-декабре 2019 года с использованием метода опроса (анкетирование). В анонимном опросе участвовало 206 человек 1–5-х курсов очной и заочной форм обучения.

Полученные результаты (табл. 1) дают основание утверждать, что абсолютное большинство (90 %) молодых людей в свободное время совершают экскурсии. При этом наиболее часто посещаемым омскими студентами объектом, согласно опросу, является мультимедийный исторический парк «Россия – моя история».

Таблица 1

Ответы респондентов о частоте участия в экскурсионных программах

№ п/п	Вопрос анкеты: «Как часто Вы участвуете в экскурсионных программах?»	Ответы, %
1.1.	Стараюсь отслеживать все новые экскурсии в городе	4
1.2.	В рамках учебной программы	7
1.3.	Один раз в месяц	-
1.4.	Один-два раза в месяц	21
1.5.	Один-два раза в год	60
1.6.	Менее одного раза в год	8
	Всего	100

Экскурсии по мультимедийным экспозициям: «Рюриковичи», «Романовы», «От великих потрясений к Великой Победе», «Россия – моя история» – были выделены студентами как наиболее предпочтительные. Студенты высоко оценили техническое оснащение данных выставок, интересное преподнесение материала экскурсоводами, информативность и научность.

Вместе с тем было зафиксировано, что 8 % студентов туристского направления подготовки ходят на экскурсии менее одного раза в год. Это связано с тем, что часть респондентов является студентами первых курсов, которые проучились в учебном заведении всего три месяца. Согласно основным профессиональным образовательным программам (ОПОП) по направлению 43.03.02 «Туризм» ряд учебных дисциплин: основы экскурсоведения, экскурсоведение, туристско-рекреационное проектирование, теория и методика досуговой деятельности в туризме, выставочная деятельность в туризме – предполагает обязательное посещение выставок и совершение экскурсий.

Известно, что студенческая молодежь является самым активным потребителем Интернета. Наше исследование подтверждает мнение специалистов [10; 11], что Интернет и СМИ оказывают огромное влияние как на повседневную жизнь (общение, учеба, покупки, оказание услуг), так и на формирование выбора источника получения информации (табл. 2), форм проведения досуга (табл. 3).

Таблица 2

**Мнения респондентов
об источниках получения информации**

№ п/п	Вопрос анкеты: «Из каких источников Вы получаете информацию?»	Ответы, %
2.1.	Объявления в учебном заведении	11
2.2.	В социальных сетях	77
2.3.	Индивидуальное приглашение	3
2.4.	Отзывы друзей, знакомых	7
2.5.	Ваш вариант	2
	Всего	100

Таблица 3

**Мнения респондентов
о популярных инновационных направлениях
в экскурсионной деятельности**

№ п/п	Вопрос анкеты: «Какие, на Ваш взгляд, экскурсии наиболее популярны?»	Ответы, %
3.1.	Интерактивная экскурсия	54
3.2.	Квест-экскурсия	16
3.3.	Театрализованная экскурсия	3

Окончание таблицы 3

№ п/п	Вопрос анкеты: «Какие, на Ваш взгляд, экскурсии наиболее популярны?»	Ответы, %
3.4.	«Флеш-моб» – экскурсия	3
3.5.	«Мастер-класс» – экскурсия	4
3.6.	Экстрим-экскурсия	20
	Всего	100

Несомненно, Интернет обладает массой достоинств, одно из которых – возможность узнать о самых популярных экскурсиях. На сегодняшний день, по мнению большинства опрошенных (54 %), это экскурсии с элементами интерактива.

Интерактивная экскурсия – это экскурсия с виртуальным отображением реально существующих объектов (достопримечательности, города, музеи и др.) с целью создания условий для самостоятельного наблюдения. Преимущество виртуальных экскурсий, в отличие от традиционных форм, несомненно: минимум финансовых затрат, подбор удобного для экскурсанта времени, осмотр любых шедевров мирового уровня, возможность повторного совершения экскурсии и др.

Данный вид экскурсии уже давно и успешно используют крупнейшие мировые музеи. Самыми популярными виртуальными музеями, по мнению студентов, являются Московский Кремль, Лувр, Эрмитаж. При этом студенты отмечают: сайт Лувра (www.louvre.fr) достаточно сложен для новичков, и только с поддержкой определенного формата (QuickTime) можно найти страничку с виртуальными экскурсиями. Совершить виртуальные экскурсии по 10 парадным залам Эрмитажа можно с помощью сайта «Мир панорам» (www.panoramas.classic-ru.org), заплатив сто рублей. На сайте Московского Кремля (tours.kremlin.ru) также можно совершить виртуальное путешествие, и познакомиться с площадями Кремля, его залами и рабочим кабинетом президента.

Большое количество студентов (36 %) отдадут предпочтение экстрим-экскурсиям (20 %) и квест-экскурсиям (16 %). Безусловно, у каждой группы студенческой молодежи есть свои интересы, специфика. Респонденты, 2/3 из которых являются студентами физкультурного вуза, выбирают экстрим-экскурсии. Студенческой молодежи, в силу возраста, просто необходима самореали-

зация, самовыражение, самоутверждение, самостоятельная деятельность и независимость [4; 7]. Кроме того, экстремальные виды досуговой деятельности не требуют больших денежных затрат и дорогостоящего снаряжения. Интернет и СМИ также активно пропагандируют использование таких направлений в экскурсиях, как: серфинг, банжи-джампинг, роуп-джампинг, паркур, скейтбординг, сноуборд, скалолазание, ледолазание и др.

Интерес к экстремальным видам досуга поддерживается и тем, что в структуре федерального государственного бюджетного образовательного учреждения «Сибирский государственный университет физической культуры и спорта» имеются: экстрим-парк, веревочный парк, скалодромы. Учебные, практические занятия и практики студентов проходят на вышеперечисленных объектах.

Экскурсии с элементами экстрима, по мнению студентов, позволяют получить заряд бодрости, укрепить выносливость и силу духа, а для работников в сфере досуга это возможность решать такие задачи, как пропаганда здорового образа жизни и объединение молодежи в неформальные группы по интересам.

Респонденты также считают перспективными квест-экскурсии, где ознакомление с объектами сочетается с выполнением заданий и преодолением препятствий. Квест-экскурсии – это достаточно новое направление в экскурсионной деятельности, которое позволяет в отсутствие классического экскурсовода соединить важную информацию и игру. Наиболее привлекательными для студентов являются городские и реалити-квесты (54 и 25 % соответственно).

Известно, что игра для студенческой молодежи перестает быть ведущей деятельностью, вытесняемой общением и учебой, однако, по мнению специалистов, у нее сохраняется игровой тип поведения и сознания. Познавательная активность, креативность в этом возрасте очень высоки, поэтому интерес к игре сохраняет статус значимой формы деятельности. Этим во многом объясняется внимание и любовь молодежи к игровому действию [1; 6]. Экскурсионные квесты, по мнению студентов, способствуют развитию коммуникативных навыков. Молодежная среда большей частью предполагает живое общение: поиск друзей-единомышленников и взаимодействие

с ровесниками [10]. Специалисты утверждают: применение данного инновационного продукта в экскурсионной деятельности повысит качество и конкурентоспособность досуговой деятельности, что даст дополнительную прибыль [6].

С помощью метода контент-анализа мы рассмотрели предложения туристских организаций г. Омска в области экскурсионного продукта. Проанализировав имеющиеся предложения, мы выявили, что более 30 % от всех предлагаемых экскурсий – это экскурсии с элементами инноваций. Далее рассмотрим самые популярные из них.

Музей имени Достоевского предлагает участникам квест-экскурсии «Послание писателя, или расшифровать Достоевского» разгадать таинственные шифры и загадки, чтобы прочесть послание великого писателя.

Природный парк «Птичья гавань» предлагает уникальные, первые в регионе, бесплатные экскурсии по эколого-туристской тропе «По следам пернатых». Экскурсанты могут провести наблюдение за птицами с помощью подзорной трубы, побывать на маяке, сделать селфи на фоне объекта «Крылья».

Мультимедийный исторический парк «Россия – моя история» приглашает на экскурсии по мультимедийным экспозициям, в которых освещены самые необычные и драматические исторические периоды России: «Рюриковичи», «Романовы», «От великих потрясений к Великой Победе», «Россия – моя история».

Студия танцев Jam, в рамках экскурсии «Омск – столица парных танцев», научит всех желающих основам современного парного танца хапль.

В рамках проекта «Промышленный туризм», Департамент городской экономической политики предлагает экскурсию с лекцией по зитологии (наука о культуре потребления напитка) и дегустацией на омский пивоваренный завод «САН ИнБев» (18+).

Омский планетарий предлагает экскурсии: «Путешествие по звездному небу», «Планеты Солнечной системы», «Метеоритная опасность». Экскурсантов ждет знакомство с наиболее яркими и интересными созвездиями, историей их возникновения, кроме того, в рамках экскурсии можно познакомиться с траекторией звезд на различных широтах, полюбоваться видом звездного неба на полюсе и экваторе и др.

Омская крепость приглашает в мастерскую «Омская игрушка» (16+) на мастер-классы по выпиливанию деревянных фигур на станке и ткачеству на большом горизонтальном станке и поясом на станке.

В настоящее время для развития культурно-досуговой деятельности в г. Омске действует целый ряд комплексных мероприятий: национальные проекты «Культура», «Волонтеры культуры», Всероссийская туристская премия «Маршрут года», образовательные модули программы «Фонд целевого капитала учреждения культуры», федеральный проект «Моя Россия» и др.

Рынок туристских услуг г. Омска достаточно обширен и представлен более 200 туристскими организациями. Подход к проектированию экскурсионного продукта достаточно гибок и отвечает на запросы потребителя – каждая третья экскурсия с элементами инновации. Вместе с тем мы рекомендуем обратить внимание на разработку таких инновационных видов экскурсии, как экскурсии с элементами экстремальных видов досуга, ведь, как показало исследование – перспектив-

ность данного направления в молодежной среде несомненна. На наш взгляд, экскурсии с элементами экстрима могут помочь научить молодежь рационально использовать свободное время, интенсивно строить и активно насыщать свой досуг.

Выводы

Экскурсия прошла долгий путь эволюции, от традиционных рассказов экскурсовода до 3D-экскурсий. В настоящее время в разработке инновационного экскурсионного продукта участвуют не только профессиональные экскурсоводы, историки и методисты, но и маркетологи, специалисты по рекламе, деятели культуры, науки и искусства.

На наш взгляд, ответом на социальный заказ современного молодого человека могут стать экскурсии с элементами инновации (интерактивная, мультимедийная, виртуальная, квест, экстрим), ведь это достаточно динамичный, эффективный, убедительный, с возможностью творчества и неформального общения способ представления информации.

Литература

1. Антонова Л. Ю. Игра как вектор формирования досуговой культуры учащейся молодежи // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2019. – № 47. – С. 220–231.
2. Герасимова И. А. Досуговые предпочтения современной молодежи: социально-культурный анализ // Вестн. Москов. гос. ун-та культуры и искусств. – 2014. – № 3 (59) – С. 128–131.
3. Дофельд О. А., Лесков А. С. Инновационная концепция туристско-экскурсионного образования // Вестн. С.-Петерб. гос. ин-та культуры. – 2019. – № 1. – С. 163–168.
4. Жизнь как ценность у молодежи, занимающейся экстремальными видами досуга [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.kv.by/information/2015/01/29/zhizn-kak-tsennost-u-molodezhi-zanimayushcheisya-ekstremalnymi-vidami-dosuga> (дата обращения: 30.11.2019).
5. Каплан М. Основные модели досуга. – М.: Б/и, 2008. – 198 с.
6. Кутыева Э. Р. Квест-экскурсия как форма современной экскурсионной деятельности // Менеджмент XXI века: антикризисные стратегии и управление рисками: сб. науч. ст. по мат-лам XV Междунар. науч.-практ. конф. / Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена, ин-т экономики и управления. – СПб.: Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена, ин-т экономики и управления, 2015. – С. 214–216.
7. Ногина М. А. Приключенческий и экстремальный туризм: содержание понятий и причины популярности в молодежной среде // Концепт. – 2015. – № 3 (март). – С. 126–130.
8. Об утверждении профессионального стандарта «Экскурсовод (гид)» с изменениями и дополнениями от 18 марта, 12 декабря 2016 г. [Электронный ресурс]: приказ М-ва труда и социальной защиты РФ от 4 августа 2014 года № 539н. – URL: <http://docs.cntd.ru/document/420215611>.
9. Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 43.03.02 «Туризм» (уровень бакалавриата) [Электронный ресурс]: приказ М-ва образования и науки РФ от 14 дек. 2015 г. № 1463. – URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71375254/>.
10. Чаевич А. В. Досуговые предпочтения российской молодежи в контексте глобализации // Современные концепции развития науки: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. (20 августа 2016 г., г. Казань): в 2 ч. – Уфа: Аэтерна, 2016. – Ч. 2. – С. 194–195.
11. Юдина А. И. Досуговые предпочтения современных подростков: предупреждение социальных рисков // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2017. – № 38. – С. 146–152.

References

1. Antonova L.Yu. Igra kak vektor formirovaniya dosugovoy kul'tury uchashcheysya molodezhi [The game as a vector of the formation of leisure culture of students]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i isskustv* [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts], 2019, no. 47, pp. 220-231. (In Russ.).
2. Gerasimova I.A. Dosugovye predpochteniya sovremennoy molodezhi: sotsial'no-kul'turnyy analiz [Leisure preferences of modern youth: socio-cultural analysis]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i isskustv* [Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts], 2014, no. 3 (59), pp. 128-131. (In Russ.).
3. Dofeld O.A., Leskov A.S. Innovatsionaya kontseptsiya turistsko-ekskursionnogo obrazovaniya [Innovative concept of tourism and excursion education]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury* [Bulletin of St. Petersburg Institute of Culture], 2019, no. 1, pp. 163-168. (In Russ.).
4. Zhizn' kak tsennost' u molodezhi, zanimayushcheysya ekstremal'nymi vidami dosuga [Life as a value among youth engaged in extreme leisure activities]. (In Russ.). Available at: <https://www.kv.by/information/2015/01/29/zhizn-kak-tsennost-u-molodezhi-zanimayushcheysya-ekstremalnymi-vidami-dosuga> (accessed 30.11.2019).
5. Kaplan M. *Osnovnye modeli dosuga* [Basic models of leisure]. Moscow, 2008. 198 p. (In Russ.).
6. Kutyeva E.R. Kvest-ekskursiya kak forma sovremennoy ekskursionnoy deyatel'nosti [Quest tour as a form of modern excursion activity]. *Menedzhment XXI veka: antikrizisnye strategii i upravlenie riskami: sbornik nauchnykh statey po materialam XV Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [21st Century Management: Anti-Crisis Strategies and Risk Management Collection of scientific articles based on the materials of the XV International Scientific and Practical Conference]. St. Petersburg, Herzen State Pedagogical University of Russia Publ., 2015, pp. 214-216. (In Russ.).
7. Nogina M.A. Prikluchenskiy i ekstremal'nyy turizm: sodержanie ponyatiy i prichiny populyarnosti v molodezhnoy srede [Adventure and extreme tourism: the content of concepts and reasons for popularity among youth]. *Nauchno-metodicheskiy elektronnyy zhurnal "Kontsept"* [Scientific and methodological electronic journal "Concept"], 2015, no. 3 (March), pp. 126-130. (In Russ.).
8. *Ob utverzhdenii professionalnogo standarta "Ekskurovod (gid)" s izmeneniyami i dopolnениyami ot 18 marta, 12 dekabrya 2016 goda: prikaz Ministerstva truda i sotsial'noy zashchity RF ot 4 avgusta 2014 goda № 539n*. [On the approval of the professional standard "Guide (guide)" with amendments and additions of March 18, December 12, 2016. Order of the Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation of August 4, 2014. no. 539n]. (In Russ.). Available at: <http://docs.cntd.ru/document/420215611>.
9. *Ob utverzhdenii federal'nogo gosudarstvennogo obrazovatel'nogo standarta visshego obrazovaniya po napravleniyu podgotovki 43.03.02 "Turizm" (uroven' bakalavriata): prikaz Ministerstva obrazovaniya i nauki ot 14 dekabrya 2015 goda № 1463*. [On the approval of the federal state educational standard of higher education in the area of preparation 43.03.02 "Tourism" (undergraduate level). Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation dated December 14, 2015. no. 1463]. (In Russ.). Available at: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71375254/>
10. Chaevich A.V. Dosugovye predpochteniya rossiyskoy molodezhi v kontekste globalizatsii [Leisure preferences of Russian youth in the context of globalization]. *Sovremennyye kontseptsii razvitiya nauki: sbornik statey mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Modern concepts of the development of science: Collection of articles of the international scientific-practical conference]. Ufa, Aeterna Publ., 2016, part 2, pp. 194-195. (In Russ.).
11. Yudina A.I. Dosugovye predpochteniya sovremennykh podrostkov: preduprezhdenie sotsyal'nykh riskov [Leisure preferences of modern adolescents: prevention of social risks]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i isskustv* [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts], 2017, no. 38, pp. 146-152. (In Russ.).

Алфавитный указатель авторов

Аракелян М. А.	87
Астахов О. Ю.	142
Безрукова Е. А.	142
Благоевич Н.	245
Гендина Н. И.	183
Голубева Е. А.	211
Дрозд А. Н.	142
Заруба Н. А.	151
Илич В.	245
Илич Д.	230
Киреева Н. Ю.	111
Кирнарская Д. К.	101, 106
Кирюшина Ю. В.	137
Колкова Н. И.	183
Косолапова Е. В.	197
Кравчук Т. А.	253
Лазарева М. В.	177
Ларина Т. Ю.	52
Лопаткина Т. С.	79
Лукьянова Н. А.	253
Мамонова К. В.	44
Мастеница Е. Н.	14
Мишакова О. Э.	37
Мхитарян Г. Ю.	237
Немчинова Л. С.	163
Перова Е. Ю.	22
Петров Н. Н.	126, 230
Плеханова В. А.	60
Покровская Н. В.	219
Попова А. В.	79
Привалова Г. Ф.	237
Рябцева Л. Н.	183
Сапанжа О. С.	29
Семиониди Е. И.	118
Сергеева А. А.	171
Смагина М. В.	211
Стародубова Г. А.	197
Стенюшкина Т. С.	73
Стоянович Д.	126, 230
Ткаченко А. В.	237
Ткаченко Л. А.	237
Трапезникова О. А.	245
Тюленева Н. И.	93
Усанова А. Л.	137
Феофанова О. А.	44
Цыремпилова И. С.	22
Черданцева А. А.	142
Чурекова Т. М.	163
Шаламова Е. В.	219

List of Authors in Alphabetical Order

Arakelyan M.A.	87
Astakhov O.Y.	142
Bezrukova E.A.	142
Blagojevic N.	245
Gendina N.I.	183
Golubeva E.A.	211
Drozd A.N.	142
Zaruba N.A.	151
Ilic V.	245
Ilic D.	230
Kireeva N.Y.	111
Kirnarskaya D.K.	101, 106
Kiryushina Y. V.	137
Kolkova N.I.	183
Kosolapova E.V.	197
Kravchuk T.A.	253
Lazareva M.V.	177
Larina T.Y.	52
Lopatkina T.S.	79
Lukyanova N.A.	253
Mamonova K.V.	44
Mastenitsa E.N.	14
Mishakova O.E.	37
Mkhitaryan G.Y.	237
Nemchinova L.S.	163
Perova E. Y.	22
Petrov N.N.	126, 230
Plekhanova V.A.	60
Pokrovskaya N.V.	219
Popova A.V.	79
Privalova G.F.	237
Ryabtseva L.N.	183
Sapanzha O.S.	29
Semionidi E.I.	118
Sergeeva A.A.	171
Smagina M.V.	211
Starodubova G.A.	197
Stenyushkina T.S.	73
Stojanovic D.	126, 230
Tkachenko A.V.	237
Tkachenko L.A.	237
Trapeznikova O.A.	245
Tyuleneva N.I.	93
Usanova A.L.	137
Feofanova O.A.	44
Tsyrempilova I.S.	22
Cherdantseva A.A.	142
Churekova T.M.	163
Shalamova E.V.	219

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ И УСЛОВИЯ ПРИЕМА СТАТЕЙ В ЖУРНАЛ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ И ПРИКЛАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ «ВЕСТНИК КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ»

(Выходит 4 раза в год)

Перед подачей статьи авторам рекомендуется ознакомиться на сайте журнала «Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств» (<http://vestnik.kemgik.ru>) с концепцией издания, содержанием вышедших номеров.

1. Статью следует отправлять в личном кабинете на сайте журнала.
2. Статья должна включать:
 - наименование рубрики журнала, где будет размещена статья (в соответствии с рубрикаторм журнала);
 - индекс УДК (Универсальной десятичной классификации), отражающий содержание статьи;
 - название статьи на русском и английском языках;
 - аннотацию статьи (**объемом 150–300 слов**) на русском языке;
 - ключевые слова (**не более 10 слов**) на русском и английском языках;
 - автореферат статьи на английском языке (**250–300 слов**) и исходный текст автореферата на русском языке.
3. Текст статьи должен быть тщательно вычитан и подписан автором, который несет ответственность за научно-теоретический уровень публикуемого материала; статьи аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук дополнительно подписываются научным руководителем.
4. Ссылки на цитируемую литературу приводятся в конце статьи в Литературе в алфавитном порядке на русском языке в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008 (Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления) и в References на латинице (транслитерация) и английском языке. Библиографические ссылки в тексте статьи указываются в квадратных скобках. Например, [1, с. 5]. Количество цитируемых источников – от 8 до 20.
5. Объем статьи – от 6 страниц формата А4.
6. Набор статьи должен быть осуществлен с использованием следующих правил:
 - шрифт – Times New Roman;
 - размер кегля – 12 пт;
 - межстрочный интервал – одинарный;
 - форматирование – по ширине;
 - все поля – по 20 мм.

Образец оформления статьи

Рубрика журнала

УДК

**НАЗВАНИЕ СТАТЬИ (ПО ЦЕНТРУ, БЕЗ ОТСТУПА, ШРИФТ ЖИРНЫЙ,
БУКВЫ ПРОПИСНЫЕ)**

Сведения об авторе (-ах) (на русском языке): должны включать фамилию, имя и отчество (полностью), ученую степень, ученое звание, должность, место работы (город, страну).
E-mail:

Аннотация на русском языке...

Ключевые слова на русском языке: ...

**НАЗВАНИЕ СТАТЬИ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ (ПО ЦЕНТРУ,
БЕЗ ОТСТУПА, ШРИФТ ЖИРНЫЙ, БУКВЫ ПРОПИСНЫЕ)**

Сведения об авторе (-ах) (на английском языке): должны полностью соответствовать русскоязычному варианту.

Аннотация на английском языке...

Ключевые слова на английском языке:...

Текст....

Литература (по центру, без отступа, шрифт жирный)

- 1.
- 2.
- ...

References (по центру, без отступа, шрифт жирный)

- 1.
- 2.
- ...

Сопроводительные документы к статье, направляемой для публикации в журнале «Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств», включают:

1. Справку об авторе(ах);
2. Письмо-согласие на публикацию статьи и размещение ее в Интернете.

Требования к сопроводительным документам

Наименование документа	Необходимые сведения
1. Справка об авторе(ах)	- Фамилия, имя, отчество автора (полностью на русском и английском языках), - ученая степень, - ученое звание, - должность, - место работы (учебы или соискательства), - контактные телефоны, - факс, - e-mail, - почтовый адрес с указанием почтового индекса
2. Письмо-согласие	- подписано автором, - заверено в организации (место работы или учебы)

Статью и сопроводительные документы следует отправлять в личном кабинете на сайте журнала теоретических и прикладных исследований «Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств» по адресу: <http://vestnik.kemgik.ru>.

Редакционная коллегия оставляет за собой право отклонять статьи, не отвечающие установленным требованиям или тематике журнала.

С более полной информацией о правилах публикации можно ознакомиться на официальном сайте журнала: <http://vestnik.kemgik.ru>.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов. Статьи публикуются в авторской редакции.

Отклоненные статьи авторам не возвращаются.

Цена 550 рублей

Дата выхода номера в свет 25.03.2020

Подписано в печать 26.02.2020

Формат 60x84¹/₈.

Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс».

Заказ № 24.

Уч.-изд. л. 26,4. Усл. печ. л. 30,7.

Тираж 500 экз.

Отпечатано в издательстве Кемеровского
государственного института культуры:
Кемеровская область, 650056, г. Кемерово,
ул. Ворошилова, 17. Тел.: (3842)73-45-83.
E-mail: izdat@kemguki.ru

Price 550 roubles

Issue released on March 25, 2020

Signed for print on February 26, 2020

Format 60x84¹/₈.

Offset paper. Font «Times».

Order № 24.

Author's sheets 26,4. Printer's sheets 30,7.

Number of copies 500.

Printed at the Publisher of Kemerovo State
University of Culture:
Kemerovo region, 650056, Kemerovo,
17 Voroshilov Street. Phone: (3842)73-45-83.
E-mail: izdat@kemguki.ru